DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2016. Том 4, № 4

GOLDEN HORDE REVIEW
2016. Vol. 4, no. 4

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории имени
Шигабутдина Марджани
Академии наук
Республики Татарстан»

Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А.Усманова

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Журнал основан в апреле 2013 г.

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:

Российском индексе научного
цитирования (РИНЦ)
Международной базе данных Ульрих
Научной электронной библиотеке
открытого доступа КиберЛенинка

Academic Journal

FOUNDER:

State Budgetary Institution «Shigabutdin
Marjani Institute of History of
Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan» (AS RT)

Usmanov Center for Research
on the Golden Horde and Tatar Khanates

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Journal was founded in April 2013

Published 4 times a year

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

THE JOURNAL IS INDEXED BY:

Russian Science Citation Index Database
International databases of
the Ulrich's Periodicals Directory
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka

<http://goldhorde.ru>

E-mail: zolutayaorda.centru@mail.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2016

© Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, 2016

© «Золотоордынское обозрение», 2016

Главный редактор:

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., профессор, член Института нумизматики Центральной Азии Кембриджского университета (Кембридж, Великобритания)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исхаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почкаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Редактор английских текстов:

Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета Университета Оулу (Оулу, Финляндия)

Технический редактор:

Л.С. Гиниятуллина, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный за выпуск:

А.В. Аксанов, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Editor in chief:

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde History and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Executive editors:

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Council:

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Professor, Member of the Central Asian Numismatic Institute, Cambridge University (Cambridge, UK)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

English texts editor:

Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of AS RT; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland)

Technical editor:

L.S. Giniyatullina, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Responsible for issue:

A.V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of AS RT (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Шумкин А.В. Языки татар и кыпчаков в рамках одной лингвогеографической реконструкции	698
Pochekaev R.Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13 th –14 th centuries: Legal Code or Ideal "Law and Order"?	724
Спинеи В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии	734
Зайнулдинов Д.Р. Биографический сборник ас-Сафади Салах ад-дина как источник по истории Золотой Орды	767
Чжу-Чэн Чжао. Сведения из Юаньши о военном сотрудничестве между Золотой Ордой и Юаньской династией	779
Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel	784
Аксанов А.В. Русские летописи и дипломатические документы о московско-крымско-казанских отношениях в конце XV – первой половине XVI века	790
Абдужемилев Р.Р. Развитие языка государственной переписки Крымского ханства	803
Рустемов О.Д. Судебные реестры бахчисарайского кадылыка XVII–XIX вв.: язык и структура документов «Кысмет-и меварис» («Доля наследников»)	814
Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века	832

Наследие

Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 9. «О вознесении (ми'радж) Посланника (мир ему!)»	861
Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (2)	868
Жданович О. Посольства аваров к Византии у Менандра Протектора (комментированный перевод фрагментов источника)	881
Миргалеев И.М., Гибадуллин И.Р. Письмо хану Ахмаду	894

Рецензии и отзывы

Почекаев Р.Ю. Как воины пресвитера Иоанна превратились в демонов из тартара. Рецензия на книгу: Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах (Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.)	899
Сайфетдинова Э.Г. О книге «История татар Западного Приуралья»	907
Нефедов Д.В. Новая книга по праву Золотой Орды: Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки) (М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.)	911
Аксанов А.В. Новая книга: Миннегулов Х.Ю. Казанско-татарская тюркологическая школа (Казань, 2016. 68 с.)	915
Фаверо-Думенжу М. Новая коллективная монография: Золотая Орда в мировой истории (Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.)	918

Хроника

Гибатдинов М.М. Международный круглый стол «Татарские материалы в польских архивах» (Варшава, 31 марта – 1 апреля 2016 г.)	924
---	-----

CONTENTS

Publications

Shumkin A.V. The Tatar and Kipchak Languages in the Frameworks of One Languageographic Reconstruction	698
Pochekaev R.Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13 th –14 th centuries: Legal Code or Ideal "Law and Order"?	724
Spinei V. Domination of the Golden Horde in Wallachia and Moldavia	734
Zaynuddinov D.R. Biographical Compilation by as-Safadi Salah al-Din as a Source of the Golden Horde History	767
Zhu-Cheng Zhao. Information from Yüan Shih on the Military Cooperation between the Golden Horde and the Yüan Dynasty	779
Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel	784
Aksanov A.V. Russian Chronicles and Diplomatic Documents on the Moscow-Crimean-Kazan Relations at the end of the 15 th – the first half of the 16 th century	790
Abduzhemilev R.R. Development of the State Correspondence Language of the Crimean Khanate	803
Rustemov O.D. Court Registries of Bakhchisaray Kadylyk of the 17 th –19 th centuries: Language and Structure of the Documents of "Qismet-i mevaris" ("Share of the Heirs")	814
Khrapunov N.I. Staryi Krym and Its Monuments through the Eyes of the Travelers of the late 18 th – early 19 th centuries	832

Legacy

Abu Bakr Qalandar. Qalandar-name. Chapter 9. "The Ascension (Mi'raj) of the Messenger [of Allah] (Peace Be upon Him!)"	861
Rashid al-din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and the Turks (2)	868
Zhdanovich O. Avar Embassies to Byzantium according to Menander Protector (annotated translation of the source's fragments)	881
Mirgaleev I.M., Gibadullin I.R. A Letter to Ahmad Khan	894

Reviews

Pochekaev R.Yu. How the Warriors of Prester John Transformed into Demons from Tartarus. Review of the book: Hautala R. From "David, King of the Indies" to "Detestable Plebs of Satan": An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols. (Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2015. 496 p.)	899
Sayfetdinova E.G. About the Book "History of the Tatars of the Western Cisuralic Region"	907
Nefedov D.V. New Book on the Law System of the Golden Horde: Pochekaev R. Yu. Legal Culture of the Golden Horde (Historical and Legal Essays) (Moscow: Yurlitinform, 2015. 312 p.)	911
Aksanov A.V. New Book: Minnegulov Kh. Yu. Kazan-Tatar Turkological School (Kazan, 2016. 68 p.)	915
Favereau-Doumenjou M. New Collective Monograph: The Golden Horde in World History (Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2016. 968 p. + 28 p. of col. ins.)	918

Chronicle

Gibatdinov M.M. International Round Table "Tatar Materials in Polish Archives" (Warsaw, 31 st March – 1 st April, 2016)	924
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 811.512.19'374:82-6'04

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.698-723

ЯЗЫКИ ТАТАР И КЫПЧАКОВ В РАМКАХ
ОДНОЙ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*А.В. Шумкин**Федеральное агентство научных организаций
119334, Москва, Российская Федерация
E-mail: arsen1293@rambler.ru*

Цель: рассмотреть проблемы происхождения и развития нескольких тюркских языков, распространённых на Северном Кавказе.

Материалы исследования: эпоха владычества в степях Азии и Восточной Европы Тюркского каганата положила начало формированию древнетюркской литературной традиции, которая первоначально велась на оригинальной орхоно-енисейской письменности, а впоследствии в княжестве Кочо и государстве Караханидов была переведена на заимствованный у согдийцев алфавит. Караханид Махмуд ал-Кашгари в своём составленном на арабском языке сочинении впервые описал тюркские разговорные наречия, отличавшиеся от древней письменной нормы. Среди них основное его внимание привлекли языки кочевых конфедераций огузов и кыпчаков, которые друг за другом занимали степи Восточной Европы и Средней Азии. При помощи привлечения сведений ал-Кашгари в статье продемонстрировано, что на территории, занятой кыпчакской конфедерацией, не только сохранялись огузские наречия, использовавшиеся присоединёнными к кыпчакам огузскими племенами канглы и карабёркли, но и распространилась принесённая самими кыпчаками на запад кыргызская ветвь тюркских языков. Возникновение и завоевания Великой Монгольской империи навсегда изменили как языковые границы, так и литературные каноны Средней Азии, Сибири и Восточной Европы. При Монгольской империи на этой территории установилась практика двуязычия. Литературные каноны отныне и вплоть до первой трети XX века основывались на тюркской речи Чагатайского улуса Монгольской империи. Что же касается разговорной речи, то исследуя рукопись Антонио де Финале, составленную в начале XIV века на территории Улуса Джучи, и ряд документов XVI–XVIII веков, написанных на языке литовских татар, автор раскрывает историю становления в Дешт-и Кыпчаке татарской ветви тюркских языков.

Результаты и научная новизна: на основе этих сведений в статье удаётся сделать вывод, что как чагатайский, так и золотоордынский языки были принесены на запад в ходе монгольских завоеваний. Сквозь призму этих событий в статье рассматриваются проблемы происхождения и развития нескольких тюркских языков, распространённых на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, тюркские языки, историческая лингвистика, татарский язык, кыпчакский язык, огузский язык.

Для цитирования: Шумкин А.В. Языки татар и кыпчаков в рамках одной лингвогеографической реконструкции // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. 2016. С. 698–723. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.698-723

Со времён античности Северный Кавказ известен как один из самых полиэтничных регионов Восточной Европы. В средние века пёструю этнографическую карту этого горного ареала дополнили тюркоязычные кочевники, осевшие среди местных кавказских и ираноязычных народов. На данный момент хорошо изучены пути миграции в этот регион ногайцев, покинувших во второй половине XVI – первой трети XVII в. Заволжье [76, с. 273–276, 299–301]. Что касается туркмен, то первая их группа переселилась сюда ещё в конце XVI в. из Ширвана [7, с. 109], а вторая около 1770 г. из закаспийских степей [17, с. 165]. Но к XVI столетию на Восточном и Центральном Кавказе уже проживало более раннее тюрко-язычное население, сосредоточившееся в двух группах сельских обществ. Восточно-кавказскую группу составляли шамхальство Тарковское и связанные с ним вассалитетом селения Брагуны, Эндирей, Костек, Аксай, Дженгутай. Центрально-кавказскую группу – Карачай, Малкар, Чегем, Холам, Безенги, Урусбий. Поскольку история этих сельских объединений отразилась в письменных источниках весьма эпизодично, среди исследователей проблемы их возникновения и этногенеза жителей до сих пор вызывают много вопросов.

Недостаток документальных данных заставляет искать альтернативные способы пролить свет на историю тюркских обществ Северного Кавказа. Самый надёжный путь к разрешению проблемы их генезиса в первой трети XIX в. открыло появление методов сравнительно-исторического языкознания. Ещё в 1823 г. С.М. Броневский предпринял первую попытку определить язык-основу, от которого отделились соответствующие языки Центрального Кавказа, и реконструировать промежуточный этап развития тюркской языковой семьи, завершившийся их образованием [13, с. 197]. Однако, уровень знаний, накопленных к тому времени ориенталистами в области тюркского языкознания, не позволял сделать достаточно надёжных выводов. В частности Броневский считал, что эти общества выделились из состава Ногайской Орды. Основной проблемой, с которой он столкнулся при попытке реконструкции прошлого тюрков Северного Кавказа, было отсутствие как общей классификации, так и средневековых памятников их языков. Ведь в Азии и Восточной Европе со времён монгольских завоеваний утвердились общие литературные нормы, основанные на письменных традициях тюркского языка чагатайского улуса монгольской империи [9, с. 606–607]. Таким образом, первоначально в распоряжении ориенталистов находились только полевые материалы по разговорным тюркским языкам, близким северокавказским, собранные членами различных научных экспедиций, предпринимавшихся начиная с XVIII века.

Выход из сложившейся ситуации нашёл в 1824 году Г.Ю. Клапрот, заказав в Библиотеке венецианского собора св. Марка копию подаренной ей в 1362 г. Ф. Петраркой рукописи Антонио де Финале [87, с. 116–117]. Вторая часть этого кодекса представляла собой самый ранний известный памятник тюркского языка, носящего те же основные генетические характеристики, что и северокавказские. Осуществлённая Клапротом спустя четыре года публикация первой части рукописи А. де Финале, выполненной на латинской графической основе, положила начало обширной исследовательской литературе [88, с. 122–254]. Ещё в XVII в. известный итальянский библиограф Я.Ф. Томмазини присвоил кодексу обозначение «*Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum*». Все

последующие издания априори приняли объяснение этого названия, предложенное Клапротом, сопоставившим первую часть рукописи со сведениями Г. де Рубрук. Клапрот сформулировал его следующим образом: земля куманов-кыпчаков в Северном Причерноморье была перевалочным пунктом для европейцев, направлявшихся в Татарию, что и сделало куманский языком-посредником в общении между Европой и Азией [88, с. 119–120].

Впоследствии А.С. Фиркович собрал коллекцию еврейских рукописей, среди которых был обнаружен ряд выполненных арамейской и квадратной письменностью тюркоязычных памятников XVI–XVIII вв. с теми же характерными особенностями. Наконец внимание исследователей привлекла третья группа генетически родственных документов XVI–XVII вв., принадлежавших армянским общинам Каменца-Подольского и Львова.

Первую попытку научно систематизировать языки тюрков Кавказа предпринял ещё И.А. Гильденштедт, который отличал наречие, распространённое среди жителей сельских обществ Восточного Кавказа, известных под политонимом кумуков, от терекменского и ногайского [19, с. 253]. Хотя материалами по языку горских обществ центральной части Кавказа он и не располагал, но предполагал сходство между ним и наречием близживущих ногайцев [19, с. 224]. Лишь в середине следующего века на специфическую близость языка горцев и кумуков обратил внимание персидский историк А. Бакиханов, который считал, что «жители Балкара и окрестных с ним Чегема, Баксана, Бизенги и других говорят на языке тюрки кумукского наречия, что доказывает сходство этих народов» [7, с. 14–15]. Среди учёных взгляд Бакиханова на эти языки как на две чрезвычайно близкие группы говоров вскоре получил признание [44, с. 4; 48, с. 838, 843; 43, с. 41–42; 34, с. 41; 2, с. 23]. Однако благодаря научному авторитету Гильденштедта обе точки зрения продолжали некоторое время сосуществовать в этнографической литературе, а порой даже причудливым образом переплетались [17, с. 169; 35, с. 162–163; 12, с. 290; 13, с. 197; 51, с. 8; 26, с. 20; 72, с. 33, 93; 6, с. 404–405; 5, с. 149].

Впрочем, в первой половине XIX в. учёные, пытавшиеся составить классификацию языков тюркских народов, руководствовались в большей мере географическим, чем сравнительно-историческим принципом [85, с. 1–25]. И только во второй половине того же столетия, после того, как И.Н. Березин разработал классификацию, базировавшуюся на чертах материального сходства тюркских языков, работа по их систематизации перешла на качественно более высокий уровень [85, с. 26–84]. Рассмотрев все доступные ему материалы западно-тюркских языков, Березин разделил их на три ветви. Ряд языков, генетически близких к северокавказским, он объединил в «татарскую» ветвь, одной из самых характерных особенностей которой было соответствие в ауслауте фонемы /w/ звуку /g/ остальных тюркских языков [85, с. 27, 45–64]. Язык первой части рукописи А. де Финале, опубликованной Клапротом, Березин уверенно отнёс к другой, чагатайской ветви тюркских языков [85, с. 26, 39–43].

Собственные поправки в созданную Березиным классификацию внёс В.В. Радлов, попытавшийся включить в неё также восточно-тюркские языки [90, с. 280–291]. Тем временем рукопись А. де Финале была полностью опубликована в 1880 г. Г. Кууном под заглавием *Codex Cumanicus* [89, с. 1–233]. Ориентируясь в основном на специфические особенности её второй части,

Радлов отнёс «куманский» язык к татарской ветви классификации Березина, которую предложил называть «кыпчакской» [91, с. 6]. Ему представлялось, что среди татар растворились остатки уйгур и куманов, которые оказали определённое влияние на становление их «кыпчакского» языка [59, с. XIII–XIV]. Не согласился с ним Ф.Е. Корш, который также как и Березин объединил язык *Codex Cumanicus* с чагатайским. Однако он считал их восточно-тюркскими языками, вместо того чтобы отнести к одной ветви с их живыми среднеазиатскими родственниками [66, с. 80–81].

Только в первой четверти XX в. А.Н. Самойлович, выделив основные регулярные звуковые соответствия, выработал общую классификацию тюркской языковой семьи и посчитал возможным вычленить из состава её «татарской» ветви три отдельные группы [66, с. 53–54, 77–91]. Полное генетическое сходство объединяло наречия карачаевцев, малкарцев, и кумуков, по его мнению, лишь с языком татар и караимов. Область распространения этих близкородственных языков была очерчена границами Восточной Европы. Остальные две группы «татарских» языков охватили ареал обитания алтайцев, телеутов и кыргызов в Алтайско-Тяньшаньском регионе, а также казахов и ногайцев, в основном проживавших в Средней Азии [66, с. 83].

К той же «татарской» ветви А.Н. Самойлович отнёс вторую часть кодекса А. де Финале. Вдумчивые исследования первой части рукописи, принятые им, показали её принадлежность к кругу письменных памятников Золотой Орды, главный литературный центр которой находился в Хорезме. Характерной чертой, отличавшей золотоордынский тюрки от классического чагатайского языка была устойчивая тенденция к выпадению гуттуральных согласных на конце слова. Впрочем, сам Самойлович был склонен считать его смешанным языком, сочетавшим огузские и кыпчакские черты, и поэтому выделил в особую ветвь [66, с. 54, 60, 85, 91, 911–912, 937–940].

Даже смелее, чем В.В. Радлов, А.Н. Самойлович высказался в пользу происхождения народов-носителей языков «татарской» ветви от домонгольских кыпчаков. В рамках этой гипотезы он связывал с куманами генезис карачаевцев, малкарцев, кумуков и крымских татар (по его мнению, предки перечисленных народов осели примерно на нынешних местах обитания ещё до XIII века). В отличие от этих этнических групп, кочевники ещё в полной мере сохраняли своё племенное деление, учитывая номенклатурный состав которого, он соотнёс образование среднеазиатской группы с итогами монгольских завоеваний [66, с. 83, 114]. В последующем Самойлович вернулся к более консервативным взглядам, обозначенным ещё И.Н. Березиным, и очень осторожно указал на то, что география распространения этих языков «почти целиком совпадает с пределами улуса Джучи, иначе именовавшегося Дешт-и Кыпчак». А к современному распределению турецких племён на этнографической карте привело произошедшее в XIII веке образование монгольской империи, внесшее серьёзные коррективы в классификацию тюркских языков [66, с. 90–91, 901].

Однако ближайший из преемников А.Н. Самойловича, Н.А. Баскаков отнёсся несколько поверхностно к содержанию проблемы генезиса «кыпчакских языков», благодаря чему предложенная им интерпретация идей, высказанных в разное время предшественниками этого исследователя, приобрела характер механической компиляции. Баскаков объединил обе предложенные

точки зрения и пришёл к выводу, что «основное ядро населения Золотой Орды» якобы составляли именно кыпчакские племена, а окончательное обособление их языка в отдельную ветвь было связано с выделением улуса Джучи из монгольской империи в XIII–XV вв. [10, с. 143, 145, 155, 164]. Впрочем, тезис об оформлении среднеазиатской группы «татарской» ветви тюркских языков в результате монгольских завоеваний он также принял [10, с. 16–17, 19, 142–143, 164]. В те годы в отечественной историографии широко распространены представления о ведущей роли кыпчаков в истории Золотой Орды, к несостоятельности которых внимание учёных только недавно привлёк В.П. Костюков [10, с. 142, 145; 38, с. 234].

В классификацию Самойловича Н.А. Баскаков счёл возможным внести некоторые поправки. В частности, алтайско-тяньшаньскую группу он вообще исключил из состава «татарских» языков, что мотивировалось в основном его желанием указать на связь между тяньшаньскими кыргызами и енисейскими (современными хакасами и шорцами), хотя бы и вопреки генетическим характеристикам [10, с. 207–219]. Однако другое внесённое им уточнение носило принципиальный характер. Из восточноевропейского ареала он выделил языки татар и башкир в особую волго-уральскую группу [10, с. 142–164]. Языки же карачаевцев и малкарцев, кумуков, крымских татар, караимов, рукописи А. де Финале, тюркских документов подольских армян, и даже арабиграфических тюркских памятников Египта он объединил в крымско-кавказскую группу, связывавшуюся им с домонгольскими куманами [10, с. 145–155].

При этом Баскаков обратил внимание на недостаточную обоснованность той части классификации Самойловича, которая касалась хорезмского языка тюрки, и отнёс его к чагатайской ветви [10, с. 170–178]. Но его несколько поверхностный подход выразился в том, что применительно к первой части кодекса А. де Финале Баскаков неожиданно буквально интерпретировал предложенный Самойловичем термин «огузо-кыпчакский язык», и склонен был объяснять её отличие от последующего текста кодекса языковым влиянием конфедерации огузских племён карабёркли, вошедшей в кыпчакский союз [10, с. 146].

В последней четверти XX в. отечественные тюркологи приступили к написанию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, обобщив в ней основные достижения в области их классификации. Ранее Н.А. Баскаков объявил одной из актуальных задач языкознания установление связи между событиями политической истории и процессом образования отдельных тюркских языков [10, с. 14–20]. Поскольку, однако, его собственные реконструкции нельзя было назвать вполне удачными, в одном из ранних томов грамматики Н.З. Гаджиева высказала сомнение в самой правомерности подобных сопоставлений [71, с. 3]. Но впоследствии авторский коллектив возвратился к попыткам внедрить лингвогеографический подход и связать языковую карту с основными этапами политической истории тюрков [69, с. 3].

К.М. Мусаев по каким-то личным соображениям считал, что «татарская» ветвь оформилась уже в первом тысячелетии до н.э., хотя даже древнетюркские рунические надписи не сохранили следов существования генетически схожих диалектов. «По крайней мере, на рубеже христианской эры», по его мнению, от её праязыка в результате лингвистических контактов с болгарами и кыргызами отделились волго-уральская и алтайско-тяньшань-

ская группы. Уже традиционной была его попытка связать историю крымско-кавказской группы с куманами, но от утвердившегося мнения об образовании среднеазиатских языков в результате монгольских завоеваний он отказался, и попытался отнести их возникновение ко времени становления племени йимаков, с его точки зрения разделившегося с кыпчаками во II–VII вв. [69, с. 216–217].

А.А. Чеченов придерживался вполне реалистичных датировок, но всё-таки рискнул предположить, что генезис среднеазиатской группы связан не с итогами монгольских завоеваний, а с племенем канглов, входившим в кыпчакский союз. «После распада Золотой Орды» от канглытского, как он считал, под болгарским влиянием отделились волго-уральские языки. Связь крымско-кавказской группы с куманами он не отрицал и даже считал генетически чуждые ей словоформы первой части кодекса А. де Финале кыпчакскими архаизмами. Зато алтайско-тяньшаньскую группу, под влиянием Н.А. Баскакова, исключил из числа «татарских» языков [69, с. 218–220].

О.М. Мудрак также сблизил алтайско-тяньшаньскую группу с кыргызскими, а не с «татарскими» языками, зато от остальных поправок Баскакова отказался и попытался внести уточнения в классификацию, используя методику глоттохронологии. Произведя сложные морфемостатистические подсчёты, из состава восточноевропейских языков классификации Самойловича он выделил кавказскую группу, объединяющую языки карачаевцев, малкарцев и кумуков. Особняком он поставил языки татар и караймов, так как посчитал, что башкирская морфология обнаруживает больше сходства со среднеазиатской группой (среднеазиатский субстрат объясняется включением в состав башкирского союза некоторых племенных общин ногайского происхождения) [69, с. 727, 732, 736].

Возникновение праязыка «татарской» ветви Мудрак, по личным соображениям, отнёс к эпохе владычества в Китае шестнадцати государств пяти северных племён [69, с. 737]. Так же как и Чеченов, он связал генезис среднеазиатской и восточноевропейской групп с размежеванием канглов и куманов. Это гипотетическое событие он отнёс ко времени вторжения Караханидов в Восточный Туркестан в 992 году. Кавказские языки отделились от татарского в его представлении после падения Хазарского каганата в середине XI в., а появление отдельных языков, таких как карачаевский, малкарский и кумукский, ногайский и казахский, казанский и мишарский диалекты татар, он попытался объяснить итогами золотоордынских поражений в войне с чагатайцами [69, с. 729, 736].

А.В. Дыбо была единственной из авторов грамматики, попытавшейся полностью отказаться от классификации А.Н. Самойловича. Вместо фонетических признаков она руководствовалась лексикостатистическими подсчётами, которые не обнаружили принципиальных различий между языками «татарской» и чагатайской ветвей. Такой результат был вполне предсказуем, учитывая то, что чагатайский ещё в первой трети XX в. использовался в качестве общетюркского литературного языка, и оказал устойчивое влияние на устные говоры «татарской» ветви. Однако она объединила их в одну общую ветвь, из которой так же как и Мудрак, выделила кавказскую группу, образовавшуюся, как она считала, в результате одной из «волн проникновения кыпчаков в Восточную Европу» около 780 г. [70, с. 766, 771, 815]. Разделение

карачаевского, малкарского и кумукского языков она склонна была объяснять итогами монгольских завоеваний [70, с. 816].

Подводя итог изучению языков северокавказских тюрков виднейшими компаративистами, можно сделать предварительный вывод, что в более-менее окончательном виде классификация включающей их «татарской» ветви была разработана А.Н. Самойловичем. Несмотря на дальнейшие попытки создания оригинальных генетических схем в различных работах по сравнительно-историческому языкознанию, классификация Самойловича сохранила свою актуальность до наших дней, претерпев лишь незначительные изменения. Придерживающиеся её специалисты, при опоре на фонетические признаки, объединяют языки карачаевцев, малкарцев, кумуков и крымских татар, связывая, как правило, их происхождение с куманами.

Поскольку в противоположность европейской среднеазиатская группа частично охватила территории, находящиеся за пределами обитания исторических куманов, с самого начала было очевидно, что её генезис обусловлен результатами монгольских завоеваний. Поздние исследователи, однако, попытались приписать ей йимакское или канглыское происхождение. Волго-уральская группа сформировалась под очевидным языковым влиянием средневековых болгар. Ещё более ощутимым оказалось субстратное воздействие енисейских кыргызов на алтайско-тяньшаньские языки, в связи с чем некоторые авторы настойчиво пытались объединить их с кыргызскими.

Значительно менее успешными оказались попытки ряда исследователей опереться при построении классификации на гипотетические методы глоттохронологии. Такие схемы до сих пор содержат слишком много фактических противоречий, и в них сделан акцент только на чрезвычайной лексической и морфологической близости карачаевского, малкарского и кумукского языков, которая не была секретом уже для этнографов середины XIX в.

Проблема интерпретации старых памятников татарского языка.

Соотнесение лингвистами генезиса «татарской» ветви с домонгольскими кыпчаками базируется, прежде всего, на исследованиях рукописи Антонио де Финале, составленной 11 июля 1303 [86, л. 1]. Между тем время написания этого кодекса примерно на два поколения отстоит от завоевания кыпчаков монголами в ходе западной кампании Бату. Кроме того, хотя в латинском тексте первой части рукописи, которая составлена в виде трёхязычного словаря, зафиксированный ею тюркский язык действительно назван «команским», во второй её части, содержащей различные тексты в основном религиозного содержания, ему присвоено наименование татарского [86, л. 1, 35 об., 61 об., 81 об.]. Чем можно объяснить такое противоречие?

Исходя из даты можно было бы скорее предположить, что рукопись А. де Финале была составлена для нужд священнослужителей Аквилонского викариата католической церкви, учрежденного на территории Улуса Джучи в XIII в. [29, с. 196]. Появление её конечной редакции в 1303 году, приходившемся на середину правления Токта-хана, можно объяснить большими надеждами, возлагавшимися на рукопись в деле пропаганды христианской религии, связанными с тем, что религиозная политика Токты, последнего немусульманского правителя Золотой Орды, отличалась широкой веротерпимостью. Уже при его преемнике Узбеке, принявшем курс на исла-

мизацию Улуса Джучи, перспективы пропаганды христианства в нём значительно сократились [30, с. 88]. Поэтому новой тюркоязычной христианской литературы в Золотой Орде больше не появлялось, хотя сама католическая община Улуса Джучи продолжала существовать вплоть до времени его распада. Об использовании её членами в начале XV в. религиозных текстов, скорее всего, тождественных содержанию второй части рукописи, привёл отрывочные сведения И. Шильтбергер. Дав краткое описание Джулатской епархии, он отметил, что её кармелитские священники «молятся и поют по-татарски» [57, с. 31–33].

Как уже упоминалось ранее, представителем «татарской» ветви является только язык второй части кодекса. Словарь в первой части не обнаруживает характерных «татарских» признаков. Между первыми двумя алфавитными разделами этой части кодекса уйгурским алфавитом вписано слово /bitik/ «письмо» [86, л. 30]. В латинской транскрипции оно встречается как в алфавитном, так и в двух тематических разделах кодекса [86, л. 25 об., 40 об., 45]. Слово в своём оригинальном написании, видимо, было пометкой, долженствовавшей напомнить составителю рукописи вписать глоссы к группе латинских слов раздела *scriba*, так и оставшейся без персидских и команских эквивалентов [86, л. 44]. Это может объясняться только тем, что оригинал памятника был выполнен на чагатайском языке.

В поисках подтверждений такого предположения автор обратил внимание на соответствие календарных циклов, сложившееся на момент составления словаря. В то время как таблица соотношения месяцев юлианского солнечного года и лунного года хиджры была составлена около 1292 года, зафиксированное совпадение месяцев года хиджры и солнечного календаря тюрков наблюдалось в 1286–1287 гг.¹ [86, л. 36 об.]. В эти годы с первым и предпоследним месяцами татарского солнечного календаря совпали два месяца мусульманского лунного календаря, названиями которых составитель заменил их (см. таблицу I). Впоследствии европейские переводчики, транскрибировавшие названия месяцев в латинской графике, обратили внимание только на соответствие юлианского календаря текущим месяцам хиджры, не учтя того, что тюркский солнечный календарь начинался днём весеннего равноденствия. Всё это свидетельствует в пользу того, что в основу латинско-персидско-команского глоссария лёг составленный несколькими годами ранее персидско-чагатайский словарь.

Таблица I

Месяцы арабского лунного календаря	Месяцы татарского солнечного календаря
Сафар	Safar ay (21.03–20.04)
Раби' аль-авваль	Sounz ay (21.04–21.05)
Раби' аль-ахыр	Ylias ay (22.05–21.06)
Джумада аль-авваль	Tob ay (22.06–22.07)
Джумада аль-ахыр	Songusax ay (23.07–23.08)
Раджаб	Cux ay (24.08–22.09)

¹ Тюркские народы использовали солнечный календарь, разработанный при сельджукском султани Мелик-шахе, в котором начало нового года приходилось на Науруз. Названия некоторых из перечисленных в кодексе месяцев сохранились в календаре крымских татар, караимов и карачаевцев [66, с. 255; 41, с. 8].

Ша'бан	Orta Cux ay (23.09–23.10)
Рамадан	Sonchux ay (24.10–22.11)
Шавваль	Ches ay (23.11–21.12)
Зу-ль-ка'да	Orta Ches ay (22.12–21.01)
Зу-ль-хиджжа	Curba(n) bara(m) ay (21.01–19.02)
Мухаррам	Asuc ay (20.02–20.03)

Косвенное подтверждение этого вывода можно найти и в преамбуле рукописи. В то время как в тексте слева направо по порядку расположены столбцы на латыни, фарси и чагатайском языке, составитель указал лишь на то, что в рукописи персидский и команский содержатся по алфавиту [86, л. 1]. Тем самым он подразумевал, что лишь привёл оригинальный восточный материал в соответствие с алфавитным порядком латинского перевода. Эта формулировка видимо немного озадачила Я.Ф. Томмазини, который, присваивая библиографическое обозначение кодексу, латинский язык вопреки действительному порядку указал после персидского и команского. Контраст форм чагатайской лексики с записями живой татарской речи, содержащимися во второй части, добавленной к рукописи позднее, представлен в таблице II.

Таблица II

Характерные соответствия	Персидско-чагатайский словарь	Записки миссионеров	Значение
1. /k,g~w/ в ауслауте.	bitic	bitiv	письмо
	sag	sav	здоровый
	tag	tav	гора
	yag	jav	жир
2. /g~w/ в интер-вокальной позиции	agerla	avurla	славить
	agx	avz	рот
	ogul	oul	сын
3. Редукция гуттуральных в ауслауте	tixgi	tiz	колени

По вполне понятным причинам актуальна будет попытка пересмотреть интерпретацию упомянутого в рукописи этнонима коман, который привлек к себе внимание Клапрота. В XI–XIII веках он действительно употреблялся как европейское название племён кыпчакского союза [4, с. 208, 213–215, 233–240, 266–274, 384, 394, 396–397; 61, с. 47–48, 74–75, 77–79; 27, с. 117–120, 125–126, 131–133, 135, 145–146, 149, 282–283; 58, с. 37, 45–46, 50–52, 59–60, 63, 72, 74, 83–84, 91, 101, 103, 106–107, 109, 115, 119–120, 128, 156, 370; 62, с. 215; 37, с. 114–115, 117–119, 127–128; 55, с. 446, 504]. Но в литературе XIV–XV вв. название Кумания стало в основном использоваться в качестве альтернативного синонима географических терминов Татария и Солдания [25, с. 6–7, 124, 150; 31, с. 13]. А к рубежу XVI–XVII вв. слово куман уже полностью сменило своё первоначальное этнографическое содержание, и свободно употреблялось в значении «татарин» [64, с. 113–114]. В результате интеграции кыпчаков в состав Улуса Джучи тенденция к исчезновению грани между этими этнонимами в европейской литературе, видимо, наметилась уже при жизни Плано Карпини, который упомянул о «команах из числа татар»

[58, с. 83]. Впрочем, такие авторы, как Дж. дель Плано Карпини, Г. де Рубрук, П. де Витториа и Ф. Пеголотти придавали понятию «язык куманов» нарицательное значение, подразумевая под ним любой тюркский язык, который они различали с родным языком монголов. Они также считали куманский языком среднеазиатских мусульман, и указали, что он использовался для письма уйгурским алфавитом, да и сами корни языка куманов и турков эти авторы связывали с уйгурами [58, с. 37, 50, 74, 128, 156; 92, с. 232, 291].

Помимо прочего в пересмотре также нуждается традиционное истолкование загадки о птичьем молоке, упоминающей Кыпчак, содержащейся во второй части кодекса А. де Финале, которую некоторые исследователи сочли доводом в пользу «куманской» принадлежности его языка [38, с. 209–210]. Загадка гласит *se(n)da, me(n)da joh, se(n)gir tavda joh, Utlu tasda joh, Kipcakda joh*, что в переводе означает «нет ни у тебя, ни у меня, ни в горах, ни в Утлу тазе, ни в Кыпчаке» [86, л. 60]. Нетрудно заметить что в загадке местоимения «у тебя» и «у меня» представлены в виде антитезы друг другу, а горы и Утлу таз противопоставлены Кыпчаку. Название Отлы таз носила местность (возможно населённый пункт), располагавшаяся в Керченском эле, и отделённая проливом от области Кыпчак [21, с. 121]. Последнее наименование принадлежало одному из вилайетов Золотой Орды, которому мусульманские литераторы, писавшие в эпоху после монгольских завоеваний, также часто присваивали персидское определение Дешт-и Кыпчак, «кыпчакская степь» [3, с. 213; 24, с. 120; 21, с. 123; 30, с. 86, 97, 98, 101, 165, 219, 242, 250, 252, 267, 269; 57, с. 56–57; 9, с. 401, 408]. По-видимому загадка была сочинена в ситуации, когда её автор, находившийся на берегу Керченского пролива, вынужденно обозначил в ней географическую номенклатуру близлежащих территорий.

Разумеется надежды филологов разыскать описание кыпчакского языка не ограничились одним лишь изучением кодекса А. де Финале, и были привлечены к ряду арабографических тюркских произведений, написанных на Ближнем Востоке после монгольских завоеваний. Но эти памятники оказались генетически очень близки к «персидско-команскому» словарю, и так же как и он, демонстрировали чагатайскую литературную традицию [66, с. 59, 903, 912, 927; 10, с. 8–10, 56–58, 147]. Единственное аутентичное описание наречия домонгольских кыпчаков удалось обнаружить в Диване Махмуда ал-Кашгари, и это открытие сделало вероятность лингвистической преемственности от кыпчаков к языкам «татарской» ветви довольно проблематичной. Недавние исследования Д.М. Насилова показали, что Махмуду ал-Кашгари были знакомы два различных кыпчакских наречия.

Речь племени канглов, обитавшего в Средней Азии (бывшего крыла печенегов, присоединившегося к кыпчакскому союзу [1, с. 11–12]) носила характерные огузские черты, резко отличавшие её от «татарских» языков. Например «татарским» фонемам /m/ и /t/ в начале и отчасти на конце слова соответствовали канглыские /b/ и /d/. Кроме того в речи канглов были менее устойчивы гуттуральные согласные, а в инициальной позиции они всегда использовали сонант /j/ вместо аффрикаты /dʒ/. Генетические признаки говора волжских кыпчаков, описанного ал-Кашгари, наоборот, сближают его с кыргызской ветвью тюркских языков. В противоположность своим среднеазиатским собратьям, в начале слова кочевники Поволжья всегда употреб-

ляли звук /dʒ/ вместо /j/, а в интервокальной позиции заменой канглийскому /j/ служило более архаичное /z/ [52, с. 291].

Как известно, до монгольских завоеваний территория кочевой конфедерации кыпчаков занимала берега Дона, Волги и Яика, и именно тем, что в бассейне этих трёх рек, «других илей, кроме кыпчакского, не было», объясняется присвоенное впоследствии этому региону название, «Дешт-и Кыпчак – Кыпчакская степь» [63, с. 44]. Разумеется, оригинальную кыпчакскую ономастику, если только она хотя бы отчасти сохранилась, следует искать в пределах этой самой территории. Характерное для кыпчакской лексики, как указал ал-Кашгари, слово /azaq/ оказалось засвидетельствованным в золотоордынской топонимике [47, с. 71]. В начале XIV в. Золотоордынский хан (как предполагается, Токта) основал город Азак, название которого было обусловлено его местоположением в «устье» Дона [66, с. 54; 8, с. 313]. Благодаря тому, что название местности было присвоено не самими татарами, а перенято ими от коренного населения, в разговорном татарском языке оно произносилось /Azaw/, в то время как его закономерным татарским эквивалентом было бы слово /ajaq/ (речь идёт о современном городе Азов) [81, с. 63].

Как представляется автору этих строк, на позицию многих современных исследователей проблем преемственности кочевых племён определяющее психологическое воздействие оказала широкая репрезентативность этнонима кыпчаки в родовой номенклатуре народов «татарской» языковой ветви, которая в значительной степени могла сложиться под влиянием идентичного наименования одной из крупнейших единиц принятого монголами административно-территориального устройства. При этом практически был обойдён вниманием тот факт, что этноним куманы, под которым кыпчакская конфедерация фигурирует в западноевропейских источниках, сохранился в Новое Время на Алтае (ныне употребляется исключительно в сочетании с суффиксом -ды). Между тем, язык племени кумандинцев принадлежит к кыргызской ветви и сохранил основные фонетические черты говора волжских кыпчаков, описанного Кашгари [10, с. 197, 213–218].

В завершение темы следует упомянуть, что название вилайета Дешт-и Кыпчак прочно вошло в официальную титулатуру золотоордынских, а затем и крымских ханов [30, с. 94–96, 98, 100, 105–109, 118, 120–121, 154, 165, 168, 193–194, 200–201, 214, 218, 221, 252, 254; 68, с. 83, 85–87, 93, 173, 245, 259; 28, с. 182; 39, с. 65; 78, с. 23]. Благодаря этому термин «кыпчакский язык» в мусульманской литературе превратился во второе название татарского [30, с. 104, 110; 84, с. 115]. В частности, османские турки до недавнего времени сохраняли практику наименования татарского языка «кыпчакским» или «дешти» (степным) [29, с. 116; 66, с. 62, 936].

Относительно поздно в поле зрения специалистов попали документы XVI–XVII вв., принадлежавшие армянским общинам Львова и Каменца-Подольского, и еврейско-караимским Луцка, Галича и Трок, и составленные на языке литовских татар [66, с. 910, 921]. В армянских документах язык золотоордынцев носил уже традиционное двойное название – татарского и кыпчакского [14, с. 11]. Но в конце первой трети XX в. в Советском Союзе было сокращено преподавание османской и чагатайской литературы, поэтому к тому времени, как началось изучение армянских документов, «дешт-и кыпчакская» номенклатура татарского языка была знакома лишь немногим ориенталистам. Неудивитель-

но, что в этом термине исследователи стали искать ещё один аргумент в пользу преемственности «татарских» языков от кыпчаков.

Разумеется от внимания лингвистов не укрылась тождественность тюркского языка армянских и еврейских документов [66, с. 910, 921; 79, с. 29]. Евреи называли его кедарским², в соответствии с традиционным обозначением тюркских языков в иудаистской литературе [48, с. 576]. Однако благодаря тому, что кыпчакам, так же как и остальным тюркам, евреями ранее было присвоено нарицательное имя кедаров, предпринимались попытки связать эти языковые памятники именно с ними [40, с. 263–267]. Впрочем, в Крыму язык литовских татар был более известен под простонародным названием чалтайского [75, с. 41–48]. Происхождение этого термина связано с переданным в 1440-х гг. золотоордынцами Великому княжеству Литовскому туменом Еголдая Сараева, который стал самым крупным объединением татар в составе этого государства [11, с. 58]. Тем не менее лингвисты пытались непосредственно соотнести проблему генезиса литовско-татарского языка с историей еврейских и армянских колоний в Польше и Литве, изучение которой было затруднено из-за ряда целенаправленных фальсификаций³.

² Эквивалент широко распространённого христианского наименования татар «агаряне» или «измаильяне» [55, с. 521; 56, с. 779, 894] (в Библии Агарь – мать Исаиила, а Кедар – его второй сын) [Быт. 16: 1–16; 25: 12–18].

³ В XIX в. процветала религиозная дискриминация, с поиска способов оградить от которой своих единоверцев началась деятельность первого караимского исследователя А.С. Фирковича. Ради этого он предпринял оригинальную попытку доказать их непричастность к казни Христа, осуществив комплексную правку дат на собранных им рукописях и надгробных эпитафиях, с помощью которых стремился продемонстрировать, что евреи-караимы поселились в Крыму сразу после вавилонского пленения и поэтому не могли участвовать в его распятии [16, с. 430–431; 79, с. 17–18]. Для того чтобы обогатить свой замысел красочными деталями, Фиркович сфальсифицировал находку погребения Исаака Сангари, якобы «караимского раввина, обратившего хозар в иудейскую веру» [15, с. 111–113; 45, с. 391]. Творчество Фирковича произвело столь сильное впечатление на некоторых ориенталистов, что один из них, В.В. Григорьев, восприняв всерьёз его схоластические приёмы, даже высказал гипотезу о хазарском происхождении караимов [20, с. 433–435]. Впоследствии фальсификации Фирковича были выявлены А.Я. Гаркави [15, с. 98–121]. Но статус евреев в XX веке по-прежнему служил объектом дискриминации. Так как с самого начала караизм противостоял ортодоксальному иудаизму, основанному на талмуде, религиозный руководитель караимов С.М. Шапшал попытался обойти сегрегацию, приняв на вооружение точку зрения Григорьева. Тем самым он преследовал цель отказаться от еврейских корней и доказать тюркское происхождение караимов [79, с. 18–19]. Таким образом родилась тенденция связывать использовавшийся евреями-караимами татарский язык с их мнимым хазарским происхождением. В этой связи следует разъяснить, что первоначально среди хазар получило распространение христианство, но современник халифа Харуна ар-Рашида хазарский царь Обадия действительно принял иудаизм [48, с. 567–573; 9, с. 598]. Иудаизм был принят им в уже сложившейся раввинистической форме, о чём повествует письмо хазарского царя Иосифа Хасдаю ибн Шапругу, извлечённое самим же А.С. Фирковичем из Каирской генизы [36, с. 80, 97]. Основатель же караизма Анан Ганаси бен Давид в годы правления Харуна ар-Рашида только приступил к изложению основ своего вероучения [79, с. 36–37]. До X в. доктрина караизма переживала своё становление, завершившееся консолидацией общины караимов в Иерусалиме. После его захвата крестоносцами в конце XI столетия, её последователи вынуждены были перебраться в Византию [79, с. 37–38]. Именно с границами византийского княжества Феодоро связаны старые караимские памятники в Крыму [45, с. 137, 390–391]. Первые сведения о крымских караимах оставил при описании событий

В связи с изложенным целесообразной будет небольшая справка по истории колоний татар, евреев-караимов и армян в Польско-Литовском государстве. Причиной притока в него основной их массы послужила разгоревшаяся в последние годы XIV в. война за золотоордынский престол между ханами Токтамышем и Тимур-Кутлугом. В её ходе Токтамышу оказал поддержку великий литовский князь Витовт, который в 1398 году вторгся в Крым и после сражений под Каффой и Солхатом переселил в Литву захваченных в них татар. Поскольку в 1399 г. войска Витовта были разбиты Тимур-Кутлугом в генеральном сражении на р. Ворскле, уведённые крымцы навсегда остались в великом княжестве Литовском [79, с. 27–28, 158; 68, с. 147–154; 49, с. 133–134; 46, с. 91, 103–104, 254].

Первым документальным свидетельством присутствия армян в Каменце является памятная запись об основании григорианской церкви святого Николая как раз в 1398 г. [23, с. 37; 67, 45–46]. Служебник, пожертвованный в этом году церкви её строителем Синаном, сыном Хутлубея, был написан в 1349 году в «Сурхате» и там же приобретён им в 1394 г. [50, с. 180; 67, 44–45]. Судя по дарственной надписи, в 1394 г. Синан ещё жил в Солхате. В частности, из ханских ярлыков известно, что в городах крымского вилайета обитало смешанное население из армян, евреев и мусульман-татар [66, с. 234; 68, с. 118–119]. Очевидно в 1398 г. Витовт вместе с татарами переселил из Солхата и его армянских и еврейских жителей (в научной литературе даже называлось точное число выселенных им из Крыма караимских семей – 383) [16, 1895, с. 430; 20, с. 433].

Впрочем, некоторые колонии татар и армян на территории будущего Польско-Литовского государства возникли ещё в эпоху расцвета Золотой Орды. Например, такая диаспора существовала в Галиции. Известно, что вскоре после того как польский король Казимир III в 1349 г. захватил у золотоордынцев её центр г. Львов, он посчитал необходимым даровать актом 1356 г. самоуправление обитавшим в этом городе общинам армян, евреев и сарацинов-татар⁴. Татары занимали северную часть города, благодаря этому получившую

конца XII в. Петахия Регенсбургский [40, с. 266–267]. Тогда же появилась в Крыму и армянская диаспора (из её среды вышли правители княжества). В XIII в. греческое, армянское и еврейское население княжества попало под власть монголов.

⁴ Проблематичность изучения истории армянских колоний в Польско-Литовском государстве связана с событиями 1641 г., когда в Литовскую Метрику была внесена запись, адресованная «от великого князя Федора Дмитриевича» «ко согацким армянам», и датированная 1062 г. Хотя в записи упоминалось только искажённое название Солхата в Крыму, а названное в ней лицо не поддаётся идентификации, в XVII–XVIII вв. сложилась устойчивая традиция связывать с ней основание армянской колонии в Каменце. В XIX–XX вв. большинство исследователей, несмотря на неопределённость записи, считали всё-таки возможным отнести основание армянской колонии к XIII столетию. Только Я. Дашкевич обратил внимание на беспочвенность всех связанных с этой записью выводов [22, с. 50]. Первым упоминающим армянскую колонию польским документом является грамота короля Казимира III 1356 г., дарующая городу Львову Магдебургское право [32, с. 16–17]. Однако с эти документом связан ряд недоразумений. С. Рошка каким-то образом отнёс её содержание к Каменцу и под 1350 г. указал, что «каменецкие армяне в этом году начали по привилегиям польских королей вершить суд» [22, с. 55–56]. Похожую ошибку совершил ранее М. Бжишкян, который считал, что «Казимир Великий дал грамоту армянам Каменца в 1344, а потом Львовянам в 1356 году, предоставив им власть и право иметь отдельный суд» [22, с. 55]. В первой грамоте, описанной М. Бжишкяном (видимо, по

название Татарского предместья. Между прочим, автор «Рисале-и Татар-и Лех», специального сочинения, посвящённого истории литовских татар, считал необходимым упомянуть о татарском населении, осевшем на территории Речпосполиты в середине XIV века. В этой связи он отметил, что ещё до переселения Витовтом крымцев в Литву, «во времена благочестивого Джаны-бека бывали нашествия татар на Польшу, во время которых несколько отрядов из татарских племён поселились в этом государстве» [68, с. 147].

Сохранились сведения, что современные Витовту крымские армяне широко употребляли татарский язык [31, с. 15]. Дальнейшее его использование в среде переселённых из Крыма колонистов было продиктовано территориальным соседством общин армян и караимов с поселениями литовских татар. После основания главной колонии караимов в Троцком воеводстве, неподалёку от первых селений литовских татар, в Польско-Литовском государстве появились ещё две их диаспоры [49, с. 90, 133–134; 46, с. 109]. Первая возникла после расселения части татар на Волыни (под неё была отведена часть г. Луцк) [49, с. 134; 79, с. 27]. Вторая образовалась при Татарском предместье г. Львова, затем была переведена за город в местечко Кукизов, а оттуда, в конечном счёте, в Галич. С первой четверти XVI в. Начался «золотой век» литовско-татарского языка, на котором с этих пор велась армянская и еврейская канцелярия [14, с. 14]. Лишь к концу XVII в. процесс полонизации привёл к забвению тюркской речи в среде литовских татар и армян, и только более замкнутая еврейская община сохранила их разговорный язык до наших дней в качестве живого наречия корпорации караимов.

Итак, в памятниках оригинальной тюркской литературной традиции прежде всего привлекает к себе внимание её чрезвычайная консервативность, благодаря которой сами золотоордынские татары не оставили живых записей своего языка, а его ранние фиксации пришлось выполнить иноземцами. В первые годы XIV в. такую задачу взяли на себя католические священнослужители Аквилонского викариата, прибывшие из Западной Европы. А несколько позже, в XVI в., он превратился в язык канцелярии живших среди крымских и литовских татар и обслуживавших их торговые потребности армян и евреев. В восточной литературе сложилась традиция именовать золотоордынскую речь татарским, а также кыпчакским или дештийским языком. Отчасти в связи с последним обозначением в современном языкознании предпринимаются периодические попытки смешать его памятники с языком племен кыпчакского союза, который, как выясняется в действительности, делился на диалекты, генетически связанные с огузской и кыргызской, а не с «татарской» ветвью.

неисправному списку), нетрудно узнать акт Магдебургского права, действительно дарованный Каменцу-Подольскому в 1374 г. литовскими князьями Юрием и Александром Кориатовичами [50, с. 207–209]. В ней, однако, армяне не упоминаются. Но подтверждая Магдебургское право Каменцу-Подольскому в 1432 г., Владислав Ягайло уже даровал им торговые привилегии, разрешавшие торговать сукном и другими товарами [50, с. 380]. В 1443 г. эти торговые привилегии были подтверждены Владиславом Варненчиком [50, с. 210; 22, с. 56]. Грамота 1374 г. сроком действия в 20 или 24 года, конечно же, не затрагивала прямо права армян, поселившихся в Каменце в 1398 г.

Периодизация истории «татарских» языков

Убедившись в обоснованности попыток связать проблему происхождения тюркских обществ Северного Кавказа с кыпчакским союзом племён, можно разбить вопрос их генезиса на три этапа, соответствующих определённым лингвистическим событиям. Это, прежде всего, образование «татарской» ветви тюркских языков, затем отделение её крымско-кавказской группы и, наконец, обособление самих языков горских обществ. Внимание лингвистов неоднократно привлекала связь «татарской» ветви с границами Улуса Джучи. А вот проблема образования её региональных групп осталась мало разработанной.

Дело в том, что до сих пор не сложилось единой трактовки чисто языковых проблем генезиса крымско-кавказской группы. Сам автор подробной генеалогической классификации А.Н. Самойлович не выделял её из числа остальных родственных восточноевропейских языков, которые от среднеазиатской группы отличало соответствие фонем /ç~š/ и /š~s/ [66, с. 83; 10, с. 164; 69, с. 269–271]. Позже Н.А. Баскаков обратил внимание на различие вокалического строя крымско-кавказских и волго-уральских языков [10, с. 145, 156–157]. Эта концепция получила дальнейшее развитие в сравнительно-исторической грамматике, авторы которой вообще сочли систему вокализма основным эталоном принадлежности к той или иной группе «татарских» языков [69, с. 219–221, 253–259]. Отметив, что среднеазиатский вокализм представляет собой тип, переходный между крымско-кавказским и волго-уральским, А.А. Чеченов был склонен сближать языки кочевников Средней Азии и жителей Поволжья [69, с. 220]. К.М. Мусаев, наоборот, по тем же соображениям предполагал особую близость среднеазиатской и крымско-кавказской группы [69, с. 217].

Впрочем, едва ли эти точки зрения удачно сочетаются с предположением А.А. Чеченова об относительно позднем возникновении вокалических различий между отдельными группами [69, с. 255–258]. Вероятно, консонантные особенности среднеазиатской группы следует признать её более характерными признаками. Если взять за основу периодизации первоначальную классификацию Самойловича, то границы диалектных зон почти точно совпадают с административным делением Золотой Орды. Её краеугольным камнем стали земли Сибири и Средней Азии, завоёванные в начале XIII в. Джучи, старшим сыном Чингиз-хана. После смерти Джучи в 1227 г. они были унаследованы старшим из его детей Ордой [73, с. 198–202, 217, 221–223]. Однако чуть позже главными владениями Джучидов стали всё-таки территории Восточной Европы, покорённые Бату, младшим братом Орды, во время похода 1236–1242 гг. [73, с. 202–203, 206–211]. Поскольку Орда уступил верховную власть брату, их домены получили в соответствии с традиционной цветовой символикой тюрко-монгольской крыльевой иерархии наименования Синей и Белой Орды [77 с. 344–346, 349–350]. Несмотря на то, что верховенство принадлежало именно потомкам Бату, оба юрта управлялись раздельно [73, с. 227–228].

В XV в. благодаря политической деятельности Абу-л-Хайр-хана «Синяя Орда» обрела независимость от главного юрта, но вскоре центробежные тенденции привели к её распаду. В результате составлявшие её кочевые племена образовали несколько государств, такие как Казахское ханство, юрты Шибанидов в Хиве, Бухаре и Сибири, а также Ногайская Орда [33, с. 24–29]. Но в

начале XVI в. персидский автор Фазл Аллах ибн Рузбихан Исфахани ещё застал время, когда население всех этих этнополитических образований считалось одним народом кочевых узбеков [80, с. 62]. К концу того же столетия несколько ногайских племён образовали отдельный союз каракалпаков. Итак, можно считать вполне установленным тот факт, что все носители среднеазиатской группы «татарских» языков являются выходцами из Синей Орды, левого крыла Улуса Джучи. К их числу принадлежат казахи, ногайцы, каракалпаки и небольшой этнографический костяк современных узбеков (от которого последний политоним был перенят более многочисленным населением бывшей западной части Чагатайского улуса).

Впрочем, наречие населения сибирской части Синей Орды видимо несколько отличалось от среднеазиатского. Так, если вокализм языка сибирских татар и кочевников Средней Азии в целом схож, то консонантизм первого ближе к восточноевропейскому. Последняя черта также характерна для алтайско-тяньшанской группы, которая, однако, унаследовала от языка енисейских кыргызов его специфический гласный строй.

После отделения среднеазиатских владений в борьбу за престол Белой Орды вступили несколько конкурентов, каждый из которых стремился добиться консолидации её земель под собственной эгидой. Последним её титулованным правителем был Улуг-Мухаммад-хан [11, с. 68]. После его смерти в 1445 г. основная часть юрта Бату, известная с этого времени под именем Большой Орды, перешла в руки его основного соперника Кючюк-Мухаммада [33, с. 20–22]. Тем не менее прямым наследникам старшего из двух тезок удалось сохранить за собой некоторые периферийные территории, что фактически означало распад Белой Орды. Так к 1448 г. его племяннику Хаджи-Гирею удалось утвердиться в Крымском вилайете [11, с. 67; 68, с. 183–199; 33, с. 18–20; 79, с. 160–161]. Его старший сын Махмудек в 1445 г. захватил Булгарский вилайет, территория которого затем составила Казанское ханство [11, с. 63–64; 33, с. 12–15; 60, с. 52–54]. Второй сын Касим поступил на службу к великому Московскому князю, получив от него в кормление Мещеру [11, с. 65; 33, с. 15–17; 60, с. 57; 74, с. 4–7]. А спустя столетие и сама Казань была покорена Москвой, после чего некоторые кочевые племена аннексированного ханства образовали башкирский союз.

Именно территория Казанского ханства и смежной с ним Мещеры образует ареал обитания народностей казанских татар, мишарей и башкир, языки которых составляют волго-уральскую группу. Сложившаяся лингвистическая ситуация объясняется тем, что после того, как отколовшиеся от Орды кочевники-татары заняли Булгарский вилайет, начался вынужденный процесс их перехода к оседлости, приведший к смешению с коренным тюркским населением среднего Поволжья, результатом которого был унаследованный татарами от болгар языковой субстрат [33, с. 12–14, 38, 60; 69, с. 255–258]. Напротив, крымско-кавказская группа включила те татарские говоры, которые не подверглись глобальному внешнему влиянию, и сохранили более архаичные черты, присущие разговорному языку Белой Орды. В частности, к ней принадлежал язык литовских татар, эмигрировавших из Орды ещё до её распада.

Поскольку территория Северного Кавказа, на которой расположились впоследствии интересующие нас общества, входила на протяжении XV в. в состав Большой Орды, следует специально остановиться на её судьбе. Её

конец наступил, когда в 1502 году она была разгромлена крымцами, после чего внуки Кючюк-Мухаммада временно вступили в конфронтацию друг с другом. Сыновьям большеордынского хана Махмуда удалось консолидировать остатки татар вокруг её бывшей столицы Астрахани, в то время как дети его брата Ахмада обосновались в другом большеордынском городе, Тюмени, располагавшемся в устье Терека. Однако, в 1515 г. и он был включён в состав Астраханского ханства [29, с. 58–62, 74–75, 208–209; 33, с. 22–24; 42 с. 440–445]. Продолжив противостояние с крымцами, Астрахань в 1547 г. была ими разрушена и очищена от населения, которое было угнано в Крым, а восстановленный город вскоре заселили переправившиеся из-за Волги ногайцы [29, с. 139–142, 154, 222–223; 17, с. 150]. Тюмень в результате этих событий к 1550 году признала власть правителя лакцев, Будаи-шамхала. После присоединения Астраханского ханства к России и занятия Тюмени в 1558 г. русскими войсками, её жители переселились на Сулак. Попад под власть шамхала, резиденция которого располагалась в селении Кумук, тюменцы приняли название этого аула в качестве политонима [29, с. 155, 157; 42, с. 444–445; 65, с. 266, 276–277].

Предпринятый в этой работе сравнительно-исторический анализ демонстрирует существование лингвистической преемственности между кочевниками Белой Орды, и народами-носителями крымско-кавказской группы «татарских» языков. Существенной особенностью этой группировки диалектов являлось её использование в Крыму и Литве в качестве языка межнационального общения, так как от кочевых племён татарский язык переняли местные диаспоры евреев-караимов и крымчаков, греков-урумов и армян. Впрочем, ордынское происхождение исповедующих ислам народов этой диалектной зоны, таких как карачаевцы, малкарцы, кумуки и крымские татары, не вызывает каких-либо серьёзных сомнений. Некоторые лексические и морфологические особенности языка горских обществ Центрального Кавказа, которые сближают его с кумукской речью, используемой выходцами из Астраханского ханства, но отличаются от говора крымских и литовских татар, видимо, сохранились как следы непосредственного происхождения тюркских жителей Центральной части Кавказа от кочевников Большой Орды или Астраханского ханства.

Что касается дивергенции современных крымско-кавказских языков, то она в значительной мере была обусловлена локальным языковым субстратом и адстратом. Развитие принадлежащих к этой группе диалектов происходило по одному из двух альтернативных путей. Так говоры малкарского горского общества, а также галицко-луцкой и тракайской диаспор караимов, благодаря языковому окружению осетин-дигорцев, славян и литовцев переняли некоторые черты свойственные индоевропейской фонетике [69, с. 250, 253, 271, 286, 298; 83, с. 42–43]. Крымский и кумукский языки, наоборот, под османским и сефевидским владычеством испытали сильное огузское влияние⁵ [68, с. 52; 66, с. 114–115; 10, с. 117, 151, 154–155; 69, с. 217; 79, с. 147–149].

⁵ В 1475 г. Османская империя захватила южный берег Крыма, после чего приняла сюзеренитет над Крымским ханством [68, с. 214–244; 79, с. 161–162; 33, с. 129]. В сходном положении оказался Дагестан, валии-шамхалы которого присягнули в вассалитете Сефевидам [18, с. 71–72; 13, с. 191, 222; 82, с. 55]. После этого из Персии в него переселились туркменские колонисты, частично смешавшиеся с кумуками [19, с. 257; 17, с. 166; 13, с. 227–228, 373; 44, с. 12–13; 54, с. 39–40; 53, с. 81–82].

Остаётся констатировать, что в XIII в. монгольские завоевания вызвали резкую смену лингвистической карты Восточной Европы и Средней Азии. В предшествующую эпоху над степями, протянувшимися вдоль границы этих двух регионов, господствовал кыпчакский союз племён, использовавший тюркские языки, принадлежавшие к кыргызской и огузской ветвям. Записи европейских миссионеров показывают, что к началу XIV в. их вытеснила «татарская» ветвь тюркских языков, сформировавшаяся в пределах Улуса Джучи. Возможно, на генезис золотоордынских говоров оказал какое-то влияние распространённый среди татар ещё в XI в. тюркский язык, который по фонетическим признакам был к ним достаточно близок [47, с. 70–71]. Другой его вероятной преемницей является чагатайская языковая ветвь, которую с татарской связывает ближайшее родство. Впрочем, не располагая более подробным описанием языка татар XI в., судить о степени такой преемственности затруднительно. В XV в. распад Золотой Орды привёл к разделению «татарских» языков на несколько групп, одна из которых дала начало наречиям горцев Северного Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуманов Р.А. Культурно-историческая основа кыргызского племенного образования кангды // Тюркологический сборник 2005. М., 2006. С. 6–20.
2. Абрамович А. Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Нальчик, 2003. Т. 1. С. 19–72.
3. 'Аджай'иб ад-дунйа (чудеса мира). М., 1993.
4. Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.
5. Анучин Д.Н. Россия в этнографическом отношении // Энциклопедический словарь Россия. СПб., 1991. С. 139–152.
6. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. СПб., 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
7. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
8. Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М., 2002.
9. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
10. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 2006.
11. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. 2012. Вып. 5. С. 53–70.
12. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое, и военное описание Кавказа. М., 2010.
13. Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004.
14. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Каталог и тексты армянским письмом. Алматы, 2002. Т. 1.
15. Гаркави А.Я. По вопросу о иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. Ч. СХСII. С. 98–121.
16. Гаркави А.Я. Караимы // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 14. С. 426–432.
17. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2007.

18. Гербер И.Г. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекой Кура народах и землях и об их состоянии в 1728 году // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 60–118.
19. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
20. Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876.
21. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник 2005. М., 2006. С. 74–142.
22. Григорян В. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подольи). Ереван, 1980.
23. Дашкевич Я. Камяниць-Подільський у вірменських джерелах XIV–XV ст. // Камянець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків: історія і сучасність. Камянець-Подільський, 2004.
24. Джамал ал-Карши. Ал-мулхакат би-с-сурах. Алматы, 2005.
25. Джованни Виллани. Новая хроника, или история Флоренции. М., 1997.
26. Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах. Нальчик, 2009.
27. Жан де Жуанвиль, Жоффруа де Вилардуэн. История крестовых походов. М., 2008.
28. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. М., 2004.
29. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
30. Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1.
31. Иоанн Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1979.
32. Історія Львова в документах і матеріалах. Київ, 1986.
33. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
34. Караулов Н.А. Болкары на Кавказе. Нальчик, 2009.
35. Клапрот Г.Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.
36. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
37. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.
38. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005. М., 2006. С. 199–237.
39. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Нальчик, 2006. Т. 1.
40. Кругосветное странствие раби Петахии Регенсбургского // Три еврейских путешественника. М., 2004. С. 259–318.
41. Куртиев Р. Календарные обряды крымских татар. Симферополь, 1996.
42. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.
43. Ланге Б.А. Балкария и балкарцы. Нальчик, 2009.
44. Макаров Т. Татарское племя на Кавказе. Нальчик, 2009.
45. Марков Е.Л. Очерки Крыма. Киев, 2006.
46. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Рязань, 2009.
47. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.
48. Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. М., 2008.
49. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
50. Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885.
51. Нарышкин Н.А. Отчёт об экспедиции в Балкарию и Кабарду // Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2005, вып. 1. С. 3–25.
52. Насилов Д.М. Кыпчаки у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009. С. 284–293.

53. Научное известие (Грамматические и филологические исследования Хюркилинского языка, П.К. Услара) // Кавказские горцы. Сборник сведений. М., 1992, т. 2. С. 79–85.
54. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 1. М., 1992. С. 37–47.
55. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Т. 1.
56. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 2001. Т. 2.
57. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год // Записки императорского Новороссийского университета. Новороссийск, 1867. Т. 1. С. 1–127.
58. Путешествия в восточные страны. М., 1997.
59. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племён. Нагорья Крымского полуострова. СПб., 1896, ч. VII.
60. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Казань, 2009.
61. Робер де Кларе. Завоевание Константинополя. М., 1986.
62. Роджер Бэкон. Великое сочинение // Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
63. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М., 1958.
64. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского. СПб., 2007.
65. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М., 1997.
66. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.
67. Сицінський Ю. Поділля під владою Литви. Кам'янець-Подільський, 2009.
68. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи. М., 2005. Т. 1.
69. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
70. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
71. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2010.
72. Сыроев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. Нальчик, 2009.
73. Султанов Т.И. Чингиз-хан и чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
74. Татарские князья и их княжества. Н. Новгород, 2008.
75. Тенишев Э.Р. К изучению тюркских языков Крыма // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1995. Т. 54, № 1. С. 41–48.
76. Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник 2003–2004. М., 2005. С. 273–311.
77. Трепавлов В.В. Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) // Тюркологический сборник 2005. М., 2006. С. 323–354.
78. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
79. Тюркские народы Крыма. М., 2003.
80. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.
81. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
82. Шамхалы Тарковские // Кавказские горцы. Сборник сведений. М., 1992. Т. 1. С. 53–80.
83. Шумкин А.В. Маджары в фольклоре народов Северного Кавказа и письменных источниках // История народов России в исследованиях и документах. М., 2010. Вып. 4. С. 5–53.
84. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2.
85. Beresin I. Recherches sur les dialectes musulmans. Casan, 1848.

86. Codex Cumanicus // Biblioteca Divi Marci – Biblioteca Nazionale di S. Marco – Biblioteca ad templum Divi Marci Venetiarum, Venezia, Mss. latini, Fondo antico, Collocazione 1597, Codex DXLIX / № 549.

87. Klaproth J. Notice sur un Dictionnaire Persan, Coman et Latin, légué par Pétrarque à la république de Venise // Journal asiatique. Paris, 1826, t. 8. P. 114–117.

88. Klaproth J. Vocabulaire latin, persan et coman, de la bibliothèque de Francesco Petrarca // Mémoires relatifs à l'Asie. Paris, 1828, t. 3. P. 113–256.

89. Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880.

90. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkischen Sprachen. Leipzig, 1882.

91. Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St. Pétersbourg, 1887.

92. Yule H. Cathay and the way thither. L., 1866, vol. I–II.

Сведения об авторе: Арсений Вячеславович Шумкин – Федеральное агентство научных организаций (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация). E-mail: arsen1293@rambler.ru

Поступила 3.09. 2016 г.

Принята к публикации 5.11.2016 г.

THE TATAR AND KIPCHAK LANGUAGES IN THE FRAMEWORKS OF ONE LANGUAGEOGRAPHIC RECONSTRUCTION

A.V. Shumkin

*Federal Agency of Research Organizations
Moscow 119334, Russian Federation
E-mail: arsen1293@rambler.ru*

Objective: To examine the origin and development of several Turkic languages spoken in the North Caucasus.

Research materials: the era of Turkic khanate domination in the steppes of Asia and Eastern Europe marked the formation of the ancient Turkic literary tradition. Initially it was displayed in the original Orkhon-Yenisey alphabet. Later, in the principality Kocho and Karakhanids' state this tradition was transliterated into alphabet borrowed from the Sogdians. In his work compiled in Arabic, Karakhanid Mahmoud al-Kashgari was first to describe Turkic-speaking dialects that differed from the ancient writing standards. Among them, he focused mainly on the languages of nomadic Oguz and Kipchak confederations. One after another they occupied the steppes of Eastern Europe and Central Asia. Based on al-Kashgari's information, the author of this article demonstrates that the territory occupied by the Kipchak confederation preserved Oghuz dialect used by Oghuz tribes Kangly and Karabärkli who joined to Kipchaks. The Kyrgyz branch of the Turkic languages brought by Kipchaks to the West spread in this area as well. The rise and conquest of the Great Mongol Empire changed the language boundaries and literary canons of Central Asia, Siberia and Eastern Europe forever. In the time of the Mongol Empire practice of bilingualism established in the area. Literary canons from now and until the first third of the 20th century were based on the Turkic speech of Chagataid ulus of the Mongol Empire. On the other hand, examining the Antonio de Finale's manuscript composed at the beginning of the 14th centu-

ry on the territory of the Jochid Ulus, and a number of documents of the 16th–18th centuries written in the Lithuanian Tatar, the author reveals the formation history of Tatar branch of Turkic languages in the steppes of Dasht-i Kipchak.

Results and novelty of the research: on the basis of this information the article manages to conclude that both Chagatai and the Golden Horde languages were brought to the west during the Mongol invasions. Through the prism of these events, the article examines the problem of the origin and development of several Turkic languages spoken in the North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, Turkic languages, historical linguistics, Tatar language, Kipchak language, Oghuz language.

For citation: Shumkin A.V. The Tatar and Kipchak Languages in the Frameworks of One Languageographic Reconstruction. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 698–723. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.698-723

REFERENCES

1. Abdumanapov R.A. Kul'turno-istoricheskaya osnova kyrgyzskogo plemennogo obrazovaniya kangdy [The cultural and historical basis of Kyrgyz tribal formation Kangdy]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turcologica]. Moscow, 2006, pp. 6–20. (In Russian)
2. Abramovich A. Oчерк сословного строя в горских обществakh Terskoy i Kubanskoy oblastey [Essay of the estate structure among the mountain communities of the Kuban and Terek regions]. *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza* [Collection of documents on the estate rights of the peoples of the North Caucasus]. Nal'chik, 2003, vol. 1, pp. 19–72. (In Russian)
3. 'Adzhai'ib ad-dunya (chudesa mira) [The wonders of the world]. Moscow, 1993. (In Russian)
4. Anna Komnena. *Alexiad*. St. Petersburg, 1996. (In Russian)
5. Anuchin D.N. Rossiya v etnograficheskom otnoshenii [Russia from the standpoint of ethnography]. *Entsiklopedicheskiy slovar' Rossiya* [Encyclopedic Dictionary of Russia]. St. Petersburg, 1991, pp. 139–152. (In Russian)
6. Aristov N.A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostey [Notes about ethnic structure of Turkic tribes and nations]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. St. Petersburg, 1896, is. III–IV, pp. 277–456. (In Russian)
7. Bakikhanov Abbas-Kuli-aga. *Gyulistan-i Iram*. Baku, 1991. (In Russian)
8. Bartol'd V.V. *Raboty po istoricheskoy geografii* [Works on the historical geography]. Moscow, 2002. (In Russian)
9. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [Works on the history and philology of Turkic and Mongolian nations]. Moscow, 2002. (In Russian)
10. Baskakov N.A. *Tyurkskie yazyki* [The Turkic languages]. Moscow, 2006. (In Russian)
11. Bepalov R.A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoy Evropy: ot Beleva do Kazani (1437–1445) [Khan Ulu-Muhammed and the states of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, 2012, is. 5, pp. 53–70. (In Russian)
12. Blaramberg I.F. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe, i voennoe opisanie Kavkaza* [The historical, topographical, statistical, ethnographical and military description of the Caucasus]. Moscow, 2010. (In Russian)
13. Bronevskiy S.M. *Noveyshiya Izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim* [The latest information about the Caucasus, collected and supplemented by Semen Bronevsky]. St. Petersburg, 2004. (In Russian)

14. Garkavets A.N. *Kypchakskoe pis'mennoe nasledie* [Kypchak written heritage]. Katalog i teksty armyanskim pis'mom. Almaty, 2002, vol. 1. (In Russian)
15. Garkavi A.Y. Po voprosu o iudeyskikh drevnostyakh, naydennykh Firkovichem v Krymu [On the issue of Jewish antiquities found by Firkowicz in the Crimea]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of Ministry of Public Education]. St. Petersburg 1877, part. CXCI, pp. 98–121. (In Russian)
16. Garkavi A.Y. Karaimy [Karaites]. Brockhaus F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1895, vol. 14, pp. 426–432. (In Russian)
17. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov* [A description of all nations living in the Russian State]. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
18. Gerber I.G. Zapiski o nakhodyashchikhsya na zapadnom beregu Kaspiyskogo morya, mezhdru Astrakhan'yu i rekoy Kura narodakh i zemlyakh i ob ikh sostoyanii v 1728 godu [Notes on nations and lands located on the western shore of the Caspian Sea between Astrakhan and the river Kura and their state in 1728]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy* [History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th–19th centuries. Archival materials]. Moscow, 1958, pp. 60–118. (In Russian)
19. Gil'denshtedt I.A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg* [A Journey to the Caucasus in 1770–1773]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)
20. Grigor'ev V.V. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia]. St. Petersburg, 1876. (In Russian)
21. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie yarlyki: poisk i interpretatsiya [Golden Horde yarliqs: search and interpretation]. *Tyurkologicheskii sbornik 2005* [Turcologica 2005]. Moscow, 2006, pp. 74–142. (In Russian)
22. Grigoryan V. *Istoriya armyanskikh koloniy Ukrainy i Pol'shi (armyane v Podolii)* [History of Armenian colonies in Ukraine and Poland (Armenians in Podolia)]. Erevan, 1980. (In Russian)
23. Dashkevich Ya. Kamyants'-Podil'skiy u virmens'kikh dzherelakh XIV–XV st. [Kamyantsa-Podilsky in Armenian documents of the 14th–15th centuries] *Kamyants'-Podil'skiy u konteksti ukrains'ko-evropeys'kikh zvyazkiv: istoriya i suchasnist'* [Kamyantsa-Podilsky in the context of Ukrainian-European relations: History and Present]. Kamyants'-Podil'skiy, 2004. (In Ukrainian)
24. Jamal al-Karshi. *Al-mulhakhat bi-s-surakh*. Almaty, 2005. (In Russian)
25. Giovanni Villani. *Novaya khronika, ili istoriya Florentsii* [New Chronicle, or a history of Florence]. Moscow, 1997. (In Russian)
26. D'yachkov-Tarasov A.N. *Zametki o Karachae i karachaevtsakh* [Notes on the Karachai and Karachais]. Nal'chik, 2009.
27. Jean de Joinville, Geoffroi de Villehardouin. *Istoriya krestovyykh pokhodov* [History of the Crusades]. Moscow, 2008. (In Russian)
28. Zaytsev I.V. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom* [Between Moscow and Istanbul]. Moscow, 2004. (In Russian)
29. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow, 2006. (In Russian)
30. *Zolotaya Orda v istochnikakh* [Golden Horde in the sources]. Moscow, 2003, vol. 1. (In Russian)
31. Johannes de Galonifontibus. *Svedeniya o narodakh Kavkaza (1404 g.)* [Information about the nations of the Caucasus (1404)]. Baku, 1979. (In Russian)
32. *Istoriya Lvova v dokumentakh i materialakh* [The history of Lvov in documents and materials]. Kyiv, 1986. (In Ukrainian)
33. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar states in the 15th–16th centuries]. Kazan, 2009. (In Russian)
34. Karaulov N.A. *Bolkary na Kavkaze* [Bolkars in the Caucasus]. Nal'chik, 2009. (In Russian)

35. Klaprot G.Y. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh* [The description of trips in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nal'chik, 2008. (In Russian)
36. Kokovtsov P.K. *Evreysko-khazarskaya perepiska v X veke* [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century]. Leningrad, 1932. (In Russian)
37. Konovalova I.G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoy Evropy* [Al-Idrisi about the countries and nations of Eastern Europe]. Moscow, 2006. (In Russian)
38. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda «Kipchakskim khanstvom»? [Wether the Golden Horde was the "Kipchak Khanate"?]. *Tyurkologicheskii sbornik 2005* [Turcologica 2005]. Moscow, 2006, pp. 199–237. (In Russian)
39. *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh* [Kabardian-Russian relations in the 16th–18th centuries]. Nal'chik, 2006, vol. 1. (In Russian)
40. Krugosvetnoe stranstvie rabi Petakhii Regensburgskogo [Voyage around the world of Rabbi Pethahiah of Regensburg]. *Tri evreyskikh puteshestvennika* [Three Jewish travelers]. Moscow, 2004, pp. 259–318. (In Russian)
41. Kurtiev R. *Kalendarnye obryady krymskikh tatar* [Calendar rites of the Crimean Tatars]. Simferopol, 1996. (In Russian)
42. Lavrov L.I. *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev* [Selected works on culture of Abaza, Circassians, Karachais, Balkars]. Nal'chik, 2009. (In Russian)
43. Lange B.A. *Balkariya i balkartsy* [Balkaria and Balkars]. Nal'chik, 2009. (In Russian)
44. Makarov T. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatar tribes in the Caucasus]. Nal'chik, 2009. (In Russian)
45. Markov E.L. *Ocherki Kryma* [Sketches of the Crimea]. Kyiv, 2006. (In Russian)
46. Matthaeus Mechovita. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the two Sarmatia]. Ryazan, 2009. (In Russian)
47. Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk*. Almaty, 2005. (In Russian)
48. Miller V.F. *Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza* [The folklore of the nations of the North Caucasus]. Moscow, 2008. (In Russian)
49. Michalon Lituanus. *O npravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [About the mores of Tatars, Lithuanians and Muscovites.]. Moscow, 1994. (In Russian)
50. Molchanovskiy N. *Ocherk izvestiy o Podol'skoy zemle do 1434 goda* [Essay on information of Podolsk land until 1434]. Kyiv, 1885. (In Russian)
51. Naryshkin N.A. Otchet ob ekspeditsii v Balkariyu i Kabardu [The report on the expedition in Balkaria and Kabarda]. *Balkariya: Stranitsy proshlogo* [Balkaria: Pages of the past]. Nal'chik, 2005, is. 1, pp. 3–25. (In Russian)
52. Nasilov D.M. Kypchaki u Makhmuda Kashgarskogo [Kypchaks according to Mahmoud of Kashgar]. *Tyurkologicheskii sbornik 2007–2008* [Turcologica 2007–2008]. Moscow, 2009, pp. 284–293. (In Russian)
53. Nauchnoe izvestie (Grammaticheskie i filologicheskie issledovaniya Khyurkilinskogo yazyka, P.K. Uslara) [Academic proceedings (grammatical and philological researches of Hyurkili language, P.K. Uslar)]. *Kavkazskie gortsy. Sbornik svedeniy* [Caucasian mountaineers. Collection of information]. Moscow, 1992, vol. 2, pp. 79–85. (In Russian)
54. Osvobozhdenie zavisimyykh sosloviy vo vsekhn gorskikh okrugakh Terskoy oblasti [Exemption of dependent classes in the mountain districts of the Terek region]. *Kavkazskie gortsy. Sbornik svedeniy* [Caucasian mountaineers. Collection of information]. Moscow, 1992, vol. 1, pp. 37–47. (In Russian)
55. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Lavrent'evskaya leto-pis' [Laurentian Chronicle]. Moscow, 1997, vol. 1. (In Russian)
56. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Ipat'evskaya letopis' [Hypathian Chronicle]. Moscow, 2001, vol. 2. (In Russian)

57. Puteshestvie Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god [Johannes Schiltberger's Travel to Europe, Asia and Africa, from 1394 till 1427]. *Zapiski imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta* [Notes of Imperial Novorossiysk University]. Novorossiysk, 1867, vol. 1, pp. 1–127. (In Russian)
58. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the Eastern countries]. Moscow, 1997. (In Russian)
59. Radlov V.V. *Obraztsy narodnoy literatury severnykh tyurkskikh plemen* [Samples of folk literature of Turkic tribes of the north]. Narechiya Krymskogo poluoostrova [Dialects of the Crimean peninsula]. St. Petersburg, 1896, part. VII. (In Russian)
60. Rakhimzyanov B. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.)* [Kasimov Khanate (1445–1552)]. Kazan, 2009. (In Russian)
61. Robert de Clari. *Zavoevanie Konstantinopolya* [The conquest of Constantinople]. Moscow, 1986. (In Russian)
62. Roger Bacon. Velikoe sochinenie [Opus maius]. *Angliyskie srednevekoveye istochniki IX–XIII vv.* [English medieval sources of the 9th–13th centuries]. Moscow, 1979. (In Russian)
63. *Rodoslovnaya Turkmen* [Genealogy of the Turkmen]. Sochinenie Abu-l-gazi, khana khivinskogo [The work of Abu-l-Ghazi, khan of Khiva]. Moscow, 1958. (In Russian)
64. *Rossiya i Evropa glazami Orudzh-beka Bayata – Don Zhuana Persidskogo* [Russia and Europe through the eyes Oruj Bek Bayat – Don Juan of Persia]. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
65. *Russko-chechenskie otnosheniya* [Russian-Chechen relations]. Vtoraya polovina XVI–XVII v. [Second half of the 16th–17th centuries]. Moscow, 1997. (In Russian)
66. Samoylovich A.N. *Tyurkskoe yazykoznanie* [Turkic linguistics]. Filologiya. Runika [Philology. Runes]. Moscow, 2005. (In Russian)
67. Sitsins'kiy Y. *Podillya pid vladoyu Litvi* [Podillya under the rule of Lithuania]. Kam'yanets'-Podil's'kiy, 2009. (In Ukrainian)
68. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy porty* [Crimean Khanate under the rule of Ottoman Port]. Moscow, 2005, vol. 1. (In Russian)
69. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [A comparative historical grammar of Turkic languages]. Regional'nye rekonstruktsii [Regional reconstruction]. Moscow, 2002. (In Russian)
70. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [A comparative historical grammar of Turkic languages]. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Picture of the world of the proto-Turkic ethnic group according to the language information]. Moscow, 2006. (In Russian)
71. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [A comparative historical grammar of Turkic languages]. Moscow, 2010. (In Russian)
72. Sysoev V.M. *Karachay v geograficheskom, bytovom i istoricheskom otnosheniyakh* [Karachai in geographical, historical and domestic relations]. Nal'chik, 2009. (In Russian)
73. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i chingizidy* [Chinggis Khan and the Chinggisids]. Sud'ba i vlast' [Destiny and power]. Moscow, 2006. (In Russian)
74. *Tatarskie knyaz'ya i ikh knyazhestva* [Tartar princes and their principalities]. Nizhniy Novgorod, 2008. (In Russian)
75. Tenishev E.R. K izucheniyu tyurkskikh yazykov Kryma [To the study of the Turkic languages of the Crimea]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series of Literature and Language]. Moscow, 1995, vol. 54, no. 1, pp. 41–48. (In Russian)
76. Trepavlov V.V. *Malaya Nogayskaya Orda* [Minor Nogai Horde]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2003–2004* [Turcologica 2003–2004]. Moscow, 2005, pp. 273–311. (In Russian)

77. Trepavlov V.V. Vlast' i upravlenie v tyurkskom kochevom obshchestve (po epicheskim skazaniyam narodov Yuzhnoy Sibiri) [Power and administration in the Turkic nomadic societies (based on epic tales of the peoples of South Siberia)]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2005* [Turcologica 2005]. Moscow, 2006, pp. 323–354. (In Russian)
78. Tunmann I. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, 1991. (In Russian)
79. *Tyurkskie narody Kryma* [The Turkic nations of Crimea]. Moscow, 2003. (In Russian)
80. Fadl Allak ibn Rudhbi Khan al-Isfahani. *Mikhman-name-yi Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)* [Bukhara guest notes]. Moscow, 1976. (In Russian)
81. Fasmer M.R. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986, vol. 1. (In Russian)
82. Shamkhaly Tarkovskie [The shamkhals of Tarki]. *Kavkazskie gortsy. Sbornik svedeniy* [Caucasian mountaineers. Collection of information]. Moscow, 1992, vol. 1, pp. 53–80. (In Russian)
83. Shumkin A.V. Madzhary v fol'klore narodov Severnogo Kavkaza i pis'mennykh istochnikakh [The Majars in the folklore of the nations of the North Caucasus and written sources]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in the studies and documents]. Moscow, 2010, is. 4, pp. 5–53. (In Russian)
84. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya* [The book of travel]. Moscow, 1979, is. 2. (In Russian)
85. Beresin I. *Recherches sur les dialectes musulmans*. Casan, 1848. (In French)
86. Codex Cumanicus. Biblioteca Divi Marci – *Biblioteca Nazionale di S. Marco – Biblioteca ad templum Divi Marci Venetiarum*, Venezia, Mss. latini, Fondo antico, Collocazione 1597, Codex DXLIX / № 549. (In Latin)
87. Klaproth J. Notice sur un Dictionnaire Persan, Coman et Latin, légué par Pétrarque à la république de Venise. *Journal asiatique*. Paris, 1826, vol. 8, pp. 114–117. (In French)
88. Klaproth J. Vocabulaire latin, persan et coman, de la bibliothèque de Francesco Petrarca. *Mémoires relatifs à l'Asie*. Paris, 1828, vol. 3, pp. 113–256. (In French)
89. Kuun G. *Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum*. Budapest, 1880. (In Latin)
90. Radloff W. *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen*. Leipzig, 1882. (In German)
91. Radloff W. *Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus*. St. Pétersbourg, 1887. (In German)
92. Yule H. *Cathay and the way thither*. Leningrad, 1866, vol. I–II. (In English)

About the author: Arseniy V. Shumkin – Federal Agency of Research Organizations (32a, Leninsky prospect, Moscow 119334, Russian Federation). E-mail: arsen1293@rambler.ru

Received September 3, 2016

Accepted for publication November 5, 2016

**CHINGGIS KHAN'S GREAT YASA IN THE MONGOL EMPIRE
AND CHINGGISID STATES OF THE 13TH–14TH CENTURIES:
LEGAL CODE OR IDEAL “LAW AND ORDER”? ***

R.Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: ropot@mail.ru*

Research objective of the article is clarifying of the nature of the Great Yasa of Chinggis Khan: was it legal code or set of specific edicts, regulations and principles? **Research materials** include Arabian and Persian historical sources which already were used by another researchers of the Great Yasa (D. Ayalon, D.O. Morgan), as well as new sources on the history of the Mongol Empire, the Golden Horde, Yuan Empire, Chaghataid state recently introduced into scholarly circulation. **Research results** of the article consist in getting of arguments that the Great Yasa, in fact, was a set of specific principles and rules established by Chinggis Khan, and their observance provided a harmony in the Mongol Empire and the states of Chinggisids, i.e. the Great Yasa was a kind of “law and order” but not a legal code. **Research novelty** of the article is represented by analysis of the level of the legal development of the Mongols of the 13th–14th cc. when they didn't need a special codification to regulate their legal relations, that's why no one authentic source mentioned the Great Yasa as code of laws and it is characterized in this way only by representatives of the “written legal culture” (European, Caucasus, Arabian, etc.).

Keywords: Great Yasa, Chinggis Khan, Mongol Empire, Golden Horde, Ilkhanate, imperial legislation legal codification, customary law.

For citation: Pochekaev R.Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th centuries: Legal Code or Ideal “Law and Order”? *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 724–733. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.724-733

The law of the Mongol Empire is quite insufficiently explored aspect of history of this state because of absence of legal sources which could allow both to have an authentic view of Mongol imperial legal system, and to analyze system of legal sources, principles and regulations. Nevertheless during the ages researchers attempt to study different aspects and problems of law of the Mongol Empire and one of the most attractive subject for studying is the Great Yasa (“Их Засар” in Mongolian) of Chinggis Khan.

It's no secret that text of the Great Yasa (in general or partially) didn't survive to our days and there are not numerous mentioning of it in memoirs of foreign contemporaries and historical chronicles of the 13th–15th cc.: Arabic (al-Umari, Ibn Khaldun, al-Maqrizi), Persian (Juvaini, Rashid al-Din, Wassaf, Khafiz Abru, Mirkhond), Armenian (Vardan the Great, Grigor Aknertsis), Near Eastern (Gregory

* This article was originally presented at the International Academic Conference “Chinggis Khan and Globalization” (Ulaanbaatar, November 14–15, 2012) and then was substantially revised and supplemented.

Abu-l-Faradj), Byzantine (Georgius Pachymeres) and Western European authors (John of Plano Carpini, Benedict the Pole, William of Rubruck, Jean de Joinville) as well as in very small in number official acts: Chinese legal codes of Yüan Empire and Russian translations of *yarliks* of khans of the Golden Horde. These sources contain some single notes on the Great Yasa and several regulations which, as informers (and later researchers) believe, are parts of the Yasa.

However, since the beginning of the 18th c. scientists try to study the Great Yasa as global legal codification, to reconstruct its structure and specific regulations. In 1710 French orientalist F. Petis de la Croix was the first who in his work about Chinggis Khan fixed some regulations which, to his opinion, were a part of the Great Yasa [30, p. 99–110]. Since his time a lot of scientists dealt with above mentioned sources to study the Great Yasa. It's enough to mention the authors of the most important works: I. Berezin [9], V. Ryazanovsky [35], A. Poliak [32], G. Vernadsky [44], E. Kychanov [23; 24], T. Skrynnikova [22; 37], I. de Rachewiltz [34], D. Aigle [1; 2], S. Tserenbaltav and Ts. Minzhin [25; 43], etc.

It's interesting to note that the less information about the Yasa used by authors, the more original hypothesis are made by researchers. For instance, E. Khara-Davan in 1920s supposed that the Great Yasa included also biliks of Chinggis Khan [19]; G. Vernadsky in 1930s supposed the presence in the Great Yasa of some chapters, including state and administrative law, criminal law, private law and supplementary law [44, p. 344–359]; modern Mongolian scholar B. Sumyabaatar considers that military regulations mentioned in the letter of Khubilay to Korean van (his vassal) of 1280 are also to be a part of Yasa [38]; St. Petersburg author A. Yurchenko refers some everyday rituals and prohibitions (“taboos”) of Mongols to special “chapter” of Yasa [45; 46, p. 107–144]; at last, one more Mongolian author, N. Nyam-Osor, “reconstructed” the structure of the Great Yasa as a global code with two parts, and about 15 chapters, and 118 regulations [28]!

There are two different views on the Great Yasa among scholars. Some of them consider the Yasa as codification of the ancient Turkic and Mongol legal customs (E. Kychanov, T. Skrynnikova, I. de Rachewiltz), their opponents suppose it was quite new imperial legislation (G. Vernadsky, L. Gumilev [15, p. 302–303] and others). Nevertheless, all of them believe that Yasa was codified legal act.

Only two researchers risked to call in question the existence of the Great Yasa as legal code. D. Ayalon in 1970s paid attention to secondary character of the most part of sources about Yasa used by scientists and found that the only primary source was the *History of the World Conqueror* by Ata-Malik Juvaini (who wrote about the Great Book of Yasa, examples of which saved in treasuries of the most powerful Chinggisids) [5, p. 105–106, 139]. He also noted the polysemy of the term “yasa” (not only as “law”, “regulation”, but also as “power”, “rule”, “order”, etc.) [5, p. 138]. However, he remained within the traditional paradigm and considered the Yasa as legal act or, at least, set of acts [5, p. 127].

More drastic view on the Great Yasa was offered by D. Morgan in 1986: he found that mentions of Yasa in the Mongol and Persian sources of the 13th–14th cc. didn't give a reason to see it as a legal code and, in fact, we should talk about separate acts which even were not united in any codifications [26, p. 164, 168, 170]. To D. Morgan, it makes sense to equate the Great Book of Yasa mentioned by foreign authors with another legal monument – *Kok Defter Bichig* (The Blue Inventory) –

the docket, beginning of which also dated in the *Secret History of Mongols* by 1206 (traditionally considered as a year when the Great Yasa was created) [26, p. 173–176]¹.

The version of D. Morgan caused the discussion among researchers but as both sides based only on different interpretations of the same sources discussion reached a deadlock. For example, I. de Rachewiltz blamed D. Morgan in lack of knowledge of Chinese sources in which Yasa mentioned just as a code [34, p. 93–94]. In his turn, D. Morgan answered that information from these sources didn't convince in existence of the Mongol legal code [27, p. 297–302]. And we should agree with him as, for example, the Great Yasa in the *Yüan Shih* ("Da Jasa" in Chinese) also has Chinese equivalent "Da fa-lin" (or "Great laws and orders") [20, p. 163, 268, n. 5]. So, there are no mentions about codifications but only about collection (?) of official legal regulations.

However, in this paper we are intended to analyze the arguments of D. Ayalon and especially D. Morgan using the historical and legal approach and to examine the using of the term "Yasa" in sources of different states (from Mongolia and China to Mamluke Egypt and Bukhara Khanate and different epochs (from 13th to 18th cc.) with taking into account information about Chinggis Khan's and his successors' legislative activity (including this one which was not correlated with the Great Yasa).

Rejection by D. Morgan to recognize Yasa as a codified legal act, nevertheless, doesn't contradict to facts of references to regulations of Yasa (or yasas?) in different sources. For example, there are three references to Yasa in the Chinese legal code *Yüan chao-dan'-chan* (c. 1320): death for attempt to kill the member of khan's family, prohibition for messengers to claim horses and food at stations excessively and, at last, death for sorcery [33] – all these norms we can find in another sources, including reports of contemporaries and official acts (*yarliks* of khans). Mentioned in *yarlik* of 1269 by Mengu-Timur, first khan of the Golden Horde, accusation according to "the Great Yasa" for persons attempted to claim taxes or duties from the Russian Orthodox church [11, p. 468], also based, in particular, on *yarlik* of Chinggis Khan of 1223 [29, p. 375–376] and also mentioned by Juvaini as one of Chinggis Khan's yasas.

Some mentions of Yasa in Persian sources also give us reason to say that the general term had reference to specific regulations. For example, according to Juvaini, in 1246 Temuge Otchigin, brother of Chinggis Khan, was "put to death in accordance with the yasa" [10, p. 255; see also: 40, p. 387]. John of Plano Carpini, ambassador of the Pope to the Mongol Empire, told us about one of Chinggis khan yasas: each pretender for the throne should be killed if he tried to seize the throne without elections by *kurultai* [16, p. 63]; as we know, Temuge was accused just of such crime.

Rather interesting subject was researched by D. Ayalon: influence of Yasa on legal history of another states, especially on the Mamluk sultanate in Egypt. A.N. Poliak and D. Ayalon stated that Mamluks assimilated a lot of principles of Yasa but transformed them into own law "siyasa" which (in contrast to Yasa) were not in conflict with the norms of Shariat [7, p. 116–120; 32, p. 862]. In our opinion, there is also a contradiction: to eliminate such conflict it was necessary to clarify it

¹ Already D. Ayalon noticed that the Great Yasa was not mentioned in the *Secret History of Mongols* [5, p. 136].

– for it Mamluks should know the specific regulations of Yasa, accept those which were concordant with Shariat and reject discordant ones. Besides that, it's interesting to remind the letter of Mamluk sultan Baybars to ilkhan of Persia in which Baybars stated that their (Mamluk) Yasa, was stronger than one of Mongols [7, p. 129–130]. Undoubtedly, to make such statement Mamluks should have criteria for this comparison!

Nevertheless, we cannot connect some mentions of Yasa in sources with specific regulations, yasas or *yarliks*. So, in Persian chronicles we can find some facts of "putting to yasa" as punishment in different forms (from corporal punishments to death penalty) [see e.g.: 39, p. 38, 56, 57, 102, 123, 147, 176, 182, 199, 233, 261]. We suppose, in these cases penalties were sequence of encroachment on law and order. In Russian official documents since 15th to 19th cc. we can find the term *yasak* as a form of taxation: to our mind, it could be treated as tax in accordance with existing legislation (yasa in Turkic and Mongol tradition).

Then, it's interesting to note the using of term yasa in later historical and legal tradition – in khanates of Central Asia, for example in Bukhara of the 17th–18th cc. Some medieval historians and modern specialists mentioned using the principles of Yasa at khans' court [12, p. 59; 18, p. 91–93] as well as in everyday life of Uzbeks: observance of Yasa principles during feasts and banquets [see: 8; 14]. We don't know specific norms of Yasa for regulation of such actions, although strong regulation of feasts, etc. are mentioned in sources a lot of times beginning from the *Secret History of Mongols*.

On the base of research we found that if information of historical sources about Yasa doesn't give a reason to see the Yasa just as a codified legal act (here we agree with D. Morgan), at the same time we shouldn't consider it only as "law and order": of course, there were references in the most part of sources to certain acts and regulations of Chinggis Khan's legislation. So, the Yasa, in our mind, could be treated in two meanings or senses: in narrow sense it was a series of Chinggis Khan's and his successors' laws and official acts, and in wide sense – law and order existed due to realization and observance of these regulations.

The first (narrow) meaning allows us to talk about specific legal regulations and legal relations regulated by these regulations in society of the Mongol Empire. Some of these legal acts named yasas which were issued not only by Chinggis Khan, but also his successors (so, here we are sharing opinion of I. de Rachewiltz [34, p. 96]). We can confidently state (as a result of analysis of known legal regulations and legal principles of the Mongol Empire) what all these acts and relations laid in the field of "public law": status of authorities, territorial division, army, taxes, etc. Private life of different peoples and regions in the Empire regulated by their own law (yusun, adapt, etc.) [see e.g.: 21, p. 55].

The second (wide) treatment of Yasa makes us to recall another Turkic-Mongol legal category – *törü*. Some researchers already analyzed the information of sources on *törü* (like T. Skrynnikova [36; 37, p. 54–59], V. Trepavlov [41; 42, p. 38–41], C. Humphrey and A. Khurelbator [17]). The absence of enough data makes *törü* the very mysterious source of law of the Turks and Mongols. But most of researchers agree that it was a set of legal principles stated by Heaven (*Tengri*) to provide harmony and truth among nomadic peoples – like Ancient Egyptian *maat* or Indian *dharma* [see e.g.: 13, p. 581], so it was a kind of law and order but only on a base of regulations stated by *Tengri*, whereas Yasa was stated by

Chinggis Khan and other khans, his successors. Some authors stated that Yasa became something like “substitute” for *törü*, but in the special research we found that these legal categories were used in some sources at the same time [31, p. 531]. So there were categories of the same level and form (series of un-unified principles and regulations), and only their origin was different.

But, in this case, what was the reason of mentioning the code (or the book) of Yasa in historical sources? This concept of Yasa began to form already in the 13th c. – in works of foreign contemporaries and even official acts (*yarliks* of khans).

To our mind, D. Ayalon and D. Morgan came to answer rather closely but didn't formulate it once at all. Who were the authors of information on the Great Yasa? They were Arabs, Persians, Armenians, Byzantines, Chinese, Russians, Western Europeans (Italians, French, etc.) or, in other word, representatives of “written legal culture”. Since ancient times these nations and states had traditions of codification the law in different formats (from barbaric “leges” to Codex of Justinian, one of Smbat Sparapet, codifications of French legal customs, Islamic law, etc.). Of course, it was, in fact, impossible for them to suppose that such great empire as the Mongol one could be ruled without substantial codification. Moreover, image of the founder of empire, as a rule, always was connected with creation of codification (Clovis in Merovingian France, Justinian in Byzantium, Napoleon Bonaparte in France, etc.); and even in reports of Franciscans on their mission to the Mongol Empire (John of Plano Carpini and Benedict the Pole) Chinggis Khan was mentioned as a founder of the Mongol law [3, p. 116]. We consider that certain legal regulations used by the Mongols to provide “law and order” (Yasa in wide sense) were misinterpreted by foreign contemporaries as integrated codification. The absence of information about structure and most part of content of the Great Yasa they explained by secrecy of regulations – that became one more myth about Yasa. Already D. Morgan ironically wrote about “inaccessibility” of Yasa for its addressees – subjects of Mongol khans who had to observe these regulations [26, p. 169]. St. Petersburg orientalist A. Alekseev attempted to explain this strange fact: in his opinion, firstly Yasa regulated only relations among the Chinggisids and was closed for others, but then its regulations were distributed for wider circle of addressees and it became more accessible and known [4, p. 39]. But this hypothesis contradicts as to stereotype of proclamation of Yasa at the *kurultai* of 1206 [40, p. 186], so to information of later Arabic historians: al-Maqrizi in the 15th c. stated that Yasa still was secret and closed for wide use (he pretended to get information about it from certain traveler, but D. Ayalon argued that this man was “invented” by al-Maqrizi, and information on the Great Yasa, in fact, was got from the work of al-Umari, who, in his turn, got it from the work of Juvaini) [5, p. 100–105].

In fact, the Mongols of Chinggis Khan's epoch didn't need a global codification, at the same time it was not possible to create the universal legal code which could regulate all field of relation among a lot of imperial subjects of different nations, languages, cultures, social and economic structures. Chinggis Khan excellently understood such situation, that's why he limited his legislative activity by issuing of acts of imperial level (organizing of power structure, soldering, relations with vassal states, tax policy, etc.) and didn't attempt to regulate the private life of his numerous subjects.

But it was not the only source of creation of stereotype about Yasa as codified act. Another one was activity of the Chinggisids themselves. They used regulations

of Chinggis Khan to reach their own, political, goals and didn't hesitate to make legal fictions and even falsifications on this way. For example, according to Rashid al-Din, in 1235 Ögedei Khan, son and successor of Chinggis Khan, made one kurultai as he "wanted to assemble once again all the sons, relatives, and amirs and make them listen again to the yasa and ordinances" [40, p. 320]. It's very strange to call princes for listening regulations which (according to Juvaini) each of them had in own treasury [10, p. 25]. No doubts that Ögedei decided to inform them about some new regulations and orders and it was possible, that he could ascribe them to Chinggis Khan to make these regulations more strong and obligatory. The same actions were made later by other Mongol rulers. So, Qaidu, grandson of Ögedei Khan, stated that "Yasa-nameh" (The Book of Yasa) contained a regulation on succeeding the throne only by Ögedei's branch and, consequently, his rival Khubilay (son of Tului, another son of Chinggis Khan) was considered as a usurper [26, p. 170]. Persian ilkhans (also descendants of Tului), on the contrary, stated that their branch had all rights for the throne as they punctually observed the Yasa [6, p. 157–159]. As we can see, such opposite references to the "Book of Yasa" give us reason to say, that it didn't exist in fact. One of the later official mentions of Yasa is presented in Khanate of Bukhara at the beginning of the 16th c.: Muhammad Shaybani Khan didn't find convenient the court decision according to Islamic law and ordered to "do it in accordance with the Yasa of Chinggis Khan" [12, p. 59; 18, p. 93]. But the case was connected with hereditary relations, and we already mentioned, Chinggis Khan didn't extend his regulations for private relations! We suppose, in this case Yasa also was treated by khan as codification to be an effective alternative to Islamic law also based on written sources.

Thus, descendants of Chinggis Khan, to achieve their political goals could participate in creation of myth about the Great Yasa as a codified act which was "for their eyes only" and couldn't be changed since times of Chinggis Khan.

So, we should to appreciate a legislative activity of Chinggis Khan at its true value but not to arrogate to him the creation of the legal code which really didn't exist. This supposition is confirmed by the fact that Mongol legal codifications of the 16th–18th cc. (*Code of Altan Khan, Eighteen laws of Khalkha, Ik Tsaaz, Khalkha Jirum*) didn't contain any references to the Great Yasa, so they were created not by the example of any codified act of Chinggis Khan and his successors.

REFERENCES

1. Aigle D. Loi mongole vs loi islamique. Entre mythe et réalité [Mongolian law vs. Islamic Law: between myth and reality]. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 5–6, 2004, pp. 971–996. (In French)
2. Aigle D. Velikaya Yasa Chingis-khana, Mongol'skaya imperiya, kul'tura i shariat [Great Yasa of Chinggis Khan, Mongol Empire, culture and Sharia']. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and Nomadic World]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2004, pp. 491–530. (In Russian)
3. Aksenov S.A., Yurchenko, A.G., transl., "Istoriya Tatar" C. de Bridia [Historia Tartarorum C. de Bridia monachi]. *Khristianskiy mir I "Velikaya Mongol'skaya imperiya"* [Christian World and the "Great Mongol Empire"]. St. Petersburg, Eurasia, 2002, pp. 75–126. (In Russian)
4. Alekseev A.K. Yasa i islam: osobaya model' funktsionirovaniya administrativno-pravovykh institutov khanstv Maverannakhra [Yasa and Islam: specific model of adminis-

trative and legal institutions of khanates of Mawerannakhr]. *Rakhmat-name: Sbornik statey k 70-letiyu R.R. Rakhimova* [Rakhmat-nameh: Collected works on occasion of the 70th birthday of R.R. Rakhimov]. St. Petersburg, Kunstkamera, 2008, pp. 37–46. (In Russian)

5. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A. *Studia Islamica*, no. 33, 1971, pp. 97–140.

6. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part B. *Studia Islamica*, no. 34, 1971, pp. 151–180.

7. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part C2. *Studia Islamica*, No. 38, 1973, pp. 107–156.

8. Bartol'd V.V. Tseremonial pri dvore uzbekskikh khanov v XVII veke [Ceremonial at the court of Uzbek khans in the 16th c.]. *Sochineniya* [Collected works]. Vol. II, Part 2, Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 388–399. (In Russian)

9. Berezin I. Ocherk vnutrennego ustroystva Ulusa Dzhuchieva [Essay on internal structure of the Jochid Ulus]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Oriental Branch of the Russian Archeological Society]. Part VIII, St. Petersburg, 1864, pp. 387–494. (In Russian)

10. Boyle J.A, transl., Morgan, D.O., intr. *The History of the World-Conqueror by Ata-Malik Juvaini*, transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini, Manchester University Publ., 1997. LXVII + 763 p.

11. Cherepnin L.V., ed., Zimin, A.A., intr. Yarlyki tatarskikh khanov russkim mitropolitam: Kratkoe sobranie [Yarliks of Tatar khans to Russian metropolitans. Concise collection]. *Pamyatniki russkogo prava: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. XIV–XV vv.* [Monuments of the Russian law. Vol. 3: Legal monuments of period of the Russian centralized state, 14th–15th cc.]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955, pp. 463–491. (In Russian)

12. Djalilova R.P., transl. 1976. *Fadl Allakh ibn Rudhbi Khan al-Isfakhani. Mikhman-name-yi Bukhara («Zapiski bukharskogo gostya»)* [Notes of Bukharan guest]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 200 + 336 p. (In Russian)

13. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. XXXVIII + 676 p. (In Russian)

14. Gavrilov M.F. *Ostatki yasy i yusuna u uzbekov* [Remains of Yasa and yusun among Uzbeks]. Tashkent, 1929. 9 p. (In Russian)

15. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, Klyshnikov, Komarov and Co., 1992. 512 p. (In Russian)

16. Hildinger E., transl. *The Story of the Mongols whom we call the Tartars*, by Friar Giovanni di Plano Carpini, Boston, Branden Publishing Co., 1996. 136 p.

17. Humphrey C., Khurelbator A. Znachenie termina törü v mongol'skoy istorii [Meaning of term törü in Mongolian history], *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and Nomadic World]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2004, pp. 464–482. (In Russian)

18. Isogai K. 1997. Yasa and Shari'a in Early 16th century-Central Asia. *Cahiers d'Asie centrale*, no. 3/4, 1997, pp. 91–103.

19. Khara-Davan E. *Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie. Kul'turno-istoricheskiy ocherk Mongol'skoy imperii XII–XIV veka* [Chinggis Khan as military leader and his legacy. Cultural-historical essay on the Mongol Empire of the 12th–14th cc.]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe Publ., 1991. 196 p. (In Russian)

20. Khrapachevskiy R.P., transl., ed. *Zolotaya Orda v istochnikakh*, T. III. *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [Golden Horde in the sources, Vol. 3: Chinese and Mongol sources]. Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)

21. Kradin N.N. Evolyutsiya sotsial'no-politicheskoy organizatsii mongolov v kontse XII – nachale XIII veka [Evolution of social-political organization of the Mongols at the end of 12th – beginning of 13th cc.], *“Taynaya istoriya mongolov”: istochnikovedenie*,

filologiya, istoriya [The Secret History of the Mongols: Source study, philology, history]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1995, pp. 48–66. (In Russian)

22. Kradin N.N., Skrynnikova, T.D. *Imperiya Chingis-khana* [Empire of Chinggis Khan]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 556 p. (In Russian)

23. Kychanov E.I. Biliki Chingis-khana [Biliks of Chinggis Khan]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of Orient], no. 2 (5), 2006, pp. 210–216. (In Russian)

24. Kychanov, E.I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir* [The life of Temujin intended to conquer the world]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 144 p. (In Russian)

25. Minzhin Ts. *Ikh Zasag. Tyykh, erkh zryn shinzhilgee* [Great Yasa: History and Study]. Ulaanbaatar, 2009. 287 p. (In Mongol)

26. Morgan D.O. The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol Law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, Vol. 49, no. 1, 1986, pp. 163–176.

27. Morgan D. The “Great Yasa of Chinggis Khan” Revisited. Amitai R., Biran M. (eds). *Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leyden; Boston, Brill, 2005, pp. 291–308.

28. Nyam-Osor N. Rol' i sodержanie zakona “Ikh zasag” v istorii i kul'ture Mongolii [Role and content of the Great Yasa in history and culture of Mongolia], *Mir Tsentral'noy Azii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Istoriya. Sotsiologiya* [World of Central Asia: Proceedings of International conference: History, sociology], Vol. II, Pt. I. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2002, pp. 120–123. (In Russian)

29. Palladiy (tr.). Si yu tszi ili opisanie puteshestviya na Zapad [Account of travel to the West]. *Trudy chlenov rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine* [Proceedings of Russian holy mission in Beijing], Vol. IV, St. Petersburg, 1866, pp. 61–436. (In Russian)

30. Péris de la Croix F. *Histoire du grand Genghizcan, premier empereur des anciens Mongols et Tartares* [History of the great Chinggis Khan, first emperor of the ancient Mongols and Tatars]. Paris, 1710. 564 p. (In French)

31. Pochekaev R.Yu. Evolyutsiya töre v sisteme mongol'skogo srednevekovogo prava [Evolution of töre in the Mongol medieval legal system]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and Nomadic World]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2004, pp. 530–543. (In Russian)

32. Poliak A.N. The Influence of Chingiz-Khan's Yasa upon the General Organization of the Mamluk State. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University*, Vol. 10, no. 42, 1942, pp. 862–876.

33. Popov P.S. Yasa Chingis-khana i ulozhenie mongol'skoy dinastii Yuan' chao-dyan'-chzhan [The Yasa of Chinggis Khan and the code of Mongolian dynasty Yüan Dianzhang]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Oriental branch of the Russian Archeological Society], Vol. 17, 1906. St. Petersburg, 1907, pp. 0150–0164. (In Russian)

34. Rachewiltz I. de. Some Reflections on Chinggis Qan's Jasagh. *East Asian History*, no. 6, 1993, pp. 91–104.

35. Ryazanovskiy V.A. *Customary law of the Mongol tribes*. Harbin, 1929. 292 p.

36. Skrynnikova T.D. Sakral'noe pravo srednevekovykh mongolov [Sacral law of medieval Mongols]. *Rossiya i Mongoliya v svete dialoga evraziyskikh tsivilizatsiy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Zvenigorod, 2–5 iyunya 2001g.)* [Russia and Mongolia within the dialogue of Eurasian civilization: Materials of the International scientific conference, Zvenigorod, June 2–5, 2001]. Moscow, IV RAN, 2002, pp. 143–146. (In Russian)

37. Skrynnikova T.D. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and power during the epoch of Chinggis Khan]. St. Petesburg, Eurasia Publ., 2013. 384 p. (In Russian)

38. Sum'yabaatar B. Mongol'skiy zakonodatel'nyy pamyatnik XIII v. – novyi spisok [Mongol legal monument of the 13th c.: new record]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir*

[The Mongol Empire and Nomadic World]. Vol. 2. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2005, pp. 157–164. (In Russian)

39. Talyshkhanov E.R., transl., Mirgaleyev I.M., ed. *Hafiz Abru (Shikhab al-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). Dhayl-i Jami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida»)* [Supplement to Compendium of Chronicles by Rashid]. Kazan, Yaz Publ., 2011. 320 p. (In Russian)

40. Thackston W.M., transl. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of Mongols*, 3 vols. Cambridge University Publ., 1998–1999. 811 p.

41. Trepavlov V.V. Töru u drevnikh tyurok i mongolov [Töru of ancient Turks and Mongols]. *Mezhdunarodnaya Assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii. Informatsionnyy byulleten'* [Information bulletin of the International association for the study of cultures of Central Asia]. Vol. 18, 1991, pp. 19–30. (In Russian)

42. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v. (problema istoricheskoy preemstvennosti)* [Political system of the Mongol Empire of the 13th century (problems of historical succession)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1993. 168 p. (In Russian)

43. Tserenbaltav S., Minzhin, Ts. *Temudzhin – Chingis khany “Ikh zasag” khuul'*. Devter III [Great Yasa – the law of Temujin – Chinggis Khan, Vol. 3]. Ulaanbaatar, 2006. 140 p. (In Mongol)

44. Vernadsky G. The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 3, no. 3/4, 1938, pp. 337–360.

45. Yurchenko A.G. Yasa Chingis-khana: nerasshifrovannyye zaprety [Yasa of Chinggis Khan: un-deciphered bans]. *Altaica*, Vol. 6, Moscow, IV RAN, 2002, pp. 160–190. (In Russian)

46. Yurchenko A.G. *Zolotaya Orda: mezhdue Yasoy i Koranom (nachalo konflikta). Kniga-konspekt* [Golden Horde: between Yasa and Koran (beginning of conflict). Compendium-book]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 368 p. (In Russian)

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci (Jurisprudence), Docent, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Received August 4, 2016

Accepted for publication November 7, 2016

ВЕЛИКАЯ ЯСА ЧИНГИЗ-ХАНА В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И ГОСУДАРСТВАХ ЧИНГИЗИДОВ XIII–XIV ВВ.: СВОД ЗАКОНОВ ИЛИ «ЗАКОН И ПОРЯДОК»?

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
198099, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ropot@mail.ru

Цель исследования: великая Яса Чингиз-хана в течение нескольких веков (XVIII – начало XXI) исследовалась гораздо чаще и подробнее других источников права Монгольской империи и государств Чингизидов. При этом исследователей не смущало, что не сохранилось никаких источников монгольского происхождения, которые бы содержали нормы и положения Ясы. Вынужденные опираться исклю-

чительно на сведения о Ясе иностранных авторов (арабских, персидских, кавказских, западноевропейских), исследователи позволяли себе довольно разнообразные предположения о ее форме и содержании, структуре, составных частях и пр.

В целом в науке утвердилось представление о Великой Ясе как о всеобъемлющем своде законов Монгольской империи, созданном Чингиз-ханом и обладавшем высшей юридической силой во всех государствах Чингизидов. Различия проявлялись лишь в том, что одни авторы считали Ясу записью обычного права, тогда как другие утверждали, что это было принципиально новое законодательство, разработанное Чингиз-ханом и его сподвижниками.

Это устоявшееся мнение подверглось сомнению лишь в 1970–1980-е гг., когда сначала израильский ученый Д. Айалон, а затем американский исследователь Д. Морган впервые обратили внимание, что источники не дают оснований считать Великую Ясу именно единым кодифицированным документом, и она была, скорее, совокупностью правовых актов, издававшихся самим Чингиз-ханом и его преемниками – монгольскими ханами. Несмотря на убедительные доводы этих авторов, тем не менее, многие исследователи истории тюрко-монгольских государств, их политического и правового развития продолжали (и продолжают) считать Ясу сводом законов, регулировавшим практически все сферы правовой жизни населения Монгольской империи и государств – ее преемников.

Материалы исследования: в статье предпринимается попытка развить выводы Д. Айалона и Д. Моргана с привлечением дополнительных источников, содержащих сообщения о Ясе. Упомянутые исследователи опирались преимущественно на арабские и персидские источники о Государстве ильханов, Мамлюкском султанате в Египте и т.п., автор же привлекает источники о Монгольской империи и Золотой Орде, империи Юань и Чагатайском улусе, в т.ч. и введенные в научный оборот уже после выхода в свет работ Д. Айалона и Д. Моргана.

Результаты и научная новизна: автор статьи приходит к выводу, что термин «Великая Яса» означал даже не совокупность норм и правил поведения, а своего рода «правопорядок», т.е. состояние законности, достигаемое соблюдением соответствующих норм. Об этом свидетельствует использование термина «яса» в источниках XIII–XIV вв. в самых разных значениях, объединяемые только одним критерием – соблюдение законно установленных правовых норм и принципов.

Также автор пытается ответить на вопрос, на который не дали ответа Д. Айалон и Д. Морган – почему же в интерпретации иностранных информаторов Яса представлена как свод законов Монгольской империи, хотя на самом деле таковой не являлась?

Ключевые слова: Великая Яса, Чингиз-хан, Монгольская империя, Золотая Орда, Государство ильханов, имперские кодификации, обычное право.

Для цитирования: Pochekaev R.Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th centuries: Legal Code or Ideal “Law and Order”? // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 724–733. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.724-733

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: ropot@mail.ru

Поступила 04.08.2016 г.

Принята к публикации 07.11.2016 г.

ГОСПОДСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ВАЛАХИИ И МОЛДАВИИ***Виктор Спиней**^{1,2}¹ Университет имени А.И. Кузы в городе Яссы² Институт археологии в городе Яссы

Яссы 700479, Румыния

E-mail: vspin@uaic.ro

Цель: изучить особенности и последствия периода владычества Золотой Орды для Валахии и Молдавии.

Материалы исследования: «Великая монгольская инвазия» 1241–1242 годов произвела особенно серьезное воздействие на румынские регионы, вызвав тяжелую экономическую и политическую дестабилизацию, которая была следствием, среди прочего, включения обширных территорий за пределами Карпатской дуги в состав золотоордынского государства более чем на столетие. Черда этих событий привлекла закономерный и повышенный интерес в историографии, став объектом изучения в многочисленных исследованиях и монографиях. Причем монографии и различные исследования, комплексно рассматривавшие события, связанные с монгольскими завоеваниями в Восточной и Центральной Европе, также освещали и аспекты, относящиеся к Карпато-Дунайским землям. Еще несколько десятилетий назад заключения, к которым приходили исследователи, занимавшиеся этой темой, по большей части основывались на сведениях западных и восточных нарративных и дипломатических источников. В течение периода, следовавшего за II Мировой войной и ставшего свидетелем прогресса в области средневековой археологии, были выявлены многочисленные находки, датируемые периодом монгольской экспансии и таким образом существенно обогатившие изучение контактов между автохтонным населением и агрессорами. Среди сделанных тогда находок было и большое количество монет, анализ которых привел к чрезвычайно интересным заключениям. При современном состоянии исследований, исчерпывающие изыскания в области истории румын и монголов XIII–XIV веков не могут быть предприняты без основательного параллельного изучения письменных и археологических источников.

Результаты и научная новизна: аналогично всем странам, подверженным нападению монголов, монгольское вторжение в регионы проживания румын причинило крупный демографический, экономический и политический урон. Значительные материальные ценности были уничтожены или разграблены, вызвав нарушения в экономической жизни, особенно в секторе товарообмена. Захват обширных территорий местных жителей воспрепятствовал объединению и консолидации политических образований. С другой стороны монгольское присутствие в регионах Нижнего Подунавья препятствовало расширению господства Венгерского королевства за Карпатским горным хребтом и Болгарского царства на севере от Дуная. Рах Mongolica, внедренный в течение нескольких десятилетий в Нижнем Подунавье, создал условия для активизации торговых путей континентального значения, развития определенных отраслей ремесленного производства и появления нескольких центров урбанного характера. Поэтому, вместо постулатов, навязанных старой историографией, следует признать правомочность идеи, что монгольское господство в румынских регионах имело и позитивные последствия.

* Перевод с английского Романа Хаутала.

Ключевые слова: история монгольской империи, Золотая Орда, Трансильвания, Валахия, Молдавия.

Для цитирования: Спине́й В. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 734–766. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.734-766

«Великая монгольская инвазия» 1241–1242 годов произвела особенно серьезное воздействие на *румынские регионы*¹, вызвав тяжелую экономическую и политическую дестабилизацию, которая была следствием, среди прочего, включения обширных территорий за пределами Карпатской дуги в состав золотоордынского государства более чем на столетие. Череда этих событий привлекла закономерный и повышенный интерес в историографии, став объектом изучения в многочисленных исследованиях и монографиях [93, р. 33–66; 48, р. 101–121; 54, р. 42–67, 79–132; 82, р. 64, 94–97; 100, II, р. 628–656; 91, р. 236–272; 34, р. 243–253]. Причем монографии и различные исследования, комплексно рассматривавшие события, связанные с монгольскими завоеваниями в Восточной и Центральной Европе, также освещали и аспекты, относящиеся к Карпато-Дунайским землям [103, s. 20–21; 107, o. 66–67, 74–76; 63, р. 63–64, 68–70; 47, р. 410–414; 30, р. 95–104; 112, р. 343–346]. Еще несколько десятилетий назад заключения, к которым приходили исследователи, занимавшиеся этой темой, по большей части основывались на сведениях западных и восточных нарративных и дипломатических источников. Количество этих источников невелико, и их содержание довольно скудно в отношении предоставляемой информации; вследствие чего они только частично отражают демографические и политические реалии Нижнедунайских регионов, поднимая тем самым ряд вопросов. В определенный момент появилась иллюзия того, что информативная составляющая этих источников уже была полностью исчерпана. Тем не менее некоторые убедительные исследования, избежавшие влияния этой пессимистичной точки зрения, выявили те источники, которые либо не были проанализированы к тому времени, либо изучены лишь частично. В течение периода, последовавшего за II Мировой войной и ставшего свидетелем прогресса в области средневековой археологии, были выявлены многочисленные находки, датируемые периодом монгольской экспансии и таким образом существенно обогатившие изучение контактов между автохтонным населением и агрессорами. Среди сделанных тогда находок было и большое количество монет, анализ которых привел к чрезвычайно интересным заключениям. При современном состоянии исследований исчерпывающие изыскания в области истории румын и монголов XIII–XIV веков не могут быть предприняты без основательного параллельного изучения письменных и археологических источников.

Когда монголы начали свою кампанию в Европе, румынский регион переживал длительный переломный период, бывший следствием как того факта, что племена печенегов, узов и куманов поочередно поселились на равнинах на север от Дуная – в Буджаке и Барагане; так и включения Трансильва-

¹ Под румынскими регионами мы имеем ввиду историческую территорию Трансильвании, Валахии и Молдавии.

нии в состав Венгерского королевства в тот же самый период. Грабительские набеги кочевников и их стычки с соседними государствами привнесли нестабильность в эту зону, ослабив тем самым демографический рост, воспрепятствовав экономическому благополучию и замедлив процесс образования сильных государственных образований [101, р. 47–305; 52, р. 32–55]. В этих условиях Карпато-Дунайские земли, с одной стороны, не представлялись привлекательными объектами грабительских нападений азиатских всадников и, с другой стороны, не являлись значительным препятствием для военных действий монгольских войск. Именно по этим причинам эти земли оставались незаметным объектом как для политических властелинов того времени, так и для современных историографических кругов.

Уже до вторжения монголов в Карпато-Дунайские регионы определенные отголоски их военных кампаний в Восточной Европе были засвидетельствованы на большом расстоянии от эпицентра военных столкновений. Так, многие исследователи считают, что просьба, адресованная в 1227 году куманскими группами церковным властям Венгрии, об оказании покровительства в их обращении в христианство, – которая имела вскорости своим следствием создание Куманской епархии в юго-восточной Трансильвании, северо-восточной Валахии (Мунтении) и юго-западной Молдавии; – была обусловлена потрясением, причиненным тюркским племенам в ходе поражения, нанесенного подразделениями Джебе и Субедея на Северном Кавказе в 1222 году и на Калке в 1223 году. Согласно этому предположению, при помощи этой конфессиональной инициативы новообращенные пытались добиться благосклонности и защиты Венгерского королевства, предугадывая повторное нападение монгольских сил [82, р. 66–67; 61, р. 131; 47, р. 406; 67, р. 260; 80, р. 97–98]. Действительно, наступление возобновилось, начавшись в 1236 году, и с гораздо большим размахом. Серьезные поражения, понесенные племенными конфедерациями куманов в Волжском бассейне и понтийско-каспийских степях, принудили их искать убежища на западе, в равнине Паннонии и на Балканском полуострове. Отдельная группа под командованием хана Котяна достигла Венгрии после пересечения северных Карпат через Верецкий перевал – традиционный маршрут миграции из Северного Причерноморья в Паннонию, – отклонившись таким образом от территории Молдавии. С другой стороны, группа, проникшая на юг от Дуная, где она столкнулась с враждебностью болгарского царя, не могла попасть туда без того, чтобы пересечь южную часть Молдавии и восточную часть Валахии.

Монгольская армия продвинулась к территориям, соседствовавшим с теми, которые уже были заселены румынами в 1239 или 1240 году. В 635 году по Хиджре (1237–1238 гг. н.э.) монголы проникли в Дешт-и Кипчак (Кипчакская степь / степь куманов), и в ходе жестоких боев они нанесли поражение армиям под командованием Котяна, который обратился к королю Беле IV с просьбой принять его в Венгерском королевстве в 1239 году. Также вполне возможно, что войска победителей завладели покинутым ареалом почти ментально, и эта возможность позволяет предположить, что монгольские подразделения могли продвинуться вплоть до устьев Дуная. Согласно вечным законам войны, победители овладевали всеми территориями побежденных в военном столкновении, даже если решающее столкновение происходило в ограниченном пространстве.

Если у нас нет сведений о проникновении монголов на территории нижнего течения Дуная, то их продвижение к северо-восточным пределам территорий, заселенных румынами, напротив, подтверждается синхронными источниками. После захвата Киева 6 декабря 1240 года (некоторые другие фрагментарные сведения, внушающие меньше доверия, указывают на дату 19 ноября) монгольские подразделения проникли на западную сторону Киевского княжества, как и в Галицко-Волынское княжество, где местные предводители, павшие духом и посчитавшие бесполезным любое сопротивление, подчинились монголам. Не позволив себе отдохнуть после длительных военных операций на Руси и в Дешт-и Кипчак, они самым оперативным образом приготовились напасть на Центральную и Восточную Европу, вторжение в которые они запланировали задолго до этого.

На этой стадии кампании Бату, верховный военачальник монголов, уже не располагал теми воинскими ресурсами, на которые он мог рассчитывать в самом начале Великого Западного похода. Естественно, часть его воинов погибла во время столкновений с противником, но, по всей вероятности, личный состав был пополнен путем включения в состав войск подразделений, которые были укомплектованы из подчиненного населения, согласно обычной практике степных всадников. Некоторые же части монгольской армии, принявшие ранее участие в сражениях с русами, куманами и другими народами Восточной Европы, напротив, вернулись в Азию после капитуляции Киева. Поэтому среди действующих военачальников на венгерском и польском театрах военных операций более не встречаются имена некоторых выдающихся членов рода Чингиз-хана, таких как Гуюка, сына Угедея, и Мунке, сына Тулуя, – будущих императоров Монгольской империи. Совершенно очевидно, что они не удалились в одиночестве, но в сопровождении подчиненных им войск. Верховное руководство империи вероятно посчитало, что наиболее важные цели кампании были достигнуты, то есть завоевание равнинной зоны на север от Каспийского моря, Кавказских гор и Черного моря, включая установление господства над русами и другими народами Восточной Европы. Но, хотя продолжение экспансии по направлению к Центральной и Восточной Европе играло менее важную роль в завоевательных планах монголов, это военное предприятие не оказалось, ни в коем случае, недооцененным.

Экспедиционный корпус во главе с Бату был укомплектован с учетом высокого военного потенциала государств Центральной и Восточной Европы, среди которых выделялось королевство Арпадов, воспринимавшееся в качестве грозного противника. Еще до начала столкновений с княжествами Руси завоевание Венгерского королевства входило в приоритетные стратегические планы монголов. Знаменательным в этом отношении является свидетельство доминиканца Юлиана, отправленного в миссию в Восточную Европу во время вторжения на Русь армий хана Бату: «уже давно известным фактом было то, что князь Суздали передал через меня на словах королю венгров, что татары днем и ночью совещались, как разбить и захватить королевство христианских венгров» (*Fertur a pluribus re certa et dux de Su[z]dal mandavit per me regi Hungariorum viva voce quod nocte dieque consilium habent Tartari, qualiter vincant et obtineant regnum Hungariorum christianorum*) [51, p. 38, 42; 38, s. 177–178]. Более того, монголы, видимо, также предусматривали вторжение в Германию (*Alemania*) [49, p. 25, 29, 33; 39, s. 158]. В целях

подготовки военных операций, зимой 1240–1241 года монгольские войска сконцентрировались на западных территориях Галицко-Волынского княжества и, вероятно, на северной половине Молдавии. Для того чтобы помешать возникновению предположений о готовящемся вторжении в Венгрию, между местом их дислокации и границами королевства была сохранена нетронутой грабежами территория, которую можно было пересечь за 4–5 дней [89, р. 32, 71; 90, р. 164–165]; и ее протяженность, по всей видимости, равнялась 150–200 км. Протекция этой буферной зоны также служила цели обеспечения продовольственных ресурсов для воинов и подножного корма для животных на начальном этапе нападения. Для поддержания материального обеспечения войск, подчиненные общины были обязаны предоставлять продовольствие армиям, ведущим военные действия. Такие обязанности были засвидетельствованы за Болоховскими жителями, чьи земли располагались в среднем течении Южного Буга. В 1241 году они получили приказ отдать монголам пшеницу и просо [12, стб. 792]. Вполне вероятно, что и другие общины русов и румын могли быть принуждены предоставлять подобные продукты, несмотря на отсутствие упоминания этого факта в синхронных летописях. В праздник Рождества 1240 года в Венгрии распространились известия о том, что монголы начали грабить территории рядом с границей Руси: «circa natiuitatem Domini fama fuit, quod confinia Hungarie Ruscie contigua [continua], Tartari deuastabant» [89, р. 29, 68; 90, р. 156–157].

Зимой 1240–1241 года монгольские армии собрались рядом с северо-восточными склонами восточных Карпат и начали общее наступление по направлению к западным регионам в марте 1241 года. Польша и Венгрия были атакованы одновременно несколькими подразделениями: такая тактика препятствовала предоставлению помощи тем, кто был подвержен нападению, и, с другой стороны, облегчала обеспечение продовольствием нападавших. Главное крыло монгольских войск, двинувшееся по направлению к Венгерскому королевству под командованием Бату, форсировало северные Карпаты через так называемые «ворота Руси» (ad dictam portam Ruscie) [89, р. 32, 71; 90, р. 164–165]; термин, которым было принято называть Верецкий перевал (совр. Нижние Верецки). Укрепленные поселения к северу от Буковины, которые, согласно археологическим изысканиям, предпринятым после II Мировой войны, прекратили свое существование в середине XIII века; были, по всей вероятности, уничтожены войсками в подчинении Бату в то время, когда они направлялись в сторону границ Венгрии [22, с. 89 и сл.; 5, с. 266–270, 275].

Одна из самых мощных армий – несомненно, вторая по значению среди монгольских сил во главе с Каданом, сыном Великого хана Угедея – двинулась на запад по дороге, пролежавшей «между Русью и Куманией», то есть через северную часть Молдавии. За три дня Кадан пересек всю лесную область Восточных Карпат, прежде чем достигнуть в марте 1241 года восточной стороны Трансильвании в долине Сомешул-Маре. Первыми противниками, которые попытались помешать его продвижению, были саксонские общины Родны, поселенные там венгерскими королями для развития горного промысла. Удостоверившись в их непреклонной решимости защищаться и стремясь избежать возможных потерь, Кадан имитировал отступление; и жители Родны, незнакомые с тактическими уловками кочевников, оказались настолько наивными, что поверили, что их военная инициатива могла бы испугать

монголов. При внезапном возвращении монголов, саксонцы оказались совершенно неподготовленными, и таким образом они были легко разбиты. Шесть сотен из тех, кому была сохранена жизнь, были принуждены следовать во главе с «комесом Аристалдом» за Каданом, когда он пересекал Трансильванию по пути своего следования в сторону Венгрии [89, р. 33, 72; 90, р. 164–167]. Эпизод, имевший место в Родне, иллюстрирует методы, при помощи которых монголы пополняли свои армии во время военных кампаний. Явные упоминания таких случаев встречаются очень редко, в особенности в отношении европейского театра военных действий; что, однако, не означает, что подобная практика не была распространенной. Без таких пополнений в рядах воинов их экспансионистская энергия резко бы ослабла на протяжении длинных кампаний; в особенности принимая во внимание то, что демографический потенциал исконных тюрко-монгольских областей никогда не был достаточным. Кадан подошел к Ораде в сопровождении 600 саксонцев и вошел в город без особых препятствий, но он встретил более стойкое сопротивление при осаде крепости, которую удалось взять только после разрушения ее стены при помощи семи камнеметных машин. Наказание сопротивлявшихся было чрезвычайно жестоким, включая убийство не только граждан, но и церковных служителей и женщин, вместе с одновременным разорением, профанацией и поджогом кафедрала и других церквей [89, р. 45–46, 85–86; 90, р. 198–201]. Среди других наиболее важных городов центральной Трансильвании, завоеванных монголами, заслуживает упоминания Клуж [46, р. 65], который, вероятно, также стал жертвой экспедиционного корпуса во главе с Каданом во время его передвижения из Родны в Орада.

Одно войсковое объединение, название которого не уточняется в письменных источниках, продвинулось из центральной Молдавии по направлению к Трансильвании через долину Бистрицы, на что указывают археологические раскопки, предпринятые в укрепленном поселении Пятра-Нямц – Батца Доамнеи, датируемом концом XII и первой половиной XIII века. В ходе археологических изысканий внутри него было идентифицировано большое количество оружия, орудий труда, предметов одежды и металлической амуниции [95, р. 441–454]; что указывает на внезапный уход его жителей из-за появления большой опасности, несомненно, вызванной вторжением монголов. Продвинувшись на северо-запад, вдоль реки Бистрица, это подразделение могло соединиться с войсками под командованием Кадана.

Другое крыло монголов действовало на юге Молдавии, где, после форсирования реки Сирет, оно проникло в «страну Куманского епископа», разбив войска, посланные ему навстречу. Мы не знаем, двинулось ли это крыло из Галиции и северной Молдавии, или же оно пришло прямо из Дешт-и Кипчака. Этим крылом командовал некий Бочетор [89, р. 33, 72; 90, р. 166–167], чье имя было передано в деформированном виде Рогерием из Торре Маджоре, описывавшим эти события. Также возможно, что под этим именем понимался Бучек, сын Толуя, или Беркечар, сын Джучи и брат Бату. После уничтожения Куманской епархии монголы двинулись в Трансильванию через Ойтузский перевал, бывший наиболее простым путем проникновения из Молдавии в земли внутри Карпатской дуги. Согласно Птолемию из Лукки (1236? – 1326/1327) и другим итальянским хронистам, защита горного перевала была возложена на румын и секеев (*Ollaci et Siculi*), но они не смогли

остановить продвижение захватчиков [104, р. 539; 99, р. 7–15; 102, р. 23–38, 119–134]. Также не добились желанного успеха и военные силы во главе с воеводой Трансильвании, попытавшиеся оказать сопротивление монголам в земле Бырса (Цара-Бырсей). Монголы продолжили свое продвижение на запад по долине реки Олт, разграбив цистерцианский монастырь Керца. Кампания в южной Трансильвании привела, среди прочего, к завоеванию городов Сибиу и Альба Юлия [46, р. 65].

Король Бела IV сообщал в своем письме, адресованном папе Иннокентию IV 11 ноября 1250 года, что во время проведения кампании против Венгрии армия монголов пересекла регион, расположенный «на границе с куманами за Дунаем и с болгарами» (*in confinio Cumanorum ultra Danubium et Bulgarorum*) [57, р. 261, где письмо ошибочно датируется 1254 годом]. Данное утверждение может указывать на то, что и территория Валахии также оказалась подвержена нападению. Вполне возможно, что, как и при охвате восточной части Венгерского королевства, в рамках стратегической системы координат этого вторжения монголы могли начать нападение как через перевал Турну Рошу по направлению к трансильванской долине Олта, так и через дунайские устья (Clisura Dunării, Banatska Klisura) по направлению к Банату.

Военное столкновение между монголами и румынами косвенно упоминается знаменитым персидским летописцем Рашид ад-дином, имевшим доступ к богатой документации при дворе ильханов. Румыны обозначаются двумя различными этнонимами – Улаг и Кара-Улаг (Черные румыны), – отображая, тем самым, тот факт, что они занимали отдельные территории и не имели идентичного политического статуса. Против них действовало подразделение во главе с Бучеком, которое, «пройдя по дороге Черных румын через горы и спустившись туда, захватило народ румын»; и позже выиграло еще одно сражение с неким Мишлавом [86, р. 70; см. также: 87, II, р. 332], бывшим, вероятно, местным вождем. Кара-Улаг (Черные румыны) могли жить за пределами Карпатской дуги; тогда как также возможно, что Улаг (румыны), упомянутые в тексте Рашид ад-дина, могли быть родом из Валахии или Трансильвании. Инвазия на территории румын (Blacsi) также упоминается в послании флорентинца Рикколдо да Монте Кроче (ок. 1243–1320) [88, р. 106–107]. Кроме того, другой автор родом из Тосканы, Джованни Виллани (ок. 1275–1348), пишет в своей хронике о завоевании Валахии (Bracchia) монголами [109, р. 71; 110, р. 255–256].

Спеша достичь Паннонской равнины как можно быстрее для того, чтобы соединиться с основной частью войск во главе с Бату, ожидавшего энергичный отпор со стороны короля Белы IV, подразделения во главе с Каданом, Бури, Бучеком и другими чингизидскими военачальниками не имели достаточно времени для осуществления обширных разрушений и грабежа. Тем не менее, при получении сигнала об отступлении после прибытия сообщения о смерти Великого хана Угедея, монгольские отряды предались захвату рабов и разбою. У нас нет сведений о пути возвращения главной части армии во главе с Бату, но можно предположить, что он предпочел вернуться через тот же Верецкий перевал. Многочисленные подразделения монголов вернулись в свои родные земли, пройдя через Трансильванию, которой они причинили значительный урон. Поскольку монголы не оставили оккупационных войск в этом регионе, который они пересекли в 1241 году, местные трансильванцы

воспользовались этим для того, чтобы укрепить крепости в этой зоне. К несчастью для них, эти крепости не были достаточно оснащены для того, чтобы выдержать атаки монголов [89, р. 55–56; 90, р. 220–225]. Другая группа монголов во главе с Каданом провела зиму 1241–1242 года рядом с побережьем Далмации и направилась в сторону евразийских территорий через северные регионы Болгарского царства. Путь, по которому следовали монголы, отмечен следами разрушений, выявленных в отдельных крепостях, как и в монетных кладах в Добрудже, спрятанных местными жителями от врагов [78, р. 97–98; 1, с. 4–9].

Великий Западный поход монголов 1236–1242 годов был, вероятно, самой молниеносной военной кампанией за все Средневековье, вызвавшей серию длительных этно-демографических, экономических, политических, культурных и конфессиональных последствий в судьбе народов западной части Евразии. Последствия военных столкновений были не везде однородными. По нашему мнению, среди стран, которые подверглись инвазии, можно выделить три главные обособленные категории. В определенных странах – в Польше, Моравии, Венгрии – в течение кампании имели место убийства, разрушения и грабеж; но монголы не навязали им впоследствии каких-либо принудительных обязанностей. Некоторые другие страны – Русь, Дунайская Болгария и Сербия – претерпели те же бедствия и были подчинены разорительным данническим требованиям на долгое время. Третья категория регионов – Волжская Булгария, Кумания, Северо-Кавказская область и Крым – потеряли свою политическую автономию, будучи оккупированными непосредственно монголами и напрямую подчиненными их управлению. Предложенная классификация не оставалась неизменной, и определенные категории подвергались изменениям с течением времени.

В общих чертах, все три категории встречаются также и в зоне, заселенной румынами, состав которой в значительной степени находился в зависимости от прежних политических объединений. Так, Трансильвания, где процентное соотношение румын в демографическом составе было значительным, осталась внутри границ Венгерского королевства, будучи защищенной на востоке от нападений соседей Карпатской цепью и также крепостями, возведенными властями рядом с наиболее доступными перевалами. В регионах за пределами Карпатской дуги не было столь грандиозных ландшафтных барьеров; однако несмотря на это, монголы не захотели аннексировать их полностью, но только частично. Предсказуемым образом они завладели территориями, принадлежавшими ранее куманам, прежним обладателям понтийско-каспийских равнин. Наподобие других тюркских степных племен кочевников – печенегов и узов, – куманы располагали свои зимние стоянки в равнинной полосе на север от Нижнего Дуная и в зоне приморских озер между устьями Дуная и Днестра, то есть в Буджаке и Барагане, откуда они отправлялись на север со своими семьями и стадами во время теплых периодов. В поисках равнин, благоприятных для их отар и стад, они следовали течению главных рек с целью продвинуться в сторону северных частей Молдавии и Валахии. Обычно они избегали холмистых земель с густыми лесами, и поэтому они не продвинулись в зону Прикарпатья западнее течения реки Сирет в Молдавии и Олт в Валахии. Заселение тюркскими кочевниками Буджака и Барагана вынудило местное земледельческое население мигрировать на се-

верные и западные территории, лучше защищенные от грабительских набегов [97, р. 84–104; 101, р. 307–360; 85, р. 89–93, 139–145, 230–232]. Эти территории остались за пределами владений Золотой Орды, но они не смогли избежать статуса данников мощного государства, созданного на западе от Сибири и в южной части Восточной Европы.

Трудно точно определить контур территорий, оккупированных непосредственно монгольскими общностями и подчиненными им тюркскими группами. Несколько более точные данные предоставили археологические изыскания, предпринятые в последние десятилетия, уделяя первоочередное внимание керамическим и монетным находкам. В этой связи мы имеем в виду красновато-желтоватые образцы керамики, изготовленные ремесленниками восточных городских центров Золотой Орды, перенявшими более ранние технологические традиции. Уникальное качество этой керамики определило ее высокий спрос и широкое распространение во многих европейских регионах Золотой Орды, часто вытесняющее другие типы керамической продукции. Ее находки в поселениях в Молдавии и Добрудже указывают на то, что эти поселки находились внутри сферы экономического влияния центров красновато-желтоватого гончарного производства, пользовавшегося протекцией властей.

Именно эти центры обеспечивали продажу произведенной продукции, в основном в зоне, контролируемой монгольской администрацией, и в гораздо более ограниченной степени за пределами этой зоны, где красновато-желтоватая керамическая посуда выявлена наряду с гончарной продукцией, произведенной местными ремесленниками. Картография поселений, где преобладала красновато-желтоватая гончарная продукция, показывает, что зона ее распространения не простиралась западнее течения реки Сирет. Между Сиретом и Прутом артефакты этой керамики были найдены до настоящего времени только в южной половине этого междуречья, тогда как в междуречье Прута и Днестра границы ее распространения простираются на север, покрывая примерно две трети пространства Бессарабии [21]. Отдельные черепки красновато-желтоватой керамики были выявлены в слоях, датированных серединой XIV века, в Байе, Миховене, Сучаве (жудец Сучавы) и т.д.; но ее процентное соотношение является незначительным в составе гончарной продукции, найденной в ходе произведенных археологических раскопок [37, р. 243–253]. По этой причине находки, сделанные на северо-западе Молдавии, имеют значение, отличающееся от находок, которые упоминались выше. По имеющейся информации, образцы красновато-желтоватой керамики не были найдены в восточной части Валахии, по крайней мере, до настоящего времени. Они были выявлены, напротив, в Добрудже [96, р. 231–238].

Различные монеты, чеканенные ханами Золотой Орды, были найдены в южной Молдавии [18, с. 135, 138–140, 143–144, 146–150; 19, с. 96–113] и в Добрудже [78, р. 115–124]. Эти находки подтверждают идею, что зона распространения красновато-желтоватой гончарной продукции на запад от Днестра определяет территории, находившиеся под монгольским управлением. Следует упомянуть, что согласно настоящему состоянию исследований, производство и использование образцов этой керамики в Молдавии и Добрудже засвидетельствовано только начиная с XIV века. Что касается предыдущего периода, у нас нет данных, касающихся пределов непосредственных владений

Золотой Орды в регионах на запад от Днестра. Тем не менее можно предположить, что в общих чертах зона монгольского владычества во второй половине XIII столетия была той же, что и в первой половине следующего века.

Участие монгольского этнического элемента в завоевании и управлении регионами Нижнего Подунавья и нижнего бассейна Днестра не отражается должным образом в доступных источниках. Как известно, ограниченные демографические возможности монголов позволили им предпринять только поверхностную колонизацию громадных территорий, которые они завоевали в Евразии. Только ханы оставили за собой исключительное право гегемонов, то есть они строго надзирали за стабильностью в своих доменах, которые они завоевали путем военного принуждения, и с выгодой для себя извлекали прибыль путем получения дани, наложенной на местные сообщества. Для повышения эффективности управления они прибегали к широкому использованию сотрудничества с различными представителями поработенных народов, обладавшими опытом в решении административных проблем, а также имевшими навыки в ремеслах или коммерческой деятельности. В свое время подчинившиеся завоевателям и лишённые военной силы во избежание восстаний или требований автономии, народы, включённые в состав Монгольской империи, воспользовались предоставлением определенного покровительства их собственным нормам повседневной жизни в духе предписаний, определяемых как *рах Mongolica*, которые предполагали безоговорочное признание верховенства Чингизидов.

Среди племен, вынужденных признать свой вассальный статус, были и куманы. Они твердо и непоколебимо встали против захватчиков и впоследствии заплатили за свое упорство десятками тысяч жизней. Несмотря на массовую гибель, как и массовое переселение в другие географические долготы, число переживших катаклизм инвазии оставалось значительным; так что на протяжении последующих десятилетий длительное совместное обитание монголов с куманами и другими тюркскими группами в Западной Азии и Восточной Европе привело к лингвистической ассимиляции монголов [10, с. 65–67; 13, с. 242–244]. В ходе этого процесса группа, обладавшая политическим верховенством, потеряла свою этническую идентичность и оказалась поглощенной тюркскими общностями, находившимися в подчинении, но преобладавшими численно. Эта ситуация могла бы показаться неправдоподобной, если бы она не была повторением того, что случилось с болгарами и южными славянами, русами/скандинавами и восточными славянами, франкофонными норманнами и англосаксами, лангобардами и итальянцами и т.д. Сохранение куманов и, возможно, других тюркских групп на территории Золотой Орды было засвидетельствовано не только в понтийско-каспийских степях, но также и в юго-восточной Молдавии. Археологические исследования содержания курганов привели к идентификации нескольких могил, характерных для тюркских кочевников и датируемых второй половиной XIII века и первой половиной XIV столетия [8, с. 28–39; 9, с. 65–79]. Сложно установить, принадлежали ли они тюркским сообществам, жившим в этой зоне еще до прибытия монголов, или же они принадлежали кочевникам, которые переселились из Дешт-и Кипчак по велению ханов на место тех кочевников, которые мигрировали в Паннонию и на Балканы. Предположение, согласно которому курганы кочевников, которые были найдены на обоих берегах нижнего течения Днестра, принадлежали анк-

лавам Черных клобуков, перемещенных из бассейна реки Рос [8, р. 32, 39], не кажется вполне убедительным.

Действительное завоевание равнин Молдавии и Валахии имело место либо одновременно с осуществлением кампании 1241–1242 годов, или же непосредственно по ее завершению. Существует несколько образцов синхронных письменных свидетельств, указывающих на установление монгольского владычества в Нижнем Подунавье в течение первых десятилетий после великой инвазии. Статус этого региона отображается, среди прочего, в упомянутом выше письме Белы IV от 11 ноября 1250 года, где говорится, что такие регионы как Руския, Кумания, Бродник и Болгария, ранее «по большей части ... подчиненные» (*in magna parte ... subiacebant*) Венгерскому королевству, недавно стали владениями монголов [57, р. 260]. В понимании канцелярской службы Арпадов под Куманией и Бродник имелись в виду округа, располагавшиеся на восток от королевства и соответствовавшие территории Молдавии. Наглядное представление о протяженности владений Золотой Орды предоставляет сообщение, содержащееся в отчете Гийома де Рубрук о его путешествии в Монгольскую империю в 1253–1255 годах. Согласно фламандскому францисканцу, «от устья Танаиса [Дона] на запад, вплоть до Дуная, все принадлежит им [татарам], и даже за Дунаем в сторону Константинополя; Блакия, которая является страной Ассана, и малая Болгария вплоть до Славонии, все платят им дань» (*Ab orificio Tanais versus occidentem usque ad Danubium totum est eorum, etiam ultra Danubium versus Constantinopolim, Blakia que est terra Assani et minor Bulgaria usque in Sclavoniam omnes salvunt eis tributum*) [92, р. 167–168]. Поскольку Балканские государства согласились платить дань монголам, само собой разумеется, что румыны, проживавшие на север от Дуная, не могли избежать этой обязанности. И действительно, посланец короля Франции ко двору Великого хана упоминает, что послы румын (*Blaci*) принесли дары хану Золотой Орды вместе с представителями других европейских народов [92, р. 209].

Включение румынских регионов в состав империи Орды также свидетельствуется несколькими мусульманскими источниками. Среди этих работ заслуживает упоминания энциклопедическое сочинение ан-Нувейри (1279–1333), средневекового автора из мамлюкского Египта. Он приписывает грандиозное наступление старшему сыну Чингизхана, хану Джучи, который, по его утверждению, «разгромил тюркские племена кипчакского народа и другие народности; как то: алан, асов, влахов, черкесов, руссов и других обитателей Северных стран». В дальнейшем все эти народы, подчиненные ранее Джучи, стали управляться ханом Бату, Сартаком и сыновьями и братьями Бату [27, с. 149, прим. 1]. Вероятно, он был введен в заблуждение тем фактом, что территории под властью хана Бату обозначались в восточном мире под названием «улуса Джучи». С другой стороны, перечисление народов, подчиненных господству хана, является совершенно верным; что вовсе не представляется удивительным, принимая во внимание устойчивые и дружественные контакты между Мамлюкским государством и Золотой Ордой, способствовавшие передаче в Египет точной информации о политических и демографических реалиях в понтийско-каспийском пространстве. Ал-Айни (1361–1451), еще один летописец Мамлюкского султаната, заимствовавший сведения из сочинений своих предшественников, перечислял среди монголь-

ских завоеваний те же народы, которые упоминал ан-Нуве́йри; но указывал — на этот раз правильно — на хана Бату и его родственников как на руководителей военных операций [25, р. 503]. Имея в своем распоряжении другие источники информации, нежели его соотечественники из султаната Мамлюков, Ахмад ал-Калкашанди (1355/1356–1418) причислял к владениям монголов «Хорезм, Дешт-и Кипчак, земли хазарские, крымских татар, азакские, черкесские, болгарские, влахские, ассские и русские» [26, с. 404, прим. 3].

Монгольские войска неоднократно использовали Молдавию в качестве транзитной территории во время их многочисленных кампаний против соседних регионов. Среди них большую известность приобрели кампании, организованные Ногаем, одним из наиболее амбициозных и энергичных полководцев Золотой Орды. Помимо участия в военных действиях против русских княжеств и Ильханата Персии, он чрезвычайно амбициозно вмешался в династические и межгосударственные распри на Балканах, возобновившиеся после отвоевания Константинополя Византией. В 1265 году он предпринял карательную экспедицию во Фракию по просьбе болгарского царя и сельджукского султана Изз ад-Дина Кайкавуса, находившихся во враждебных отношениях с императором Михаилом VIII Палеологом [27, с. 154; 81, I, р. 229–240; 56, I, р. 99–101]. Вражда Золотой Орды с Византией была также следствием того, что последняя поддерживала дружественные отношения с Ильханатом Персии, заклятым врагом ханов Сарая. Для того чтобы расторгнуть военный союз монголов с болгарскими царями, Константинополь прибег к дипломатии для достижения благосклонности Ногаю. С этой целью Ногаю была предложена в жены одна из внебрачных дочерей Михаила VIII Палеолога [81, I, р. 231, 265; 56, I, р. 149]. Для повышения эффективности своих военных операций в северной части Балкан, Ногай основал одну из своих резиденций в Добрудже, в Исаке, где располагалась наиболее удобная переправа в дельте Дуная; что в свою очередь способствовало установлению более прочной связи между Бессарабией и Добруджей. Благополучные отношения между Византией и монголами резко ухудшились после смерти Михаила VIII; вследствие чего, в первые годы правления Андроника II (1281–1328), армия «скифов Паристрии» — архаичное наименование, несомненно, обозначающее монголов, — проникла в восточную Фракию, но была разбита рядом с Месемврией [81, II, р. 80–81].

Несколько лет спустя, точнее в 1285 году, правитель Орды предпринял новую значительную инвазию в страны Центрально-Восточной Европы. Командование операциями в Венгерском королевстве было поручено Тула-Буге, племяннику хана Туда-Менгу, и Ногаю [58, р. 221–223; 94, р. 271–282]. Тула-Буга, вероятно, направил свои войска по направлению к Верецкому перевалу, в то время как Ногай намеревался пересечь Ойтузский перевал для нападения на Брашов (Нога[и] поиде на Брашевь) [12, стб. 890]. Выбрав этот маршрут, он, несомненно, должен был пересечь южную часть Молдавии. Как и в 1241–1242 годах, охрана горных перевалов, ведущих в Трансильванию, была поручена секеям и румынам, к которым, в зависимости от обстоятельств, могли присоединиться саксонцы. У карпатских перевалов были возведены массивные засеки (лат. *indagines*, рум. *prisăci*, венг. *gyepű*) для предотвращения вражеских набегов с востока: “*Tartari [...] venientes fere a VII Castris [Семиградье = Трансильвания]. A VII Castris incipiendo fere [?] usque ad Danubium totam terram devastarunt. [...] Nunc autem ipsi Tartari presidio fuge manus evadere*

cupientes Vngarorum, usque ad VII Castra pervenerunt, sed Siculi, Olachi et Saxones omnes vias ipsorum [Tartarorum] cum indagibus stipaverunt sive giraverunt et sic de vita ipsorum omnino sunt de necessitate cogente ibidem castra eorum sunt metati” [70, II, p. 419–420; 45, p. 263–264]. Ряд укреплений с каменными стенами и твердые ответные действия местных военных сил в совокупности с недостаточной организацией взаимодействия среди монголов привели к большим потерям среди нападавших [94, p. 277–280].

В последние десятилетия XIII века Ногай усилил свое положение в северо-восточной зоне Причерноморья и в Нижнем Подунавье. Не случайно Рашид ад-дин писал в своей летописи, что он распространил свое владычество на территории «орусов (русов), улагов/улаков (румын), и кхрт/кхрб (не идентифицированный народ), которых он завоевал и установил там свой юрт». Эти события имели место во время правления хана Тула-Буги (1287–1290) [86, p. 125; 87, II, p. 363]. Персидский летописец, конечно, ошибался, приписывая Ногаю подчинение русов и румын, в действительности, произошедшее за полстолетия до этого, в правление хана Бату; но он был прав в своей оценке по достоинству того факта, что Ногай усилил свое влияние над ними. Амбиции Ногая были настолько честолюбивыми, что он не преминул покуситься на политические prerogatives легитимных ханов Сарая, узурпировав гегемонию в западной части Золотой Орды, признанную таковой также за ее пределами. Существенным действием для его претензий была эмиссия определенных типов монет в Исакче (Сакчи) с его личными геральдическими символами [77, p. 291–304; 78, p. 93–128; 69, p. 3–9; 24, с. 129–145]. Эти действия привели к закономерной конфронтации с ханом Токтой, занявшим трон Сарая в 1291 году. Первые конфликты между ними закончились победой Ногая, но решающее столкновение имело место в 699 год Хиджры (= 28.09.1299 – 15.09.1300) [2, с. 114; 27, с. 159; 87, II, p. 364–365], вероятно, рядом с Днепром, где Ногай понес поражение, потеряв жизнь на поле сражения. Несмотря на этот успех, хан Сарая оказался неспособен оперативно восстановить свою власть в регионе Нижнего Подунавья, где прежние сторонники Ногая смогли удержать прочные позиции. Проявив недостаток политического реализма, его сыновья вступили в непримиримую борьбу за власть в «странах русов и влахов» и в «стране алан» [2, с. 115–117; 27, с. 160–161; 11, с. 383–384]; вместо того, чтобы объединить и мобилизовать свои силы в борьбе с их сокровниками, угрожавшими им с Востока. Эти «страны», указанные мусульманскими источниками, вероятно, располагались на восток от Восточных Карпат. Если бы «страна влахов» была упомянута по отдельности, то было бы приемлемо идентифицировать ее с Балканской Блакией, то есть Вторым Болгарским царством; но близость со «страной русов» указывает на ее расположение в Молдавии. В результате серьезной конфронтации со своими братьями, Джеке (Чака), старшему сыну Ногая, удалось утвердить свою власть в землях по обоим берегам Дуная рядом с его устьем. Как и Ногай, Джека чеканил свои собственные монеты в своей резиденции в Исакче в 700 году Хиджры (= 16.09.1300 – 7.08.1301) [77, p. 296–298; 78, p. 133–135; 73, p. 139–143] для подтверждения своих претензий на владычество. Для усиления своей власти в регионе он женился на принцессе из семьи болгарского царя, но этот стратегический ход оказался неэффективным. Получив предложение вмешаться в борьбу за власть между потомками Ногая, хан Токта на-

правил против Джеки армию во главе со своим братом, Бурлуком [2, с. 116–117; 27, с. 160–161; 11, с. 383–384]. Джека, не способный оказать какое-либо сопротивление, нашел убежище, согласно восточным хроникам, в «стране влахов»; выражение, обозначающее, в данном случае Второе Болгарское царство. Прагматично оценив изменившуюся ситуацию в ходе борьбы между обоими монгольскими лагерями, царь Феодор Светослав пренебрег родственной связью и арестовал и казнил Джеку [81, II, р. 264–265; 2, с. 117; 27, с. 161; 11, с. 384]. После того как Токта восстановил свою власть над западными территориями государства, он поручил местное управление своему сыну, Тукал-Буке, расположившему свою ставку в Исаке [2, с. 117; 27, с. 161].

Предположение, что он мог бы уступить атрибуты власти в Нижнем Подунавье болгарскому царю, не находит подтверждения ни документально, ни логически. Огромные военные усилия центрального правительства Орды вернуть важные стратегические и экономические пункты были бы совершенно нелогичны, если бы его намерением было передать их болгарам, которые были данниками монголов. Для подтверждения указанного выше утверждения было приведено несколько свидетельств [40, р. 104–119; 108, р. 122, 161–162; 1, с. 18–23], большая часть из которых является нерелевантной [см. аргументы, представленные в: 62, р. 699–716]. Однако среди них нельзя оставить без внимания один документ, составленный в Генуе 22 марта 1316 года и провозглашавший запрещение вступать в контакт с болгарами вследствие отказа последних предоставить компенсацию ущерба, причиненного генуэзцам в «странах», подчиненных Фидекскавусу (= Феодору Светославу), «как в Маврокастро (= Cetatea Albă), так и в других местах» (*in terris subditis dicto domino imperatori tam in Mauocastro quam alibi*) [60, col. 382]. Как указывает письмо, написанное в Каффе, за два года до этого, в 1314 году францисканский брат Анджеоло да Сполето принял мученичество от болгар в этом же городе (Mauro Castro) [72, р. 106]. Из этого текста может следовать, что в особом поселении в этом порту существовала болгарская община, что кажется вполне правдоподобным.

С другой стороны, предположению о применении болгарским царем своей политической власти в устье Днестра противоречат многочисленные источники, показывающие, что монголы сохраняли свое господство в зоне Нижнего Подунавья в течение нескольких десятилетий. Так, эмир Рукн ад-дин Бейбарс аль-Мансури (ум. в 1325 г.), придворный хронист мамлюкских султанов, уточняет, что после подавления Джеки «Северные области (так называлась Золотая Орда на Ближнем Востоке) перешли вполне к царю Токте» [2, с. 117]; что также подтверждается и сирийским автором Абу'л Фидой (1273–1331), указывавшим, что «царство Ногай было оставлено Токте» [29, р. 39], и что практически указывает на то, что в ханстве произошло простое замещение на уровне верховного правящего класса. Более того, монетный двор Исакии продолжил функционировать даже после подавления Джеки, заменив на абверсе татарских монет тамгу Ногай тамгой дома хана Бату [77, р. 298–299; 20, с. 41–44; 16, с. 371–372]. В середине XIV века коптский хронист Муффалал ибн Абил Фада'ил отмечал следующее о событиях, произошедших в 706 год Хиджры (= 13.07.1306 – 2.07.1307): «от Железных Ворот до страны кипчаков, Судака, Хорезма и границ империи Константинополя верховная власть принадлежит царю Токте» [71, III, р. 127–128]. Принимая во

внимание тесные связи, установленные между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом, Египта и Сирии могли достигать весьма точные сведения обо всех военных и административных реалиях понтийско-каспийского и дунайского регионов. В двух следующих подразделах своего сочинения, соответствующих 720 (= 1320–1321) и 724 годам Хиджры (= 1323–1324), Муффадал ибн Абил Фада'ил определял территории, находившиеся в подчинении преемников Токты: «от Железных Ворот (Bab al-Hadid) [отождествляемых с перевалом в горах Байсунтау в Мавераннахре] до Хорезма и Судака, и от Булгара до границ [империи] Константинополя правит султан Юзбак [Узбек]» [66, s. 65, 91]. Это утверждение было вставлено с несколькими изменениями в описание событий 737 (= 1336–1337) и 741 годов Хиджры (= 1340–1341): «от Железных Ворот до [страны] руссов и [страны] кипчаков, и от Хорезма и Судака до границ [империи] Константинополя простиралась империя царя Бараки [Берке], где правил султан Юзбак [Узбек]» [66, s. 178, 233–234]. Как можно заметить, этот автор не знал о существовании Второго Болгарского царства, поскольку, по всей видимости, доступные источники не давали понять, что это государство пользовалось автономным статусом. И действительно, в своем описании Восточной Европы 1308 года анонимный автор, видимо бывший французским католическим прелатом, уточнял, что Болгария на тот момент выплачивала дань татарам (*nunc [Bulgaria] seruit tartaris sub tributo*) [35, p. 40].

Сохранение атрибутов политической власти монголов в южной Молдавии и северной Добрудже засвидетельствовано несколькими картографическими источниками. Так, на карте, сделанной в 1320 году Пьетро Весконтe из Генуи (подпись на карте – *Petrus Vesconte de Jenua*), на месте Маврокастро находится флаг с тамгой [7, карт. LIV], наиболее известным геральдическим знаком монголов. Идентичный флаг также присутствует на морской карте, приложенной к хронике венецианца Марино Санудо Старшего, предположительно созданной его соотечественником Пьетро Весконтe около 1320/1321 года [76, p. 33, pl. 13; 32, p. 17–19; 7, карт. LV]. Аналогичные элементы находятся на карте Перрино Весконтe 1327 года [76, pl. VII, 1]. Несколько лет спустя на портолане Ангелино Дулцера 1339 года на месте Маврокастро располагается изображение полумесяца и тамги. Вполне возможно, что прибавление полумесяца – символа ислама – было следствием официального принятия мусульманской религии в Золотой Орде в течение правления хана Узбека (1313–1342). Изображение флага с полумесяцем и тамгой также присутствует на портовом городе Вичина в Добрудже [76, p. 58, pl. IX]. Два важных города – Вичина и Маврокастро – упоминаются в списке францисканских местопребываний, основанных около 1320 года и включенных в состав викарита Северной Тартарии [53, II, p. 72, 266–267; 111, p. 256], созданного, как указывает на это его название, на территориях, подчиненных Золотой Орде. В этот же период и, точнее, в 1318 году одна булла папы Иоанна XXII уточняла, что к канонической юрисдикции епископа Каффы относились «земли тартар», которые простирались от города Вария [= Варна] в Болгарии до Сарая и от берегов Понтийского моря [= Черное море] до страны рутенов [= Русь] [31, p. 12–14]. Поскольку зоны конфессиональных образований в Средневековье очерчивались государственными границами, очевидным является то, что юрисдикция этой епархии с резиденцией в Крыму была при-

менима внутри территорий, контролируемых монголами. «Скифы Паристрии», то есть монголы Паристрона, подвергшие опасности около 1320/1321 года европейские границы Византийской империи [56, I, р. 302], располагали свои стоянки в Добрудже. Безусловно, они были подчинены де юре ханам Золотой Орды. Оттуда они оказались вовлеченными в военные конфликты в соседних регионах, действуя сами по себе или в альянсе с различными балканскими правителями. Они встречаются, среди прочего, сражающимися под именем «татар» (Татаръ) вместе с болгарским царем и Басарабом против сербов в знаменитой битве при Велбужде 1330 года [79, р. 53; 64, s. 83; 6, с. 114], которая обусловила значительные изменения на переднем плане балканской политической сцены, где сербы сменили болгар в исполнении главной роли. Когда в 1326 году армия турок из Анатолии предприняла грабительский набег на Балканский полуостров и достигла Дуная, татары, располагавшиеся на его левобережье, оказали им энергичный отпор и нанесли сокрушительное поражение [68, р. 31–32].

Татары на юге от Дуная сохранили военную силу и в последующие годы. Византия заключила с ними мирный договор и выплачивала им дань для того, чтобы избежать их нападений в начальные годы правления Андроника III (1328–1341). Дружественные отношения были также скреплены женитьбой Узбека на дочери императора [59, II, р. 393]. Согласно указанию, содержащемуся на карте братьев Пицигани, составленной в Венеции в 1367 году, именно в правление Узбека эта империя «начиналась от провинции Бургарии [Болгарии] и города Вечина [Вичина]» [55, р. 447]. Знаменитый путешественник Ибн Баттута, встречавшийся с ханом Сарая, утверждал, что южные пределы владений тюрок достигали Баба-Салтыка [59, II, р. 417], который отождествляется с Бабадагом в северной половине Добруджи. Его свидетельство заслуживает доверия, принимая во внимание то, что в 1334 году он дважды пересекал пространство между Сараем и Константинополем и лично был знаком с землями на северо-запад от Черного моря.

Все эти многочисленные данные несомненно указывают на то, что после того как в Исаке была установлена резиденция сына хана Сарая, власть Золотой Орды стала непрерывно применяться в северо-восточном регионе Балканского полуострова вплоть до середины XIV века. Разумеется, что распространение господства Болгарского царства на север от устья Дуная не могло иметь место в течение правления Феодора Светослава. Болгары имели возможность выступать там только в качестве субъектов Золотой Орды, которая в определенных случаях могла уступить различные военные атрибуты тем народам, которые были подчинены ее владычеству. В равной степени верно и то, что, как и в случае русских княжеств, Болгарское царство могло использовать в своих интересах те моменты, когда руководство Золотой Орды оказывалось вовлеченным в конфликты, разгоревшиеся в других географических зонах, для решения собственных первостепенных задач.

Очевидно, что для поддержания своего господства в Добрудже, татары должны были держать под контролем и южную часть Молдавии; пространство, в отношении которого мы не располагаем одинаково многочисленной информацией. Как мы уже упоминали, на равнине между Прутом и Днестром, обозначаемой в Средневековье тюркским термином Буджак, было найдено несколько опознанных курганов, датируемых второй половиной XIII

и первой половиной XIV века и приписываемых куманам и, возможно, другим тюркским сообществам.

Также в юго-восточной части Буджака, в месте излияния Днестра в одноименное русло, в последние десятилетия XIII века было построено важное портовое поселение на руинах античной крепости Тира, возведенной греками и позже захваченной римлянами. Его развитие связано с коммерческой экспансией генуэзцев, которые, согласно Нимфейскому договору, заключенному 13 марта 1261 года, получили от византийцев существенные льготы для своей торговой деятельности в бассейне Черного моря [65, I, p. 488–495], подтвержденные позже ханами Золотой Орды. Используя благоприятную политическую обстановку и свой экономический потенциал, начиная с последнего десятилетия XIII века, генуэзцы основали ряд торговых пунктов вдоль понтийского побережья, некоторые из которых превратились в укрепленные городские центры, заселенные этнически и конфессионально смешанным населением. Среди них заслуживает упоминания Маврокастрон (Moncastro, Akkerman, Cetatea Albă, Белгород-Днестровский), упоминаемый в первый раз письменными источниками 8 мая 1290 года под названием Малвокастро (Malvostro) [36, p. 203].

В течение XIV–XV веков это поселение многократно упоминается как растущее в геометрической прогрессии в разных формах, параллельно с ростом его экономического и военного значения. Важно отметить тот факт, что на морских картах, представлявших бассейн Черного моря и составленных итальянскими и каталонскими картографами, название этого порта в устье Днестра обозначалось красным цветом наряду с главным городами вдоль побережья, в отличие от большинства других поселений, обозначавшихся черным цветом. Мамлюкский автор ал-Омари (1301–1349), бывший родом из Дамаска, упоминал в своем обширном описании Монгольского государства только название Аккермана среди всех городских центров западной части Золотой Орды и указывал среди всех крупных рек, протекавших по Монгольской империи, на Turlu (= Днестр) и Дунай [33, s. 142]. В основном процветание этого города было следствием активной торговли зерном, рабами, солью, как, вероятно, и другими товарами. В подробном торговом трактате, написанном около середины XIV века флорентинцем Франческо Балдуччи Пеголотти, пшеница Маврокастро (grano da Maostro) упоминается вместе с пшеницей Каффы, Анхиалоса, Варны в Болгарии, как и Вичины и Созополя [83, p. 42]. Перевозка зерновых предназначалась, в первую очередь, для Константинополя и Перы. Рынки рабов в портах Северного Причерноморья снабжались собственно татарами посредством осуществления набегов на соседние страны. Как показали археологические раскопки, в обмен на товары, вывозимые из Маврокастро, обратно привозились металлические, стеклянные и керамические изделия из Византии и различных стран Азии. Многочисленные монеты и два монетных клада, содержащих, в основном, монеты Золотой Орды и обнаруженных рядом с городской стеной, указывают на важную роль, которую играло денежное обращение в ходе товарообмена. Аналогично большинству портов, расположенных на побережье Северного Причерноморья, население Маврокастро отличалось этнической разнородностью, отраженной несколькими средневековыми текстами и обнаруженными следами, указывающими на присутствие общностей восточно-евро-

пейского, византийского, средиземноморского и восточного происхождения [40; 15; 3, с. 757–790].

Предоставляя протекцию коммерческой деятельности итальянских колонистов, монголы, естественно, получали взамен существенные экономические выгоды. В ходе сосуществования с разнородным оседлым населением ментальность кочевнической аристократии стала меняться в связи с осознание того факта, что потворство по отношению к определенным экономическим группам может принести намного большие материальные выгоды, чем военная добыча, полученная в грабительских набегах. Придерживаясь этих принципов, они выказали покровительство основанию урбанных поселений Старого Орхея (Орхейский район) на реке Реут и Костешты (Яловенский район) на реке Ботна (республика Молдова).

После уничтожения свободных протоурбанных поселений даков и последующего разрушения римских поселений в поздней античности городская жизнь в Молдавии прервалась примерно на тысячу лет вследствие непрерывной серии следовавших друг за другом крупных инвазий с Востока. В этих условиях традиции городской жизни местного населения постепенно исчезли, и по этой причине вклад татарских властей в возобновление там городской жизни оказался действительно чрезвычайно полезным. Будучи степным кочевническим народом, монголы не обладали опытом проектирования зданий и уличных сетей или управления определенными экономическими секторами, но они с успехом использовали в этих целях городские общины, покоренные в ходе их военных кампаний. Чтобы стимулировать основание городов, имперская власть часто прибегала к принудительным мерам депортации и колонизации, трагичным для судьбы отдельных индивидуумов, но благотворным для развития определенных территориальных объединений.

Эти практики имели отношение и к основанию Старого Орхея и Костешты. Ни один из этих двух городов не упоминается в письменных источниках, но они были обнаружены благодаря археологическим изысканиям, принятым в течение десятилетий после II Мировой войны. Археологические останки, обнаруженные во время раскопок, отображают характеристики, не присущие местной среде, но более близкие тем характеристикам, которые были выявлены в городских центрах Золотой Орды в бассейне Волги, в западной части Средней Азии и в понтийско-каспийских регионах. Внутри центрального периметра обоих городищ находилось скопление массивных каменных строений для публичного и частного пользования, тогда как на периферии превалировали простые здания из дерева и прутьев, часть из которых использовалась в качестве ремесленных мастерских. В Старом Орхее были обнаружены одна мечеть, два караван-сарая и три бани в восточном стиле, обогреваемые при помощи труб, проложенных под полом. Как в Старом Орхее, так и в Костешты снабжение питьевой водой в определенных жилищах достигалось при помощи использования глиняных труб. Оба города являлись действующими ремесленными центрами, где производились обработка металлов и различные сорта керамической продукции. Именно в Старом Орхее был обнаружен самый старый для Европы XIV века склад сельскохозяйственных орудий, содержащий 68 бороздоделателей, 42 плуга и другие предметы, несомненно изготовленные не только для пользования жителей

этого города, но и для продажи соседствующим сельским общинам [98, р. 242–258; 14, р. 70–107].

Особенно важным является то, что, по всей вероятности, на этом городище чеканились свои собственные монеты. Их легенда на арабском уточняла, что они были выпущены в Шехр аль-Джедид или Янги-шехр, то есть в Новом городе. Без сомнения, это было урбанное поселение, где производилась чеканка монет [28, с. 193–213; 23, с. 39–66; 74, р. 167–179; 75, р. 1367–1373]. Как и в случае Маврокастроны, городские центры на реках Реут и Ботна находились в интенсивной торговой взаимосвязи с восточными регионами Золотой Орды, откуда поступала металлическая и керамическая продукция высокого качества. Довольно большое количество эмалированной керамической посуды, изготовленной в Кашане в Ильханате Персии, в одном из наиболее известных центров гончарного производства, указывает на присутствие социальных слоев с тонким вкусом и значительными материальными ресурсами, позволявшими покупать столь дорогие товары. Кладбища в обоих городах содержали тела (ныне эксгумированные), расположенные в могилах в различных положениях, характерных как для христианских, так и мусульманских общин. Фактически не только погребальный обряд, но и здания вместе с имуществом указывают на этнокультурную разнородность местных жителей. В то время как основная часть городского населения была родом из восточных регионов Золотой Орды с тюркским преобладанием, сельские общины, соседствовавшие с городами и снабжавшие городских жителей сельскохозяйственными продуктами, состояли в основном из исконного местного населения [98, р. 242–258; 14, р. 70–107].

Как уточнялось выше, в отличие от территорий, находившихся под прямым управлением татарских властей, некоторые области Молдавии и Валахии были оставлены за пределами владений Орды. У нас нет точной документальной информации об их политическом статусе, но некоторые предположения можно сделать на основе косвенных сведений нескольких категорий источников. Из содержания так называемой грамоты Иоаннитов 1247 года следует, что в центральной и западной частях Валахии существовало несколько румынских государственных образований, некоторые из которых находились в определенной зависимости от Венгерского королевства [106, с. 73–76; 50, р. 21–28. См. также: 82, р. 138–141; 105, р. 233–242; 30, р. 131–135; 84, р. 225–242]. Сложно утверждать, должны ли были в определенный момент эти образования или те, которые их сменили в дальнейшем, признать верховную власть ханов. В любом случае, когда Басараб взойшел на трон Валахии в третьем десятилетии XIV века, его государство не находилось под владычеством татар. Если бы он находился в подчиненном положении, то во время переломных моментов экспедиции Карла Роберта Анжуйского в 1330 году он несомненно прибег бы к помощи своих соседей в степях Северного Причерноморья; но он не сделал этого.

С другой стороны, в течение этого же периода и даже несколько десятилетий позже примерно половина территории Молдавии, то есть ее юго-восточная часть, находилась под прямым управлением татар. Ее северная и западная части имели другой статус, но сложно установить, была ли система управления одинаковой на этих территориях. Топонимы Средневековья и раннего Нового времени предоставляют определенные указания на полити-

ческие отношения в северной части рассматриваемой зоны. В этой связи мы имеем в виду несколько средневековых документов, составленных в канцелярии воеводы в XV–XVII веках, упоминающих деревни Bascocuți, Băscăciani и Băscăceni в северной части Молдавии. Эти наименования происходят от названия подразделений баскаков, получавших предписание от ханов собирать дань и налагать другие повинности на население, подчиненное татарам на территориях, находившихся под их владычеством, но где управление было передано местным правителям [97, р. 165–166].

Вследствие консолидации власти Анжуйской династии на всей территории Венгерского королевства к середине первой половины XIV века, его экспансионистские тенденции оживились, в особенности за пределами южных и восточных границ этого государства. Несколько источников указывают на напряженное положение или даже военные столкновения между венграми и татарами с расположением театров военных действий на землях, заселенных румынами. В 1324 году имела место экспедиция во главе с Финтой Мендийским в «страну тартар» с целью предотвращения их нападения [106, s. 387–388]. В этот же период Святой Престол послал Карлу Роберту финансовую помощь для организации крестового похода против татар, схизматиков и язычников и предоставил духовное благословение воинам, вовлеченным в сражения [57, р. 574–575, 630, 631]. С восхождением на престол Людовика I Анжуйского (1342–1382) Венгерское королевство расширило радиус военных предприятий за пределами своих северо-восточных и восточных границ. В ответ на нападение на Трансильванию, Андрашу Лацкфи, комесу секеев, была поручена экспедиция в «страну тартар» [42, р. 276–277; 43, р. 167]. Но, несмотря на ее успех, татары не были прогнаны на левобережье Днестра, как это предполагают некоторые историки. Также и поражение, понесенное от Великого литовского князя Ольгерда (Альгирдас) на Синих Водах в 1362/1363 году [17, с. 66], не означало, что они должны были покинуть территории на север от устья Дуная. В качестве доказательства этого утверждения следует обратиться к долголетнему существованию городских поселений Старого Орхея и Костешты вплоть до конца седьмого десятилетия XIV века. Именно тогда они прекратили свое существование, как на то указывает прекращение циркуляции татарских монет внутри городских стен, аналогично Маврокастроу [97, р. 252–254].

К сожалению, письменные источники не отображают в ясном виде обстоятельства и момент прекращения господства Золотой Орды в румынских регионах Прикарпатья. Возможно, что изгнанию татар на восток от Днестра способствовало объединение христианских сил, воспользовавшихся беспорядками, которые происходили внутри Золотой Орды, серьезно пострадавшей от гражданских войн, начавшихся в 1359 году и продолжавшихся около двух последующих десятилетий [10, с. 261–298; 103, s. 109–121; 4, с. 58–108; 44, р. 219–225]. Сведения, предоставляемые нарративными источниками, также не позволяют сделать окончательный вывод о моменте присоединения юго-западной части Молдавии к румынским княжествам на востоке от Карпат. После завоевания Маврокастроу и Килии в 1485 году Османские турки призвали татар вернуться в Буджак для формирования препятствия против молдаван в случае их попытки отвоевать оба важных портовых города. Татары оставались в Буджаке и после распада Золотой Орды в 1502 году, и они

были выселены из Восточной Европы царской армией только в начале русско-турецкой войны 1806–1812 годов [41, р. 162–171].

Аналогично всем странам, подверженным нападению монголов, монгольское вторжение в регионы проживания румын причинило крупный демографический, экономический и политический урон. Ряд сообществ были полностью уничтожены, порабощены или вынуждены покинуть родные земли. Значительные материальные ценности были уничтожены или разграблены, вызвав нарушения в экономической жизни, особенно в секторе товарообмена. Захват обширных территорий местных жителей воспрепятствовал объединению и консолидации политических образований. С другой стороны, монгольское присутствие в регионах Нижнего Подунавья препятствовало расширению господства Венгерского королевства за Карпатским горным хребтом и Болгарского царства на севере от Дуная. Рах Mongolica, внедренный в течение нескольких десятилетий в Нижнем Подунавье, создал условия для активизации торговых путей континентального значения, развития определенных отраслей ремесленного производства и появления нескольких центров урбанного характера. Поэтому, вместо постулатов, навязанных старой историографией, следует признать правомочность идеи, что монгольское господство в румынских регионах имело и позитивные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атанасов Г.Г., Павлов П.Хр. Tataro-Bulgarica – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв. // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2011. С. 3–32.
2. Бейбарс. Из летописи Рукнеддина Бейбарса // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 76–123.
3. Богуславский Г.С. Белгород – Акджа Керман – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 757–790.
4. Варваровский Ю.Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.
5. Возний І. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X–XIV ст. I, Поселення. Київ-Чернівці, 2009.
6. Вукасовић В.В. Стари студенички зборник // Споменик (Српска Краљевска Академија) XXXVIII, 34, 1900. С. 109–121.
7. Джурова А., Димитров Б. Славянски ръкописи, документи и карти за Българската история от Ватиканската Апостолическа Библиотека и Секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978.
8. Добролюбский А.О. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 28–39.
9. Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950.
11. Ибнхальдун. Из истории Ибнхальдуна // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 365–394.
12. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей, II, втор. изд. СПб., 1908.

13. Кляшторный С.Г., Султанов, Т.И. Государства и народы Евразийских степей Древность и средневековье, втор. изд. СПб, 2004.
14. Коновалова И.Г., Руссеев Н.Д. Золотая Орда и жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) // *Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie și istorie urbană)* / Dragnev D. (ed.). Chișinău, 1994. P. 70–107.
15. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986.
16. Лазаров Л. Няколко монети на Златната Орда от фонда на Археологически музей-Варна // *Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западното Черноморие (Acta Musei Varnensis, II)*. Варна, 2004. С. 369–378.
17. Летописецъ великихъ князей литовскихъ // Супрасльская летопись. Полное собрание русских летописей, 35, Летописи белорусско-литовские / Рыбаков Б.А. (отв. ред.), Буганов В.И. (зам. ред.), Улащик Н.Н. (ред.). М., 1980. С. 61–67.
18. Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет (Археологическая карта Молдавской ССР, 8). Кишинев, 1976.
19. Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев, 1985.
20. Оберлендер-Тырновеану Э. Byzantino-Tartarica – Монетная чеканка в зоне устьев Дуная в конце XIII – начале XIV века // *Нумизматика Золотой Орды*. 2012. № 2. С. 38–53.
21. Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. (Археологическая карта Молдавской ССР, 7). Кишинев, 1974.
22. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981.
23. Руссеев Н.Д. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // *Молдавский феодализм. Общее и особенное (История и культура)*. Кишинев, 1991. С. 39–66.
24. Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногай и Джеки // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556* / Усманов М. А. (отв. ред.). Казань, 2002. С. 129–145.
25. Элайни. Из летописи... // *Сборникъ материаловъ, относящихся къ истории Золотой Орды, I, Извлеченія изъ сочиненій арабскихъ* / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 475–534.
26. Элькалькашанди. Из сочиненія... // *Сборникъ материаловъ, относящихся къ истории Золотой Орды, I, Извлеченія изъ сочиненій арабскихъ* / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 395–416.
27. Эннувейри. Из энциклопедіи... // *Сборникъ материаловъ, относящихся къ истории Золотой Орды, I, Извлеченія изъ сочиненій арабскихъ* / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 128–171.
28. Янина С.А. «Новый город» (= Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // *Труды Государственного Ордена Ленина Исторического Музея 49, Нумизматический сборник V, 1* / Давидович Е.А. (под ред.). М., 1977. С. 193–213.
29. *Abu'l-Fidā', Sultan of Hamāh (672–732 / 1273–1331). The Memoirs of a Syrian Prince* / Holt P. M. (ed. and trans.). Wiesbaden, 1983.
30. Achim V. Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni. București, 2008.
31. Acta Ioannis XXII (1317–1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit A.L. Tăutu // *Pontificia commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, Fontes, Series III, VII, 2. Città del Vaticano*, 1952.
32. *Almagià R. Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana* // *Monumenta Cartographica Vaticana, I. Città del Vaticano*, 1944.

33. *Al-'Umarī*. Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk *Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār* / Lech K. (ed.). Wiesbaden, 1968.
34. *Andronic M.* Istoria Bucovinei, II, În epoca marilor migrații și până la încheierea formării Moldovei medievale. Suceava, 2014.
35. *Anonymi* Descriptio Europae Orientalis «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» Anno MCCCVIII exarata / Górká O. (ed.). Cracoviae, 1916.
36. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer, I, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris–La Haye, 1973.
37. *Batariuc P.-V.* Din nou despre ceramica „Hoardei de Aur” din teritoriul dintre Carpați și Prut // *Arheologia Moldovei*. 2010. № XXXIII. P. 243–253.
38. Der Bericht des fr. Iulianus // Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse* 1956, 1. S. 162–182.
39. Der Bericht des fr. Riccardus // Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse* 1956, 1. S. 147–162.
40. *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions à l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce génois sur le littoral roumain de la mer Noire. București, 1935.
41. *Chirtoagă I.* Apariția tătarilor (nogailor) pe teritoriul Moldovei și semnificația noțiunii Bugeac // *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă* / Gemil T. (ed.). București, 1997. P. 162–171.
42. *Chronicon Budense* / Podhradczky I. (ed.). Buda, 1838.
43. *Chronicon Dubnicense* // *Historiae Hungaricae fontes domestici, Scriptorum III* / Florianus M. (ed.). Quinqueecclesiis (= Pécs), 1884.
44. *Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden–Boston, 2012.
45. *Codex diplomaticus Transsylvaniae. Diplomata, epistolae et alia instrumenta litteraria res Transsylvanas illustrantia, I, 1023–1300 = Erdélyi okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez, I, 1023–1300* / Jakó S. (ed.). Budapestini, 1997.
46. *Codex Parisiensis, Suppl. Lat. Nr. 1675, olim Epternac, fol. 101'*, in *Annales Frisacenses* / Weiland L. (ed.) // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum XXIV*. Hannoverae, 1879. P. 65.
47. *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge, 2006.
48. *Decei A.* L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la *Djami ot-Tevarikh* de Fāzl ol-lah Rāšid od-Din // *Revue Roumaine d'Histoire*. № XII, 1973, 1. P. 101–121.
49. *Descriptio itineris prioris fr. Iuliani a fr. Richardo* // *Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. Archivum Europae Centro-Orientalis III*, 1937, 1–4. P. 21–34.
50. *Documenta Romaniae Historica, B, Țara Românească I* / P.P. Panaitescu și D. Mioc (eds.). București, 1966.
51. *Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum* // *Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. Archivum Europae Centro-Orientalis III*, 1937, 1–4. P. 35–44.
52. *Gemil T.* Osmanlı Öncesi Romanya Topraklarında Türk Varlığı // *Moștenirea istorică a tătarilor II* / Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2012. P. 32–55.
53. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano, II (Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV). Quaracchi presso Firenze, 1913.
54. *Gonța A.I.* Români și Hoarda de Aur, 1241–1502. München, 1983.

55. *Grămadă N.* Vicina. Izvoare cartografice. Originea numelui. Identificarea orașului // *Codrul Cosminului I*, 1924. P. 437–459.
56. *Gregoras.* Nicephori Gregorae Byzantina historia, I / Schopen L. (ed.). Bonn, 1829.
57. *Hurmuzaki E. de.* Documente privitoare la istoria românilor, I, 1199–1345 / Densușianu N. (ed.). București, 1887.
58. *Iambor P.* Atacurile cumano-tătare asupra Transilvaniei în a doua jumătate a veacului al XIII-lea // *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj-Napoca XVII*, 1974. P. 211–223.
59. *Ibn Batoutah.* Voyages II // Defrémery C. et Sanguinetti B.R. (eds. et trad.). Paris, 1854.
60. *Imposicio Officii Gazarie* // *Monumenta historiae patriae, Leges municipales. Auguste Taurinorum (=Torino)*, 1838.
61. *Iorgulescu V.* Le sud-est européen entre Byzance et Occident aux Xe–XIVe siècles. Le cas des Roumains. Iași, 2005.
62. *Iosipescu S.* Bulgarii la Cetatea Albă în anii 1314, 1316 // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țicu D., Cădea I (eds.). Brăila, 2008. P. 699–716.*
63. *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
64. *Jagić V.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // *Archiv für slavische Philologie II*, 1877. S. 1–109.
65. *Jus Graecoromanorum, I, Novellae et aureae bullae imperatorum post Justinianum* / Zepos J. et Zepos P. (eds.). Athena, 1931.
66. *Kortantamer / Omar S.* Ägypten und Syrien zwischen 1317 und 1341 in der Chronik des Mufaddal b. Abī l-Fadā'il. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. Freiburg i. Br., 1973.
67. *Kovács Sz.* Bortz, a Cuman chief in the 13th century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. № 58, 2005, 3. P. 255–266.
68. *Laonic Chalcocondil.* Expuneri istorice / Grecu V. (ed.). București, 1958.
69. *Lazarov L.* Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj // *Bulgarian Historical Review*. № XXV, 1997, 4. P. 3–9.
70. *Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, II, Ab a. 1273. ad a. 1321* / Knauz F. (ed.). Strigonii, 1882.
71. *Moufazzal ibn Abil-Fazail.* Histoire des sultans mamlouks III / Blochet E. (ed. et trad.) // *Graffin R.-Nau F. Patrologia Orientalis XX*, 1, Paris, 1929. P. 3–267.
72. *Moule A.C.* Textus duarum epistolarum fr. minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323 // *Archivum franciscanum historicum*. 1923. № XVI. P. 104–112.
73. *Nicolae E.* O monedă emisă de Çaka fiul lui Nogaj // *Simpozion de numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476–2001), Chișinău, 13–15 mai 2001* / Nicolae E. (ed.). București, 2002. P. 139–143.
74. *Nicolae E.* Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Șehr al-Cedid) // *Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea Independenței României, Chișinău, 24–26 septembrie 2002* / Nicolae E. (ed.). București, 2003. P. 167–179.
75. *Nicolae E.* Le monnayage en Bessarabie dans la deuxième moitié du XIVe siècle // *XIII Congreso Internacional de Numismática, Madrid – 2003. Actas – Proceedings – Actes* / Alfaro C., Marcos C. and Otero P. (eds.). Madrid, 2005. P. 1367–1373.
76. *Nordenskiöld A.E.* Periplus, an Essay on the Early History of Charts and Sailing-Direction. New York, 1897.
77. *Oberländer-Târnoveanu E.* Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Săqçy-Isaccea (XIIIe–XIVe siècles). Actes du XIe Congrès International de Numismatique / *Proceedings of the XIth International Numismatic Congress III, Monnaies byzantines, monnaies médiévales et orientales* / Hackens T., Moucharte G. (eds.). Leuven-la-Neuve, 1993. P. 291–304.

78. *Oberländer-Târnoveanu E.* Începuturile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă* / Gemil T. (ed.). București, 1997. P. 93–128.
79. *Okázky občanského pisemnictví / Šafařík P.J.* (ed.). Prague, 1870.
80. *Osman S.* Prezența cumană în spațiul nord-dunărean // *Moștenirea istorică a tătarilor I* / Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2010. P. 79–106.
81. *Pachymeres.* Georgii Pachymeris De Michaelis et Andronico Paleologis. I, II / Bekker Im. (ed.). Bonn, 1835.
82. *Papacostea Ș.* Românii în secolul al XIII-lea între cruciată și Imperiul mongol. București, 1993.
83. *Pegolotti, Francesco Balducci.* La pratica della mercatura / Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936.
84. *Pop I.-A.* Noi comentarii asupra Diplomei Cavalerilor Ioaniți (1247) și a contextului emiterii sale // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Căndea I.* (eds.). Brăila, 2008. P. 225–242.
85. *Postică Gh.* Civilizația medievală timpurie din spațiul Pruto-Nistean (secolele V–XIII). București, 2007.
86. *Rashīd al-Dīn.* The Successors of Genghis Khan / Boyle J. A. (ed. and trans.). New York–London, 1971.
87. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols II* / Thackston W.M. (ed. and trans.). Harvard, Cambridge, Mass., 1999.
88. *Riccold de Monte Croce.* Pérégrination en Terre Sainte et au Proche Orient. Lettres sur la chute de Saint-Jean d'Acre / Kappler R. (ed.). Paris, 1997.
89. *Rogerius.* Rogerii Carmen miserabile = Rogerius, Cântecul de jale / Popa-Lisseanu G. (ed.) // *Izvoarele istoriei românilor*, V. București, 1935.
90. *Rogerius.* Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destructione regni Hungarie per Tartaros facta = Master Roger's Epistle to the sorrowful lament upon the destruction of the kingdom of Hungary by the Tatars / Bak J.M. and Rady M. (trans. and annot.) // *Anonymus and Master Roger.* Budapest–New York, 2010. P. 132–227.
91. *Roman G.* Consecințele marii invazii tătare asupra creștinismului românesc, în a doua jumătate a secolului al XIII-lea // *Istorie bisericească, misiune creștină și viață culturală*, II, Creștinismul românesc și organizarea bisericească în secolele XIII–XIV. Știri și interpretări noi. Galați, 2010. P. 236–272.
92. *Rubruck.* Guillelmus de Rubruc, Itinerarium // *Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV* / Wyngaert A. van den (ed.). Ad Claras Aquas (Quaracchi-Firenze), 1929. P. 147–332.
93. *Sacerdoțeanu A.* Marea invazie tătară și sud-estul European. București, 1933.
94. *Sălăgean T.* Transilvania și invazia mongolă din 1285 // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Căndea I.* (eds.). Brăila, 2008. P. 271–282.
95. *Scorpan C.* L'ensemble archéologique féodal de Bîtea Doamnei // *Dacia*, NS, IX, 1965. P. 441–454.
96. *Simion G.* O locuință cu ceramică de factură tătarească descoperită în nordul Dobrogei // *Arheologia Moldovei*. № XXI, 1998. P. 231–238.
97. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th Centuries. București, 1986.
98. *Spinei V.* La genèse des villes du sud-est de la Moldavie et les rapports commerciaux des XIIIe–XIVe siècles // *Balkan Studies*. № 35, 2, 1994. P. 197–269.
99. *Spinei V.* Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les œuvres des chroniqueurs italiens // *Südost-Forschungen*. 2002/2003. № 61/62. P. 1–47.
100. *Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century, II, Cumans and Mongols. 2nd ed. Amsterdam, 2006.

101. *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden-Boston, 2009.
102. *Spinei V.* Mongolii și românii în sinteza de istorie ecleziastică a lui Tholomeus din Lucca = Les Mongols et les Roumains dans la synthèse d'histoire ecclesiastique de Tholomeus de Lucca. Iași, 2012.
103. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502. 2nd ed. Wiesbaden, 1965.
104. *Tholomeus von Lucca.* Historia ecclesiastica nova nebst Fortsetzung bis 1329 / Clavuot O. (ed.) // Vorarbeiten von L. Schmugge. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores XXXIX, Hannover, 2009.
105. *Turcuș Ș.* Sfântul Scaun și românii în secolul al XIII-lea. București, 2001.
106. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, I, 1191 bis 1342 / Zimmermann F. und Werner C. (eds.) Hermannstadt (= Sibiu), 1892.
107. *Vásáry I.* Az Arany Horda. Budapest, 1986.
108. *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
109. *Villani, Giovanni.* Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani I / Racheli A. (ed.). Trieste, 1857.
110. *Villani, Giovanni.* Nuova cronica, I (Libri I–VIII) / Porta G. (ed.) Parma, 1990.
111. *Waddingus Hibernus L.* Annales Minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum VI (1301–1322). Ad Claras Aquas (Quaracchi) prope Florentiam, 1931.
112. *Zimonyi I.* The Mongol campaigns against Eastern Europe // Medieval Nomads in Eastern Europe / Spinei V. (ed.). București–Brăila, 2014. P. 325–352.

Сведения об авторе: Виктор Спинеи – почетный профессор исторического факультета университета имени А.И. Кузы в городе Яссы; старший научный сотрудник и почетный директор Института археологии в городе Яссы (700479, ул. Т. Кодреску 6, Яссы, Румыния); член Румынской Академии наук; член-корреспондент Германского института истории; почетный доктор государственного университета Молдовы в Кишиневе. E-mail: vspin@uaic.ro

Поступила 10.08.2016 г.

Принята к публикации 25.11.2016 г.

DOMINATION OF THE GOLDEN HORDE IN WALLACHIA AND MOLDAVIA

Victor Spinei^{1,2}

¹ *Al.I. Cuza University of Iași*

² *Institute of Archaeology of Iași*

Iași 700479, Romania

E-mail: vspin@uaic.ro

Research objective: to explore the characteristics and effects of the period of the Golden Horde domination in Wallachia and Moldavia.

Research materials: The impact of the Great Mongol Invasion of 1241–1242 on the Romanian regions was particularly deep, causing massive economic and political disruptions that inter alia resulted in the inclusion of wide territories outside the Carpathian arch into the Golden Horde State for more than a century. Naturally, this historical sequence

raised a major interest in historiography, being the subject of numerous studies and monographs. Moreover, monographic volumes and various other studies that synthetically treat the events related to the Mongol conquests in Eastern and Central Europe also illustrate aspects regarding the Carpatho-Danubian lands. The conclusions made by the historians interested in the above topics were mainly based, until several decades ago, on the information resulting from the Western and Eastern narrative and diplomatic sources. During the years that followed World War II, while progress was being registered in the field of medieval archaeology, numerous vestiges dated to the period of the Mongol expansion were brought to light, thus substantially enriching the topics related to the contacts between the autochthones and the invaders. In the current phase of research, comprehensive investigations regarding the history of the Romanians and the Mongols of the thirteenth–fourteenth centuries cannot be undertaken without a thorough parallel examination of the written and archaeological sources.

Research results and novelty: As everywhere in the invaded countries, the Mongol intrusion into the regions inhabited by the Romanians caused large damage demographically, economically and politically. Important goods were destroyed or plundered, causing disturbances within the economic life, particularly in the field of commercial exchanges. The capturing of the local inhabitants' wide territories hindered the coagulation and consolidation of the local political formations. On the other hand, the Mongol presence in the counties of the Lower Danube area represented an impediment to the extension of the domination both of the Hungarian Kingdom beyond the Carpathian ridges and of the Bulgarian Tsardom north of the Danube. *Pax Mongolica* adopted throughout several decades on the Lower Danube area created conditions for the activation of commercial routes of continental importance, for the development of certain artisanship branches and for the occurrence of several urban character nuclei. In spite of the precepts imposed in older historiography, the idea that the Mongol domination in the Romanian regions also had positive consequences shall have therefore to be accepted.

Keywords: history of the Mongol Empire, Golden Horde, Transylvania, Wallachia, Moldavia.

For citation: Spinei V. Domination of the Golden Horde in Wallachia and Moldavia. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 734–766. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.734-766

REFERENCES

1. Atanasov G.G., Pavlov P.Khr. Tataro-Bulgarica – Tri etyuda o bolgarsko-tatarskikh kontaktakh na Nizhnem Dunae v XIII–XIV vv. [Tataro-Bulgarica: Three Essays on the Bulgarian-Tatar Contacts on the Lower Danube in 13th–14th centuries]. *Forum «Idel'Altai»* [Forum "Idel-Altai"]. Kazan, 2011, pp. 3–32. (In Russian)
2. Baybars. Iz letopisi Rukneddina Beybarsa [From the Annals of Rukn al-Din Baybars]. *Sbornik "materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 76–123. (In Russian)
3. Boguslavskiy G.S. Belgorod – Akdzhа Kerman – Asprokastro (oherk istorii i arkheologii srednevekovogo goroda) [Belgorod – Akja Kerman – Asprocastron (essay on the history and archeology of medieval town)]. *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Coast]. Odessa, 2013, pp. 757–790. (In Russian)
4. Varvarovskiy Yu.E. *Ulus Dzhuchi v 60–70-e gody XIV veka* [The Ulus of Jochi in the 1360–70s]. Kazan, 2008. 127 p. (In Russian)

5. Vozniy I. *Istoriko-kul'turniy rozvitok naselennya mezhirichchya Verkh'n'ogo Siretu ta Seredn'ogo Dnistra v X–XIV st. I, Poselennya* [Historical and Cultural Development of the Population between the Upper Siret and Middle Dniester in the 10th–14th centuries. Vol. I. Settlements]. Kyiv-Chernivtsi, 2009. 592 p. (In Ukrainian)
6. Vukasovich V.V. Stari studenichki zbornik [The Old Studenica Collection]. *Spomenik (Srpska Kraljevska Akademija)* [Spomenik (Serbian Royal Academy)]. XXXVIII, 34, 1900, pp. 109–121. (In Ukrainian)
7. Dzhurova A., Dimitrov B. *Slavyanski r"kopisi, dokumenti i karti za B"lgarskata istoriya ot Vatikanska Apostolicheska Biblioteka i Sekretniya arkhiv na Vatikan (IX–XVII vek)* [Slavic Manuscripts, Documents, and Maps regarding Bulgarian History from the Vatican Apostolic Library and Vatican Secret Archive (9th–17th centuries)]. Sofiya, 1978. 151 p. (In Bulgarian)
8. Dobrolyubskiy A.O. Etnicheskiy sostav kochevogo naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v zolotoordynskoe vremya [Ethnic Composition of the Nomadic Population of the Northwestern Black Sea Region during the Golden Horde Period]. *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Monuments of the Roman and Medieval Times in the Northwestern Black Sea Region]. Kyiv, 1982, pp. 28–39. (In Russian)
9. Dobrolyubskiy A.O. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednekov'ya* [Nomads of the Northwestern Black Sea Region in the Middle Ages]. Kyiv, 1986. 137 p. (In Russian)
10. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Downfall]. Moscow–Leningrad, 1950. 505 p. (In Russian)
11. Ibn Khaldun. Iz istorii Ibnkhal'duna [From the History of Ibn Khaldun]. *Sbornik" materialov", otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.) St. Petersburg, 1884, pp. 365–394. (In Russian)
12. Ipat'evskaya letopis' [Hypathian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh" letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], II, vtor. izd. St. Petersburg, 1908. 938 cols. (In Russian)
13. Klyashtorny S.G., Sultanov, T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes: Antiquity and the Middle Ages], vtor. izd. St. Petersburg, 2004. 368 p. (In Russian)
14. Konovalova I.G., Russev N.D. *Zolotaya Orda i zhizni gorodov Dnestrovsko-Dunayskogo regiona (Po svedeniyam pis'mennykh istochnikov)* [The Golden Horde and Urban Life in the Dniester-Danube region (according to written sources)]. *Evul mediu timpuriiu în Moldova (Probleme de istoriografie și istorie urbană)*. Dragnev D. (ed.). Chișinău, 1994, pp. 70–107. (In Russian)
15. Kravchenko A.A. *Srednevekovyy Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.)* [Medieval Belgorod on the Dniester (the end of the 13th – 14th centuries)]. Kyiv, 1986. 124 p. (In Russian)
16. Lazarov L. Nyakolko moneti na Zlatnata Orda ot fonda na Arkheologicheski muzey-Varna [Several Coins of the Golden Horde from the Fund of Archaeological Museum in Varna]. *Numizmatichni i sfragistichni prinosi k"m istoriyata na Zapadnoto Chernomorie (Acta Musei Varnensis, II)* [Numismatic and Sfragistic Contributions to the History of the Western Black Sea Coast (Acta Musei Varnensis, II)]. Varna, 2004, pp. 369–378. (In Bulgarian)
17. *Letopisets' velikykh knyazei litov"skykh. Suprasl'skaya letopis'. Polnoe sobranie russkikh letopisey, 35, Letopisi belorussko-litovskie* [Chronicles of the Great Lithuanian Dukes in the Annals of Suprasl. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 35. Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Rybakov B.A. (otv. red.), Buganov V.I. (zam. red.), Ulashchik N.N. (red.). Moscow, 1980, pp. 61–67. (In Russian)

18. Nudel'man A.A. *Topografiya kladov i nakhodok edinichnykh monet (Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR, 8)* [A Topography of Coin Hoards and Single Findings (Archaeological Map of the Moldavian SSR, 8)]. Chişinău, 1976. 196 p. (In Russian)
19. Nudel'man A.A. *Ocherki istorii monetnogo obrashcheniya v DnestrovskoPrutskom regione (s drevneyshikh vremen do obrazovaniya feodal'nogo Moldavskogo gosudarstva)* [Essays on the History of Monetary Circulation in the Dniester and Prut Region (from ancient times to the formation of the feudal State of Moldova)]. Chişinău, 1985. 180 p. (In Russian)
20. Oberländer-Târnoveanu E. Byzantino-Tartarica – Monetnaya chekanka v zone ust'ev Dunaya v kontse XIII – nachale XIV veka [Byzantino-Tartarica: Coin Minting in the Area of the Mouth of the Danube River in the late 13th – early 14th centuries]. *Numizmatika Zolotoy Ordyy* [Golden Horde Numismatics]. 2012. № 2, pp. 38–53. (In Russian)
21. Polevoy L.L., Byrnya P.P. *Srednevekovye pamyatniki XIV–XVII vv. (Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR, 7)* [Medieval Monuments of the 14th–17th centuries (archaeological map of the Moldavian SSR, 7)]. Chişinău, 1974. 113 p. (In Russian)
22. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. *Drevnerusskoe Podnestrov'e* [The Ancient Russian Dniester Region. An Essay on the Regional History]. Uzhgorod, 1981. 144 p. (In Russian)
23. Russev N.D. Gorodskie tsentry Dnestrovsko-Dunayskikh zemel' i Zolotaya Orda (momenty i arealy evolyutsii) [Urban Centers of the Dniester-Danubian Lands and the Golden Horde (moments and areas of evolution)]. *Moldavskiy feodalizm. Obshchee i osobennoe (Istoriya i kul'tura)* [Moldavian Feudalism. General and Particular (History and Culture)]. Chişinău, 1991, pp. 39–66. (In Russian)
24. Heywood C. Nekotorye problemy numizmaticheskogo dokazatel'stva pravleniy khana Nogaya i Dzheki [Some Problems of the Numismatic Evidences of the Reigns of Khans Nogay and Chaka]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde): From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Usmanov M. A. (otv. red.). Kazan', 2002, pp. 129–145. (In Russian)
25. Al-Ayni. Iz letopisi... [From the Chronicle ...]. *Sbornik "materialov", odnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 475–534. (In Russian)
26. Al-Qalqashandi. Iz sochineniya... [From the Writing ...]. *Sbornik "materialov", odnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 395–416. (In Russian)
27. Al-Nuwayri. Iz entsiklopedii... [From the Encyclopedia ...]. *Sbornik "materialov", odnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordyy, I, Izvlecheniya iz" sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. Tizengauzen V. (red.). St. Petersburg, 1884, pp. 128–171. (In Russian)
28. Yanina S.A. „Novyy gorod” (= Yangi-Shehr = Shehr al-Dzhedid) – monetnyy dvor Zolotoy Ordyy i ego mestopolozhenie [The “New City” (= Yangi-Shehr = Shehr al-Jadid): The Golden Horde Mint and Its Location]. *Trudy Gosudarstvennogo Ordena Lenina Istoricheskogo Muzeya 49, Numizmaticheskii sbornik* [Proceedings of the State Historical Museum of the Order of Lenin 49, Numismatic collection] V, 1. Davidovich E.A. (pod red.). Moscow, 1977, pp. 193–213. (In Russian)
29. Abu'l-Fidā', Sultan of Hamāh (672–732 / 1273–1331). *The Memoirs of a Syrian Prince*. Holt P. M. (ed. and trans.). Wiesbaden, 1983. xi + 99 p.
30. Achim V. *Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni*. Bucureşti, 2008. 350 p. (In Romanian)

31. *Acta Ioannis XXII (1317–1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit.* A.L. Tăutu. Pontificia commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, Fontes, Series III, VII, 2. Città del Vaticano, 1952. xix + 302 p. (In Latin)
32. Almagià R. *Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana.* Monumenta Cartographica Vaticana, I. Città del Vaticano, 1944. xii + 156 p. (In Italian)
33. Al-'Umarī. *Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār.* Lech K. (ed.). Wiesbaden, 1968. xi + 475 p. (In German)
34. Andronic M. *Istoria Bucovinei, II, În epoca marilor migrații și până la încheierea formării Moldovei medievale.* Suceava, 2014. (In Romanian)
35. *Anonymi Descriptio Europae Orientalis «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» Anno MCCCVIII exarata.* Górka O. (ed.). Cracoviae, 1916. 70 p. (In Latin)
36. Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer, I, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290.* Paris–La Haye, 1973. 420 p. (In French)
37. Batariuc P.-V. Din nou despre ceramica „Hoardei de Aur” din teritoriul dintre Carpați și Prut. *Arheologia Moldovei*. 2010. № XXXIII, pp. 243–253. (In Romanian)
38. Der Bericht des fr. Iulianus. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen.* Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse 1956, 1, pp. 162–182. (In Latin)
39. Der Bericht des fr. Riccardus. Dörrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen.* Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse 1956, 1, pp. 147–162. (In Latin)
40. Brătianu G.I. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions à l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce génois sur le littoral roumain de la mer Noire.* București, 1935. 195 p. (In French)
41. Chirtoagă I. Apariția tătarilor (nogailor) pe teritoriul Moldovei și semnificația noțiunii Bugeac. *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă.* Gemil T. (ed.). București, 1997, pp. 162–171. (In Romanian)
42. *Chronicon Budense.* Podhradczky I. (ed.). Buda, 1838. xvi + 375 p. (In Latin)
43. *Chronicon Dubnicense.* Historiae Hungaricae fontes domestici, Scriptores III. Florianus M. (ed.). Quinqueecclesiis (= Pécs), 1884. v + 276 p. (In Latin)
44. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries.* Leiden–Boston, 2012. vi + 321 p.
45. *Codex diplomaticus Transsylvaniae. Diplomata, epistolae et alia instrumenta litteraria res Transsylvanas illustrantia, I, 1023–1300 = Erdélyi okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez, I, 1023–1300.* Jakó S. (ed.). Budapestini, 1997. (In Latin)
46. Codex Parisiensis, Suppl. Lat. Nr. 1675, olim Epternac, fol. 101'. *Annales Frisacenses.* Weiland L. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores XXIV.* Hannoverae, 1879, p. 65. (In Latin)
47. Curta F. *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250.* Cambridge, 2006. xxviii + 496 p.
48. Decei A. L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami ot-Tevarikh de Fäzl ol-lah Rāšid od-Din. *Revue Roumaine d'Histoire.* № XII, 1973, 1, pp. 101–121. (In French)
49. Descriptio itineris prioris fr. Iuliani a fr. Richardo. Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. *Archivum Europae Centro-Orientalis* III, 1937, 1–4, pp. 21–34. (In Latin)
50. *Documenta Romaniae Historica, B, Țara Românească* I. P.P. Panaitescu și D. Mioc (eds.). București, 1966. lxiv + 635 p. (In Latin)

51. Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum. Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. *Archivum Europae Centro-Orientalis* III, 1937, 1–4, pp. 35–44. (In Latin)
52. Gemil T. Osmanlı Öncesi Romanya Topraklarında Türk Varlığı. *Moștenirea istorică a tătarilor II*. Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2012, pp. 32–55. (In Turkish)
53. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano*, II (Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV). Quaracchi presso Firenze, 1913. 641 p. (In Italian)
54. Gonța A.I. *Românii și Hoarda de Aur, 1241–1502*. München, 1983. 192 p. (In Romanian)
55. Grămadă N. Vicina. Izvoare cartografice. Originea numelui. Identificarea orașului. *Codrul Cosminului I*, 1924, pp. 437–459. (In Romanian)
56. Gregoras. *Nicephori Gregorae Byzantina historia*, I. Schopen L. (ed.). Bonn, 1829. 674 p. (In Greek)
57. Hurmuzaki E. de. *Documente privitoare la istoria românilor*, I, 1199–1345. Densușianu N. (ed.). București, 1887. xxx + 701 p. (In Latin)
58. Iambor P. Atacurile cumano-tătare asupra Transilvaniei în a doua jumătate a veacului al XIII-lea. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj-Napoca* XVII, 1974, pp. 211–223. (In Romanian)
59. Ibn Batoutah. *Voyages* II. Defrémery C. et Sanguinetti B.R. (eds. et trad.). Paris, 1854. (In French)
60. *Imposicio Officii Gazarie. Monumenta historiae patriae, Leges municipales*. Auguste Taurinorum (= Torino), 1838. xxiv + 1773 p. (In Latin)
61. Iorgulescu V. *Le sud-est européen entre Byzance et Occident aux Xe–XIVe siècles. Le cas des Roumains*. Iași, 2005. 463 p. (In French)
62. Iosipescu S. Bulgarii la Cetatea Albă în anii 1314, 1316. *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei*. Țicu D., Căndea I (eds.). Brăila, 2008, pp. 699–716. (In Romanian)
63. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, 2005. xxiv + 414 p.
64. Jagić V. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. *Archiv für slavische Philologie* II, 1877, pp. 1–109. (In German)
65. *Jus Graecoromanorum*, I, *Novellae et aureae bullae imperatorum post Justinianum*. Zepos J. et Zepos P. (eds.). Athena, 1931. (In Greek, Latin)
66. Kortantamer / Omar S. *Ägypten und Syrien zwischen 1317 und 1341 in der Chronik des Mufaddal b. Abī l-Fadā'il. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau*. Freiburg i. Br., 1973. 458 p. (In German)
67. Kovács Sz. Bortz, a Cuman chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. № 58, 2005, 3, pp. 255–266.
68. Laonic Chalcocondil. *Expuneri istorice*. Grecu V. (ed.). București, 1958. 355 p. (In Romanian)
69. Lazarov L. Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj. *Bulgarian Historical Review*. № XXV, 1997, 4, pp. 3–9. (In French)
70. *Monumenta Ecclesiae Strigoniensis*, II, *Ab a. 1273. ad a. 1321*. Knauz F. (ed.). Strigonii, 1882. xlix + 883 p. (In Latin)
71. Moufazzal ibn Abil-Faza'il. *Histoire des sultans mamlouks* III. Blochet E. (ed. et trad.). Graffin R.-Nau F. *Patrologia Orientalis* XX, 1, Paris, 1929, pp. 3–267. (In French)
72. Moule A.C. *Textus duarum epistolarum fr. minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323. Archivum franciscanum historicum*. 1923. № XVI, pp. 104–112. (In Latin)
73. Nicolae E. O monedă emisă de Çaka fiul lui Nogaj. *Simpozion de numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476– 2001), Chișinău, 13–15 mai 2001*. Nicolae E. (ed.) București, 2002, pp. 139–143. (In Romanian)
74. Nicolae E. Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Şehr al-Cedid). *Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea Independenței României*,

Chişinău, 24–26 septembrie 2002. Nicolae E. (ed.). Bucureşti, 2003, pp. 167–179. (In Romanian)

75. Nicolae E. Le monnayage en Bessarabie dans la deuxième moitié du XIVe siècle. *XIII Congreso Internacional de Numismática, Madrid – 2003. Actas – Proceedings – Actes*. Alfaro C., Marcos C. and Otero P. (eds.). Madrid, 2005, pp. 1367–1373. (In French)

76. Nordenskiöld A.E. *Periplus, an Essay on the Early History of Charts and Sailing Direction*. New York, 1897. x + 208 p.

77. Oberländer-Târnoveanu E. Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Săqçy-Isaccea (XIIIe–XIVe siècles). *Actes du XIe Congrès International de Numismatique / Proceedings of the XIth International Numismatic Congress III, Monnaies byzantines, monnaies médiévales et orientales*. Hackens T., Moucharte G. (eds.). Leuven-la-Neuve, 1993, pp. 291–304. (In French)

78. Oberländer-Târnoveanu E. Începuturile prezenţei tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. *Originea tătarilor. Locul lor în România şi în lumea turcă*. Gemil T. (ed.). Bucureşti, 1997, pp. 93–128. (In Romanian)

79. *Okázky občanského písemnictví*. Šafařík P.J. (ed.). Prague, 1870. 130 p. (In Czech)

80. Osman S. Prezenţa cumană în spaţiul nord-dunărean. *Moştenirea istorică a tătarilor I*. Gemil T., Pienaru N. (eds.). Bucureşti, 2010, pp. 79–106. (In Romanian)

81. Pachymeres. Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Paleologis. I, II. Bekker Im. (ed.). Bonn, 1835. (In Latin, Greek)

82. Papacostea Ş. *Românii în secolul al XIII-lea între cruciată şi Imperiul mongol*. Bucureşti, 1993. 188 p. (In Romanian)

83. Pegolotti, Francesco Balducci. *La pratica della mercatura*. Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936. liv + 443 p. (In Italian)

84. Pop I.-A. Noi comentarii asupra Diplomei Cavalerilor Ioaniţi (1247) şi a contextului emiterii sale. *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin şi Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei*. Ţeicu D., Căndea I. (eds.). Brăila, 2008, pp. 225–242. (In Romanian)

85. Postică Gh. *Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul Pruto-Nistrean (secolele V–XIII)*. Bucureşti, 2007. 487 p. (In Romanian)

86. Rashīd al-Dīn. *The Successors of Genghis Khan*. Boyle J. A. (ed. and trans.). New York–London, 1971. xi + 372 p.

87. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols II*. Thackston W.M. (ed. and trans.). Harvard, Cambridge, Mass., 1999.

88. Riccold de Monte Croce. *Pérégrination en Terre Sainte et au Proche Orient. Lettres sur la chute de Saint-Jean d'Acre*. Kappler R. (ed.). Paris, 1997. 271 p. (In French, Latin)

89. Rogerius. *Rogerii Carmen miserabile = Rogerius, Cântecul de jale*. Popa-Lisseanu G. (ed.). Izvoarele istoriei românilor, V. Bucureşti, 1935. 103 p. (In Latin, Romanian)

90. Rogerius. *Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destructione regni Hungarie per Tartaros facta = Master Roger's Epistle to the sorrowful lament upon the destruction of the kingdom of Hungary by the Tatars*. Bak J.M. and Rady M. (trans. and annot.). *Anonymus and Master Roger*. Budapest–New York, 2010, pp. 132–227.

91. Roman G. Consecinţele marii invazii tătare asupra creştinismului românesc, în a doua jumătate a secolului al XIII-lea. *Istorie bisericească, misiune creştină şi viaţă culturală, II, Creştinismul românesc şi organizarea bisericească în secolele XIII–XIV. Ştiri şi interpretări noi*. Galaţi, 2010, pp. 236–272. (In Romanian)

92. Rubruck. Guillelmus de Rubruc, *Itinerarium. Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Wyngaert A. van den (ed.). Ad Claras Aquas (Quaracchi-Firenze), 1929, pp. 147–332. (In Latin)

93. Sacerdoţeanu A. *Marea invazie tătară şi sud-estul European*. Bucureşti, 1933. 89 p. (In Romanian)

94. Sălăgean T. Transilvania și invazia mongolă din 1285. *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei*. Țeicu D., Căndea I. (eds.). Brăila, 2008, pp. 271–282. (In Romanian)
95. Scorpan C. L'ensemble archéologique féodal de Bîtca Doamnei. *Dacia*, NS, IX, 1965, pp. 441–454. (In French)
96. Simion G. O locuință cu ceramică de factură tătărească descoperită în nordul Dobrogei. *Arheologia Moldovei*. № XXI, 1998, pp. 231–238. (In Romanian)
97. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th Centuries*. București, 1986. 276 p.
98. Spinei V. La genèse des villes du sud-est de la Moldavie et les rapports commerciaux des XIIIe–XIVe siècles. *Balkan Studies*. № 35, 2, 1994, pp. 197–269. (In French)
99. Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les œuvres des chroniqueurs italiens. *Südost-Forschungen*. 2002/2003. № 61/62, pp. 1–47. (In French)
100. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*, II, *Cumans and Mongols*. 2nd ed. Amsterdam, 2006.
101. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden–Boston, 2009. xvii + 545 p.
102. Spinei V. *Mongolii și românii în sinteza de istorie ecleziastică a lui Tholomeus din Lucca = Les Mongols et les Roumains dans la synthèse d'histoire ecclesiastique de Tholomeus de Lucca*. Iași, 2012. 290 p. (In Romanian)
103. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502*. 2nd ed. Wiesbaden, 1965. xviii + 638 p. (In German)
104. Tholomeus von Lucca. *Historia ecclesiastica nova nebst Fortsetzung bis 1329*. Clavuot O. (ed.). Vorarbeiten von L. Schmugge. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores XXXIX, Hannover, 2009. lxxvii + 784 p. (In Latin)
105. Turcuș Ș. *Sfântul Scaun și românii în secolul al XIII-lea*. București, 2001. 354 p. (In Romanian)
106. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*, I, 1191 bis 1342. Zimmermann F. und Werner C. (eds.) Hermannstadt (= Sibiu), 1892. xxx + 615 p. (In German, Latin)
107. Vásáry I. *Az Arany Horda*. Budapest, 1986. 314 p. (In Hungarian)
108. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, 2005. xvi + 230 p.
109. Villani, Giovanni. *Cronica. Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani*. I. Racheli A. (ed.). Trieste, 1857. 597 p. (In Italian)
110. Villani, Giovanni. *Nuova cronica*, I (*Libri I–VIII*). Porta G. (ed.). Parma, 1990. lxx + 733 p. (In Italian)
111. Waddingus Hibernus L. *Annales Minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum VI (1301–1322)*. Ad Claras Aquas (Quaracchi) prope Florentiam, 1931. xx + 735 p. (In Latin)
112. Zimonyi I. The Mongol campaigns against Eastern Europe. *Medieval Nomads in Eastern Europe*. Spinei V. (ed.). București–Brăila, 2014, pp. 325–352.

About the author: Victor Spinei – Professor Emeritus of the Faculty of History at the A.I. Cuza University of Iași, Senior Research Fellow and Honorary Director of Institute of Archaeology of Iași (6, T. Codrescu Str., Iași 700479, Romania); Member of Romanian Academy, Corresponding Member of Deutsches Archäologisches Institut, Doctor Honoris Causa of the State University of Moldova in Kishinev. E-mail: vspin@uaic.ro

Received August 10, 2016

Accepted for publication November 25, 2016

УДК 929(=411.21)

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.767-778

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК АС-САФАДИ САЛАХ АД-ДИНА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ****Д.Р. Зайнуддинов**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru*

Издание и перевод на русский язык извлечений источников по истории Золотой Орды остается актуальной темой современных источниковедческих исследований.

Цель: ввести в научный оборот материалы, связанные с историей Золотой Орды из ранее неизвестного средневекового арабского источника.

Материалы исследования: биографический сборник *‘Айан ал-‘аср ва ‘аван ан-наسر* (Выдающиеся личности этого века и поборники победы) принадлежащий перу мамлюкского историка ас-Сафади Салах ад-дина (696 г.х./1297 – 764 г.х./1363).

Результаты и научная новизна: Труд был написан автором на территории Египта и Сирии во второй половине XIV века, то есть в период расцвета Золотой Орды. Впервые он был издан в 1998 году в Бейруте, в шести томах, последний из которых – это указатели. Объем томов колеблется от 685 (Т.4) до 736 (Т.1) страниц, что составляет в общей сложности 3578 страниц (без указателей). Новизна статьи заключается в том, что впервые в научный оборот вводится русский перевод сведений о биографии золотоордынских ханов Токтая и Узбека, мамлюкского лекаря ан-Нумана, эмира Кусуна и султана ан-Насыра. Также в статье дается анализ сборника и переводятся с небольшими комментариями некоторые статьи труда, связанные с историей Дешти Кыпчака. В заключение хотелось бы отметить, что введение в научный оборот биографического сборника ас-Сафади Салах ад-дина *‘Айан ал-‘аср ва ‘аван ан-наسر* принесёт много полезных сведений и поможет уточнить имеющиеся данные по истории Золотой Орды.

Ключевые слова: Сафед, Каир, Тебриз, Тизенгаузен, Сарай, поэзия, проза, биографии, Хулагуиды, Джучиды, источниковая база, Яса, Токтай, Узбек-хан, (А)бу Саид, суфии, лекарь ан-Нуман сын Давлатшаха, медицина, султан ан-Насыр, эмиры Кусун и Сусун.

Для цитирования: Зайнуддинов Д.Р. Биографический сборник ас-Сафади Салах ад-дина как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 767–778. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.767-778

**І. Анализ биографического сборника
«Выдающиеся личности этого века
и поборники победы» ас-Сафади Салах ад-дина¹**

Дата написания. В средневековой арабской историографии был весьма популярным жанр биографического описания. Ярким примером этого жанра

¹ Биографические сведения об ас-Сафади были опубликованы ранее. См. статью: Зайнуддинов Д.Р. Сведения о Чингиз-хане, Берке и Узбек-хане в библиографическом сборнике ас-Сафади Салах ад-дина Халила (ум. 764 г.х.) Ал-Вафи би ал-вафийат (الوافي بالوفيات أو تاريخ الصفدي) (Полный сборник биографий умерших личностей или История ас-Сафади) // Золотоордынское обозрение 2015. № 4. С. 71–91.

служит труд 'Айан ал-'аср ва 'аван ан-наسر (أعيان العصر وأعيان النصر) /Выдающиеся личности этого века и поборники победы/, принадлежащий перу известного историка ас-Сафади Салах ад-дина. Труд был написан автором на территории Египта и Сирии во второй половине XIV века, то есть в период расцвета Золотой Орды. Впервые он был издан в 1998 году в Бейруте, в шести томах, последний их которых – это указатели. Объем томов колеблется от 685 (Т.4) до 736 (Т.1) страниц, что составляет в общей сложности 3578 страниц (без указателей). Для автора биографическое описание подобно «свитку, поступившему от далекого (человека – Д.Р.), позитивной или негативной новости, дошедшей посредством курьера на быстроходном верблюде». [5, Т. 1, с. 37]

Стих:

Не спешите показать нам лицо своё, хоть вы и вдали

От нас, поистине лица (людей – Д.Р.) словно свитки

«Я считаю, что история и жизнеописание подобны смысловому, а не телесному воскрешению. Они словно возрождение останков, при котором тело не обрывает мясом» – продолжает рассуждать ас-Сафади [5, Т.1, с. 37].

Цель написания труда. Ас-Сафади сообщает в вступительной статье к этому труду, что он потратил много времени и усилий, дабы написать труд «Полный сборник некрологов выдающихся личностей» [6], описывая в нем выдающихся личностей, начиная с пророка Мухаммада (сас) вплоть до своих современников. «Я приложил в этом много стараний, дабы отразить нападки тех, кто пытался опорочить и обвинить меня. Однако (эта работа) оказалась очень объемной и я пожелал после завершения сократить её, выбрав то, что подобает, и собрать исторический труд о тех, кого застал мой век, ветку с плодами которых я смогу согнуть, тех с кем соединяется круг моего бытия и точка моего Египта, даже если я их и не видел, надежные передатчики сообщили о них (достоверную – Д.Р.) информацию» [5, Т.1, с. 38].

Стих:

Разве ночь не объединяет Умму Амра

с нами, именно это нас сближает

Она смотрит на молодой месяц, так же как я вижу его.

Над ней возвышается день как и над нами

Хронологические рамки сборника. Что касается хронологических рамок, в которых ас-Ас-Сафади описывает своих героев, то они начинаются 696 г.х./1297 и заканчиваются 764 г.х./1363 годом, то есть годом рождения и смерти самого автора. Трудно сказать, в какие именно годы автор писал свой труд, однако можно предположить, что это было в последние 30 лет его жизни, когда «он покрывался в саван седины». Отраднее, что ас-Сафади написал статью о Али ибн Исмаиле ибн Джафаре – искусном сирийском каллиграфе и письмоводителе [5, Т.3, с. 301–302, №1125], зафиксировав, что он скончался в день праздника разговения 764 г.х./ 1363 г., то есть за 10 дней до смерти самого автора. Часто ас-Сафади оставлял многоточие рядом с датами рождения или смерти тех или иных выдающихся личностей, видимо, в надежде уточнить их в будущем, что свидетельствует о том, что автор не переписывал труд в беловик. Ас-Сафади можно считать зачинателем жанра описания биографий личностей, живших в эпоху самого автора. За ним последовали такие корифеи арабской историографии как ал-Аскалани (773 г.х./1371 –

852 г.х./1448), ал-Бакаи'и Ибрахим ибн Умар (ум. 885 г.х./1480), Ибн ал-Хумсы Шихаб ад-дин Ахмад (841 г.х./1437 – 934 г.х./1527) и др.

Структура и стиль работы. Биографический сборник ас-Сафади построен по алфавитному принципу, причем в конце списка имён, начинающихся на ту или иную букву, автор приводит список личностей, получивших известность прозвищами, также начинающихся на эту букву. Стиль написания, как выражается сам автор, таков: «Я продолжил лить обильный дождь полезной (информации – *Д.Р.*). И пустил в нем скакуна невнятной многословности, бросившегося (рысью – *Д.Р.*) в атаку, не задумываясь, направившегося к великой цели, не сдерживаясь. Ибо этот (труд – *Д.Р.*) я собрал для себя, а не для кого-то из себе подобных. Я сделал его для себя первоначальным капиталом, товаром, содержащим описание и датировку великих дел, плащом, потрепанным (временем – *Д.Р.*). А кто считает его (данный труд – *Д.Р.*) чрезмерным, не находит оставляющим глубокий след, перелистывая его, отказывается (читать – *Д.Р.*), пускает исследовательские стрелы и не попадает в цель, то это мой удел, предрешенный Создателем, предписанный тростью (судьбы – *Д.Р.*)» [5, Т.1, с. 38–39]. Данный сборник написан рифмованной прозой, высочайшим примером для подражания для себя в этом ас-Сафади избрал Ибн Зейдуна ал-Махзуми (394 г.х./1003 – 463 г.х. /1071) – крупнейшего визиря, литератора и поэта Андалусии. К тому же ас-Сафади снабдил свой сборник большим количеством примеров из высокой словесности, так как любил поэзию и сам прослыл выдающимся поэтом. Ибн Тагриберди, давая оценку поэтическим дарованиям ас-Сафади, писал: «Я вижу силу в его стихах и качественную выдумку» [4, Т. 5, с. 257, № 1002]. Как признается сам автор, его труд написан высоким литературным языком, изобилующим метафорами, сравнениями, синонимами, омонимами, игрой слов, которые порой тяжело понять обывателю [5, Т. 1, с. 41]. Конечно же, такой стиль создает определенные трудности для исследователей. Видимо, поэтому Халил ибн Айбек боится, что не найдет широкого круга читателей, но не унывает из-за этого.

Содержание работы. Продолжая рассуждать о целях и содержании данной работы, ас-Сафади говорит: «Однако он (этот сборник – *Д.Р.*) не что иное, как кладбище, в котором я посещаю могилы моих друзей, постоянно прихожу к месту упокоения моих сверстников и приятелей, окутавшись в саван покрывшей меня седины, поклявшийся, что уйдет только вместе со мной. В нем (сборнике – *Д.Р.*) я рассказал о тех, кого я видел и не видел, с кем был близок и не близок. Верфи терпения, унаследованные мной, медлили, когда я оплакивал их – тех, у кого я учился, среди звезд которых я возвысился, с частью из которых я имел финансовые отношения» [5, Т.1, с. 39]. Далее автор признается, что он не скупился рассказывать и о своих недругах, «тех, кто заставили меня испытать горечи жизни, кто снял с меня одежду терпения и свернул (её), тех, кто выдвинулся передо мной и гнал меня за поводом в яму, вероломно покинул меня в одиночестве и, воспользовавшись моим уделом, выдвинулся (вперед – *Д.Р.*)» [5, Т.1, с. 39]. Биографический сборник 'Айан ал-'аср ва 'аван ан-наسر вобрал в себя 2017 статей. Ценность работы ас-Сафади многогранна, это значимый источник для историков, т.к. автор во многом описывал личности, с которыми был лично знаком, или ссылался на достоверных передатчиков, пользовался официальными документами различных административных канцелярий; для филологов, т.к., передавая диа-

логи различных личностей, он оставлял их без изменений с оттенками диалекта свойственного той эпохе; библиографов и источниковедов, т.к. описывая различные личности, ас-Сафади подробно останавливался на написанных ими трудах; литераторов, поэтов, психологов, философов, востоковедов, археологов и архитекторов, т.к. он подробно описывал некоторые сооружения.

Золотоордынская тематика. Исходя из того насколько нам удалось исследовать труд «Выдающиеся личности этой эпохи», мы нашли, что он богат материалом по монгольской тематике в целом и по золотоордынской в частности. Это объясняется тесными связями между мамлюкским Египтом с соседними чингизидскими государствами Хулагуидов и Джучидов. Например, у ас-Сафади есть статьи, посвященные Токтаю (ст. № 828), Узбек хану (ст. № 240), Нуману, сыну Давлятшаха (ст. № 1916), Кусуну (ст. № 1389) и другим личностям, связанным с Золотой Ордой. Следует отметить, что хулагуидские мотивы гораздо шире и подробнее рассматриваются в «Выдающихся личностях этой эпохи», это объясняется следующей оценкой ас-Сафади международных отношений Египта в эпоху султана ан-Насыра: «Мировые правители обменивались с ним подарками и письмами. К нему приезжали послы из Индии, послы от ильхана Узбека, на дочери которого он женился. К нему приезжали монархи Эфиопии, короли франков, короли западные, монархи стран Ласкариса, владетель Йемена. Что же касается Бу Саида – монарха татар, – то посольские миссии не прекращались между двумя (султанами), они называли друг друга братьями. Два (их) слова стали единым, два царства одним целым, указы султана исполнялись в землях Бу Саида. Его послы заходили в те земли с отрядами, военными оркестрами и колыхающими знамёнами» [5, Т.5, с. 96–97].

Как мы видим из слов ас-Сафади, со времен Абу Саида двухсторонние отношения Каира и Тебриза настолько сблизились, что они стали словно единым государством. Конечно, это раздражало Сарай. «В 721 г.х./1321 к султану ан-Насыру вернулись послы Токсоба аз-Захири и Кутлу-буга ал-Багдади, жалуюсь на то, что Узбек-хан отнесся к ним безразлично и неподобающе (послам), стал грубить им так, что они испугались злой беды от него, запретил им покупать невольников и невольниц. Причиной этого стало то, что ан-Насыр нарушил обещание о посылке войск в Ирак и применении хитрости для истребления Джубана» [7, Т.1, с. 321 (ар.)/328 (рус)]. Сложившаяся международная обстановка отразилась и на страницах биографического сборника как в количественном, так и в качественном отношении, история Хулагуидов преобладает над историей Джучидов.

Указатели. Критические издатели во главе с Али Абу Зейдом приложили не мало усилий, чтобы труд стал удобным для исследователей, они снабдили его следующими указателями: 1) коранические аяты, 2) хадисы, 3) персоналии, 4) огласованные имена собственные, 5) поговорки, 6) книги, 7) географические названия, 8) стихи, 9) проза, 10) мамлюкские термины. Данные указатели заняли целый том в объеме 407 страниц.

Источниковая база сборника. При составлении своего сборника ас-Сафади основывался на собственных источниках, так как он был свидетелем многих описанных событий. Также он ссылался на труды предшественников, таких как ал-Бирзали (660 г.х./1266 – 739 г.х./1308), Ибн Саййид ан-Нас (671 г.х./1272 – 734 г.х./1334), аз-Захаби Шамс ад-дин Ахмад (ум.

742 г.х./1341), ал-Умари Шихаб ад-дин ибн Фадл Аллах (700 г.х./1301 – 749 г.х./1349) и др. В качестве примера приведем следующий отрывок из биографии Газана, сына Аргуна. «Кады Шихаб ад-дин ибн Фадл Аллах (ал-Умари) сказал: мне сообщил эмир Сайф ад-дин Захир Буга, да смиловитесь над ним Аллах: «Монголы говорят: Тот, кто видел Газана, тот непременно видел Чингисхана». Затем добавил: «Империя монголов умерла после него». Он (ал-Умари – Д.Р.) сказал: я рассказал то, что сказал последний эмиру Сайф ад-дину Айтамышу ан-Насыри, лучшему знатоку своего времени в монгольских вопросах. Он ответил: «Он не ошибся, однако (я считаю), что тот, кто видел Газана, тот видел Хулагу, кто видел Абагу, тот видел Чингисхана. Со смертью Газана не умерла монгольская империя, однако умерла Яса монголов» [5, Т. 4, с. 12]. К тому же Халил ибн Айбек подробно описывал научные труды интересовавших его личностей. Например, в статье о ал-Андалуси Мухаммаде ибн Йусуфе (конец месяца Шавваль, поселение Мутахшариш в окрестностях Гранады 654 г.х./ноябрь 1256 – суббота перед заходом солнца 28-го Сафара 745 г.х./10.07.1344) – известном филологе, историке и поэте [5, Т. 5, с. 347] он упомянул, что последний написал серию книг: ал-‘Идрак лиллисан ал’атрак (الإدراك للسان الأتراك) /Постижение языка тюрков/, Зуху ал-мульк фи нахви ат-турк (زهو الملك في نحو الترك) /Расцвет власти в грамматике тюрков/, Нафхатул ал-миск фи сирати ат-турк (نفحة المسك في سيرة الترك) /Благоухающее дуновение в биографии тюрков/, Китаб ал-‘афал фи лисан ат-турк (كتاب الأفعال في لسان الترك) /Морфология глаголов в тюркском языке/, которые могут принести не мало пользы исследователям тюркского (кыпчакского) языка и истории.

В качестве источников для своего труда ас-Сафади привлекал официальные письма. Например, в статье № 1497 о султанах ал-Афдале Насыр ад-дине Мухаммаде ибн Исмаиле из династии Аюбитов (ум. 742/1341), ас-Сафади приводит официальное письмо, написанное им от имени султана ан-Насыра [5, Т. 4, с. 329]. И документы: например, указ Газана от 5-го Раби’ ал-ахыр 699 г.х. / 29.12.1299 [5, Т. 4, с. 15–17].

Ниже мы приводим некоторые извлечения из сборника, связанные с историей Золотой Орды.

II. Токтай

№ 828 – Султан, обладатель Кыпчака. (Имя – Д.Р.) его Токтай, сын Менгутемира, сын Сабирхана, сын великого деспота Чингисхана монгольского. Некоторые называли его Туктакай, (пишется – Д.Р.) с двумя (мягкими буквами – Д.Р.) «та», вместо двух (твердых – Д.Р.) «та», и с добавлением (твердой – Д.Р.) «каф», после второй «та».

Несмотря на то что он был неверным, (Токтай – Д.Р.) был справедливым, щедрым к добрым людям, не скупился, склонялся к набожным людям из всех религий, к тем, кто выглядел праведником из всех (религиозных – Д.Р.) толков. Однако он отдавал предпочтение исламу и любил выдающихся имамов. (Также – Д.Р.) он сильно склонялся и уделял большое внимание колдунам, делал благоухающей их атмосферу (то есть любезно относился – Д.Р.). Возвеличивал лекарей и превозносил проницательных из них. Его (Токтая) владения широки и границы обширны. (Многочисленные – Д.Р.) войска его превышают пески и густые леса. Однажды, чтобы отправить их куда-то, он собрал с каждого десятка одного и у него набралось 200 тысяч всадников из

тех, кто стойко сражается на войне. У него был сын, лицо которого (сравнимо – Д.Р.) с полной луной или солнцем, не закрытым облаками. Он принял ислам, любил слушать Коран и неотлучно находился рядом с теми, кто его читал. Он умер, да смилостивится над ним Аллах, раньше своего отца. И тот испил чаши горечи из-за разлуки с ним, слезы не потушили пожара его горя.

Токтай продолжал быть в таком состоянии до тех пор, пока Аллах не погубил его мощь, и ладонь смерти не подрубила его заостренный нож. Смерть настигла его в 712/1313 году. (Таким образом) он пробыл у власти 23 года, ибо он сел на трон в возрасте 7 лет. Когда Токтай умер, власть перешла к его брату Узбеку, рассказ о котором уже предшествовал. Некоторые говорили: «Он (Токтай – Д.Р.) снарядил из своих войск, из каждой десятки по одному, в результате эта (армия – Д.Р.) достигла по численности 250 тысяч всадников. Тот прекрасный (наследник – Д.Р.) вознамерился, если он придет к власти, то не оставит у себя в стране (другой религии – Д.Р.) кроме ислама, вскоре он умер, оставив после себя маленького сына. Перед смертью Токтай завещал (власть – Д.Р.) внуку от упомянутого сына, но дело не свершилось в его пользу. После него (Токтая – Д.Р.) к власти пришел сын его брата – (выше) упомянутый Узбек. Он сел на трон в конце месяца Рамазан 712/1313 года». Царство это известно как страна Берке – сына дяди (по отцовской линии – Д.Р.) Хулагу. Превосходный (ученый – Д.Р.) Аля ад-дин ан-Нуман сказал: «длина этой страны – 8, а ширина – 6 месяцев (пути)». Аллах же знает лучше [5, Т. 2, с. 614–615].

III. Узбек, сын Токтая

№ 240 – Ильхан, сын ильхана. Владелец земель Узбек, его царство находится на северо-востоке от нас. Оно (простирается – Д.Р.) с моря Константинопольского до реки Арбус [возможно, что это ошибочное начертание Иртыша – Д.Р.] – на расстояние 800 фарсахов, и в ширь от Баб ал-абваба [название Дербента – Д.Р.] до города Булгар – на расстояние около 600 фарсахов. Однако большинство тех (территорий – Д.Р.) – это пастбища и села. Оно находится в их власти сто с лишним лет.

Он (Узбек – Д.Р.) был сильным и смелым, поклонялся ночами в нише (михрабе – Д.Р.), располагал стопы в ряд (молясь – Д.Р.). Когда он принял ислам, в ислам вошли некоторые его подданные, он приближал их к себе наилучшим образом. Он не одевал ни (татарские – Д.Р.) колпаки, ни другие их символические (одежды – Д.Р.). И не стремился к их дирхемам и динарам. Он одевал стальной, а не золотой пояс. И поговаривал: золото запрещено мужчинам, и это стало обязательным (для меня – Д.Р.). Он отдавал предпочтение факирам (суфийским шейхам – Д.Р.) и любил их. Сторонился тех, кто отворачивался от них и поносил их. Посещая некоторых суфиев, он говорил:

– Я очень хочу быть убитым!

– По причине чего? – спросил его тот суфий.

– Ибо вы говорите, что страдания всех, кто во власти моей, висят у меня на шее – ответил он.

Султан, монарх ан-Насыр засватал дочь его (Узбека – Д.Р.), некоторые сказали – сестру; он принял это (сватовство – Д.Р.) и, снарядив, (отправил – Д.Р.) её морем в Александрию. Кады Карим ад-дин отправился встречать ее. Он (султан – Д.Р.) устроил для неё (щедрое – Д.Р.) гостеприимство на майдане под цитаделью. После этого она поднялась в цитадель. С ней приключилось то, что приключилось. Султан вообразил, что она не является до-

черью Узбека, поэтому он приготовил ей приданное и выдал замуж за эмира Сайф ад-дина Мункли Буга (ум. 731/1331 г.), силахдара², вскоре он скончался, оставив ее вдовой. Затем он (султан – Д.Р.) выдал ее замуж за эмира Сусуна (ум. 734/1334 г.), брата Кусуна, он (тоже – Д.Р.) вскоре скончался, оставив ее вдовой. Затем он (султан – Д.Р.) выдал ее замуж за сына эмира Сайф ад-дина Аргуна – наместника (султана – Д.Р.).

Ильхан Узбек продолжил (жить – Д.Р.) пока «мать зловонья» (бренная жизнь – Д.Р.) не предала его, и не заполнился его рот и глаза прахом. Смерть настигла его в 742/1342 году, власть его продлилась 12 лет [5, Т.1, с. 481–482].

IV. ан-Нуман, сын Давлатшаха

№ 1916 ан-Нуман, сын Давлятшаха Ибн Али ал-Хаваризми, шейх Али³.

Он прибыл в Дамаск в месяце Рамазан 718/1318 года и прожил там несколько дней. Затем он отправился к воротам султана в Каир и оттуда выехал в хадж. Прожив в Каире полтора года, он вернулся к своему господину – ильхану Узбеку.

Он (Нуман – Д.Р.) был благородным ученым, путешествовал по многим странам, встречался с превосходными мужами науки. Изучал логику, диалектику и медицину. Затем вернулся в свои края в 721/1321 году. Он нашел контакт с царем земель и служил у него лекарем. Став главным врачом в госпитале Хорезма.

Затем (последний – Д.Р.) отправил его к Токтаю, сыну Берке – монарху Дешта, – и тот занял у него высокое положение. Когда он (Токтай – Д.Р.) умер, и воцарился Узбек, он вручил ему много денег, чтобы часть из них он потратил на обустройство / строительство богадельни [ханака] в Иерусалиме, а другую раздал студентам-богословам.

Он (Нуман – Д.Р.) родился 657/1259 году. Возвращаясь к себе на родину, он увез с собой из Дамаска много медицинской литературы [5, Т. 5, с. 522].

V. Кусун

№ 1389 – Великий эмир, наместник (султана – Д.Р.) Сайфад-дин ас-саки ан-Насыри (принадлежащий султану ан-Насыру – Д.Р.).

Он был эмиром и считался одним из выдающихся правителей. Он был самым популярным (человеком – Д.Р.) в последние годы насырийского государства, без него не принимались решения. В нем не было ожесточения, у него (в характере – Д.Р.) не было притеснения и вреда, душа его была утонченной, он нес мало зла. Когда же его раздражали, в нем (просыпался – Д.Р.) бушующий обладатель гривы (лев, распространяя – Д.Р.) вред. Если его заставляли обнажить меч, не ожидая удара (врага – Д.Р.), он разрезал (его) на куски.

Он (Кусун – Д.Р.) возвысился за счет свержения с престола Абу Бакра ал-Мансура, он вернул целостность (государства – Д.Р.), в то время как она была разбита. Рассеял из государства великое ожерелье. И разделил своей решительностью великое собрание. Он раздал столько имущества, что превосходит изобильные моря и плывущие планеты. Однако, в итоге, судьба жестоко

² Силахдар (ар.+фар. سلاح دار букв. обладатель оружием) – военная должность в мамлюкском Египте. В функции силахдара входило ношение оружия султана или эмира, ответственность за военный арсенал. Силахдарами также называли охранников султана.

³ Ал-Аскалани (ум. 852/1448) отмечает, что ан-Нуман, сын Давлятшаха, родился в (б)47/1249 году, и это не тот ан-Нуман, которого Узбек-хан отправил в сопровождении своей родственницы в качестве невесты для султана ан-Насыра [1, Т. 4, с. 395–396].

обошлась с ним. И вернула его могущество в удрученность, мгновение счастья в бессилие. Если бы он остался в том положении, в котором находился во время своего устаза (покровителя – *Д.Р.*), то не подвергся бы беде и его мощь была бы бесконечной.

Стих:

Луна молодая защищена от уменьшения

И постигает ее убыль, когда она полна

Так если ты рвёшься к успеху, держись середины!

Ведь достигнув предела, обессиливает заносчивый.

Когда его приближенные стали вероломными и упорствовали, помогая друг другу в том, чтобы бросить его без поддержки, отказались служить (ему – *Д.Р.*) и стали враждовать друг с другом. Его (Кусуна – *Д.Р.*) взяли под стражу, ограбили имущество, люди его разбрелись по сторонам, его здания и вакфы опустели, обвалились его песчаные холмы. В (руки – *Д.Р.*) его врагов перешло милосердие к нему, радость превратилась в горе. Его заключили в тюрьму в портовом городе Александрия, пока он не был там удушен. И стали злорадствовать все обладатели сердец, задыхающихся от гнева.

Случай, вследствие которого он был уничтожен, произошел в месяце Шавваль 742 года / март 1342. В начале (своего карьерного роста) он был одним из самых приближенных монарха ан-Насыра. После Бектимира ас-саки никого не было выше него. Султан женил его на собственной дочери – это вторая дочь, которую он выдал замуж за своих мамлюков. Соитие его с ней произошло в 727/1327 году, была пышная свадьба, на которой принял участие султан. Эмиры одарили его дорогими подарками, сумма которых составила 50 тысяч динаров. В это время я был в Каире. В ночь его свадьбы эмир Сайфад-дин Каджлис соорудил башню из пороха и нефти. Некоторые сказали, что он потратил на это 80 тысяч дирхемов. (История – *Д.Р.*) Кусуна началась с того, что он приехал в Египет вместе с теми, кто прибыл в сопровождении дочери ильхана Узбека – супруги султана, монарха ан-Насыра. Он был одним из сыновей народа (простолюдином – *Д.Р.*) и не был рабом. Однажды вместе с торговцами рабов он поднялся (на крепость ал-Джабал – *Д.Р.*), чтобы увидеть султана вблизи. Глаза султана пали на него (Кусуна – *Д.Р.*) и он спросил:

– Почему вы не продаете его мне?

– Ибо этот (юноша – *Д.Р.*) не является рабом!

– Я должен его купить – ответил он (ан-Насыр – *Д.Р.*) и отсчитал 8 тысяч дирхемов, которые приготовили для отправки в страну (дештскую – *Д.Р.*) его брату, Сусуну. Вслед за этим он (султан – *Д.Р.*) воспитал его и продвинул (в должностях – *Д.Р.*), сделал его эмиром и выдвинул его кандидатуру для всяких (важных – *Д.Р.*) дел. Он вверил ему управление сотней и тысячей (бойцов – *Д.Р.*). (В итоге – *Д.Р.*) он достиг степени Бектемира ас-саки, с которым он постоянно соперничал и гордился перед ним. Он (Кусун – *Д.Р.*) говорил: «... что касается меня, то султан купил меня за свои деньги, я был одним из его приближенных, он сделал меня эмиром, продвинул меня (в должностях – *Д.Р.*), женил на своей дочери. Я не похож на других (мамлюков – *Д.Р.*), которые переходили из рук (рабо)торговцев в адаптационные школы, а затем в конюшни». <>. После смерти, да смилостивится над ним Аллах, он оставил несколько сыновей и дочерей. <>. Его брат, Сусун, был эмиром, и сын сестры его, Сайфад-дин Белджик, тоже был эмиром [5, Т. 4, с. 136–141].

Дальнейшая биография Кусуна в объёме трех страниц нами не переведена, так как она не касается Золотой Орды. Личность Кусуна для историков Золотой Орды весьма интересна ещё и потому, что он, по словам Умари, отвечал за международную переписку Египта и Дешта наряду с Артамышем ал-Мухаммади и Таир бугой [7, Т. 1, с. 251].

VI. Мухаммад, сын Калавуна.

№ 1721 – Великий султан, монарх ан-Насыр Насрад-дин, сын султана, монарха ал-Мансура Сайф ад-дина ас-Салихи. Он – один из величайших тюркских правителей, которому подчинились судьбы и вращались с его восхождением орбиты (то есть многие люди находились под его влиянием – *Д.Р.*). Люди не видели подобие его дней и счастливее его действий в путешествии и оседлости. В начале своей (жизни – *Д.Р.*) он испытал много кубков терпения и проявил выносливость, пока могила не скрыла его врагов.

Он садился на трон три раза, уходил в ал-Карак и снова возвращался в Египет (Каир – *Д.Р.*). В третий раз время очистилось для него. Он заслужил нежную любовь своих подданных, в то время как его враги заслужили гнев (народа – *Д.Р.*). Он снял урожай (голов – *Д.Р.*) тех, кто завидовал ему, и принес облегчение сердцу своему и телу. Земля очистилась для него от оппонентов, и их загрызли беды и грызуны. Некоторые из них обеспечили себе тюремные могилы. Они натолкнулись под его властью на острие (меча – *Д.Р.*), хотя считали его сумасшедшим [5, Т. 5, с. 73–74]. <> Монарх ан-Насыр, да смилостивится над ним Аллах, был великим, счастливым правителем, которому (все – *Д.Р.*) подчинялись и уважали. Он обладал силой и хитростью, (мощными – *Д.Р.*) руками и стратегией, решительностью и мягкостью. Редко когда он брался за что-то, и это ему не удавалось. Ибо он относился к нему (начатому делу – *Д.Р.*) с далеким благоразумием и осторожностью. Он воздерживался от (скоропостижных решений и действий – *Д.Р.*), пока не умерло 150 эмиров. Он не спешил (наказывать – *Д.Р.*) людей за их ошибки. Он бесконечно долго терпел тех, к кому питал неприязнь. Он говорил с наместником Аргуном о необходимости схватить Карим ад-дина ал-Кабира за четыре года до этого. Он вознамерился схватить Танказа в 733/1333 году, после Бектимура ас-саки, но не трогал его в течение восьми лет.

Мировые правители обменивались с ним подарками и письмами. К нему приезжали послы из Индии, послы от ильхана Узбека, на дочери которого он женился. К нему приезжали монархи Эфиопии, короли франков, короли западные, монархи стран Ласкариса, владетель Йемена. Что же касается Бу Саида – монарха татар, – то посольские миссии не прекращались между двумя (султанами – *Д.Р.*), они называли друг друга братьями. Два (их – *Д.Р.*) слова стали единым, два царства – одним целым, указы султана исполнялись в землях Бу Саида. Его послы заходили в те земли с отрядами, военными оркестрами и колыхающими знамёнами. Чем дальше человек от родной земли, тем величественней становится его авторитет, достоинство и почет, и тем влиятельней его значение в сознании (у людей – *Д.Р.*) [5, Т. 5, с. 96–97].

В заключение хотелось бы отметить, что введение в научный оборот биографического сборника ас-Сафади Салах ад-дина ‘Айан ал-‘аср ва ‘аван ан-наسر принесёт много полезных сведений и поможет уточнить имеющиеся данные по истории Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аскалани Ибн Хаджар* (ум. 852 г.х./1448). Ад-Дурарал-камина фи а'йан ал-ми'а с-самина. (الدرر الكامنة في أعيان المائة الثامنة) /Скрытый жемчуг в жизнеописании выдающихся личностей восьмого столетия хиджры/. В 4 томах. Критическое издание: Салим ал-Каранкави ал-Алмани. Бейрут: Дар ал-джил, 1993.
2. *Зайнуддинов Д.Р.* (1977–). Арабоязычные источники по истории Золотой Орды: анализ переводов В.Г. Тизенгаузена // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 252 с.
3. *Ибн Касир* (700 г.х./1301 – 774 г.х./1373). Ал-Бидая ан-нихая (البداية و النهاية) /Начало и конец/. Мансура (Египет): Мактаба ал-иман, год не указан. В 14 томах.
4. *Ибн Тагриберди* (813 г.х./1410-874 г.х./1470). ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфиба'д ал-вафи. (المنهل الصافي المستوفي بعد الوافي) /Чистый довершающий источник после «Полного»/. В 13 томах. Критическое издание: Мухаммад Мухаммад Амин. Каир: ал-хайа ал-мисрия ал-'амма лилькитаб, 1989–2009.
5. *Сафади Салах ад-дин ибн 'Изз ад-дин Айбек* (ум. 764 г.х./1363). 'Айан ал-'аср ва а'ван ан-наسر (أعيان العصر وأعيان النصر) /Выдающиеся личности этого века и поборники победы/. В 5 томах. Критическое издание: 'Али Абу Зейд, Набиль 'Абу 'Ашама, Мухаммад Му'ид, Махмуд Салим Мухаммад. Бейрут: Дар ал-фикр ал-му'асыр, 1998 г. Первое издание.
6. *Сафади Салах ад-дин ибн 'Изз ад-дин Айбек* (ум. 764 г.х./1363). Ал-Вафиби ал-вафият (الوافي بالوفيات أو تاريخ الصفدي) /Полный сборник некрологов выдающихся личностей или История ас-Сафади/. В 29 томах. Критическое издание: Ахмад ал-Арнаут. Тазки Мустафа. Бейрут: Ихйаат-турас ал-араби, 2000.
7. *Тизенгаузен В.Г.* (1825–1902 гг.). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
8. *Шаукани Мухаммад ибн Али* (1173 г.х./1759 – 1250 г.х./1834). Ал-Бадрат-тали'бимахасин ман ба'д ал-карн ас-саби' (البدرة الطالع بمحاسن من بعد القرن السابع) /Полная луна в описании красот тех, кто жил после седьмого века хиджры/. В 2 томах. Каир: Дар ал-китаб ал-ислами, год не указан.

Сведения об авторе: Дамирджан Рустамджонович Зайнуддинов – аспирант Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

Поступила 08.09.2016 г.

Принята к публикации 26.11.2016 г.

BIOGRAPHICAL COMPILATION BY AS-SAFADI SALAH AL-DIN AS A SOURCE OF THE GOLDEN HORDE HISTORY

D.R. Zaynuddinov

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru*

Publication and translation into Russian of extracts of sources on the Golden Horde history remains topical issue of contemporary source studies.

Research objective: to introduce into academic circulation materials on the Golden Horde history from a previously unknown medieval Arab source.

Research materials: Biographical Collection A'yān al-'Aṣrwa-A'wān al-Naṣr (Out-standing personalities of this century, and the champions of victory) belonging to the pen of the Mamluk historian al-Safadi, Salah al-Din (696 AH / 1297 – 764 GH./1363).

Results and novelty of the research: The work was written by the author in Egypt and Syria in the second half of the 14th century, that is, during the heyday of the Golden Horde. It was first published in 1998 in Beirut in six volumes, the latter being composed of indexes. The amount of volume ranges from 685 (Volume 4) to 736 (Vol.1) pages, which makes a total of 3578 pages (without indexes). The novelty of the paper consists in the fact that it introduces for the first time into scholarly circulation Russian translation of biographies of the Golden Horde khans Tokhta and Uzbek, of the Mamluk physician al-Numan, of amir Kusun and Sultan al-Nasir. The article also contains an analysis of the collection as well as translation of certain sections of the work related to the history of Dasht-i Kipchak, together with brief comments. In conclusion, I would like to note that the introduction into the scholarly circulation of Salah al-Din al-Safadi's biographical collection A'yān al-'Aṣrwa-A'wān al-Naṣr will provide a lot of useful information and help to clarify the available data on the history of the Golden Horde.

Keywords: Safad, Cairo, Tabriz, Tiesenhausen, Sarai, poetry, prose, biography, Hulaguids, Jochids, sources base, Yasa, Tokhta, khan Uzbek, Abu Said, Sufis, physician al-Numan, son of Davlatshah, medicine, Sultan al-Nasir, amirs Kusun and Susun.

For citation: Zaynuddinov D.R. Biographical Compilation by as-Safadi Salah al-Din as a Source of the Golden Horde History. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 767–778. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.767-778

REFERENCES

1. Asqalani Ibn Hajar (d. 852 AH / 1448 AD). *ad-Durar al-Kamina fi A'yan al-Mi'a* (الدرر الكامنة في أعيان المائة الثامنة). Skrytyzhemchug v zhizneopisanii vydayushikhsya lichnostey vosmogo stoletiya hishry [The Hidden Pearls Concerning the Famous People of the Eighth Century AH], vol. 4. Critical edition: Salim al-Karankavi al-Almani. Beirut, Dar al-djil, 1993. (In Arabic)
2. Zaynuddinov D.R. (1977–). *Araboyazichnye istochniki po istorii Zolotoy Ordyy: analizperevodov Tizengauzena V.G.* [Arabic Sources on the Golden Horde History: Analysis of the V.G. Tiesenhausen's Translations]. *Golden Horde Civilization*. 2010, no. 3, pp. 110–121. (In Russian)
3. Ibn Kathir (700 AH / 1301 AD – 774 AH / 1373 AD). *al-Bidāya wa-n-nihāya* (البداية و النهاية). Nachalo i konets [The Beginning and the End]. Mansura (Egypt): Maktaba al-iman, the year is not specified, vol. 14. (In Arabic)
4. Ibn Taghribirdi (813 AH / 1410 AD – 874 AH / 1470 AD). *al-Manhal al-ṣāfi wa l-mustawfi ba'd al-wāfi*. (المنهل الصافي المستوفي بعد الوافي). Chistiy dovershayushchiy istochnik posle "Polnogo" [A Clean Completing Source Following the "Full"], vol. 13. Critical edition: Muhammad Muhammad Amin. Cairo: al-Haya' al-misriya al-'ammalikitab, 1989–2009. (In Arabic)
5. Safadi Salah al-Din ibn 'Izz al-Din Aybek (d. 764 AH/ 1363 AD). *A'yān al-'Aṣrwa-A'wān al-Naṣr* (أعيان العصر وأعيان النصر). *Vidayushiyesya lichnosti etogo veka i poborniki pobedi* [The Important Persons of the Age and the Champions of Victory], vol. 5. Critical edition: 'Ali Abu Zeyd, Nabil 'Abu 'Ashama, Muhammad Mu'id, Mahmud Salim Muhammad. Beirut, Dar al-fikr al-mu'asir, first edition, 1998. (In Arabic)

6. Safadi Salah al-Din ibn 'Izz al-Din Aybek (d. 764 AH/ 1363 AD). *al-wāfī bil-wafayāt* (الوافي بالوفيات أو تاريخ الصفدي). Polniy sbornik nikrologov vidayushikhsya lichnostey ili istoriy as-Safadi [Complete Collection of Obituaries of Important Persons or the History of al-Safadi], vol. 29. Critical edition: Ahmad al-Arnaut. Tazki Mustafa. Beirut, Ikhyat-turas al-arabi, 2000. (In Arabic)

7. Tiesenhausen V.G. (1825–1902). *Sbornik materialov, odnosyashchiysya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Excerpts from the Arab Writings], vol. 1. St. Petersburg, tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1884. 564 p. (In Russian)

8. Shawkani Muhammad ibn Ali (1173 AH / 1759 AD – 1250 AH / 1834 AD). *al-Badr at-Tali ' bi mahasin man ba 'd al-qarn as-sab'i* (البدر الطالع بمحاسن من بعد القرن السابع). Polnay luna v opisaniy tekh, kto jil posle sedmogo veka hijry [A Full Moon in the Description of Those Who Lived after the seventh century AH], vol. 2. Cairo, Dar al-kitab al-islami, the year is not specified. (In Arabic)

About the author: Damirdzhan R. Zainuddinov – post-graduate student, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

Received September 8, 2016

Accepted for publication November 26, 2016

УДК 94(47).031+94(510).05

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783

СВЕДЕНИЯ ИЗ ЮАНЬШИ О ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ И ЮАНЬСКОЙ ДИНАСТИЕЙ

Чжао Чжу-Чэн

*Университет Чжэнчжи
11605, Тайбэй, Тайвань
E-mail: nikitajcjau@mail.ru*

Цель исследования: изучить военные контакты Золотой Орды с Юаньской династией на основе данных китайской династийной истории «Юаньши».

Материалы исследования: в силу большого расстояния между этими средневековыми чингизидскими державами, междоусобных распрей между домами Джучидов и Тулуйидов, вооруженных конфликтов между Ариг-бугой и Хубилаем, и в связи с тем, что правители Улуса Джучи поддержали Ариг-бугу, их государство стало независимым от Великой Монгольской империи. В дальнейшем долговременные военные конфликты и политические смуты отрезали сообщение между Сараем и Ханбалыком. Улус Джучи и Юаньская династия проводили собственную внешнюю политику. Однако между ними все же сообщения не прекращались и некоторые сведения из Золотой Орды все же попадали в китайские хроники. Одним из важных и фундаментальных источников, относящихся к монгольской истории, является «Юаньши» («История династии Юань»). Этот памятник содержит некоторые материалы (правда, в отрывках), раскрывающие характер взаимоотношений Юаньской династии и Золотой Орды.

Результаты и научная новизна: выявлены данные о том, что в Юаньской империи среди войск находились и воинские подразделения, укомплектованные из народов Золотой Орды, прежде всего из асов и кипчаков, а также и из русских. И при этом их удельный вес был значителен как в командном составе, так и среди простых воинов. Но на каких условиях и какими маршрутами прибывали эти воины в Китай, не сообщается. Бесспорным является то, что они были направлены на Дальний Восток из Улуса Джучи в период наивысшего могущества этого государства во времена правления хана Узбека. Возможно, это было показателем того, что юаньский император показывал свою власть над сарайским ханом и в политическом отношении.

Ключевые слова: Золотая Орда, Юаньская династия, Китай, воины, кыпчаки, Улус Джучи.

Для цитирования: Чжу-Чэн Чжао. Сведения из Юаньши о военном сотрудничестве между Золотой Ордой и Юаньской династией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 779–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783

Об отношениях между Золотой Ордой и Юаньской династией известно не так много. Это связано со следующими факторами.

Во-первых, ханы Улуса Джучи находились на далеком северо-западе от Ханбалыка, столицы Юаньской империи, которая была основана великим ханом Хубилаем. Сарай и Ханбалык были расположены друг от друга на расстоянии 5000 км, что создавало определенные препятствия в транспортном сообщении, несмотря на то, что у монгольской империи была известная система коммуникации – «ямы».

Во-вторых, как известно, во время правления Чингиз-хана возникли междоусобные распри между сыновьями (между домами Джучидов и Чагатаидов) из-за наследования престола великого хана. 1260 год ознаменовался тем, что непрекращающиеся вооруженные конфликты между Ариг-бугой и Хубилаем привели к гражданской войне среди монгольских ханств, в результате чего Улус Джучи стал *de facto* независимым государством от Великой Монгольской империи.

В-третьих, в 1269 году на берегу реки Талас на курултай собрались представители Улуса Джучи, Чагатайского улуса и Улуса Угэдэя и приняли соглашение об ограничении административных территорий трех государств вплоть до Аму-Дарьи. Долговременные военные конфликты и политические смуты отрезали сообщение между Сараем и Ханбалыком.

В-четвертых, и Улус Джучи, и Юаньская династия проводили собственную внешнюю политику. Так, Юаньская династия поддерживала внешние отношения с южным Китаем, юго-восточной Азией, Кореей и Японией; Улус Джучи – с Европой и Ближним Востоком.

Что касается вопросов взаимоотношения Юаньской династии и золотоордынских правителей, то они изучены ещё недостаточно полно. В западно-европейских и исламских источниках, как показывает анализ, почти нет сведений, отражающих взаимоотношения Золотой Орды и Юаньской династии. В западных и исламских источниках преобладают в основном сведения о взаимосвязях Золотой Орды с Византией, Литвой, Мамлюками и другими странами. Поэтому с целью объяснения отношений Золотой Орды и Юаньской династии обратимся к китайским оригинальным источникам.

Одним из важных и фундаментальных источников, относящихся к монгольской истории, является «Юаньши» («История династии Юань»). Этот памятник содержит некоторые материалы (правда, в отрывках), раскрывающие характер взаимоотношений Юаньской династии и Золотой Орды. Как показывают наши наблюдения, «Юаньши» включает в себя 210 глав и состоит из четырех больших частей:

- 1-я часть – Бэнцзи («Основные анналы императоров»);
- 2-я часть – Чжи («Описания»);
- 3-я часть – Бяо («Генеалогические таблицы»);
- 4-я часть – Лечжуань («Биографии»).

В основных анналах императоров говорится, что в 1235 году Угэдэй (Тайзон Бэнцзи) приказал начать поход на запад под руководством Бату.

Вооруженные конфликты между Ариг-бугой и Хубилаем привели к гражданской войне среди домов Джучи, Чагатая, Угедэя и Тулуя, которая продолжалась с начала правления Хубилая (1260 год) и длилась до конца правления Тэмур (Олджэйтү-хагана, сына Хубилая) (1307 год). В результате этого были разорваны отношения между сыновьями Тулуя и Джучи. Только после победы Юаньской династии во время управления Тэмур были восстановлены отношения между Золотой Ордой и Юаньской династией.

Рассмотрим военную сторону Монгольской империи. Вооруженные силы Монгольской империи составляли не только сами монголы, но и в большом количестве другие народы. Монгольская армия состояла из гвардейских войск императора (по-китайски, *сுவей*) и «войск подавления» (по-китайски, *чжэньшу*). Гвардейцы размещались в тех местах, где находилась ставка импе-

ратора, а «войска подавления» пребывали в важных и беспокойных провинциях, обеспечивая целостность территорий и покорность населения.

В разделе «Бинчжи» («Описание войск») читаем: «Если говорить о войсках, то существуют монгольские войска, состоящие из самих монголов, а войска «танмачи» – из различных народов». Следовательно, комплектование армии Чингизидов из различных народов подтверждается документально.

Исходя из данных раздела «Бинчжи», представим армейские части, составлявшие вооруженные силы Монгольской империи (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Сведения о вооруженных силах Монгольской империи
(по данным раздела «Бинчжи»)**

Наименование войск	Народность и количество	Время основания войска
гвардия тангутов	тангуты/3000 чел.	1281
первая гвардия асов	асы/3700 чел.	1272
левая гвардия асов	асы/?	1309
гвардия «Лончжень»	кипчаки, тангуты, асы/3000 чел. китайцы/693 чел. карлуки/1000 чел.	1288
гвардия канглов	кангли/?	1310
правая гвардия кипчаков	кипчаки/?	1286
левая гвардия кипчаков	кипчаки/6000 чел.	1322
гвардия «Лонсян»	кипчаки/9000 чел.	1328
штаб русской гвардии	русские/10000 чел.	1330
штаб гвардии асов	асы/?	?
гвардия чжурчженского тумена	чжурчжени/10000 чел.	?
личная гвардия хана	чжурчжени/3000 чел. корейцы/3000 чел. асы/3000 чел.	постоянно

Как показывают хронологические данные, в источнике зафиксированы не все сведения о войске «танмачи». Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Кроме того, в распоряжении императоров Юаньской династии были ещё войска специального назначения (см. таблицу 2).

Таблица 2

Специальные подразделения императоров Юаньской династии

Наименование войска	народности	Назначение
войска «Сувей»		
отряд «Вейсу»	монголы, китайцы, тангуты, кипчаки, асы	охрана императора
отряд «Изан»	монголы, китайцы	почетный караул императора
отряд «Хуцонь»	монголы, тангуты	оруженосцы императора
войска «Чжэньшу»	асы, тангуты, монголы	охрана и оборона важных учреждений и мест

Итак, приведенные данные таблиц показывают, что асы и кипчаки в количественном отношении занимали ведущее положение среди немонгольских воинов Юаньской династии, то есть монгольской армии в Китае. Их удельный вес был значителен как в командном составе, так и среди простых воинов.

Интересным является тот факт, что в Китае были и русские воины, которые составляли целый тумен, то есть корпус из 10000 человек. Эти выходцы из русских княжеств, как кипчаки и асы, были направлены в Китай, безусловно, из Золотой Орды. На каких условиях и какими маршрутами прибывали эти русские воины в Китай? Сказать что-либо пока трудно. Но бесспорным является то, что они были направлены на Дальний Восток из Улуса Джучи в период наивысшего могущества этого государства во времена правления хана Узбека.

Считаем также, что, комплектуя армию из различных народов, например, переводя большие армейские соединения из Улуса Джучи (кипчаки, русские, асы и т.д.) в Китай, император пекинской власти укреплял центральную власть над местным сарайским ханом в политическом отношении.

Другой аспект заключается в том, что речь идет об использовании иностранных рабов в армии Монгольской империи в XIII–XIV вв. Как правило, рабы-воины несли службу в армии Монгольской империи. Русские, асы, кипчаки, которых направляли из Улуса Джучи, наверное, были предметом торговли (коммерции) между Золотой Ордой и Юаньской династией.

Таким образом, исследованные источники «Юаньши», раздела «Бинчжи» свидетельствуют об известных и новых исторических фактах взаимоотношений Золотой Орды и Юаньской династии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ян Цзя-Ло* (глав. ред.), Сон-Лянь (ответственный автор). «Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Т. I. Тайбэй: Изд-во «Дин-Вэн», 1981.
2. *Ян Цзя-Ло* (глав. ред.), Сон-Лянь (ответственный автор). «Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Т. II. Тайбэй: Изд-во «Дин-Вэн», 1981.
3. *Ян Цзя-Ло* (глав. ред.), Сон-Лянь (ответственный автор). «Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Т. III. Тайбэй: Изд-во «Дин-Вэн», 1981.
4. *Ян Цзя-Ло* (глав. ред.), Сон-Лянь (ответственный автор). «Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Т. IV. Тайбэй: Изд-во «Дин-Вэн», 1981.
5. *Ян Цзя-Ло* (глав. ред.), Сон-Лянь (ответственный автор). «Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Т. V. Тайбэй: Изд-во «Дин-Вэн», 1981.

Сведения об авторе: Чжао Чжу-Чэн – кандидат исторических наук, профессор факультета этнологии Университета Чжэнчжи (Тайбэй 11605, Тайвань). E-mail: nikitajcju@mail.ru

Поступила 15.09.2016 г.

Принята к публикации 09.11.2016 г.

INFORMATION FROM YÜAN SHIH ON THE MILITARY COOPERATION
BETWEEN THE GOLDEN HORDE AND THE YÜAN DYNASTY

Zhao Zhu-Cheng

Chengchi University

Taipei 11605, Taiwan

E-mail: nikitajcjau@mail.ru

Research objective: to reveal relations in military affairs between the Golden Horde and the Yüan Dynasty on the basis of the data of the Chinese dynastic history Yüan shih.

Research materials: because of the large distance between these medieval Chinggisid powers, internecine strife between the houses of the Jochids and Toluids, armed conflicts between Arik-Boke and Kublai and due to the fact that the rulers of the Jochid ulus supported Arik-Boke, their state became independent from the Great Mongol Empire. Later on, long-term military conflicts and political turmoil interrupted communication between Sarai and Khanbalik. The Jochid ulus and the Yuan dynasty conducted their own foreign policies. However, communication between them was not interrupted and some information from the Golden Horde still fall in Chinese chronicles. One of the important and fundamental sources relating to the Mongol history is Yüan shih (History of the Yüan Dynasty). This written source contains some materials (although in fragments) revealing the nature of the relations between the Yuan Dynasty and the Golden Horde.

Research results and novelty: the author has provided information that the military units composed of the peoples of the Golden Horde (primarily of the Ases and Kipchaks, as well as of the Russians) were among the troops in the Yüan Empire. At the same time, their proportion was significant both in the composition of commanding staff, as well as among ordinary soldiers. However, the source does not contain any information about the conditions under which these warriors arrived in China as well as about the routes they were moving. It is indisputable fact that they were sent to the Far East from the Jochid ulus during the highest power of this state in the reign of khan Uzbek. Perhaps it was an indication that the Yüan emperor displayed his authority over Sarai Khan in the political sense as well.

Keywords: Golden Horde, Yüan dynasty, China, warriors, Kipchaks, Jochid ulus.

For citation: Zhu-Cheng Zhao. Information from Yüan Shih on the Military Cooperation between the Golden Horde and the Yüan Dynasty. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 779–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783

REFERENCES

1. Yan Jya-Lo (chief ed.), Son-Lyan' (ex. ed.). *Yüan Shih: New revised edition with additions. 2 versions*. Vol. I. Taipei, Din-Ven Publ., 1981. (In Chinese)
2. Yan Jya-Lo (chief ed.), Son-Lyan' (ex. ed.). *Yüan Shih: New revised edition with additions. 2 versions*. Vol. II. Taipei, Din-Ven Publ., 1981. (In Chinese)
3. Yan Jya-Lo (chief ed.), Son-Lyan' (ex. ed.). *Yüan Shih: New revised edition with additions. 2 versions*. Vol. III. Taipei, Din-Ven Publ., 1981. (In Chinese)
4. Yan Jya-Lo (chief ed.), Son-Lyan' (ex. ed.). *Yüan Shih: New revised edition with additions. 2 versions*. Vol. IV. Taipei, Din-Ven Publ., 1981. (In Chinese)
5. Yan Jya-Lo (chief ed.), Son-Lyan' (ex. ed.). *Yüan Shih: New revised edition with additions. 2 versions*. Vol. V. Taipei, Din-Ven Publ., 1981. (In Chinese)

About the author: Zhao Zhu-Cheng – Cand. Sci. (History), Professor of the Faculty of Ethnology, Chengchi University (Taipei 11605, Taiwan). E-mail: nikitajcjau@mail.ru

Received September 15, 2016

Accepted for publication November 9, 2016

**BEK BULAT: FROM A MILITARY COMMANDER
TO A REBEL******I.M. Mirgaleev****Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences**Kazan 420014, Russian Federation**E-mail: dilnur1976@mail.ru*

The article is devoted to Bek Bulat – one of the characters in the Golden Horde history of the end of the 14th century and one of the first traitors during the confrontation between khan Tokhtamysh and Aksak Timur. During this period, the Golden Horde again faced political instability. Bek Bulat was the first and foremost among the contenders to the central power. His figure is interesting because at the beginning of his career, he was one of Tokhtamysh's military commanders and his relative, but later he betrayed his suzerain. His story helps us to understand Edigu and his supporters. For if Bek Bulat would not be destroyed in 1392, possibly it would have been he who would have become the arbiter of fate in the early 15th century.

Tensions between Tokhtamysh's supporters and opponents were profound. Tokhtamysh proclaimed the revival of the Golden Horde of the times of khans Uzbek and Janibek, but his adversaries opposed Tokhtamysh's policy aimed at centralizing power. They wished to maintain influence of clans in order to prevent beklyaribek and vizier's power to become declarative. To accomplish their goals Tokhtamysh's adversaries tried to use his confrontation with Timur and came into contact with the latter. They betrayed Tokhtamysh during the decisive battle on Kondurcha in 1391, and later he executed them for this treachery.

Keywords: Golden Horde, Bek Bulat, khan Tokhtamysh, Timur, Saray.

For citation: Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 784–789. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.784-789

In his struggle for power in the Golden Horde since the second half of the 1370s [4], Tokhtamysh eliminated the political turmoil lasted for nearly two decades. We can name the whole complex of problems among the reasons for this turmoil. However, its primary cause was extinguishing of the founding ruling dynasty of the Batuids. Other reasons only exacerbated the crisis. By the end of 1380, Tokhtamysh was able to fully take control over the entire territory of the Golden Horde. With him begins the ruling period of Tuqa-Timurid line of the Jochid dynasty. Although the Shibanids could also prove their rights and even participate in the struggle for the Golden Horde throne and later, to rule in Western Siberia. However, the Tuqa-Timurids ruled in the major Tatar khanates, be it the Crimean or Kazan khanates¹.

* English translation by Roman Hautala.

¹ Also, the Kazakh khans, apparently, were the representatives of one of the branches of the descendants of the youngest son of khan Jochi. Although this issue is still open for discussion. The researchers suggested that the Kazakh khans could be the descendants of the eldest Jochi's son, Orda Ichen, or even the descendants of the Chaghataid dynasty.

However, even after he had finished with turmoil, its echoes disturbed Tokhtamysh's reign. It is known that the main Tokhtamysh's problem was the confrontation with emir Timur. Precisely during his confrontation with Aksak Timur the Golden Horde again faced political instability. Bek Bulat was the first and foremost among the contenders to the central power.

In our work dedicated to the analysis of written and numismatic information on Bek Bulat [3], we have already discussed some of the issues related to Beck Bulat and especially the question of Beck Bulat's identity with Bek Pulad (differences in spelling of this name arose because of some misunderstandings of numismatic and written sources).

Bek Bulat's figure is interesting because at the beginning of his career, he was one of Tokhtamysh's military commanders and his relative, but later he betrayed his suzerain. Only after Tokhtamysh had been able to eliminate the most prominent opponents from his own Tatar feudal environment in 1392, Timur-Kutlugh and Edigu could rise in the camp of Tatar aristocracy opposed to Tokhtamysh. They were striking and extremely contradictory personalities. Among others, Bek Bulat's story helps us to understand Edigu and his supporters. For if Bek Bulat and his supporters would not be destroyed in 1392, possibly it would have been he who would have become the arbiter of fate in the early 15th century.

Along with the first failures in foreign policy, in the second half of the 1380s, the block of khan Tokhtamysh's opponents consisting of representatives of various clans begins to coalesce into factions and intensify their activities. The economy of the country just began to recover from the troubled times of 1360–70s. In turn, the economic reforms undertaken in the beginning of 1380s had not yet yielded results as very little time had passed since their inception. The war with Aksak Timur demanded great human and material resources and most importantly, it distracted the Golden Horde government from domestic problems.

Despite the strong popularity of the ideology of khan Tokhtamysh's supporters, economic difficulties and initiated failures in foreign policy contributed to the strengthening of opposition-minded factions.

These factions, which opposed to Tokhtamysh and did not accept his ideology having a negative attitude towards his personality, pursued different goals, namely: desire of certain Jochids to become Khan, to change the course of domestic and foreign policy as well as to let loose the rigid centralization. These factions decided to use the Timur's factor in their struggle.

Some fled to Timur hoping to get the throne of the ulus of Jochi with his help [7, p. 143]. Others, like Bek Bulat, used the absence of Tokhtamysh to assert their authority in some regions. Those factions that were already in power and close to khan, sent people to Timur urging him to invade the Golden Horde and promising to raise a rebellion on their part [1, p. 37].

The contradictions between Tokhtamysh's supporters who proclaimed the revival of the Golden Horde "as in the time of khans Uzbek and Janibek" and his opponents who had more mundane goals (as subsequent events showed) were very profound. Tokhtamysh's opponents also had some kind of ideology, since the bitterness between the two parties increased to the point that in mutual struggle Tokhtamysh along with all his sons were killed as well as Edigu himself. Before his death, Edigu with his puppet khans pursued the same objectives in foreign policy as Tokhtamysh did. Therefore, their contradiction based on the treatment of

domestic issues. In our opinion, these disagreements arose because of Tokhtamysh's excessive aspiration to centralize his power and his desire to rule alone. Perhaps, among these causes it should be also mentioned his desire to consolidate a new ruling dynasty and to secure the succession to his posterity, which would conceal the way to the political Olympus for other Jochid candidates. It is no accident that Tokhtamysh's large family was left without direct descendants from the male line. His opponents from the ruling non-Jochid families wished to maintain influence of clans in order to prevent beklyaribek and vizier's power to become declarative. Exactly the Jochid contenders for the supreme power made their policy convenient.

Precisely this kind of situation contributed to Bek Bulat's appearance on the political stage. Ibn Khaldun speaks about oglan Bulat and calls him as "one of the relatives" of khan Tokhtamysh [8, p. 392]. No doubt, he was a Jochid and belonged to the Tuqa-Timurid line. Perhaps, after the victory over Mamai he received one ulus in the former Horde of the latter. According to Russian chronicles, ulus of oglan Bek-Bulat was located in the upper reaches of the Don [6, p. 96]. Perhaps, some part of the Tatar aristocracy of Ak Horde, from the former supporters of Mamai, united around his figure.

Bek Bulat opposed Tokhtamysh already in the late 1380s [3; 4; 5]. One entry of Massaria Caffae for 1386 already calls Bek Bulat "His Majesty the Emperor" [5, p. 20]. Sharaf al-Din Yazdi mentions Bek Bulat among Tatar commanders sent to capture Tabriz in 1386 *ро́ды* [9, p. 151]. Bek Bulat was one of the commanders of Tokhtamysh who was, in 1388, on the Caucasian front at the head of Tatar troops left there to repel a possible Timur's attack on Shirvan and the Golden Horde territory itself.

In our opinion, when khan Tokhtamysh was on the border of his State in 1389, a group of Tatar feudal lords mutinied in Central Asia and precisely Bek Bulat was at the head of this rebellion.

Shortly after the war with the Empire of Timur had begun in Transcaucasia, a second front was opened in Central Asia. At the end of 1388 – beginning of 1389, khan Tokhtamysh himself headed troops operated in the Central Asian front. Bek Bulat was at the head of troops remained on the Transcaucasian front. Taking advantage of the Tokhtamysh's absence in the capital, he unexpectedly raised a rebellion, but failed to take the capital and went to the Crimea. Later, however, khan Tokhtamysh forgave (?) him because he was his closest relative. Later he participated in the Battle of Kondurcha against Timur, where precisely his another betrayal prevented Tokhtamysh to defeat his enemy.

One of the main reasons that forced Tokhtamysh to retreat in spring of 1389 was the need to stabilize the domestic political situation in the Golden Horde, to protect the capital and suppress the rebellion.

It was internal political instability that forced Tokhtamysh to suspend his active confrontation with Timur. While Tokhtamysh was busy with internal problems, Timur conquered Shirvan and, by the end of 1390, his troops came close to the Golden Horde borders in the Caucasus and took control of the Derbent Fortress. Naturally, such a situation forced Tokhtamysh to concentrate some military forces on the Caucasian front. Tokhtamysh expected attack exactly from the Caucasian direction and practically bared eastern frontiers, which was one of the reasons for the defeat in the Battle of Kondurcha.

In his letter to Jagiello, Tokhtamysh reports to him that Bek Bulat rebelled and left the battlefield in 1391. Tokhtamysh's letter was written in 795 AH (between November 17, 1392 – November 5, 1393). Listing the names of the rebels, among which Bek Bulat's name is also mentioned, Tokhtamysh speaks that this happened "last year" [1, p. 37]. Ibn Khaldun says that oġlan Bulat left the battlefield of Kondurcha and attacked Sarai [8, p. 392–393].

According to the Tokhtamysh's letter to Jagiello and such authors as Ibn Khaldun, Sharaf al-Din Yazdi, Mirkhond, Khondemir [1, p. 37; 8, p. 392; 9, p. 168; 11, p. 461, 486], Bek Bulat participated in the battle of Kondurcha on the Tokhtamysh's side.

Considering that in his letter Tokhtamysh speaks about secret intercourse of the rebels with Aksak Timur [1, p. 37], perhaps they had established a connection with Timur long before this and coordinated their actions with him in the middle of 1380s. During the Tokhtamysh's campaign to Central Asia in 791 AH (between November 31, 1388 – December 19, 1389), uprising of the Serbedars and the Turkmen threatened Timur with loss both of recently conquered Persia and along with it of an access to the Caucasian border of the Golden Horde. Consequently, his secret contacts with the Tokhtamysh's generals become perfectly understandable.

In 1389–90s, khan Tokhtamysh was in a difficult political situation. Therefore, the government made certain concessions in centralizing policy. It is obvious that Tokhtamysh and Bek Bulat found a mutual compromise. It is also possible that Tokhtamysh revised priorities in foreign and domestic policy.

According to the sources, Tokhtamysh suffered defeat "as a result of the Great Emirs' propensity towards Timur-Gurgan" [9, p. 209]. Remarkably, this same reason is mentioned in the official version provided by the Tokhtamysh's government [1, p. 37].

After the defeat at Kondurcha, Tokhtamysh absconded in the Middle Volga, on the northern outskirts of the Bulgar ulus, and when "he regained composure, he gathered his army and called for help his people, who helped him" [8, p. 470], Tokhtamysh very energetically set about the punishment of traitors who "went to the border regions and established themselves there" [8, p. 393]. Already at the beginning of 795 AH (between November 17, 1392— November 5, 1393) "they were executed so that they do not cause more ... harm" [1, p. 21–22]. This time, Tokhtamysh executed Bek Bulat as well for the fact that he left khan during the battle and attacked the capital declaring himself khan and starting to mint coins in his own name – but as it turned out, for a short while.

REFERENCES

1. Berezin I.N. *Khanskіe yarlyki. I. Yarlyk Tokhtamysh-khana k Yagaylu* [The Khans' Yarlyks. I. Yarlyk of Tokhtamysh Khan to Jagiello]. Izdanie Kn. M.A.Obolenskogo. Kazan, N.Kokevina Publ., 1850. 72 p. (In Russian)
2. Markov A.K. *Inventarnyj katalog musul'manskіh monet Imperatorskogo Jermıtazha* [Inventory Catalog of Muslim Coins of the Imperial Hermitage]. St. Petersburg, 1896. 879 p. (In Russian)
3. Mirgaleev I.M. K voprosu o Bek Bulate – Bek Pulade [On the Question of Bek Bulat – Bek Pulad]. *Nauchnyj Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2004, no. 1/2, pp. 145–149. (In Russian)

4. Mirgaleev I.M. *Politicheskaja istorija Zolotoj Ordy perioda pravlenija Toktamish-hana* [The Political History of the Golden Horde during the Reign of Tuqtamish Khan]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (In Russian)
5. Ponomarev A.L. «Solkhatskaya voyna» i «imperator» Bek Bulat [The “Solkhath War” and “Emperor” Bek Bulat]. *Zolotoordynskoe nasledie. Is. 2. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennaya pamyati M.A. Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Research Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”, dedicated to the memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011]. Otv. red. i sost. I.M.Mirgaleev. Kazan, OOO «Foliant», Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 18–21. (In Russian)
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Patriarshaya ili nikonovskaya letopis'* [Complete Collcetion of Russian Chronicles. Vol. 11–12. Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 520 p. (In Russian)
7. *Rodoslovnnoe drevo tyurkov". Sochinenie Abdul"-Gazi, Khivinskogo khana* [Genealogical Tree of the Türks. Writing by Abdul-Ghazi, the Khan of Khiva]. Perevod i predisl. G.S. Sablukova, s poslesloviem i primech. N.F. Katanova. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 1906. 336 p. (In Russian)
8. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordy. Izylecheniya iz sochineniy arabskikh".* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, IAN Publ, 1884. 564 p. (In Russian)
9. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k" istorii Zolotoy Ordy. Izylecheniya iz persidskikh sochineniy sobrannye V.T. Tizengauzenom i obrabotannye A.A.Romaskevichem i S.L.Volinym* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II. Excerpts from the Persian Writings collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
10. Fraehn Ch.M. *Resensio numorum Muhammedanorum. Academiae imp. Scient, Petropolitanae inter prima Academiae imp. saecularia edita.* Petropoli, Litteris Academicis, 1826. 743 p. (In Latin)
11. Charmoy M. Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, khân de l'Ouloûs de Djoutchy, en 793 de l'hégire ou 1391 de notre ère. *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 6e série, Sciences politiques. Histoire et philologie*, vol. III. St. Petersburg, 1836, pp. 89–505. (In French)

About the author: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Received September 2, 2016

Accepted for publication November 3, 2016

БЕК БУЛАТ: ИЗ ПОЛКОВОДЦА В МЯТЕЖНИКИ*И.М. Миргалеев*

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: dilnur1976@mail.ru*

Статья посвящена Бек Булату, одному из персонажей золотоордынской истории конца XIV века и одному из первых предателей во время противостояния хана Токтамыша с Аксак Тимуром. В этот период Золотая Орда вновь столкнулась с политической нестабильностью. Первым и главным среди претендентов на центральную власть выступил Бек Булат. Бек Булат интересен тем, что в начале своей карьеры он был одним из полководцев Токтамыша и был его родственником, но в дальнейшем он предал своего сюзерена. Его история помогает понять Идегея и его сторонников: ведь если не был бы в 1392 году уничтожен Бек Булат, то возможно именно он был бы вершителем судеб в начале XV века.

Противоречия между сторонниками и противниками Токтамыша были глубокими. Токтамыш провозгласил возрождение Золотой Орды как во времена хана Узбека и Джанибека, а его противники выступали против централизаторской политики Токтамыша и хотели сохранить влияние кланов, чтобы власти беклярибека и визиря не были декларативными. Противники Токтамыша хотели использовать в своих целях противостояние с Тимуром и установили с ним связь. Во время решающей битвы на Кондурче в 1391 году они предали Токтамыша, за что он казнил их впоследствии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Бек Булат, хан Токтамыш, Тимур, Сарай.

Для цитирования: Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 784–789. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.784-789

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Поступила 02.09.2016 г.

Принята к публикации 03.11.2016 г.

**РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ О МОСКОВСКО-КРЫМСКО-КАЗАНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА***

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Цель: проанализировать летописные и дипломатические сведения о присоединении Казанского ханства к московско-крымскому союзу в 1487 г., о совместных действиях трех государств против Большой Орды в 1491–1492 гг. и о московско-крымско-казанских мирных переговорах 1537–1542 годов и с помощью текстологических данных определить степень достоверности этих сообщений.

Материалы исследования: особое внимание уделяется расхождениям в источниках, которые зачастую не учитывались в историографии. В официальном летописании поход 1487 г. знаменует подчинение Казани. Тогда как дипломатические памятники представляют поход московских войск 1487 г. как военную помощь Ивана III хану Мухаммад-Амину в борьбе за казанский престол, оказанную по ходатайству крымского хана Менгли-Гирея. Согласно официальным летописям, в 1491 г. казанский хан выступил против Большой Орды на стороне Крыма именно по приказу московского государя, что указывает на зависимость Казани от Москвы. А в Новгородской летописи поход 1491 г. представляется как акт помощи Ивана III царевичу Сатылгану и хану Мухаммад-Амину в борьбе с Большой Ордой. Сведения дипломатических документов согласуются с позицией Новгородской летописи.

Результаты и научная новизна: следовательно, можно допустить, что Мухаммад-Амин участвовал в войне против Большой Орды, поскольку находился в союзнических отношениях с Москвой и Крымом. Дипломатические документы подтверждают точку зрения официальных летописцев относительно посреднической роли крымского хана в московско-казанских переговорах 1537–1542 годов. При этом они демонстрируют совершенно иной тон отношений между Москвой, Крымом и Казанью. Если летописи говорят о «просьбе» Сахиб-Гирея «быть в дружбе и братстве любовном», то дипломатические акты указывают на обоюдно ультимативный характер переговоров: крымский хан грозился идти войной против Руси, а москвичи напоминали об уязвимости Казани перед лицом русского оружия. Боярская дума требовала от казанского хана признать верховенство великого князя, а крымско-казанская сторона призывала к равноправным отношениям. Вероятно, данное противоречие было основной причиной провала мирных переговоров.

Ключевые слова: Московское государство, Крымское ханство, Казанское ханство, Большая Орда, летописи, посольские книги.

Для цитирования: Аксанов А.В. Русские летописи и дипломатические документы о московско-крымско-казанских отношениях в конце XV – первой половине XVI века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 790–802. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.790-802

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01246).

В последней трети XV века на постордынском пространстве сложился военно-политический союз между Москвой и Крымом, к которому с 1487 г. присоединилась Казань. В XVI веке наследники Ивана III, Менгли-Гирея и Мухаммад-Амина не сумели сохранить дружественные отношения, хотя на рубеже 1530-х – 1540-х гг., после продолжительного противостояния, стороны вели активные переговоры о восстановлении московско-крымско-казанского альянса. При этом исследователям весьма сложно прийти к однозначной оценке процесса складывания и распада союза трех государств, так как эти события противоречиво представлены в русских летописях и дипломатических документах.

Особенно остро стоит вопрос о положении Казанского ханства в этой системе отношений. В целом, в историографии доминирует мнение, сложившееся на основе известий официального летописания, согласно которому, Казань с 1487 г., попав в зависимость от Москвы, вынуждена была участвовать в русско-крымской коалиции. Причем дискуссионным остается вопрос о степени зависимости Мухаммад-Амина от Ивана III: одни историки утверждают, что Казань вошла лишь во внешнеполитический фарватер московской политики [9, с. 71; 5, с. 43], другие говорят об установлении московского протектората [32, с. 47–51; 6, с. 205; 7, с. 197; 10, с. 76].

И в этом нет ничего удивительного, поскольку даже в официальном летописании существуют некоторые расхождения при освещении событий 1487 года. Основная часть книжников исходит из того, что Казанское ханство, будучи частью великокняжеских владений, в ходе мятежа отошло от Москвы, а затем, в результате похода русских воевод, вернулось в лоно власти Ивана III. Согласно другим официальным летописцам, в 1487 г. состоялось «казанское взятие», вследствие которого Иван III завладел Казанью [1].

При этом исследователи не уделили должного внимания сведениям, сохранившимся в дипломатических документах. Еще накануне похода на Казань, 4 марта 1487 г., в грамоте к крымскому хану Менгли-Гирею Иван III писал: «А что еси писал въ своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе, и мы как наперед сего добра его смотрили, так и ныне ажъ даст Бог хотим добра его смотреть, как нам Бог поможет» [30, с. 59].

После похода из Москвы в Крым отправилось посольство, сообщавшее о действиях против Большой Орды и «посажении» Мухаммад-Амина на казанский престол. Отдельное послание было адресовано царице Нур-Салтан, после смерти казанского хана Ибрагима вышедшей замуж за Менгли-Гирея. Великий князь велел донести до Нур-Салтан свою позицию в следующих словах: «Твой сын Магмед-Аминь царь к нам приехал; и мы, надеясь на Бога, посылали есми на своего недруга Алягама царя своих воевод. Милосердный пакъ Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли нашего недруга царя Алягама поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмед-Аминя царя на Казань есми посадили» [30, с. 59].

С.Х. Алишев заметил, что Иван III писал Менгли-Гирею и Нур-Салтан, «склоняя их к более близкому сотрудничеству против Польши и ахматовых детей» [5, с. 42]. Вместе с тем, первая грамота указывает на то, что великий князь действовал по просьбе крымской четы, а второе послание представляет из себя «отчет» об успешном выполнении «дружеской просьбы». Таким об-

разом, дипломатические памятники представляют казанский поход как акт военной помощи, направленный на укрепление союзнических отношений.

Дипломатическая трактовка не согласуется ни с картиной умирения мятежников, ни, тем более, с концепцией покорения царства («Казанского взятия»). Исследователи представили события 1487 г., не обратив внимания на то, что источники несут разное видение ситуации [32, с. 47–49; 6, с. 203; 1, с. 41–42; 11, с. 141–142].

Для понимания источников необходимо учитывать, что важным фактором московско-крымско-казанских отношений являлась борьба за «ордынское наследство». После смерти хана Ахмада, помимо его наследников, на роль верховного хана претендовали крымский хан Менгли-Гирей и шибанский хан Ибрагим. Русский государь, умело использовавший противоречия между различными татарскими правителями для расширения своего влияния, ориентировался на Крым, который подобно Москве был заинтересован в борьбе с Польско-Литовским государством и с Большой Ордой. А казанский хан Ильхам, вероятнее всего, поддерживал шибанского хана Ибрагима [4].

Вместе с тем, у крымского хана после женитьбы на вдове казанского хана, Нур-Султан, появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. Менгли-Гирей ходатайствовал о московской военной помощи для своего пасынка Мухаммад-Амина, боровшегося за казанский престол со сводным братом Ильхамом. В сложившейся обстановке, в 1482 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был пленен, и ханство присоединилось к русско-крымскому альянсу.

В 1491 г. была предпринята попытка организовать совместное военное выступление московско-крымско-казанских сил против Большой Орды. И вновь нужно обратить внимание на расхождения в источниках.

Обстоятельный рассказ о походе против Большой Орды содержится в Московском летописном своде конца XV в., Сокращенном летописном своде 1493 г., своде 1497 г., своде 1518 г., Типографской, Софийской второй, Воскресенской, Никоновской и Львовской летописях. Суть данного известия сводится к следующему.

Войска Большой Орды напали на Крымское ханство. Иван III «на помощь Крымскому царю Менли Гирею отпустил воевод своих в поле ко Орде... да с ними многих детей боярьских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана... послал вместе же с своими воеводами». Великий князь «Казанскому царю Махмет Аминю велелъ послати воевод своих с силою вместе же со царевичем и с великого князя воеводами». По словам книжника, «и снидошася вместе великого князя воеводы съ царевичемъ Сатылганом, и с Казанского царя воеводами со Абашъ Уланом и съ Бубрашъ Сеитом в поле, и княж Борисовъ Васильевича воевода... Слышав же цари Ординьские силу многу великого князя в поле к ним приближающуся, и убоявшеся, возвратившеся от Перекопи, сила же великого же князя возвратися во свояси без брани» [21, с. 332; 22, с. 290; 23, с. 155, 321; 14, стб. 330; 19, с. 188; 20, с. 208; 15, с. 223; 16, с. 224; 18, с. 356].

Итак, перед нами крымско-ордынская война, в которой главную роль сыграло Московское государство, принявшее сторону Крымского ханства. Заступничество Ивана III не допустило кровопролития – войска возвратились «без брани». Летописец акцентирует внимание на том, что Иван III «велелъ»

Мухаммад-Амину «послать воеводъ своих», то есть подчеркивает подчиненное положение Казани. Из сообщения следует, что казанские и служилые татары, так же как и москвичи, есть «сила... великого... князя». В данном рассказе казанский хан приравнивается к служилым царевичам и к московским воеводам, а значит, к вассалам Ивана III.

Иную картину событий можно увидеть в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского. По данным этого источника, Иван III «отпустил... на Поле подо Орду царева сына Мердоулатова Сатылгана, да с ним послал воевод своих». Тут же говорится, что «ис Казани царь Ахметенин послал же на Поле своих воевод да и казаков» [26, с. 210]. Указанное известие существенно отличается от предыдущего.

В первом случае Иван III «отпустил... в поле ко Орде» «воевод своих», а «Мердоулатова сына царевича Сатылгана... послал вместе же с своими воеводами». В Новгородской летописи, наоборот, великий князь «отпустил» царевича Сатылгана, а вместе «с ним послал воевод своих». При этом необходимо уточнить, что новгородский летописец не рассказывает о помощи Ивана III крымскому хану и ничего не сообщает о результатах похода. Как видно из отрывка, книжник не использовал повелительных глаголов по отношению к казанскому хану.

Следует сказать, что известие Новгородской летописи, несмотря на внешнее сходство с предыдущим сообщением, написано в другом смысловом контексте. Летописец поставил на первое место, в отличие от своих предшественников, не московских воевод, а царевича Сатылгана; воеводы Ивана III рассматриваются здесь только как вспомогательные силы. Необходимо обратить внимание на то, что казанский хан без приказа свыше – по своей инициативе – послал войска в Орду. Таким образом, поход 1491 г. представляется летописцем как очередная война между представителями «царского рода» – ханами династии Чингизидов. Причем, так как нет информации о крымском хане, поход московских воевод можно мотивировать желанием оказать помощь царевичу Сатылгану и хану Мухаммад-Амину, то есть войска Ивана III характеризуются книжником как союзники служилых татар и казанцев.

Сведения, в целом согласующиеся с позицией Новгородской летописи, находим в переписке Менгли-Гирея с Мухаммад-Амином. В грамоте, датированной 10 марта 1490 г., крымский хан просил казанского оказать военную помощь в борьбе с Большой Ордой. 19 января 1491 г. Мухаммад-Амин ответил, что, невзирая на угрозу нападения сибирских и ногайских правителей, он отправил «в Поле» всех своих всадников, однако они не встретили крымских союзников и вернулись восвояси [8, с. 275–277; 27, с. 50–51].

Датировка грамот расходитсЯ с летописной хронологией, поэтому либо в источнике закралась ошибка, либо в дипломатических документах речь идет о походе, произошедшем раньше. Как бы там ни было, грамоты подтверждают представления новгородского книжника о самостоятельных действиях казанского хана.

О том, что после 1487 г. Казанское ханство стало именно союзником Москвы, а не подчиненным государством, свидетельствуют более поздние казанско-литовские и крымско-русские дипломатические документы. Так, согласно посланию Сафа-Гирея королю Сигизмунду I, «Казань была зашла за московского», при том, что завоевание и подчинение здесь характеризуется как «взятие». Например, в этой же грамоте хан сообщал о подчинении им

Вятской земли следующим образом: «И землю есми его взял» [13, с. 33]. Поэтому, исходя из контекста, «Казань была зашла за московского» означало, что ханство лишь присоединилось к союзу с Московским государством.

В другой переписке крымский хан Сахиб-Гирей, опровергая представление московских дипломатов о подчинении Казани Иваном III, утверждал, что «ино тем ли он (Иван III – А.А.) его (Мухаммад-Амина – А.А.) на царство посадил, что помочь свою ему дал» [29]. То есть в 1487 г. московский государь не подчинил Казань, посадив на престол своего человека, а всего-навсего помог одному из претендентов в борьбе за ханское место. Следовательно, можно допустить, что Мухаммад-Амин находился в союзнических отношениях с Москвой и Крымом, а потому участвовал в войне против Большой Орды.

В дальнейшем шибанские и ногайские правители, пытаясь вывести Казанский юрт из московско-крымского блока, осуществили походы на Казань в 1496, 1499 и 1500 годах. На этой почве между Москвой и Казанью неоднократно возникали военно-политические конфликты. После разгрома Большой Орды в 1502 г. и победы над Литвой в 1503 г. стали охлаждаться московско-крымские отношения. Ухудшение московско-казанских отношений было вызвано и усилением позиций великокняжеской власти в Великой Перми, где незадолго до конфликта с Мухаммад-Амином Иван III ввел наместническое правление [25, с. 99].

В конце концов, летом 1505 г. началось очередное военное противостояние. Практически все источники говорят о неудачных действиях русских войск в решающем походе 1506 года. Мирные переговоры продолжались до 1512 г., но Василий III так и не добился права назначения ханов в Казани. После смерти Мухаммад-Амина, казанцы возвели на ханское место великокняжеского ставленника Шах-Али. Однако правительство Василия III, пользуясь этим, попыталось расширить власть над восточным соседом, что, вероятнее всего, явилось одной из важнейших причин непопулярности режима Шах-Али и разрыва мирных отношений в 1521 году. Установления власти крымской династии в Казани привело к открытой военно-политической конфронтации, продолжавшейся с незначительными перерывами вплоть до завоевания Казанского ханства.

На рубеже 1530-х – 1540-х гг. стороны пытались прийти к компромиссу и, возможно, даже восстановить союзнические отношения. И вновь при описании переговоров источники расходятся в оценках. Согласно официальным летописям, в ноябре 1537 г. в Москву прибыла мирная делегация от крымского хана Сахиб-Гирея, предложившего Ивану IV быть «в дружбе и братстве», как хан Менгли-Гирей был с Василием III, «а князь бы велики помирился нас для с Сафа Киреем царевичем, что он на Казани» [17, с. 121; 18, с. 445; 24, с. 31]. Это известие указывает на одну из причин московско-казанской войны: официальные летописцы называли Сафа-Гирея «царевичем», а не «царем» – обладателем ханского престола, то есть русское правительство отказывалось признавать Сафа-Гирея казанским ханом.

В декабре 1537 г. из Крыма прибыл ханский посланник мурза Будалый, сообщивший, что Сахиб-Гирей хочет быть с Иваном IV «в крепкой дружбе и в братстве», также как Менгли-Гирей был с Иваном III и Василием III, чтобы быть для друга великого князя другом, а для недруга – недругом, и на всех недругов «быти заедин». Московское правительство приняло это предложение и отправило в Крым сына боярского Григория Савина с грамотой, в кото-

рой Иван IV соглашался быть «в дружбе и в братстве любовном» [17, с. 121; 18, с. 445; 24, с. 31].

Исходя из контекста официальных сообщений, можно предположить, что великий князь и крымский хан решили не только заключить мир, но и установить союзнические отношения, подобные тем, которые существовали между Иваном III и Менгли-Гиреем. Дабы сохранить дружбу, Сахиб-Гирей просил государя не посылать войска к Казани и заключить мир с Сафа-Гиреем. Боярская дума, ради установления союзнических отношений с Крымом, отменила поход на Казань, отпустив туда в феврале 1538 г. вместе с посланником крымского хана «своего человека» Гордея Береицына. В ответ Сафа-Гирей прислал «своего человека Усеина князя с грамотою». По поводу содержания грамоты книжники скупно заметили, что в ней хан просил великого князя о мире [17, с. 122; 18, с. 446; 24, с. 31–32].

В апреле 1538 г. московское правительство отправило в Казань другого «своего человека», Юшку Григорьева, с грамотой, что великий князь «хочет со царем помириться». Иными словами, Иван IV, признавая Сафа-Гирея «царем», желал установить мирные отношения. В мае Сафа-Гирей прислал в Москву для переговоров другого «своего человека» – ключника Кул-Ахмета. В июне в Казань был послан «свой человек» Никита Борисов с грамотой, в которой говорилось, что великий князь «посылает ко царю своего посла Игнатия Иванова сына Яхонтова». Однако московским послам было велено идти только до Нижнего Новгорода и ждать там дальнейших указаний. Так продолжился обмен «своими людьми», не имевшими посольских полномочий. Москвичи и казанцы требовали друг от друга послов до тех пор, пока в конце октября русское правительство не решилось отправить из Нижнего Новгорода в Казань посольство Игнатия Яхонтова [17, с. 122–126; 18, с. 447–449; 24, с. 32–34].

По сообщению официальных книжников, этот шаг не вызвал реакции Сафа-Гирея, поэтому в апреле 1539 г. в Казань от имени Ивана IV была направлена грамота со следующим содержанием: «По многому прошению брата нашего Саип Гирея царя Крымского послал наперед своего посла, а ты к нам не пошлешь своих послов добрых людей». Спустя некоторое время в Москву явилось крымское посольство, сообщившее, что Сахиб-Гирей «правду учинил» – подписал соглашение о союзнических отношениях. Но с Сафа-Гиреем было сложнее договориться: в июле 1539 г. состоялся очередной обмен «своими людьми» и грамотами с некой информацией о больших послах, и только в августе казанский хан известил Кремль о том, что отправляет в Москву «больших послов» во главе с Аппай-уланом. Однако после того как казанцы получили от великого князя грамоты, гарантировавшие безопасность их послов, они не стали отправлять посольство, заявив, что прошел слух о приговлении москвичей к войне с Казанью [17, с. 127; 18, с. 450–451; 24, с. 35–36].

В конечном счете, мирные переговоры зашли в тупик. Основываясь на вышеприведенных известиях, сложно сделать вывод о причинах провала переговоров, поскольку эти сообщения несут поверхностную информацию, не раскрывая полное содержание дипломатических документов и утаивая суть происходившего.

Тогда как в дипломатической переписке находим несколько иное описание переговоров. Сахиб-Гирей предостерегал Ивана IV от походов на Казань и требовал не брать дани с ее народа, в противном случае обещая заступиться

за Сафа-Гирея и свой «юрт», устроив набег на Русь. Боярская дума отреагировала отменой похода на Казань. При этом крымскому хану был дан ответ, что к Сафа-Гирею посланы грамоты с предложением мира на условиях зависимости Казани от Москвы. По словам бояр, Казанское ханство принадлежит московским государям, так как еще Иван III «милостью божию Казань взял и царя свел» – подобно тому, как до него ордынские правители захватывали эти земли, становясь их хозяевами. В конце своего обращения к Сахиб-Гирею бояре призвали хана, помня свою «старину», не забывать их «старину» [29].

В ноябре 1538 г. пришла еще одна грамота из Крыма. По словам Сахиб-Гирея, великий князь помог Мухаммад-Амину отнять престол у Ильхама, «ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал». Далее хан напомнил о том, как Улуг-Мухаммад пленил Василия II и получил возможность захватить княжеские земли, но «он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал». Крымская сторона призывала вспомнить «прошное добро», прислать «больших послов» в Казань и мир «учинить», в противном случае хан угрожал войной [29].

Дипломатические документы подтверждают точку зрения официальных летописцев относительно роли крымского хана в московско-казанских переговорах. Однако посольский архив демонстрирует совершенно иной тон отношений между Москвой, Крымом и Казанью. Если летописцы говорили о «просьбе» Сахиб-Гирея «быть в дружбе и братстве любовном», то дипломатические акты указывают на обоюдно ультимативный характер переговоров: крымский хан грозился идти войной против Руси, а москвичи напоминали об уязвимости Казани перед лицом русского оружия. Причем, здесь же дается отличное от летописного обоснование законности великокняжеской власти над Казанским ханством. Подчеркивается, что еще Иван III взял этот юрт, подобно тому, как до него его брали ордынские ханы. Другими словами, власть Москвы над Казанью столь же законна, как и власть правивших там потомков Чингизхана. Несомненно, такой ответ был более понятен крымскому хану, чем, например, библейско-летописная концепция, оправдывающая подчинение «городов-грешников» [2].

А.Б. Кузнецов, выставив на передний план письма с угрозами крымского хана, сделал вывод о том, что в 1530-е годы «явственно обозначаются черты мощного антирусского союза» мусульманских государств Восточной Европы, а «Казанское ханство становится одним из центров борьбы против Русского государства». По мнению историка, «в этих условиях русское правительство стремится сделать максимум возможного для обеспечения безопасности страны, используя для этой цели весь доступный ему арсенал средств и методов» [12, с. 77].

А.Б. Кузнецов подтвердил тезис о мощном антирусском союзе лишь заявлениями Сахиб-Гирея, угрожавшего турецким вмешательством в московско-казанские отношения. Однако, как показала дальнейшая история, это был дипломатический блеф – ни Крым, ни, тем более, Османская империя не смогли оказать серьезной помощи Казани. При этом историк проигнорировал сведения, напрямую выражающие цели правительств, участвовавших в конфликте.

Из представленных дипломатических документов можно почерпнуть и информацию об условиях мира, на которых настаивали стороны. Интересы Боярской думы отражены в следующем предложении: «Мы держать его (Сафа-Гирея. – А.А.) будем царем в Казани, как дед и отец наш» [29]. Возможно,

данная формулировка по смыслу соответствует летописной «правде», по которой судьбу казанского престола должен был определять русский государь, а хан обязывался согласовывать свои действия с Москвой [3, с. 21–22].

Значит, русское правительство требовало от Сафа-Гирея править в соответствии с волей великого князя – как во внутренних, так и во внешних делах. К тому же Иван IV, по словам крымского хана, хотел получить от казанцев дань. Такому положению противились Сафа-Гирей и Сахиб-Гирей, призывавшие великого князя к «братству», то есть к равноправным отношениям. Вероятнее всего, данное противоречие было основной причиной провала мирных переговоров.

Весной 1540 г. военные действия возобновились [28, с. 284]. Летописи напрямую не указывают, что Сафа-Гирей действовал по договоренности с Сахиб-Гиреем, так как последний до лета 1541 г. вел переговоры с Москвой, в который раз подтверждая свое намерение быть с великим князем «в сердечней дружбе до своей смерти» [17, с. 136; 18, с. 456; 24, с. 39]. Однако в июле 1541 г. Сахиб-Гирей организовал большой поход на Русь, рассчитывая, что основная часть русских войск находится на казанском направлении. Практически все официальные летописцы писали, что крымский хан, увидев на противоположном берегу р. Оки многочисленное русское войско, благодаря Божьей милости, бежал восвояси [17, с. 138–139; 18, с. 457–458; 24, с. 40–41].

Большее значение этому событию придал автор Воскресенской летописи, который сравнивал набег крымского хана с походом на Русь Тамерлана. По мысли летописца, Господь вступился за православных и вселил страх в душу Сахиб-Гирея, так же как когда-то, спасая Русскую землю, «сотворил» с Тамерланом [15, с. 295–301].

В Разрядной книге находим запись, что летом 1541 г. крупное войско под предводительством князя И.В. Шуйского действительно было направлено во Владимир для «казанского дела» [28, с. 294]. В Воскресенской и Никоновской летописях сохранилось известие, проясняющее суть этого «дела»: в мае 1541 г. в Москву явилось пять знатных казанцев во главе с Чабыкеем от князя Булата. Они просили помощи великокняжеских воевод для осуществления переворота против Сафа-Гирея, так как хан принес казанцам много вреда, передав их ясаки крымцам, разорив «земских людей» и постоянно отправляя казну в Крым [15, с. 295; 17, с. 99–100]. Хотя уже в марте 1542 г. царевна Гоухаршад и тот же князь Булат отправили Боярской думе грамоту, в которой просили Ивана IV примириться с Сафа-Гиреем. В июне Сафа-Гирей послал в Москву «своего человека» с грамотой о мире [17, с. 142–143; 18, с. 460–461; 24, с. 42–43].

Логичное объяснение случившемуся дал Д.А. Котляров, считавший, что недовольные крымской властью казанцы решили свергнуть Сафа-Гирея, пользуясь поддержкой русских. Однако, по словам ученого, опиравшегося на наблюдения И.И. Смирнова, в январе 1542 г. князь И.В. Шуйский при свержении Бельских воспользовался поддержкой войск, стоявших под его командованием во Владимире для «казанского дела» [31, с. 95]. Из-за этого поход на Казань не состоялся, а казанские заговорщики, чутко реагируя на политические события в русской столице, решили отказаться от планов по свержению Сафа-Гирея [11, с. 116–117].

Внутриполитическая борьба в Русском государстве, бесспорно, сказалась и на московско-казанских отношениях. К тому же, вполне вероятно, что ка-

занды обратились к мирным переговорам, осознавая опасность сложившейся ситуации: после того как москвичи отразили крупный набег крымцев и заключили семилетнее перемирие с Литвой [17, с. 142; 18, с. 460; 24, с. 42], появилась возможность сконцентрировать силы в восточном направлении.

Симптоматично, что и правительство Ивана IV выразило желание примириться с Сафа-Гиреем, отправив к нему в июле 1542 г. «своего человека» Никиту Чютова с грамотой, в которой великий князь просил хана прислать в Москву «больших послов добрых людей» [17, с. 143; 18, с. 462; 24, с. 43]. Возможно, москвичи не собирались продолжать крупномасштабные боевые действия в условиях внутривосточной нестабильности. Однако переговоры не привели к миру, в 1545 г. начался очередной виток московско-крымско-казанского противостояния. Скорее всего, и на этот раз русское правительство было настойчиво в своем требовании установить «правду», что означало политическую зависимость ханства. В свою очередь, и сторонники власти Сафа-Гирея в Казани не поступились принципами «братских» отношений.

Итак, многие сообщения официальных летописей о московско-крымско-казанских контактах не подтверждаются независимыми источниками. Так, официальные летописцы со времен Ивана III начали использовать по отношению к Казани глагол «пожаловал», что означало распространение владетельных прав великого князя на Казанское ханство. Причем в годы правления Василия III и особенно Ивана IV употребление слова «пожаловал» при характеристике межгосударственных отношений получило более широкое распространение. Однако привлечение провинциальных летописей и посольских документов позволяет прояснить, что подобная репрезентация отражает не реальную политическую практику, а, скорее, цели московского правительства в отношениях с восточным соседом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Московско-казанская война 1487 года // Тюменский исторический сборник. Вып. X. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 80–84.
2. Аксанов А.В. Русские летописцы о московско-казанских отношениях в 1496 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 71–75.
3. Аксанов А.В. Московско-казанские отношения (1445–1552 гг.): Автореферат дис. ... к.и.н. Тюмень, 2011. 26 с.
4. Аксанов А.В. Отношения между Великим княжеством Московским и Тюменским ханством // Тюменский исторический сборник. Выпуск XV. Тюмень, 2013. С. 73–81.
5. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
6. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.
7. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
8. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: В городской типографии С.Х. Алексомы, 1863. 1016 с.
9. Зимин А.А. Россия на рубеже XIV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 327 с.
10. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI веков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.

11. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
12. Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2011 г.). Ч. I. Саранск: Типография «Красный октябрь», 2004. С. 73–78.
13. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар Авызы = Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 27–34.
14. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.
15. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
16. ПСРЛ. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
17. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
18. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
19. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.
20. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.
21. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
22. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
23. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
24. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
25. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
26. ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004. 368 с.
27. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М.: Институт истории СССР, 1984. 100 с.
28. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.
29. Российский государственный архив древних актов. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8.
30. Сборник русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1884. 558 с.
31. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 516 с.
32. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 22.09.2016 г.

Принята к публикации 3.11.2016 г.

**RUSSIAN CHRONICLES AND DIPLOMATIC DOCUMENTS
ON THE MOSCOW-CRIMEAN-KAZAN RELATIONS
AT THE END OF THE 15TH – THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY**

A.V. Aksanov

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Research objective: The article analyzes chronicles' and diplomatic information about joining of the Kazan Khanate to the Moscow-Crimean alliance in 1487, about the joint actions of these three states against the Great Horde in 1491–1492 and about the Moscow-Crimean-Kazan peace negotiations of 1537–1542.

Research materials: Special attention is given to inconsistencies in the sources that often has not been considered in the historiography. In official chronicles the campaign of 1487 marks the submission of Kazan. Whereas diplomatic documents represent the expedition of the Moscow troops of 1487 as the military aid of Ivan III to the khan Mahomed-Amin in his struggle for the Kazan throne. According to official chronicles, in 1491 the Kazan khan warred against the Horde on the side of the Crimea by the order of the Moscow sovereign. In turn, in the Novgorod chronicle the campaign of 1491 is represented as the act of the help of Ivan III to the sultan Satylgan and khan Mahomed-Amin in their fight against the Great Horde. The data of diplomatic documents are consistent with the estimate of the Novgorod chronicle.

Research results and novelty: Therefore, it can be assumed that Mahomed-Amin participated in the war against the Great Horde as he was in allied relations with Moscow and the Crimea. Diplomatic documents confirm the point of view of official chroniclers of rather intermediary role of the Crimean khan in the Moscow-Kazan negotiations of 1537–1542. Thus, they display a completely different character of the relations between Moscow, the Crimea and Kazan. The Moscow boyars demanded from the Kazan khan to recognize the supremacy of the Moscow sovereign. In turn, the governors of the Crimea and Kazan called for equal relations. Possibly, this contradiction was the main reason for a failure of the peace negotiations.

Keywords: Moscow state, Crimean khanate, Kazan khanate, Great Horde, chronicles, ambassadorial books.

For citation: Aksanov A.V. Russian Chronicles and Diplomatic Documents on the Moscow-Crimean-Kazan Relations at the end of the 15th – the first half of the 16th century. *Golden Horde Review*. 2016, no. 4, pp. 790–802. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.790-802

REFERENCES

1. Aksanov A.V. Moskovsko-kazanskaya voyna 1487 goda [The war between Moscow and Kazan of 1487]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen historical collection], 2007, is. X, pp. 80–84. (In Russian)
2. Aksanov A.V. Russkie letopistsy o moskovsko-kazanskikh otnosheniyakh v 1496 godu [The Russian chroniclers about the Moscow-Kazan relations in 1496]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tyumen state university*, 2009, no. 7, pp. 71–75. (In Russian)
3. Aksanov A.V. *Moskovsko-kazanskie otnosheniya (1445–1552 gg.)* [Moscow-Kazan relations (1445–1552)]. *Avtoreferat dis. ... k.i.n.* [Abstract of the thesis... k.i.n.], Tyumen, 2011. 26 p. (In Russian)

4. Aksanov A.V. Otnosheniya mezhdru Velikim knyazhestvom Moskovskim i Tyumen-skim khanstvom [Relations between the Grand Duchy of Moscow and Tyumen khanate]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen historical collection], 2013, is. XV, pp. 73–81. (In Russian)
5. Alishev S.Kh. *Kazan' i Moskva: Mezhdgosudarstvennye otnosheniya XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: Interstate relations of the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
6. Bazilevich K.V. *Vneshnyaya politika russkogo tsentralizovannogo gosudarstva vo vtoroy polovine XV veka.* [Foreign policy of the Russian centralized state in the second half of the 15th century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1950. 543 p. (In Russian)
7. Bakhtin A.G. *Russkoe gosudarstvo i Kazanskoe khanstvo: Mezhdgosudarstvennye otnosheniya v XV–XVI vekakh: Dis. ... d.i.n.* [Russian state and Kazan khanate: The interstate relations in the 15th–16th centuries: Thesis ... d.i.n.]. Moscow, 2001. 567 p. (In Russian)
8. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa society of history and antiquities]. Vol. V. Odessa, Tip. S.H. Aleksoma Publ., 1863. 1016 p. (In Russian)
9. Zimin A.A. *Rossiya na rubezhe XIV–XVI stoletiy: Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russia at the turn of the 14th–16th centuries: Essays of socio-political history]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 327 p. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vekov* [Turkic-Tatar states of the 15th–16th centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2004. 132 p. (In Russian)
11. Kotlyarov D.A. *Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov natsional'noy politiki Rossii* [Muscovite Rus' and the Peoples of the Volga Region in the 15th–16th centuries: At the Origin of the Russian National Policy]. Izhevsk, Udmurt State Universitet Publ., 2005. 314 p. (In Russian)
12. Kuznetsov A.B. *Kazanskiy vopros vo vneshney politike Eleny Glinskoy (1533–1538 gg.)* [The Kazan issue in the foreign policy of Elena Glinskaya (1533–1538)]. *Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu sozdaniya Rossiyskogo guma-nitarnogo nauchnogo fonda (RGNF)* [The Volga lands in the history and culture of Russia. Materials of the All-Russian scientific conference devoted to decade of creation of the Russian Humanitarian Scientific Fund (RHSF)]. Saransk, 2004, part I, pp. 73–78. (In Russian)
13. Mustafina D. *Poslanie tsarya kazanskogo* [Message of the Kazan tsar]. *Gasyrlar Avyzy = Ekho vekov – Echo of the Ages*, 1997, no. 1/2. pp. 27–34. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 6. *Sofiyskaya vtoraya letopis'* [Sofia second chronicle]. Release 2. Moscow, Languages of the Russian culture, 2001. VIII + 446 columns. (In Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chronicle continuation according to the Voskresensky copy]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2001. X + 302 p. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 12. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Patriarchal or Nikon chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Printing house, 1901. 267 p. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13. Part 1. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Patriarchal or Nikon chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Printing house, 1904. 302 p. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Lvov chronicle]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2005. IV + 704 p. (In Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 23. *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Ermolinskaya chronicle]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004. VI + V + 242 p. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Typographical chronicle]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2000. XII + IV + 272 p. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v* [Complete Collection of Russian Chronicles. Moscow annalistic svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 27. Nikanorovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 27. Nikanorovskaya chronicle]. *Sokrashchennye letopisnye svody kontsa XV v*. [The reduced annalistic svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1962. 418 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 28. Letopisnyy svod 1497 g., Letopisnyy svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis')* [Complete Collection of Russian Chronicles. Annalistic svod of 1497, Annalistic svod of 1518 (the Uvarovskaya chronicle)]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 411 p. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 29. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chronicler of the beginning of the reign of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Aleksandro-Nevskaya chronicle. Lebedevskaya chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 390 p.
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 37. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Veliky Ustyug and Vologda chronicles of the 16th–17th centuries]. Leningrad, Science, 1982. 228 p. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 43. Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo* [Complete Collection of Russian Chronicles. The Novgorod chronicle according to P.P. Dubrovsky's copy]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2004. 368 p. (In Russian)
27. *Posol'skaya kniga po svyaziam Rossii s Nogayskoy Ordoy: 1489–1508 gg.* [The ambassadorial book on communications of Russia with the Nogai Horde: 1489–1508]. Moscow, Akademiya nauk USSR Publ., 1984. 100 p. (In Russian)
28. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Razryadnaya kniga of 1475–1605]. Vol. 1. Part. 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1977. 406 p. (In Russian)
29. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian state archive of ancient acts]. Fund 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Relations of Russia with the Crimea]. Book 8.
30. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Compilation of the Russian Historical Society]. Vol. 41. St. Petersburg, Tip. F. Elionskogo i Ko Publ., 1884. 558 p. (In Russian)
31. Smirnov I.I. *Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh gg. XVI v.* [Essays of political history of the Russian state of the 1530–50s]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1958. 516 p. (In Russian)
32. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on History of the Kazan Khanate]. Moscow, INSAN Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

Received September 22, 2015

Accepted for publication November 3, 2016

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСКИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Р.Р. Абдужемилев^{1,2}

¹ *Крымский инженерно-педагогический университет
295015, Крым, Симферополь*

² *Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
298401, Крым, Бахчисарай
E-mail: refatimus@gmail.com*

Цель: рассмотреть проблему языкового базиса ярлыков Крымского ханства и проследить процесс становления государственного языка Крымского ханства на материале официальных писем и указов.

Материалы исследования: сформулированы главные положения, которые характеризуют объект исследования. В статье излагаются взгляды известных востоковедов, в которых отражен состав языка ярлыков. Важное внимание акцентируется на соотношении кипчакских и огузских элементов. Период с XIII в. по XVI в. отмечен развитием языка «дешт тили».

Результаты и научная новизна: язык ярлыков Крымского ханства является наследием литературного языка Улуса Джучи (Золотой Орды), а еще ранее – Дешт-и Кипчака, кипчакская доминанта способствовало большому охвату территорий функционирования языка.

Ключевые слова: ярлыки, Крымское ханство, язык кипчакский, огузский, османский.

Для цитирования: Абдужемилев Р.Р. Развитие языка государственной переписки Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 803–813. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.803-813

В целях научной реконструкции подлинного крымскотатарского языка возникает необходимость обращения к оригинальным источникам, относящимся к периоду государственного развития крымских татар. Обширный материал для филологических исследований представлен в документах, которые писались в канцеляриях Крымского ханства. Среди них приоритетное значение имеют и письменные памятники, определенные термином «ярлыки». Под этим понятием подразумеваются грамоты, приказы и повеления, а также дипломатические письма (корень *яр* трактуется как известие, объявление, обнародование, воззвание) [3, с. 323]. Собственно, написание ярлыков следует расценивать как значительный этап в становлении крымскотатарского литературного языка.

Вопрос анализа языка ярлыков Крымского ханства является **актуальным и перспективным**, поскольку эти источники все еще не разобраны в полной мере и не исследованы детально. Крымскотатарский язык в процессе своей эволюции подвергся определенным трансформациям и искажениям, по большей части он сохранился благодаря устной передаче, старый письменный язык долгое время был вне доступа для крымских татар. В этом плане

лингвистический базис из ярлыков будет способствовать нахождению оригинальных языковых структур. Кроме того, на основе исследования филологического аспекта крымских ярлыков появится возможность сопоставительного анализа крымскотатарского и других родственных ему языков.

По справедливому утверждению академика А.Н. Самойловича (1880–1938), в качестве одного из главных источников для воспроизведения картины истории развития крымскотатарского литературного языка в XV–XVIII вв. служит международная переписка Крымского ханства [8, с. 189]. Важные заметки ученого касаются вопроса о месте подлинно кипчакско-чагатайского языка и о его постепенном, все же неполном вытеснении османским языком: «до конца XVII века османскому литературному языку не удалось заглушить в канцеляриях крымских ханов литературной традиции Джучиева улуса», «живой степной ногайский говор также находил некоторый доступ к официальному языку международной переписки крымскотатарского ханского правительства» [8, с. 189].

«Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии Наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел» (В.В. Вельяминов-Зернов, 1864) [4] представляют собой собрание переписанных крымскотатарских документов, в центре которых – дипломатические отношения Крымского ханства с Россией и Польшей. Документы были переписаны в 1858 г. преподавателем татарского языка при Императорском Санкт-Петербургском университете, муллой Хусеином Фейзхановым (1826–1866). В предисловии к изданию Вельяминов-Зернов писал о значимости работы: «издание окончено и представляется на суд ученого мира, в особенности же ориенталистов, занимающихся отечественной историей и изучающих язык татарский. В предлагаемом сборнике они найдут богатый и разнообразный материал для исследования» [4, с. V–VI]. В. Смирнов писал, что материалы из этого источника являются «памятниками официального туземного языка Крымского ханства» [9, с. XXIV].

Сформулируем главные положения, которые характеризуют язык ярлыков Крымского ханства:

- язык ярлыков Крымского ханства – тюркский, в основе которого лежат кипчакские (половецкие) и огузские элементы;
- тексты ярлыков написаны арабской графикой, которая свойственна письменности крымских татар (вплоть до 1928 г.); арабский алфавит в Крымском ханстве следует рассматривать как наследие золотоордынской письменной традиции, сформировавшейся благодаря внедрению арабской культуры в тюркоязычную среду;
- язык ярлыков Крымского ханства является продолжением официального языка Золотой Орды, который, с одной стороны, немного трансформировался, а с другой – сохранил оригинальную лексику и архаичные формы;
- ареал функционирования этого языка являлся достаточно широким, учитывая территориальные границы Крымского ханства: формулировка в титуле хана – «*Uluğ orda, uluğ Yurtıñ, ve Deşt Qıpçaqıñ, ve Taht Qırımıñ, ve sansız kop Tatarnıñ, ve sağısız Noğaynıñ, ve Tat bile Tavgaçnıñ, ve Tağ ara Çerkaçnıñ, ve cümle mümin ve müsliminniñ uluğ padişahı*» («Великий падишах Великой орды, Великого юрта, Дешти-Кипчака, Крымского престола, бесчисленных татар и ногаев, тавгачей, черкесов и всех мусульман»); как видно,

здесь фигурирует наименование Дешт-и Кипчак (Половецкая степь), которое относимо к историческому региону Евразии от устья Дуная до низовья Сыр-дарьи и Балхаша.

- язык ярлыков – подлинно крымскотатарский, относящийся к разряду агглютинативных (приставочных) языков: тип словоизменения при помощи различных формантов (суффиксов или префиксов);

- доминирующие позиции в ранних крымских ярлыках занимают кипчакские элементы как на уровне лексики, так и на уровне морфологии, один из вариантов названия официального языка – «дешт тили» (язык Кипчакской степи);

- базисной в ярлыках крымской канцелярии выступает кипчакская составляющая, которая удерживала доминирующие позиции на евразийском пространстве; народы, проживавшие на различных территориях Крымского ханства, разговаривали на языках с кипчакской основой, эти языки – прямое наследие половецкого (куманского) языка, выполнявшего в Золотой Орде функцию языка межэтнического общения; существовало единое языковое пространство, которое отличалось невозможностью провести четкие лингвистические границы;

- огузские языковые элементы проявляются преимущественно на уровне морфологии;

- в ярлыках имеется большое количество арабских и персидских слов;

- незначительное место занимают включения из русского языка;

- на определенном этапе написания ярлыков кипчакский элемент стал более вытесняться османским языком;

- ярлыки принадлежат к официально-деловому стилю; характерная черта стиля – дипломатический этикет и высокий тон. Стиль обусловил последовательное построение текста ярлыков, где четко обозначены каждый элемент: вводная часть «*invocatio*»; обращение «*inscriptio*»; повествование «*narratio*»; резюмирующая часть «*dispositio*»; время написания ярлыка «*datatio*»; место написания «*locus*» [13, с. 91–93];

- ярлыки написаны в форме обращения (слова-маркеры «*dost*», «*qardaş / qarındaş*»);

- обязательной частью ярлыка являлся этикет: «*kopdın kop selâm ayıub, nedur halıñız, yahşımısız-hoşmısız dib, halıñız ve hatrıñız sorğanımızdan sonra*» («многokrato поприветствовав, спросив о Вашем состоянии и здоровье»);

- важное место отводилось языковым конструкциям религиозного характера (часто в начале ярлыков): «*Tañrı Tebarek ve Taalânuñ rahmi ve inayeti milân*» – «милостью и милосердием Всевышнего Бога».

Польский востоковед Д. Колодзейчик констатирует длительное употребление хорезмийско-тюркского языка (характерного для письменности Золотой Орды, XIV в.) в переписке Крымского ханства и Москвы [6, с. 71]. При царском дворе в Московии имелись толмачи (переводчики), которые могли читать документы, написанные на кипчакском языке [12, с. 226]. Переписка между Бахчисараем и Стамбулом велась на османском языке, поскольку Крым считался субъектом Османской империи. В отношении переписки Крыма с Польшей отмечается смешанный состав языка дипломатической переписки: кипчакские и османские элементы [6, с. 71]. Ярлыкам Крымского ханства XVII в. свойственно наличие обоих этих языковых элементов. Одна-

ко их пропорция, по утверждению Колодзейчика, зависела от определенных факторов: «место подготовки документа, происхождение и тип образования писца и даже адресата, которому направлялось данное письмо» [6, с. 71]. С. Фаизов определяет язык переписки Крымского ханства как «близкий к кипчакскому и находящийся в явном родстве с языком документов Золотой Орды и Джагатайского улуса» [10, с. 38]. Однако здесь следует говорить не о близости, а об одном языке, который проходил свою эволюцию в рамках Дешт-и Кипчака, Улуса Джучи и образовавшихся впоследствии ханств. Вместе с тем исследователь отмечает и близость ногайского языка.

Основу крымскотатарского языка тюрколог В. Радлов (1837–1918) трактовал следующим образом: «Вплоть до XVII века язык крымских татар представлял из себя кипчакское наречие, образовавшееся из смешения языков команского и позднее иммигрировавших степных кочевников» [7, с. XIV]. Язык главного памятника кипчакского письменного наследия XIV в. «Кодекса Куманикус» по праву считается прародителем позднее национально оформленных языков (крымскотатарского, крымчакского, караимского, татарского, башкирского, ногайского, карачаево-балкарского, кумыкского).

Крымскотатарский язык относится к кипчакско-огузской подгруппе кипчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков, в основе которой лежит древний половецкий язык. Н.А. Баскаков указывал признаки, характеризующие всю кипчакско-огузскую подгруппу, при общих особенностях для всех языков кипчакской группы [1, с. 128]. В эту подгруппу относятся следующие признаки, преимущественно фонетические: 1) наличие шипящего *ш* вместо свистящего *с* кипчакско-ногайской подгруппы, например *таш* вместо *тас* «камень», и аффриката *ч* вместо проточного *ш* той же подгруппы, например, *кач* вместо *каш* «убегать»; 2) преимущественно *й* в начале слова вместо *ж/дж* в других подгруппах, например, *йол* вместо *жол/джол* «дорога» и др.

Ориенталист В. Григорьев (1816–1881) на примерах ярлыков ханов Золотой Орды русскому духовенству показал характер перевода оригинального языка текстов ярлыков на русский язык. Текст ярлыков проникнут влиянием тюркского синтаксиса [5, с. 98]: 1) вместо союзов *что* и *чтобы*, которых нет в тюркском, употребляется форма деепричастия от глагола *говорить* / *молвить*, в прошедшем или настоящем времени; 2) второстепенные части предложения, которые по свойству русского языка ставятся после главных, в ярлыках поставлены наоборот: вместо фразы «и мы повелели, чтобы было по прежнему» в ярлыке Узбека митрополиту Петру «как то было прежде нас, так молвя, и наше слово уставио».

В ярлыке Саадет Герая тюрколог И. Березин (1818–1896) просматривал определенное влияние османского языка: «Язык этого ярлыка хотя и принадлежит по своему общему характеру к старому тюркскому, однако в некоторых формах (дательный падеж с притяжательным местоимением) уже заметно к османскому диалекту» [2, с. 18]. Примеры османских форм – *tüfenkçi olduğı sebebden* (по причине того, что являлись стрелками из ружей), *deuyü* (молвя).

Оригинальность языка этого ярлыка отчетливо заметна на уровне лексики (наименования званий и сословий, людей, занимавшихся определенным родом занятий, видов животных и др.) [11]: *ulus* (улус, удел), *tuman* (тьма, тысяча), *oğlanlar* (улань), *bikler* (беи, князья), *daruğa* (городничий, на-

местник), anbarçı (анбарщик), tamğacı (таможник), tartnaqçılar (весовщики), quşçı (сокольник), qaravul (караульный), tutqavul (заставщик), kemiçi (лодейщик), köprükçiler (мостовщики), bukavul çerileri (опричное войско), yürür işur ilçı yolavçıları (проезжающие и проходящие послы), aqtaçı (конюший), soyurğal bolmaq (пожаловать), qonaq (постой, ночлег), ulağ (козленок), qozi (ягненок, барашек), salıǵ (налог), ıruğ (род).

Переписка Крымского ханства сложилась на основе золотоордынских ярлыков и битиков (XIV–XV вв.): ярлыки ханов Узбека, Токтамыша, Тимур Кутлука, битики Улуг Мухаммеда, Махмуда, Ахмеда и др. В ходе своей эволюции язык крымской канцелярии был представлен появлением новых форм и их функционированием наряду с уже существующими, сохранившимися. Архаичные формы сохранились на уровне определенных языковых единиц: bitilmek – быть написанным; çerü – войско; barça – все; qayuma – какой-либо; qalay – как; birlen – вместе, посредством; kün ilkerü – отныне, впредь. В целом, специфическим аспектом ярлыков можно назвать ненормированность языка, что способствует варьированию лексических и грамматических единиц. Ненормированный характер проявляется преимущественно на фонетическом и орфографическом уровнях: cürt / yurt (родина, земля); duşman / tuşman (враг); ağız / avız (рот; уста); bunday / munday (такой, подобный); dahi / taçı (еще); sağ / sav (живой, здоровый), qarındaş / qardaş (брат); qağılğay / qalğay (калга); uluğ / ulu (великий). В отличие от современного крымскотатарского языка, некоторые падежные суффиксы не согласовываются с корнем слова по параметрам мягкости и твердости гласных фонем, звонкости и глухости согласных фонем: bizdan – от нас; sebebden – по причине; yağışlıqğa çalışırız – будем работать ради благополучия.

В плане грамматического строя выделяются следующие черты: форма с суффиксом -ıǵ в образовании существительных от глаголов – satıǵ-alıǵ – (торговля, купля-продажа), salıǵ (налог); корневая трансформация при образовании множественного числа слов арабского происхождения – ğanimet (трофей, добыча) – ğanaım (трофеи, много добычи); отрицательная форма существительных-арабизмов с приставкой bi-: şumar (число, количество) – bişumar (бесчисленный); суффиксы -lıǵ/-liǵ и -luğ/-lüğ в прилагательных, образованных от существительных – al tamğalıǵ, altun nişanlıǵ – с алой тамгой и золотой печатью, devletlüğ – счастливый, благословенный; форма указательного местоимения bolayu (так, таким образом); неопределенное местоимение qayuma (какой-то); длительная форма в повелительном наклонении глагола – alğış-dualar qıla tursunlar (пусть воздают молитвы и благословения); форма деепричастия с суффиксом -ğaç: (deyü turğaç – молвя); деепричастия deyü/tib (молвя, сказав) – ant üzerinde turulmaq kerekdir deyü – сказав, что нужно соблюдать клятву; герундий (сочетает признаки существительного и глагола) – barış-yarış bolurğa sebeb (причина для мира).

Составные глаголы образуются при помощи вспомогательных глаголов qılmaq (делать, совершать, исполнять), bolmaq (быть, становиться), etmek /irmek (глагол несовершенного вида, длительность действия), eken / iken (опосредствованная форма). Вспомогательные глаголы функционируют как исключительно грамматические инструменты, их лексическое значение сливается со значением главного смыслового глагола: ant qıldıq – мы поклялись; bu sözge qayıl bolmay – не согласившись с этим словом; ayân ve beyân qılğan erdi

– делал явным; *Qara Denize çıqğan ikendir* – вышел в Черное море (должно быть, вероятно). В образовании условного наклонения принимают участие суффиксы *-sa/-se*, вспомогательный глагол *irsa* (который присоединяется к главному глаголу в прошедшем либо будущем времени): *barça söz ve murad ne bolsa* – какими бы ни были все слова и намерения; *dostluq qıldılar irsa* – коль они учинили дружбу; *kilür irsa* – случись так, что он придет. Для выражения гипотетической ситуации применяется сослагательное наклонение, которое можно передать на русский язык словами «случись так, что...». Схема его формирования выглядит так – смысловой глагол с суффиксом *-day* + вспомогательный глагол *bolmaq* в форме условного наклонения: *bildirmasday bolsalar* – случись так, что они не оповестят; *küç-zarar bolğuday bolsa* – случись так, что будет применена сила и причинен вред. Распространенным в ярлыках выступает и желательное наклонение (оптатив), которое образовано с помощью суффиксов *-ğay/-qay* и *-gey/-key*: *tıñlap alğaysız* – Вам следует прислушаться; *sözimizga inam qılğaysız* – поверьте нашему слову; *bizim rizamız bolğay* – должно быть наше согласие.

В ярлыках встречаются, главным образом, кипчакско-чагатайские формы: вспомогательный глагол *qılmaq* (синонимы *etmek*, *уартақ*, делать, оказывать, производить); *bolmaq* (быть, пребывать, сделаться, стать чем-то, находиться); *kob* (много, очень, весьма, обильный); *barça* (все, прочие, большая часть); *çın* (искренний, подлинный, справедливый); *qalay* (как); *cibermek* (отправлять); *samanlıq* (плохое отношение); *tıñlamaq* (слушать); *taqı* (еще); *burun* (прежде); *munday* (таким образом); кипчакский аблатив (исходный падеж) *-din/-dın* – *memleketlerindin* (из их страны); форма прошедшего времени глагола и форма причастий с суффиксами *-ğan/-gen* (*barğan*, *kelgen*); суффикс *-lay* в деепричастиях: *qışlay* (зимуя), *savlay* (совершая нападения), *otçılay* (пасясь).

Огузские формы в ярлыках: местоимение *kendi* (сам), *göndürmek* (отправлять), *virmiyüb* (не отдав), *memlekete* (в страну), *söyleriz* (скажем), *ilgeri* (прежде), форма глаголов прошедшего времени и причастий с суффиксами *-mış/-miş* (*almışlar*, *bahası kesilmişdir*); огубления в конце слов и в суффиксах (*satub*, *satun alub*, *qarşu*, *qaçub*, *barub*, *salduq*).

Примеры арабских элементов: *canib* (сторона), *ibtida* (начало), *muazzam* (великий), *dahil olmaq* (войти), *muhasara qılub* (огородив), *muqabele* (противостояние), *feth ve fütuh* (победы), *ecdad azim* (великие предки), *vasıl bolmaq* (добраться), *muhabbet* (дружба, дружеские отношения), *cümle* (все), *vilâyet* (область), *bahane* (причина, повод), *mühkem* (твердо, стойко), *malûm* (известный), *zahmet* (беспокойство, хлопоты), *qıraat etmek* (читать), *mücibinçe* (согласно, по), названия месяцев *Muharrem*, *Safer*, *Rebiülevvel*, *Rebiülahır*, *Cemaziyelevvel*, *Cemaziyelahır*, *Recep*, *Şaban*, *Ramazan*, *Şevval*, *Zilqade*, *Zilhicce*.

Примеры персидской лексики: *dost* (друг), *duşman* (враг), *nam* (имя), *ziyan* (вред), *radîşah* (падишах, правитель), *tahtgâh* (столица), *bazergân* (купец), *repah* (прибежище), *serağ* (наказ), *düşenbe* (понедельник), *revan* (отправиться, выйти в путь), *yad* (вспоминать, упоминаться).

Терминология ярлыков: *şartname* (письменный договор), *ahdname* (договор с клятвой), *muhabbetname* (дружественное письмо), *hazine* (казна), *Qırım ağzı* (Крымский перешеек, Перекоп), *Çonğar avzı* (Чонгар), *Öziniñ ayağı* (устье Днепра), *zerdava* (куница), *susar* (куница), *samur* (соболь).

Распространенные языковые конструкции в ярлыках Крымского ханства:

из текста оригинала	перевод на русский язык
dost ve muhabbet ve barış-yarış bolub	будучи в дружбе и любви, в мире и согласии
dost, tatuv-muhabbet bolub	будучи в дружбе и согласии
barışqalıq ve dostluqdan taymay turmaq	не уклоняться от согласия и дружбы
dostluq nişanesin aşkâr itkeysiz	проявите знак дружбы
muhkem turub	твердо соблюдая
butün bolıb turmaq	всецело соблюдать
öz söziñüzçe bek bolıp	твердо стоя на своем слове
barça sözlerimiz çindir	все наши слова – искренние
qaim ve daim bolup turmaq	твердо и постоянно соблюдать
dünyada bolğan işler itkenler	чего только не натворили
oşar iş tuguldir	неподобающее дело
tüşer iş tuguldir	ненадлежащее дело
bir kün muqaddem	за день до...
sıy ve hürmet qılub	оказав почет и уважение
bizge i'lâm qıldıñuz	известили нас
ozğan yıl / ay	прошедший год / месяц
söyleşüb bekleşmek	договориться
aynıñ ibtidasında	в начале месяца
esen-aman varmaq	благополучно добраться
memleketimiz emin-aman bolub	наша страна пребывала в надежности и благополучии
qılıqnı itmek	соблюдать привычку
barça sözümüzni a'yan qılğan irdik	пояснили все наши слова
altun mührimizni qoyduq / salduq	скрепили золотой печатью
uzun-uzaq	очень долгий, длительный
bulay alay söz	все подобные слова
murad ve maqsudıñuz bolsa	если будет желание и намерение
Kelâm-i Qadim ve Furqan-ı Azimden ant içmek	поклониться на Коране
mağrib ve maşriq, ve şimal tarafında	на западе и востоке, и на севере
elçimizni korünüşiniñizge alub	взяв с собой нашего посла на аудиенцию с Вами (прием к Вам)
iki yurtnıñ muhabbetligi ve yol açılığ içün	ради благополучия и открытости путей для двух стран
yad qılınğan	упомянутый
mundin burun	до этого, прежде
dostluq murad qılsañuz	если Вашим намерением будет дружба
sözümüz birdir, iki bolmaq ihtimalı yoqdır	наше слово едино, оно не может быть двусмысленным
eksiksiz tamam yibermek	отправить полностью без недостатков
sulh ve salâh mühkem olduqdan	после прочного утверждения мира и благополучия
olikelgen adetni kesmek	прекратить существующую традицию
revan ta'cil yibermek	быстро отправить в путь
eski adet üzere riayet ve hurmet qılmaq	соблюдать и чтить по старому обычаю
burunğı adet üzere	по прежнему обычаю

ayân ve beyân qılmaq	растолковать, разъяснить
sözlerimizni maqul körüb	посчитав наши слова приемлемыми
bir qoymay	не оставив в покое
hatremiz için sıylâb	оказав нам почет
rizamız ve qailligımız yoqdır	нет нашего согласия и добра
malüm qılmaq	извещать, оповещать
oşlay bilgeysiz	так и знайте
mabeyniñuzde bolğan	имеющийся в вашей свите
zarar ve ziyan körmey	не чувствуя вреда и ущерба
selâmetlik milân barmaq	благополучно доехать
iraq ve yaqın	далекие и близкие

Выводы. Как видно, ярлыки Крымского ханства представляют ценный источник для изучения языка в контексте как тюркологии, так и крымско-татарского языкознания. На основе детального разбора большого количества материалов можно утверждать, что на тюркоязычном пространстве крымско-татарский язык выполнял функцию, сравнимую с современным английским языком. Подтверждением тому служат два фактора: 1) язык ярлыков Крымского ханства является наследием литературного языка Улуса Джучи (Золотой Орды); рассматривая Золотую Орду и Крымское ханство как лингвистические зоны единого характера, следует учитывать исторический аспект – после распада империи на отдельные ханства центр переместился с востока на запад на территорию Крымского полуострова; 2) в основе языка крымской канцелярии ханского периода – переплетение кипчакских и огузских элементов, что способствовало свободному пониманию крымскотатарского языка в среде других тюркоязычных народов. Большой кипчакский лингвистический пласт способствовал свободному межнациональному общению народов Крымского ханства. Следовательно, язык Крымского ханства, не имея определенных границ, выполнял консолидирующую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков Н. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 121–134.
2. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями. Казань: Университетская типография, 1851. 162 с.
3. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1871. Т. 2. 415 с.
4. Вельяминов-Зернов В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб.: в Типографии Императорской Академии наук, 1864. 940 с.
5. Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: историко-филологическое исследование. М.: Университетская типография, 1842. 132 с.
6. Колодзейчик Д. Языки канцелярии Крымских ханов: между монгольской, османской, православной и латинской традицией. Сборник материалов I Крымской

тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 23–25 мая 2012 г. Симферополь: Ната, 2013. С. 70–75.

7. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть VII. Наречия Крымского полуострова. СПб.: Типогр. Императорск. Академии Наук, 1896. 408 с.

8. Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме: Сборник. Симферополь: Доля, 2000. 296 с.

9. Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. СПб.: Университетская типография, 1887. 768 с.

10. Фаизов С. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперяславского времени. М.: «Гуманитарий», 2003. 167 с.

11. Abdullahoğlu H. Birinci Mengli Giray Han yarlığı. İstanbul Üniversitesi Türkiyat Mecmuası, 1934. S. 99–111.

12. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European Periphery (15th – 18th century). A study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden–Boston: Brill, 2011.

13. Özyetgin M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi. Ankara, 1996. 297 s.

Сведения об авторе: Рефат Рустем оглы Абдужемилев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета (295015, Учебный пер., 8, Крым, Симферополь, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (298401, ул. Басенко, 57 «Л», Крым, Бахчисарай, Российская Федерация). E-mail: refatimus@gmail.com

Поступила 12.09.2016 г.

Принята к публикации 25.11.2016 г.

DEVELOPMENT OF THE STATE CORRESPONDENCE LANGUAGE OF THE CRIMEAN KHANATE

R.R. Abduzhemilev ^{1,2}

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University
Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation

² Crimean Research Center,
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Bakhchisaray 298405, Crimea, Russian Federation
E-mail: refatimus@gmail.com

Objective and materials of the research: In the article the matter for consideration is the problem of the lingual basis in yarlyks of the Crimean Khanate. The author seeks to trace the process of the formation of the state language of the Crimean Khanate on the material of the official letters and decrees. The main statements characterizing the object of the study are formulated. The article presents the views of the famous orientalists, in which the

structure of the yarlyk's language is reflected. An important attention is focused on the ration of the Kipchak and Oguz elements. The period from the 13th century to the 16th century is marked by the development of the language called «desht tili», i.e. the language of Desht-i Kipchak.

Results and novelty of the research: The author emphasizes that the language of the yarlyks of the Crimean Khanate is a heritage of the literary language of the Jochid ulus (Golden Horde), and even earlier one – of Desht-i Kipchak. Kipchaks dominated the extremely vast territory. The Kipchak language for a long time was used in the correspondence between Bakhchisaray and Moscow. As for the correspondence between Bakhchisaray and Istanbul, instead of Kipchak there was used Ottoman language. The correspondence between Crimea and Poland was mixed: both Kipchak and Ottoman languages were in use. Concerning the lexical structure of yarlyks, there are many Arabic and Persian words and forms which became inseparable part of the Crimean Tatar language. While the texts of the early yarlyks are full mostly of Turkic words, then in the late yarlyks Arabic and Persian words in some cases displaced original Turkic words. Therefore, today the issue of the reconstruction of the Turkic basis is of high importance.

The language of the official correspondence from the Crimean Khanate's Office is one of the indicators of the development of integral state formation on the map of the Eastern Europe. On the one hand, the language of yarlyks had taken its roots deep from the centuries and ancient times, and on the other hand, it had been transformed over time into modern Crimean Tatar language. Texts of the correspondence of the Khanate period have considerable philological potential, as evidenced by the wide range of the now disused linguistic units.

Keywords: yarlyks, Crimean Khanate, language, Kipchak, Oguz, Ottoman.

For citation: Abduzhemilev R.R. Development of the State Correspondence Language of the Crimean Khanate. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 803–813. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.803-813

REFERENCES

1. Baskakov N. K voprosu o klassifikatsii turkskih yazykov [On the classification of Turkic languages]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and language department]. 1952, vol. XI, is. 2, pp. 121–134. (In Russian)
2. Berezin I. *Tarhannye yarlyki Tohtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireya, s vvedeniyem, perepisyu, perevodom i prmechaniyami* [Tarkhan yarlyks of Tokhtamysh, Timur-Kutluk and Saadet-Giray with introduction, transliteration, translation and notes]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1851. 162 p. (In Russian)
3. Budagov L. *Sravnitelnyy slovar turetsko-tatarskih narechiy, so vklyucheniym upotrebitelneyshyh slov arabskih i persidskih i s perevodom na russkiy yazyk* [The comparative dictionary of Turkish-Tatar languages with the inclusion of the mostly used Arabic and Persian words and with translation into Russian]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1871. Vol. 2. 415 p. (In Russian)
4. Velyaminov-Zernov V. *Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva, izvlechnyye po rasporyazheniyu Imperatorskoy Akademii nayk iz Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannykh del* [The materials for the history of the Crimean Khanate, extracted by the order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1864. 940 p. (In Russian)
5. Grigoryev V. *O dostovernosti yarlykov, dannykh khanami Zolotoy Ordy russkomu duhovenstvu: istoriko-filologicheskoye issledovaniye* [About the reliability of yarlyks gran-

ted by Golden Horde khans to the Russian clergy: historical and philological research]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1842. 132 p. (In Russian)

6. Kołodziejczyk D. Yazyki kantselyarii Krymskih khanov: mezhdru mongolskoy, osmanskoy, pravoslavnoy i latinskoy traditsiyey [Languages of the chancery of the Crimean khans: between the Mongol, Ottoman, Cristian Orthodox and Latin traditions]. *Sbornik materialov I Krymskoy turkologicheskoy konferentsii. Belogorsk (Karasubazar) 23–25 maya 2012 g.* [The collection of materials of the First Crimean Turkological conference. Belogorsk (Karsubazar) May 23–25, 2012]. Simferopol, Nata Publ., 2013, pp. 70–75. (In Russian)

7. Radlov V. *Obraztsy narodnoy literatury severnykh turkskikh plemen. Chast VII. Narechiya Krymskogo poluostrova* [The samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Part VII. The dialects of the Crimean peninsula]. St. Petersburg, Tipogr. Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1896. 408 p. (In Russian)

8. Samoylocich A. *Izbrannyye trudy o Kryme: Sbornik* [The Selected works about Crimea: The Collection]. Simferopol, Dolya Publ., 2000. 296 p. (In Russian)

9. Smirnov V. *Krymskoye khanstvo pod verhovensvnom Ottomanskoy porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman port until the early 18th century]. St. Petersburg, Universitetskaya tipografiya Publ., 1887. 768 p. (In Russian)

10. Faizov S. *Pisma khanov Islam-Gireya III i Muhammed-Gireya IV k tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu i korolyu Yanu Kazimiru. 1654–1658. Krymskotatarskaya diplomatika v politicheskom kontekste postpereyaslavskogo vremeni* [The letters of khans Islam-Giray III and Muhammed-Giray IV to the tsar Alexey Mihaylovich and the king Jan Kasimir. 1654–1658. Crimean Tatar diplomacy in the political context of post-Pereyaslav time]. Moscow, Gumanitarniy Publ., 2003. 167 p. (In Russian)

11. Abdullahoğlu H. Birinci Mengli Giray Han yarlığı [Yarlyk of Menli I Giray]. *İstanbul Üniversitesi Türkiyat Mecmuası*, 1934, pp. 99–111.

12. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European Periphery (15th – 18th century). A study of peace treaties followed by annotated documents*. Leiden–Boston, Brill, 2011.

13. Özyetgin M. *Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi* [The study of language and style of yarlyks and bitiks belonging to the areas of the Golden Horde, Crimea and Kazan]. Ankara, 1996. 297 p. (In Turkish)

About the author: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), senior researcher of the Research Institute of Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy per., Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation); junior researcher of the Crimean Scientific Center, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (57 «L», Basenko Str., Bakhchisaray 298401, Crimea, Russian Federation). E-mail: refatimus@gmail.com

Received September 12, 2016

Accepted for publication November 25, 2016

**СУДЕБНЫЕ РЕЕСТРЫ БАХЧИСАРАЙСКОГО КАДЫЛЫКА
XVII–XIX ВВ.: ЯЗЫК И СТРУКТУРА ДОКУМЕНТОВ
«КЫСМЕТ-И МЕВАРИС» («ДОЛЯ НАСЛЕДНИКОВ»)**

О.Д. Рустемов

*Ардаханский университет
75000, Ардахан, Турция
E-mail: biblos@ukr.net*

Цель: изучить язык и структуру документов «Кысмет-и меварис».

Материалы исследования: несмотря на публикацию отдельных статей и даже двух монографий, так или иначе тематически связанных с рассмотрением судебных реестров Крымских судов Шариата, информации филологического характера об этих памятниках практически нет. Вместе с тем внимательное и детальное знакомство с названными документами обнаруживает большой пласт языковедческого материала, характеризующего как языковую ситуацию, так и эпоху периода среднего и позднего Крымского ханства в целом. В кадиаскерских книгах содержится значительное количество уникальных имен и названий из области топонимики и ономастики, широко представлена юридическая терминология, звучат названия ремесел и официальных званий и должностей, упоминаются ныне давно забытые породы и масти животных, а также другие лингвистические находки.

Результаты и научная новизна: особое место в указанных памятниках занимают документы по разделу наследства, представляющие большой интерес для филолога, поскольку включают в себя образцы стилистически и структурно завершенных официальных бумаг. В этих сиджилях звучит лексика, связанная с названием предметов быта, домашней утвари, одежды, что сегодня особенно важно с точки зрения изучения как истории языка, так и истории заселения Крыма тюркскими родами.

Ключевые слова: Судебные реестры Крымского ханства, раздел наследства, юго-западный огузский язык, письменная традиция, масти животных, хасене.

Для цитирования: Рустемов О.Д. Судебные реестры бахчисарайского кадылыка XVII–XIX вв.: язык и структура документов «Кысмет-и меварис» («Доля наследников») // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 814–831. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.814-831

Крымские Судебные реестры (сиджили) – уникальные документы по изучению крымскотатарского делового языка, быта и истории периода среднего и позднего Крымского ханства. К настоящему моменту известно о существовании коллекции этих рукописных книг в количестве 124 томов, хранящихся в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. 61 том сиджилей существует в виде оцифрованных копий в электронном варианте, снятых, в свою очередь, с фотокопий, переданных на сохранение в библиотеку им. Гаспринского в Симферополе. Появление документов в виде компьютерных изображений в значительной мере облегчило задачу чтения, распознавания и сличения образцов текста, написанных на любопытном подвиде османского языка, условно названном нами «деловой крымско-османский язык». Дело в том, что в отдельных случаях тюркская часть записей не соответствует турецкому язы-

ку Анатолии данного периода, при этом в подавляющем большинстве случаев продолжает оставаться огузской по своим грамматическим нормам и лексическому составу. В тоже время в сиджилах можно обнаружить и письменные традиции «тюрки» золотоордынского периода.

Изучение данных памятников письменности крымских татар до недавнего времени не было системным и носило хаотичный, случайный характер. Первые упоминания о «выписях из кадиаскерского сакка» относятся к 1889 году. Тогда в восьмом номере «Известий Таврической ученой архивной комиссии» были напечатаны переводы отдельных судебных решений, выполненных Муратом Биярслановым [1]. Вскоре после этих публикаций, вышедших подряд в трех номерах ИТУАКа, сиджили были вывезены в Санкт-Петербург, где их в 1925 году обнаружил известный крымскотатарский филолог, профессор Бекир Чобан-заде. В журнале «Окъув ишлери», в № 4–5 ученый приводит несколько примеров судебных решений без перевода, но с перепечаткой. Он с воодушевлением говорит о необычайной филологической и исторической значимости этих документов [9]. В своей статье автор обращает внимание на неточности в оглавлении 1-го тома кадиаскерских дефтеров, название которых звучало так: «Древние татарские казиаскерские книги, бывшие во времена Крымских Ханов, как документы на владение землями и переход их. На арабском языке. По исчислению от Хиджры 1017–1095 гг.».

Особенно важным представляется замечание Чобан-заде относительно языка сиджилий, который, по его мнению, не арабский, а «скорее османский» [9, с. 19]. Признавая справедливость данного вывода, следует отметить, что по нашим наблюдениям доля арабского языка в документах, о которых идет речь, довольно заметна. В них можно встретить даже тексты, написанные исключительно по-арабски (таковых оказалось немного, при обработке более двухсот записей нам встретилось только четыре полностью арабоязычных). Содержание сиджилий охватывает широкий круг проблем. Тексты касаются не только вопросов, связанных с землепользованием, но и самых разнообразных дел административного права: заключение брачных контрактов и расторжение таковых, вопросы купли и продажи имущества, установление опеки, раздел наследства, возврат долга и требование по нему, освобождение или выкуп невольников, передача имущества в вакф, в эманет и т.п. В реестрах представлены также дела уголовного характера, связанные с хищением скота, молодых невольников, разбоем, оскорблением словом или делом, убийством, увечьем и т.д.

Отдельное место в указанных документах занимают переписанные в дефтеры ханские ярлыки, указы, распоряжения и пр. Эти ярлыки, во-первых, касаются судьбы общественных сооружений и утвержденных смет на них. Речь идет о мечетях, банях, переносе или обустройстве монетных дворов. Во-вторых, они регламентируют деятельность различных служб, в частности, таких как Суды Шариата, с предписаниями относительно моральных качеств судей и их помощников – наибов, из-за мздоимства которых накопилось довольно много жалоб, с утверждением таксы за различные виды справок (сюрет) по судебному решению [3, Т. 1, лист 22-А]. В-третьих, ярлыки касались вопросов налогов, по которым у населения также появлялись недовольства. В качестве примера можно привести ярлык с жалобой от жителей деревень Сары Кая и Отуз Сув, сетовавших на взимание с них поголовной подати на

овец и ягнят местными беками, якобы в пользу хана. В этом документе Джанибек Гирей хан разъясняет об отсутствии такого вида налога и обещает впредь наказывать за подобное своеволие [3, Т. 1, лист 12-А]. Ханские ярлыки разрешали и вопросы землепользования, а также регулировали цены на товары по случаю праздника (в данном случае речь идет о празднике Навруз) с подробным перечислением всех видов съестных продуктов и установленной стоимости на них.

На современном этапе изучение Крымских сиджией приобретает все более упорядоченные и систематизированные формы. Особого внимания заслуживают усилия турецких ученых, по сути, вновь открывших эти уникальные памятники, хранившиеся в виде фотокопий и микрофильмов в Государственном архиве Крыма, где они едва не были сожжены в отопительном котле в 1992 году. Профессор Халиль Инальчик, широко известный турецкий историк, тюрколог, прибыв в Симферополь, идентифицировал коллекцию микрофильмов и фотокопий именно как копии дефтеров крымских кадиаскеров. Более того, в своей статье «Об обнаружении сиджией крымских кадиев» он привел большое количество примеров текстов на языке оригинала, снабдив их собственными комментариями [10].

Ахмет Незихи Туран, еще один турецкий исследователь, помимо того что инициировал перевод упомянутых фотокопий в цифровой формат, опубликовал ряд статей касательно значимости крымских сиджией [5; 13] и явился вдохновителем и консультантом по ряду публикаций других авторов. Наиболее заметными из них явились две книги: «Социально-экономическая жизнь крымского Карасубазара (с конца 17-го по середину 18-го столетий)» доктора Зейнеп Озьдем и «Административная и социально-экономическая история Крыма» Омера Быйыка [8; 12]. Обе книги основаны на материале, почерпнутом из крымских сиджией.

Кроме того вышел еще ряд работ, в которых турецкие авторы касались какого-либо одного социально-исторического аспекта или феномена Крымской позднесредневековой жизни, также основываясь на сиджиях (см., например: [7; 11]).

За некоторым исключением (например, статьи Бекира Чобан-заде, Халиля Инальджика, Олега Рустемова) публикации о сиджиях, в том числе и упомянутые выше книги, не содержат текстового материала из самих памятников. В связи с этим следует отметить, что в большинстве случаев все труды, посвященные крымским кадиаскерским дефтерам, ставили перед собой целью рассмотрение содержания сиджией исключительно с точки зрения истории, социологии, истории права, при этом совершенно упуская из виду филологический аспект данных текстов. Однако при ближайшем рассмотрении записей кятибов крымских Судов Шариата обнаруживаются любопытные языковые факты, помогающие с большей достоверностью восстановить лингвистическую карту расселения тюркских племен и родов в Крыму и за его пределами. Это становится возможным благодаря обилию в упомянутых реестрах топонимов и имен собственных, встречающихся в текстах указаний на тамги, а также грамматическому строю и лексическому составу записей. В последнем случае мы исходим из специфики юридической речи, которая вполне может оперировать иноязычными терминами и оборотами (в данном случае арабскими) специального назначения, но в отношении нейтральной

лексики стремится быть понятной и обыденной для участников процесса. Материалом для подобного исследования могут служить практически любые записи из реестров. В нашей публикации представлены документы типа «Qismet-i mevaris» («раздел наследства»), где содержатся перечисления самых разнообразных предметов быта, утвари, скота и его формальных признаков (цвет масти, порода, возраст, клеймо).

В Крымских судебных реестрах (далее – КСР) содержится довольно большое количество документов, так или иначе связанных с разделом имущества, в том числе и наследства. Все они иллюстрируют изрядную долю шепетильности в отношении собственности у крымских татар. Вопрос о том, где чье имущество и кому сколько причитается, зачастую являлся причиной судебных разбирательств. Например, в делах, когда устанавливалась опека над сиротой или сиротами и опекуну переходило во временную собственность имущество детей, с тем чтобы он кормил и одевал их на доходы от него и выплачивал проценты.

Не прощался также и долг со смертью заимодавца, но право на требование его и получение переходило к детям. При этом должник автоматически становился попечителем сирот:

1 satır. Oldur ki, Memiş bin İsmail (*çizib silindi*)

2 satır. Yerleşme (?) nam qarye sakinlerinden Ali bin Haşim bay hazır olub mütevevfa Emi Dinmuhammedin sulbeteyn – sagireteyni

3 satır. Emine ve Alimeniñ babalarından değmiş altmış altunları zimmetinde olup mezküre yetimelere deyn olduğuna bi-t-tav

4 satır. i'tirâf idub ve Mali nam qazaq ve Gülistan nam carıye ve Alma'da beyne'l-ciran malûmu'l-hudud

5 satır. bağı mezküreteyniñ mülki mevrüsler olub mezkureteyni ve qazaq ve carıye'ye nafaqa ve kisve'ye bağ

6 satır. mahsulından her sene altı buçuq flüri alub bağını sagireteyn-i mezbureteyn için hıfz idub

7 satır. meblağ-ı mezbur vefa itmedügi takdirce kendü zimmetinde olan altmış flüriniñ ribhinde sarf itmek üzere uhdesine

8 satır. alub ve kendüsi vesayetini qabul idub, yetimelerin valideleri Şahbule nazire nasb

9 satır. olundığu qaydı sicil olundu. Tahiren fi evasit-i cümâdi-el-ülâ sene Seb'e aşre ve elf.

Şühûdü'l-hâl: Abdulaziz efendi Qazı Gözlü, Es-Seyid Osman Çelebi ibn-i Es-Seyid Memi, Suhrab bek ibn-i Abdullah, Hayder Halife ibn-i Abdullah ve ğayr-u hum.

Запись 5.

Мемии сын Исмаила (зачеркнуто).

Представивший (перед Судом) житель деревни Ерлешме (?) Али сын Хашима, будучи в обязательстве перед родными младшими дочерьми покойного Эми Динмахаммеда Эмине и Алиме на шестьдесят алтынов из имущества, принадлежавшего их отцу, свой долг искренне признал. И казак по имени Мали, и невольница (джарие) по имени Гюлистан, и сад в известных границах на (реке) Альме (признаются) наследством упомянутых детей. А из урожая сада получая в год шесть с половиной флоринов (выдавать их) упо-

мянутым наследницам и казаку, и невольнице на пропитание, и на одяние, (как и само) наблюдение за садом в пользу упомянутых наследниц. А из суммы в шестьдесят флоринов, на которую были взяты обязательства еще при жизни покойного, расходовать проценты, признавая свое бремя попечительства и водружая на себя ответственность (за них). А матери сирот – Шахбуле вменено в обязанность надзирание. Записано в сиджиле и зарегистрировано. Дня текущего: середина месяца Джумазие эль-эввел, года 1017 (1608).

Свидетели присутствия: Абдульазиз эфенди Кази Кёзлеве (судья из Кёзлеве), Ес-Сейид Осман Челеби бин Эс-Сейид Мемми, Сухраб бек ибни Абдуллах, Хайдер Халифе бин Абдуллах и другие.

[КСР, Т.1, С. 1-В, запись № 5]

Часто само стремление к попечительству с целью обладания имуществом сирот могло стать предметом судебных разбирательств. Такую попытку можно наблюдать в следующей записи с не совсем ясным финалом:

1 satır. Oldur ki, Ayişe Hatun binti (?) Mehmed Bahcasaray sakinlerinden

2 satır. Naqqaş Yusuf bin Hüseyin ihzar-uve mahzarında takrir-i da'va

3 satır. idubBalıqlağı limanında gemisi devrilüb ğark

4 satır. olan Derviş İsmailinin Siyavuş nam oğlanını

5 satır. İşbu Yusufun yedinde buldum merhumun li-eb ve ümm qarındaşım

6 satır. didikte, Siyavuş merhumun oğlanı olub kendinin

7 satır. ahzına ikrar etdikten soñra Ayşe merkume merhumun

8 satır. uhti itdüğine inkâr idcek Muhammed bin Hüseyin ve Ramazan bin

9 satır. İbrahim şehadetleri sabit olduqtan soñra, mücibi ile hükm olunub kayd olundu. Cera zelik fi evahircümâdi-el-ûlâ Seb'e aşre ve elf.

Запись – 3. Располагается в верхней левой части страницы в наклонном положении под углом в 90°. Последние строчки записи располагаются по верхнему краю страницы в перевенутом положении.

Айше хатун дочь Мехмеда, вызвав в Суд жителя Бахчисарая наркаша Юсуфа бин Хусейна, в присутствии его, давая показания по делу, сообщила: я обнаружила у этого Юсуфа – Сиявуша, сына моего родного брата Дервиша Исмаила, утонувшего в бухте Балыкъягы (Балыклава), когда там перевернулся корабль. По слову ее (Юсуф) сделал признание: Сиявуш – действительно сын утонувшего, и он взял его сам (по своей воле). После чего упомянутая Айше отказалась от того, что она сестра покойного. По отказу ее тут же происшедшее удостоверено было свидетельствами Мухаммеда сына Хусейна и Рамазана сына Ибрагима, и в полном соответствии принято решение и зарегистрировано. Дня текущего: конец Джумазие эль-эввел, года 1017 (1608)

[КСР, Т.1, С. 1-В, запись № 3 (в наклоне 90°)]

В этом тексте фигурирует топоним Балыкъягы – «Рыбная сеть», именно так звучало и такой перевод имеет сегодняшнее название поселка Балаклава под Севастополем, который в записях крымских кадиев звучит как Акъ яр. В приведенном сиджиле также обращает на себя внимание фраза

«gemi devrilüb ğarq olan» – «корабль, перевернувшись, затонул», состоящая из лексики южно-огузского происхождения.

Записей по поводу опеки или раздела имущества между сиротами довольно много. При этом учитывались права всех детей: родных или сводных:

1 satır. Oldur ki, Qayı nam ibn-i Ali vefat idub validesi Hacı Bike evlâd-ı ümmi Emine ve ahl Ahmedi terk idub

2 satır. muhâlefâtı hasb-el-Şer' taksim olunduğı beyan olunur vaqa taksim fi tarih Seb'a Aşere ve Elf. Fi Şehri Rebî-ül-âhir.

Оглашается, что имущество покойного Кайы сына Али будет поделено в соответствии с правилами Шариата с определением (доли) сводных (по отцу) сестры Эмине и брата Ахмеда, матерью (которых является) Хаджи Бике. Распределение наследства состоится года 1017 (1608) в месяце Реби-уль-ахир.

[КСР, Т.1, С. 3-В, запись № 2]

Необходимо отметить, что система правосудия в Золотой Орде, затем в Крымском Ханстве, как и в Османской Империи, базировалась на двух источниках: «Шариат или «Ahkâm-ı Şer'îyye» (правила, решения / хюкм / Шариата) и на узуальном праве, или праве по обычаю (örf / urf, adet)» [6]. Источниками узуального права являлись неписанные традиции (Тёре, йосун) или отдельные записи тюркских законов, как, например, в Уйгурском каганате или Яса Чингиз-хана. В традиции османских правителей эта часть юридической составляющей государства называлась «qanun-ı örfiye» (закон по обычаю) [4]. В делопроизводстве и юридической практике Золотой Орды и Крымского ханства к внешним проявлениям подобной традиции следует отнести ханские ярлыки, дипломатические письма (siyaset-name), тексты договоров, фирманы, тексты законов (qanun-name), распоряжения и пр.

В Османской империи и, следовательно, в Крымском ханстве эти две части системы юриспруденции сосуществовали, и вся система получила название: «Şer' ve qanun» (Шариат и закон). Подобная практика проявлялась не только в личном законотворчестве хана или султана, но зачастую присутствовала во время рассмотрения различных исков, как правило, больше гражданского характера, чем уголовного.

Например, это отчетливо просматривается в логике и принципах составления документов типа «Qismet-i mevaris», которые подразумевают раздел наследства умершего человека между членами его семьи и выдачу им соответствующей справки – «сюрет», с перечнем предметов или объектов наследования и указанием их стоимости. Такой перечень, как и вообще всякий преискурант, назывался «яфта». При этом особо соблюдались права не только детей, но и супруги, которая автоматически по смерти мужа имела право истребовать и получить сумму, зарегистрированную в брачном контракте. Эту сумму деньгами либо имуществом, но всегда при соответствии его какому-либо денежному эквиваленту, муж мог внести сразу при заключении брака, и тогда это называлось мехр-и муаджель. Либо она оговаривалось, что будет принадлежать жене в определенном количестве по мере того, как семья начинала благосостояние. Тогда это имущество либо деньги назывались мехр-и муэджель. Именно его получала женщина в случае развода или гибели мужа,

что служило своего рода гарантией ее сравнительно обеспеченной жизни после потери кормильца, остававшейся, как правило, с детьми на руках. Зачастую сумма мехра была довольно значительной.

1 satır. Oldur ki Devlet Mehmed bin Hacı Bayram Raziye binti Alındı(nı) tezvic için Otay bin Yunusnı vekil-i mutlaq İbraş bin Baykeldi

2 satır. ve Qasım bin Tenriverdi şehadetleri ile ve mezbure Raziye Nazir bin Abdullahnı tezvice vekil-i mutlaq itdüğine Hacı Qazaq ve Mahmud muhzırın

3 satır. şehadetleri ile üç yüz flüri mehr-i müeccel ile aqd-i nikâh olundığı kayd olundu. Fi 21 mah-i Şaabanı'l-müazzam. Sene 1018.

Şühüdü'l-hal: Mehmed Efendi ve Perviz el-muhzır ve ğayr-ı hum.

Назначенный Девлет Мехмед бин Хаджи Байрамом для заключения брака с Разие бинти Алынды поверенный Отай бин Юнус при свидетелях Ибраш бин Байкельды и Касым бин Тенгриверди, и Назир бин Абдуллах, назначенный поверенным упомянутой Разие, при свидетелях Хаджи Казака и Махмуда мухзыра, заключили брачный договор с условием трехсот флоринов мехр-и мюэджеля.

21-ый день месяца Шабана, года 1018-го (1609). **Свидетели присутствия:** Мехмед Эфенди и Первиз эль-мухзыр и другие.

[КСР, Т.1, С. 14-А, Текст – 6]

Как следует из других документов, сумма в триста флоринов равнозначна была на то время стоимости ста волов.

Согласно записям в реестре судебных решений на мехр-и мюэджель могла претендовать не только жена, но и теща, в случае смерти дочери. Правда, ее сумма была, конечно, меньше той, что получила бы дочь по смерти мужа или вследствие развода с ним.

1 satır. Oldur ki, Kâmilâ binti Veli mahfil-i qaza'ya Hacı Ali bin Şukri ihzar ve mahzarında takrir-i davayı qılub, muşarun-ileyh

2 satır. Hacı Ali Ayişe nam kızımı beş yüz flüriniñ esbabı ile verdim. Ve dört yüz altı hasene mehr-i müeccel dahi vardır.

3 satır. El'an Ayişe vefat itmişdir. Hisse-i Şer'iyemi taleb iderim dıcek. Bi'l-muvacehe Hacı Ali'den sual olunduqta ikrar

4 satır. ve itiraf itdikte cümle meblağ'dansüds-i hissesi yetmiş toquz hasene ile yigirmi aqça hükm olundu. Cera zelik fi-evahir –i Receb sene Seb'a aşere ve Elf (1017/1608).

Şühüdü'l-hâl: Muhammed bek ibn-i Receb, Ali bin Mustafa, Ali bin Muhammed, Mansur bin Bay, Perviz El-Muhzır ve ğayr-ı hum.

Кямила бинти (дочь) Вели, вызвав в Собрание Суда Хаджи Али бин Шукри, в присутствии оногo, давая показания по иску, заявила: я выдала дочь свою Айше за тебя за необходимой уплатой пятьсот флюри. Да еще чetyреста шесть хасене мехр-и мюэджеля есть. Упоминаемая Айше скончалась. Требую свою долю по Шариату. Сразу после слов ее, непосредственно спрошенный Хаджи Али, дал ответ с признанием и согласием. Последовало решение о выделении из всей заявленной суммы семьдесят девять хасене и два-

дцати акче, которое и было записано. Дня текущего: конец месяца Реджеба, года 1017/1608.

Присутствующие свидетели: Мухаммед бек ибни Реджеб, Али бин Мустафа, Али бин Мухаммед, Мансур бин Бай, Первиз эль-Мухзыр и другие.

[КСР, Т.1, С. 4-В, Текст – 2]

Несмотря на очень подробную регламентацию прав и доли всех наследников Шариатом, они не всегда соблюдались в соответствии с ним. Зачастую можно было наблюдать присутствие личной воли наследников, согласных получить лишь какую-нибудь памятную вещь, оставшуюся от покойного и не более. С другой стороны, раздел имущества в качестве предполагаемого наследства мог быть осуществлен и при жизни членов семьи. Это допускалось, например, при планировании далекого путешествия, либо паломничества – Хадж. И тогда муж оставлял жене гораздо больше того, на что она могла бы рассчитывать в качестве официального наследства. Об этом свидетельствует следующая запись из 1-го тома судебных реестров бахчисарайского кадылыка:

1 satır. Oldur ki sabıqan defterdfar olan Mehmed efendiniñ zivcesi Ayşe bint-i Abdi, canibinden Muhammed bin Süleyman ve Ömer bin

2 satır. Muhammed şehadetleri sabitü'l-vekâle olan Hüseyin bin Muhammed mezbur Mehmed efendi mahfili qazaya ihzar ve mahzarında takrir-i kelâm idub

3 satır. müvekkileten Ayşe hatun bir oğlu ile Kâabe Şerrefeh'a-Allah'e giderim, benim emvalım (mallar) eger oğlanlar ve eger esbab tayin olunub zevcim

4 satır. Muhamed efendi elinden almaq murad iderimdir, sual olunsın dıcek, bil-müvacehe Muhammed efendiden sual olunduqta Muzaffer nam oğlan ve Efrac Paydar nam

5 satır. carıye bu ekisini oğlu Ramazan validesine hibe itmişdir, mülk-i mahsusıdır ve Nasuhi nam qazağı İstefan mükabilesinde

6 satır. vermişim. Ve Semen nam qazaq ve Mülâyım nam carıye kendi satun almış haqqı serrihidir (Ayşenin demektir) ve Firdevs nam carıye Ferrah kerman emini olan

7 satır. Sağır zimmiye bir qaftan verüb mezbur Sağır qaftan muqabilesinde vermişdir ve Behram nam qazaq ve Qasım nam qazaq ve Ferhad

8 satır. qazaq ve Bağçesarayda Hacı Osmandan işтира' itdügim evi ma' tavabi' ehu bir cümle zivcetim Ayşe bana mehr-i müeccelni hibe itdikte ivad

9 satır. vermişem ve on buzağlı sığır ve altı öküzü kendim yol harcı deyü hibe etmişem, bir cümle zıkr olunan emval Ayşenin mülk-i

10 satır. serihhidir. Benim bir veçh ile alâkam yokdır didikte, mavaqa vuqu'a üzre qayd olundu. Cera zelik fi evasiti Sefer, sene Semani aşre ve elf.

Şühûdü'l-hâl: Müslihıtdin efendi, Mahmud Halife ibn-i Bay, Nesuhi Halife ibn-i Seyyid, Mahmud bin Mustafa, ve Perviz el-muhzır ve Mansur bin Bali.

Хусейн бин Мухаммед, назначенный при свидетельстве Мухаммеда бин Сулеймана и Омера бин Мухаммеда полномочным представителем (векилем) супруги бывшего дефтердара Мехмеда эфенди Айше бинти Абди, вызвав в Собрание Суда упомянутого Мехмеда (мужа Айше) в присутствии его от имени поручительницы Айше хатун заявил: Вместе с одним из своих сыновей собираюсь посетить освященную Аллахом Каабу. А если огланы согласны, и повод сочтется подходящим, намереваюсь я получить из рук мужа своего,

Мехмеда, причитающееся мне имущество, и пусть он будет опрошен. Сразу после слов этих был непосредственно опрошен Мехмед эфенди. (Слова его): мальчик по имени Музаффар и джарие (невольница) по имени Эфраз Пайдар подарены были матери сына моего Рамазана. Теперь это ее имущество. И казака по имени Насухи я дал вместо Истефана. Казака по имени Семен и джарие по имени Муляйим она купила сама, и они принадлежат ей. А за джарие по имени Фирдевс, которая является эмином (то есть, отдана в эманет) в Феррах Керман зимми Сагиру получен кафтан. Упомянутый кафтан был отдан взамен (невольницы). А также казака по имени Бехрам, и казака по имени Касым, и казака Ферхада, и купленный мной в Бахчисарае у Хаджи Османа дом вместе со всей прислугой я отдаю в качестве возмещения за проценный мне моей супругой Айше долг (мехр-и мюэджелъ). А также корову с десятью телятами и шесть быков даю я в дар от себя на дорожное пропитание. Все это вкупе упоминаемое имущество принадлежит моей супруге – Айше, и ни под каким-либо предлогом ко мне не относится. Сказанное им в полном соответствии со словами его было записано и зарегистрировано. Дня текущего: середина месяца Сефер, года 1018 Хиджры (1609).

Присутствующие свидетели: Мюслихитдин эфенди, Махмуд Халифе ибн-и Бай, Несухи ибн-и Сейид, Махмуд бин Мустафа, Первиз эль-мухзыр и Мансур бин Бали.

[КСР, Т.1, С. 8-А, запись № 6]

Исходя из содержания текста, Айше простила своему мужу Мехмеду Эфенди свое приданное – мехр-и мюэджелъ, на что в ответ он оставил в ее собственности купленный им в Бахчисарае дом вместе с прислугой. В данном случае сумма мехра также очень значительна.

Богатый лингвистический материал представлен в документах непосредственного раздела имущества – яфтах. Любопытна и сама структура этого документа. Ему предшествует заголовок или адресная строка: чье имущество и кому распределяется, кем являются наследники покойного по линии родства. Обычно эта запись пишется в углу страницы, иногда несколько под наклоном и представляет собой своеобразную шапку документа. Затем сообщается имя одного из наследников, после чего следует перечень выделяемого ему имущества. В состав имущества входят как предметы быта и обихода, включая оружие и одежду, так и крупный и мелкий рогатый скот: лошади, невольники обоих полов, дома и земли, представляющие собой сады, пастбища или пашни. Под каждым предметом или объектом недвижимости сообщается его стоимость. В итоге отдельные стоимости всех объектов наследства суммируются, что в результате должно соответствовать доле именно этого наследника, согласно его позиции по линии родства к покойному. Наибольшую часть получал сын. Его доля была в два раза больше доли девочек. Супруга получала 1/8 от общего наследства. При этом сначала ей выплачивался мехр, если он не был выплачен ранее, и затем ее доля наследства. Оставшееся имущество делилось между детьми по упомянутой схеме. То есть, если в семье было два ребенка, мальчик и девочка, то все наследство после получения матерью своей доли делилось на три части, при этом две части шли мальчику, и одна – девочке. В представленном ниже документе наследство делится между двумя членами семьи: женой покойного и его сыном.

После выплаты мехра и отчисления ей 1/8 части все остальное наследство отписывается на долю мальчика:

1 satır. Muhallefât el-merhum Emirul-İstebî

2 satır. Murad bey ibn-i... el-müteveffa fi-mahrûsa Kefe en-zivcehu binti... ve ibn-i sagir Muhammed

3 satır. ve'l-veraset münhasırat beyn-i huma vaq'a't-tahrir-i evasiti cümâdi-el-ûlâ, sene Seb'a aşre ve Elf.

Nasibü'z-zivce:

Düvke nam qız <i>qıymet 30 hasene</i>	Eğri boynuzlu qara sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Qısır qoñur sığır <i>qıymet 3 hasene</i>	Büyük sur sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>
Tarğıl sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Aq quba sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Büyük quba sığır <i>qıymet 3 hasene</i>	Uzun boynuzlu quba sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>
Diğer quba sığır buzağı <i>qıymet 5 hasene</i>	Quba sığır kısır <i>qıymet 3 hasene</i>	Diğer quba sığır kısır <i>qıymet 3 hasene</i>	
Qara Veli'de olan cariye <i>Qıymet 25 hasene</i>	Yağ Nugi Adet 100 <i>Qıymet 7 hasene</i>	Qazan-ı kebir <i>Qıymet 3 hasene</i>	Qazan-ı köhne <i>Qıymet 1 hasene</i>
			Turan qılıç <i>Qıymet 5 hasene</i>

Mahüvel 113 hasene.

Qıymetinden qaraldı en baha

Sehm-i Han-i Cedid 60

Sehm-i Han-i Cedid 60

Qozulu qoyun adet 100 <i>Qıymet 100 hasene</i>	Quba öküz büyük <i>Qıymet 5 hasene</i>	Diğer quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>	Diğer quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>	Qara öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>
---	---	---	---	-------------------------------------

Bu zikr olunan deyn mehr için verilmiştir. Cem'an: 120 hasene.

Nasibü'l-ibn Muhammed en terekehu ebi'hi'l-merhum Muradbek.

Yeşil zarflı zerdeva kürk <i>Qıymet 30 hasene</i>	Mor Yağmurlıq <i>Qıymet 13 hasene</i>	Yeşil çuha uzun yeñli <i>Qıymet 9 hasene</i>	Qırmızı atlas qaftan <i>Qıymet 4 hasene</i>	
Alaca atlas qaftan <i>Qıymet 4 hasene</i>	Yeşil atlas qaftan <i>Qıymet 4 hasene</i>	Qırmızı mukaddem quşaq <i>Qıymet 3 hasene</i>	Qırmızı caqşır <i>Qıymet 4 hasene</i>	
Qılıç adet 1 <i>Qıymet 30 hasene</i>	Sadaq oq, yay ile <i>Qıymet 6 hasene 1 ğuruş</i>	Tebisi adet 10 <i>Qıymet 6 hasene 1 ğuruş</i>	İbrik ve legen <i>Qıymet 1 hasene 1 ğuruş</i>	Alaca kilim <i>Qıymet 1 hasene</i>

Aq velni <i>Qıymet 1 hasene</i>	Alakeçe <i>Qıymet 2 has.</i>	Sebet sandıq <i>1 has., 1 ğur.</i>	Köhne sarı velni <i>Qıymet 1 hasene 1 ğuruş</i>	Baqr qazan adet 2 <i>Qıymet 2 hasene</i>	Tencere adet 2 <i>Qıymet 1 hasene</i>
Eğer <i>Qıymet 1 hasene</i>	Siyavuş Ağa'da iki at bahasından <i>Qıymet 40 hasene</i>		Han Hazretlerin'den raht bahasından <i>Qıymet 35 hasene</i>	Lâlezar nam carıye <i>Qıymet (?) hasene</i>	
Sabancı nam qazaq <i>Qıymet 30 hasene</i>	Nesuhi nam qazaq <i>Qıymet 30 hasene</i>		Coban Çora <i>Qıymet 35 hasene</i>	Cariye <i>Qıymet 30 hasene</i>	Qoñur sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>
Quba sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Ala sığır buzağı <i>Qıymet 5 has.</i>		Gök sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Diğer quba sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Gök sığır buzağı <i>Qıymet 3 hasene</i>
Diğer quba sığır buzağı <i>Qıymet 5 hasene</i>	Quba sığır qısır <i>Qıymet 3 hasene</i>		Qoñur alâ sığır qısır <i>Qıymet 3 hasene</i>	Diğer quba sığır <i>Qıymet 3 hasene</i>	
Diğer quba sığır <i>Qıymet 3 hasene</i>	Dufqa (?) quba sığır qısır <i>Qıymet 3 has.</i>		Quba olan qunan öküz <i>Qıymet 3 has.</i>	Qara alâ öküz <i>Qıymet 3 has.</i>	
Quba qunan öküz <i>Qıymet 3 hasene</i>	Quba tana <i>Qıymet 3 has.</i>	Qara tana <i>Qıymet 2 has.</i>	Qızıl tana <i>Qıymet 3 has.</i>	Quba tana adet 4 <i>Qıymet 8 has.</i>	Qızıl quba qunan öküz <i>Qıymet 3 has.</i>
Quba qunacın <i>Qıymet 3 hasene</i>	Büyük quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>		Diğer büyük quba öküz <i>Qıymet 5 hasene</i>		
Qozulı qoyun 86 adet <i>Qıymet 86 has.</i>	Qısır qoyun 133 adet <i>Qıymet 133 ğür.</i>		Qara Veli'de adet 14 sığır buzağı <i>Qıymet 70 has</i>	Qunacın 2 adet <i>Qıymet 4 has.</i>	
Büyük öküz 3 adet <i>Qıymet 15 hasene</i>	Donan öküz 3 adet <i>Qıymet 10 hasene</i>		Qonan öküz 2 adet <i>Qıymet 4 hasene</i>	Qozulı qoyun 30 adet <i>Qıymet 30 hasene</i>	Qozusız qoyun 30 adet <i>Qıymet 30 ğuruş.</i>

Üç pay arz-ı mezraa ve mer'ası ile qıymet 36 hasene.

Перевод:

Наследство покойного эмира Истебля (Старший офицер – конюший)

Распределяется наследство покойного Мурадбека из города Кефе между только двумя наследниками: супругой его и сыном Мухаммедом.

Раздел наследства произведен в середине месяца Джумазие-эль-эввель, года 1017 (1608).

Доля супруги

Девушка по имени Дёвге (Девка) <i>стоимость 30 хасене</i>	Криворогий бык <i>стоимость 5 хасене</i>	Стельная рыжая (кьонур) корова <i>стоимость 3 хасене</i>	Большой красный (сюр) бык <i>стоимость 5 хасене</i>
Серый с пятнами (таргыл) бык <i>стоимость 5 хасене</i>	светло-бурый (акъ куба) бык <i>стоимость 5 хасене</i>	Большой бурый (кьуба) бык <i>стоимость 3 хасене</i>	Длиннорогий бурый (кьуба) бык <i>стоимость 5 хасене</i>
Другой бурый бык <i>стоимость 5 хасене</i>	Стельная (кы-сыр) бурая корова <i>стоимость 3 хасене</i>	Другая стельная корова <i>стоимость 3 хасене</i>	
Невольница, находящаяся у Кара Вели <i>25 хасене</i>	Масло Нуги, в количестве 100 <i>7 хасене</i>	Большой казан <i>3 хасене</i>	Старый казан <i>1 хасене</i>
			Меч из Турана <i>5 хасене</i>

Соответствует 113 хасене

Вычеркнуто самое дорогое

Доля в новых монетах Хан-и Джедид – 60

Овцы с ягнятами <i>Стоимость 100 хасене</i>	Большой бурый буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>	Другой бурый буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>	Другой бурый буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>	Черный / кьара буйвол <i>Стоимость 5 хасене</i>
--	---	--	--	--

Данный упомянутый долг выдан в качестве мехра. Всего: 120 хасене.

Доля сына Мухаммеда в наследстве покойного отца его – Мурадбека

Мех древесной куницы, покрашенный в зеленое <i>30 хасене</i>	Синий плащ <i>13 хасене</i>	Зеленая чуха с длинными рукавами <i>9 хасене</i>	Кафтан из красного атласа <i>4 хасене</i>	
Кафтан из цветного атласа <i>4 хасене</i>	Кафтан из зеленого атласа <i>4 хасене</i>	Красный верхний пояс <i>3 хасене</i>	Красный чакшыр <i>4 хасене</i>	
Сабля штука 1 <i>30 хасене</i>	Колчан со стрелами и лук <i>6 хас. 1 гуруш</i>	Поднос штук 10 <i>6 хасене 1 гуруш</i>	Кувшин и леген <i>1 хасене 1 гуруш</i>	Разноцветный ковер <i>1 хасене</i>

Узорчатое белое шерстяное покрывало (вельни) <i>1 хасене</i>	Алакече (покрывало на стол или на стену) <i>2 хас.</i>	Плетеный сундук <i>1 хас., 1 гур.</i>	Старое желтое покрывало (вельни) <i>1 хасене 1 гуруш</i>	медный казан, штук: 2 <i>2 хасене</i>	Кастрюля (тенджере), штук: 2 <i>1 хасене</i>
Седло <i>1 хасене</i>	Из цены 2 лошадей у Сиявуш ага <i>40 хасене</i>		Из стоимости ханского церемониального платья (рахт) <i>35 хасене</i>	невольница по имени Лялезар <i>(?) хасене</i>	
Казак по имени Сабанджы <i>30 хасене</i>	Казак по имени Несухи <i>30 хасене</i>		Пастух Чора <i>35 хасене</i>	Невольница <i>30 хасене</i>	Коричневый бык <i>5 хасене</i>
Рыже-бурый бык <i>5 хасене</i>	Пестрый бык <i>5 хас.</i>		Серый бык <i>5 хасене</i>	Другой рыже-бурый бык <i>5 хасене</i>	Серый бык <i>3 хасене</i>
Другой рыже-бурый бык <i>5 хасене</i>	Рыже-бурый бык <i>3 хасене</i>		Коричневый бык с белыми пятнами <i>3 хасене</i>	Другой рыже-бурый бык <i>3 хасене</i>	
Другой рыже-бурый бык <i>3 хасене</i>	Стельная рыжая ко-рова <i>3 хас</i>		рыжий бычок двухлетка <i>3 хас.</i>	Черный в пятнах бык <i>3 хас.</i>	
Рыжий бык-двухлетка <i>3 хасене</i>	Бурый теленок <i>3 хас.</i>	Черный теленок <i>2 хас.</i>	Рыжий теленок <i>3 хас.</i>	бурый теленок голов 4. <i>8 хас.</i>	Красно-бурый двух-летний бык <i>3 хасене</i>
Бурая кобылка <i>3 хасене</i>	Большой бурый бык <i>5 хасене</i>		Другой большой бурый бык <i>5 хасене</i>		
Овцы с ягнятами в количестве 86 <i>86 хас.</i>	Стельные овцы в количестве 133 <i>133 гуруша</i>		14 быков <i>70 хас.</i>	Кобылы голов 2 <i>4 хас.</i>	
Большие быки штук 3 <i>15 хасене</i>	Быки трехлетки – 3 головы <i>10 хасене</i>		Быки трехлетки – 2 головы <i>4 хасене</i>	Овцы с ягнятами – 30 шт. <i>30 хасене</i>	Овцы без ягнят 30 шт. <i>30 гурушей</i>

Три участка земли под пастбища и посеvy общей стоимостью – 36 хасене

[КСР, Т.1, С. 5-А, запись № 1]

Приведенный выше текст изобилует разнообразными лексемами исконно тюркского происхождения, в большей степени соотносимыми с западно-огузской ветвью, которые на сегодняшний день вышли в Крыму из употребления либо попросту забылись. К таковым мы отнесем, например, масти животных: «Къонур» – каурый, «къуба» – коричневый, коричнево-бурый (о коровах), коричневая лошадь называлась – «тору, дору». «Сюр» – красный, «таргъыл» – всякое серое с пятнами животное, кроме лошади. Серая лошадь именовалась – «гёк», серая в пятнах – «ала гёк». Конь или бык возрастом от двух до трех лет назывался «къунан», от трех до четырех – «дёнен». Молодая кобылица – «къуначын». При этом некоторые определения животных до сих пор остаются не выясненными, например, «Дюфкъа къуба сыгъыр къысыр» – «какая-то» бурая стельная корова.

Из предметов быта и одежды, представленных в тексте, любопытными показались следующие лексемы: «чуха» – вид верхней одежды из плотной ткани, напоминающей пиджак; «чакшыр» – штаны из плотной ткани, обрезанные сразу после колена. Иногда таким словом назывались также короткие исподние штаны. «Вельни» или «веленсе», как это представлено в большом толковом словаре турецкого языка – вид шерстяного одеяла с длинным ворсом. Хотя в данном случае мы не совсем уверены, что речь идет об одном и том же предмете. «Алакече» – покрывало на стол или на стену, также выполненное из шерсти и окрашенное. Подержанным, износившимся вещам сопутствует определение – «кюхне». Выражение «туранский клинок» заставляет задуматься об отличительных особенностях этого вида оружия.

Язык крымских сиджилей заметно отличается от языка ханских ярлыков и писем, которые не были переписаны в реестр. Язык последних полностью совпадает с языком золотоордынских ханов эпохи Токтамыша. Изменения в ханской канцелярии начнут происходить несколько позже времени написания первого тома судебных реестров, который охватывает временной отрезок с 1608 по 1612 гг. Это период короткого правления Селямет Гирея (1608–

Обложка 1-тома крымских сиджилей
Cover of the first volume
of the Crimean sidzhiles

1610), еще более короткого пребывания на троне Токтамыш Гирей и начало более продолжительной эпохи правления Джанибек Гирей Хана. Ярлыки и письма всех трех Гиреев можно встретить в «Материалах для истории Крымского Ханства» Вельяминова-Зернова [2, с. 19–22, 26–30].

5-ый лист 1-го тома крымских сиджилей, на котором с правой стороны представлен документ по разделу кефинского эмира Истебля (старшего конюшего) Мурадбека

Fifth folio of the first volume of the Crimean sidzhiles, in which the document relating to Kefe emir Istebli' (senior equerry) Muradbek is presented on the right side

Таким образом, в сфере крымского делопроизводства и канцелярита мы имеем дело с двумя разнополярными тюркскими традициями: юго-западной огузской и восходящей к официальному языку Уйгурского Каганата –восточно-кыпчакской золотоордынской. В свете наличия подобного расслоения тюркского языка еще в словаре XIII века Codex Cumanicus возможно допустить самостоятельное существование и развитие огузского тюркского языка в Крыму, что, на наш взгляд, находит объяснение в заселении, начиная с XI века, некоторых районов Крыма сельджукскими родами и племенами.

Данное предположение в результате сможет изменить устоявшееся мнение о том, что огузско-турецкий язык в Крыму получил свое распространение исключительно вследствие влияния османского языка уже после присоединения Крыма к Османской империи. Окончательные выводы можно будет делать только после обработки и сличения большего количества разнообразных текстов времен Крымского ханства. Возможно, необходимо будет обратиться к письменным памятникам и более ранней эпохи, хотя на сегодняшний день их найдено небольшое количество. Наряду с этим лексический и грамматический материал крымских судебных реестров, несомненно, является значимым пластом для воссоздания истории крымскотатарского языка и может послужить весомым вкладом в подготовке прогнозируемого сегодня толкового словаря золотоордынского и крымского «тюрки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биярсланов М. Выписи изъ кадіаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящагося в архіве Таврическаго Губернскаго Правленія // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 8; 9; 10. Симферополь: Типография Таврическаго губернскаго правленія, 1889–1891.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для изучения истории Крымскаго Ханства, извлеченные, по распоряженію императорской Академіи Наук, из московскаго главнаго архива министра иностранных дел. СПб., 1864. 952 с.
3. Репринтныя копии крымских сиджилей, хранящіяся в библиотеке им. Гаспринскаго в Симферополе. Т. 1.
4. Рустемов О.Д. Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджилей // Сходознавство. № 64. Інститут Сходознавства ім. А.Ю. Кримського, НАН України. Київ, 2013. С. 108–116.
5. Туран Ахмет Незіхі. Релігійні суди періоду Кримського Каганату // Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє. Київ, 2004. С. 118–121.
6. Akyılmaz, S. Gül. «Osmanlı Miras Hukukunda Kadının Statüsü» (Статус женщины в османском наследственном праве) // Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi C.XI, Sa.1–2, Y.2007. S. 471–502.
7. Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz. Kırım Kadı Sicilleri // İslam Araştırmaları dergisi. Sayı 11, Üsküdar, 2004. S. 131–176.
8. Bıyık, Ömer. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (Административная и социально-экономическая история Крыма). Ötüken Neşriyat, İstanbul, 2014. 300 s.
9. Çobanzade Bekir. Leningratta Qırım hatireleri. Oquv işleri (وقوا یرلشیا). İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayî Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. Numara 4–5. S. 14–19.
10. İnalçık, Halil. “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu” (Найдены сиджили кадиев Крымскаго Ханства) / Belleten, LX/227, TTK. Yay., Ankara 1996. S. 165–189.

11. *Kavak, Nuri*. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avarizve Para Vakıfları Üzerine // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. № 10 (1). S. 273–287.

12. *Özdem, Zeynep*. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl sonlardan 18. Yüzyıl ortalarına kadar) / Zeynep Özdem – Ankara, 2010. 197 s.

13. *Turan, Ahmet Nezihi*. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi, № 9, İstanbul, 2003. S. 1–16.

Сведения об авторе: Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук, доцент Ардаханского университета (75000, Ардахан, Турция). E-mail: biblos@ukr.net

Поступила 07.09.2016 г.

Принята к публикации 11.11.2016 г.

**COURT REGISTRIES OF BAKHCHISARAY KADYLYK
OF THE 17TH–19TH CENTURIES:
LANGUAGE AND STRUCTURE OF THE DOCUMENTS
OF “QISMET-I MEVARIS” (“SHARE OF THE HEIRS”)**

O.D. Rustemov

*Ardahan University,
Ardahan 75000, Turkey
E-mail: biblos@ukr.net*

Research objective: to study the language and structure of documents of “Qismet-i mevaris”.

Research materials: Despite the publication of individual articles and even two books in one way or another thematically related to the consideration of the registries of the Crimean Sharia courts, information of philological character about these written sources is virtually absent. At the same time, a careful and detailed examination of these documents reveals a large formation of linguistic materials characterized both the linguistic situation and the era of the middle and late periods of the Crimean Khanate in general. Kadiasker books contain a significant amount of unique names, toponymic and onomastic denominations, legal terminology, the names of crafts and official titles and positions. They mention forgotten names of animals' breeds and colors as well as contain other linguistic material.

Results and novelty of the research: Documents on the inheritance division occupy a special place in these sources and are of great interest for scholars since they contain samples of the style and structure of official documents. These documents mention the names of household items, housewares, clothing, which is especially important from the point of view of contemporary study both of the history of the language as well as the history of the Turkic clans' settling in Crimea.

Keywords: court registry of the Crimean Khanate, division of the inheritance, south-west Oghuz language, written tradition, animal breeds, khasene.

For citation: Rustemov O.D. Court Registries of Bakhchisaray Kadylyk of the 17th–19th centuries: Language and Structure of the Documents of “Qismet-i mevaris” (“Share of the Heirs”). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 814–831. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.814-831

REFERENCES

1. Biyarlanov M. Vypisi iz" kadiaskerskogo sakka (knigi) 1017–1022 khidzhry (1608/9 – 1613 g. khr. let.), khranyashchagosya v arkhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravleniya [Extracts from kadiasker sakka (book) of 1017–1022 AH (1608/9 – 1613) stored in the Archive of Tauride Provincial Board]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of Tauride Scientific Archival Commission]. No. 8; 9; 10. Simferopol, Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1889–1891. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Materialy dlya izucheniya istorii Krymskogo Khanstva, izvlechenyye, po rasporyazheniyu imperatorskoy Akademii Nauk, iz moskovskogo glavnogo arkhiva ministra inostrannykh del* [Materials for the study of the history of the Crimean Khanate extracted by order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archives of the Minister of Foreign Affairs]. St. Petersburg, 1864. 952 p. (In Russian)
3. *Reprintye kopii krymskikh sidzhiley, khranyashchiesya v biblioteke im. Gasprinskogo v Simferopole* [Reprint copies of the Crimean sidzhiles stored in Gasprinsky Library in Simferopol]. Vol. 1. (In Crimean Tatarian)
4. Rustemov O.D. Vnutrennyaya stilistika bakhchisarayskikh sidzhiley [Internal style of Bakhchisarai sidzhiles]. *Skhodoznavstvo* [Oriental Studies]. No. 64. Institut Skhodoznavstva im. A.Yu. Krims'kogo, NAN Ukraini. Kyiv, 2013, pp. 108–116. (In Russian)
5. Turan Akhmet Nezikhi. Religiyni sudi periodu Krims'kogo Kaganatu [Religious courts during the Crimean Khanate's period]. *Ukraina – Turechchina: minule, suchasne ta maybutne* [Ukraine – Turkey: Past, Present and Future]. Kyiv, 2004, pp. 118–121. (In Ukrainian)
6. Akyılmaz S.Gül. «Osmanlı Miras Hukukunda Kadının Statüsü» [Status of woman in Ottoman inheritance law]. *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi* C. XI, Sa.1–2, Y.2007, pp. 471–502. (In Turkish)
7. Ahmet Cihan, Fehmi Yılmaz. Kırım Kadı Sicilleri. *İslam Araştırmaları dergisi*. Sayı 11, Üsküdar, 2004, pp. 131–176. (In Turkish)
8. Bıyık Ömer. *Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi* [Administrative and socio-economic history of the Crimea]. Ötüken Neşriyat, İstanbul, 2014. 300 p. (In Turkish)
9. Çobanzade Bekir. Leningratta Qırım hatireleri. Oquv işleri (وقفا ىرلشيا). *İçtimai-siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal*. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayı Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. Numara 4–5, pp. 14–19. (In Crimean Tatarian)
10. İnalçik Halil. “Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu” (Naydeny sidzhili kadiev Krymskogo Khanstva). *Belleten*, LX/227, TTK. Yay. Ankara, 1996, pp. 165–189. (In Turkish)
11. Kavak Nuri. Kırım Hanlığı Şer'iyye Sicillerinde Yer alan Avarizve Para Vakıfları Üzerine. *Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. No. 10 (1), pp. 273–287. (In Turkish)
12. Özdem Zeynep. *Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl sonlardan 18. Yüzyıl ortalarına kadar)*. Zeynep Özdem – Ankara, 2010. 197 p. (In Turkish)
13. Turan Ahmet Nezihi. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar. *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi*, no. 9. İstanbul, 2003, pp. 1–16. (In Turkish)

About the author: Oleg D. Rustemov – Cand. Sci. (Philology), Docent, Ardahan University (Ardahan 75000, Turkey). E-mail: biblos@ukr.net

Received August 7, 2016

Accepted for publication November 11, 2016

**СТАРЫЙ КРЫМ И ЕГО ПАМЯТНИКИ ГЛАЗАМИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА***

Н.И. Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
295004, Симферополь, Крым, Российская Федерация
E-mail: khrapunovn@gmail.com*

Цель: проанализировать известия о Старом Крыме в травелогах, написанных после присоединения Крымского полуострова к Российской империи.

Материалы исследования: современные археологи могут использовать эти текстуальные и визуальные свидетельства как источник информации о состоянии мусульманских памятников, впоследствии пострадавших от действия антропогенных и природных факторов, а историки науки – для анализа особенностей изучения и интерпретации мусульманской истории и «восточной» архитектуры в эпоху Просвещения. В травелогах образ Старого Крыма становится многомерным. Запустевший и разрушающийся мусульманский городок, живое свидетельство уходящей эпохи, где еще сохранялись древние мечети, бани, оборонительные сооружения и могилы, приобрел виртуальные связи с классическим прошлым Крыма, оказавшись «преемником» одного из известных античным географам поселений.

Результаты и научная новизна: в результате исследования делается вывод, что в глазах путешественников Старый Крым, через образы киммерийцев и кимвров, приобрел ключевую роль в истории полуострова, дав ему имя, которое связало «благородных варваров» античной эпохи с «современными кельтами» – французами и шотландцами, то есть прошлое Европы – с ее настоящим. Старый Крым становится частью литературного дискурса, позволяя классикам сентиментализма поразмышлять о бренности земной жизни. Город попадает и в живопись, сделавшую его развалины частью романтического облика Тавриды.

Ключевые слова: Путевые записки, археологические памятники, Старый Крым, Золотая Орда, Крымское ханство, воображаемая география, историческая имагология.

Для цитирования: Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 832–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.832-860

В последние годы появилось несколько публикаций, в которых рассматривается история изучения памятников золотоордынской и османской эпохи, расположенных на территории нынешнего города Старый Крым, в прошлом же – Солхата [45, с. 11–78; 55; 8; 20]. Однако в поле зрения исследователей попала далеко не вся группа необычных источников, которые принято объединять под общим названием «записки путешественников» или «травелог». Их значение было особенно велико на первом этапе изучения прошлого Крымского полуострова, в эпоху становления науки в современном

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

смысле слова, когда археологические исследования на полуострове еще не начались. Травелогги объединяют удивительно разнородные сочинения, в том числе, например, составленные путешественниками энциклопедические описания Крыма и собранные шпионами материалы, литературно обработанные описания собственных приключений и нередактированные дорожные дневники, подборки писем и вымышленные путешествия. По существу, перед нами произведения в разных литературных жанрах.

Их авторы, разумеется, обладали разным интеллектуальным багажом и разным жизненным опытом. Немногие знали языки местных жителей – большинство предпочитали черпать информацию из бесед с представителями российской администрации или жившими в Крыму англичанами и французами. Европейские путешественники говорили с крымскими татарами или караимами через переводчиков – и хорошо, если переводчик был только один. Авторы, издававшие свои путевые записки, преследовали, разумеется, различные цели, от литературных и научных до политических и идеологических, а потому зачастую вовсе не стремились к объективному анализу. Условно и само слово «путешественники» – некоторые из них приезжали в Крым на несколько дней, другие проводили здесь годы, проживая партикулярно, подобно знаменитому натуралисту Петеру-Симону Палласу, или же состоя на государственной службе, как архитектор Уильям Хейсти. Но все они оставались, тем не менее, внешними по отношению к Крыму наблюдателями в силу авторской позиции и его культурного багажа. В результате травелоги имеют различную информативность и нередко более интересны как источник для реконструкции авторского восприятия, чем объективной реальности.

Зачастую травелоги содержат несколько слоев информации, которую можно использовать в археологических и исторических исследованиях. Они могут включать описания недвижимых памятников археологии, в дальнейшем пострадавших от рукотворных или природных факторов, а также сведения об утраченных артефактах. В этом отношении особую ценность представляют выполненные путешественниками рисунки, с которых впоследствии делают литографии и гравюры, иллюстрирующие их сочинения. Не менее интересны записки путешественников в качестве свидетельств того, как интерпретировали данные о прошлом, культурные ландшафты, отдельные объекты и находки. Заметим, что начальный этап изучения материального и нематериального прошлого Крыма связан именно с путешественниками, бывшими одновременно и исследователями неизведанного края. На фоне кабинетных ученых из российской и европейских столиц, они были исследователями-практиками. К тому же, в эпоху зарождавшегося научного знания и ограниченных возможностей прессы, именно путешественники создавали образ Крыма в коллективном воображении. Оживленный присутствием автора на месте событий, жанр травелога был куда более популярным, чем написанные сухим языком научные труды, так что записки путешественников становились основным источником сведений об отдаленных уголках мира в общественном сознании.

В этой статье речь пойдет о периоде от первого присоединения Крыма к России в 1783 г. до Наполеоновских войн, которые, с одной стороны, ограничили перемещение путешественников по Европе, а с другой – завершили «долгий» XVIII в. В это время образ Старого Крыма приобрел не только фи-

зическую, но и виртуальную составляющую. Описания жалких развалин некогда величественного города постепенно становились частью исторического и литературного дискурса, а отдельные археологические и архитектурные памятники фиксировались не только в описаниях путешественников и исследователей, но появлялись на акварелях, литографиях и гравюрах российских и зарубежных художников, тем самым обретая место в визуальном образе всего Крымского полуострова.

Заметим, что в это время город утрачивает свое историческое название. Всесильный наместник юга России Григорий Потемкин хотел назвать Старый Крым «Симферополем» и сделать именно его центром Таврической области [12, с. 71], но это решение не было утверждено Екатериной II. Областной столицей стала Акмечеть – нынешний Симферополь, а Старый Крым был переименован в «Левкополь», превратившись в уездный центр [ПСЗ, т. 22, с. 20–21; 37, с. 165]. Его новое название (Левкополь в буквальном переводе с греческого означает «белый город») отражало российскую идеологическую политику, в рамках которой некоторые вновь основанные и ранее существовавшие города в Северном Причерноморье именовались на греческий лад, дабы подчеркнуть греческое наследие региона и право России как «наследницы Греции» на эти земли [83, р. 225]. В античности город Левкополь находился далеко за пределами Крыма – в области Кария на юго-западе малой Азии. Не исключено, впрочем, что в данном случае сыграли свою роль отголоски мифа об Ахилле, который после смерти поселился на «Белом острове», расположенном где-то в Северном Причерноморье. Некоторые путешественники конца XVIII в. даже искали этот остров в северо-восточном Крыму [34, с. 38], хотя современные исследователи помещают его гораздо западнее, отождествляя с островом Змеиным близ дельты Дуная [38, с. 39–40]. В любом случае, для новых хозяев Крыма был важнее сам факт переименования, обозначающий разрыв преемственности с эпохой Крымского ханства, а не то, какие конкретно новые имена получали города.

Тех путешественников, которые интересовались древностями (а это, конечно, далеко не все), привлекали, прежде всего, античные памятники Крымского полуострова. В XVIII в., в эпоху господствующей эстетики классицизма, греко-римское наследие воспринималось как исток европейской цивилизации и кладезь неповторимых шедевров материального и нематериального искусства. Потому в крымских путешествиях особую роль играли памятники Херсонеса и Боспорского царства. Напротив, замечательные элементы мусульманской архитектуры, сохранившиеся в Бахчисарае, Карасубазаре (Белогорске) и Кафе (Феодосии), воспринимались не как памятники прошлого, но как проявления Востока, загадочного и привлекательного. Европейцы считали Восток тем самым Другим, противопоставление которому позволяло им осознать самих себя. Для большинства путешественников исламские древности Крыма были знаками уходящей в прошлое эпохи, демонстрировавшими «превосходство» рационалистической цивилизации Европы эпохи Просвещения над ее извечным соперником¹.

¹ Различным аспектам изучения травелогов посвящена огромная литература. Укажем лишь некоторые важнейшие работы, где можно отыскать необходимую библиографию: [36; 4; 65; 27; 66].

Старый Крым занимал уникальную позицию на Таврическом полуострове, ведь здесь не сохранилось столь ярких памятников прошлого, как во многих других городах, а история его оставалась во многом загадочной. Отсюда и лапидарный стиль описаний Старого Крыма в травелогах по сравнению, например, с подробными очерками Бахчисарая. С другой стороны, отсутствие сведений стимулировало фантазию путешественников, тем самым позволяя современным исследователям реконструировать особенности восприятия Крымского полуострова и его прошлого на основе соответствующих описаний.

Конечно, нельзя сказать, что к моменту присоединения к России о Старом Крыме совсем ничего не знали. Некоторые сведения о городе встречаются в записках путешественников XVI–XVIII в., которые были известны их последователям «российской эпохи» – в частности, у Мартина Броневского, Эмиддио Портелли д’Асколи, Гийома Левассера де Боплана, Николааса Витсена, Обри де ля Мотре и Николауса-Эрнста Клеемана. Но самыми важными источниками сведений о Старом Крыме в конце XVIII в. были сочинения французского «кабинетного» историка середины столетия Жозефа Дегиня [63, р. 343, 344, 391]; Клода-Шарля де Пейссоннеля, который в 50-х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный труд об этнической истории Причерноморья [76, р. 104]; шведского кабинетного ученого Иоганна-Эриха Тунманна, опубликовавшего статью о крымском ханстве в составе знаменитого «Землеописания» немца Антона-Фридриха Бюшинга [46, с. 34]. Отсюда путешественники узнавали о том, что некогда Старый Крым был самым значительным центром на полуострове и даже «подарил» ему свое имя. Заметим, что в ту эпоху еще не делили золотоордынский и османский периоды в истории Крыма на отдельные этапы. Из тех же книг пришло представление о том, что Старый Крым находился на месте города, известного некогда греческим и римским географам, – Кареона, Киммерика или Кремн. Поскольку исторической лингвистики еще не было, главным аргументом казалось созвучие этих названий и слова «Крым». Наконец сведения о природно-географическом положении города брали из очень популярного сочинения Карла Габлица, посвященного природе Крымского полуострова, которое к тому же было издано не только по-русски, но и во французском переводе [5, с. 29; 69, р. 42–43].

В 1784 г. в Крым прибыли два француза – барон Шарль де Бар (1750/1751–1825 гг.) и Виктор де Рике, позднее ставший герцогом де Караманом (1762–1839 гг.). В длительное путешествие по Европе и России они отправились из любопытства [14, с. 153–164]. В дороге оба вели дневники. Интересно, что в записках де Бара, представлявших собой, по существу, энциклопедическое описание виденных стран [59; 52], места для Старого Крыма не нашлось. Зато в значительно менее информативных дневниках Карамана ему посвящено краткое сообщение. По мнению француза, *«если судить по развалинам домов и числу еще существующих мечетей и церквей»*, в прошлом это было крупный город. Но с тех пор Старый Крым совсем запустел, а его руины стали лагерем для российских войск [77, р. 3]. Это описания полуразрушенного городка, где от богатого прошлого остались лишь полузаброшенные здания, обнаруживаем и у других путешественников.

Через два года еще один француз, Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795 гг.), сопровождал в Крым своего юного воспитанника Павла Строганова (1772–1817 гг.). Интересы Ромма не ограничивались его функциями гувернера – он собирал информацию о южных владениях России по заданию французских «спецслужб» [54, с. 215–218]. В этой поездке Ромм неожиданно почувствовал интерес к археологии [51]. Однако в его дневнике Старому Крыму посвящено лишь несколько слов. Пожалуй, интереснее всего информация о том, что Ромм видел окружавший город «вал»² длиной около 4 верст – единственное, что осталось от некогда окружавших город укреплений, внутри которого находятся одни развалины [34, с. 46]. Французский оригинал записок Ромма до сих пор не опубликован. В нем оборонительные сооружения названы словом «tempart»³, которое можно перевести не только как «вал», но и как «крепостная стена». Земляные укрепления не раз появляются в записках Ромма. К.И. Раткевич, издатель их русского перевода, передавала словом «вал» французские термины «tempart» и «ligne» (последнее, вероятно, точнее было бы перевести как «укрепления» или «линия укреплений»). Так, валы на Акмонайском перешейке (соединяющем Керченский полуостров с Крымом) названы «lignes de terre», в русском переводе – «земляные валы» [34, с. 54]. В Старом Крыму археологическими исследованиями открыты следы стен, некогда окружавших средневековое городище. Они были сложены из камня в технике иррегулярной кладки, в виде двух панцирей с забутовкой между ними. В стенах были башни и ворота [8, с. 104–115]. Впрочем, известны также и остатки древних валов [8, с. 26, 97; 21].

В январе 1787 г. в Старом Крыму останавливался испанец Франсиско де Миранда (1750–1816 гг.), прибывший в Россию в поисках дипломатической поддержки и денежных субсидий для реализации своего проекта по отторжению Венесуэлы от испанской короны [1]. По его словам, среди развалин древнего города наиболее интересными были *«остатки почти квадратного здания из камня и кирпича, похожего на христианский храм: другое напоминает баню, и еще одно – несомненно, мечеть»* [25, с. 68]. В Старом Крыму зафиксированы такие объекты [см.: 8], но неясно, видел ли испанец памятники, известные современным археологам, или какие-то другие. К тому же непонятно, насколько точно он определил функции сооружений, которые, исходя из его слов, уже не функционировали. Наконец, де Миранда обратил внимание на развалины, которые, по свидетельству его крымских знакомых, принадлежали армянскому монастырю [25, с. 70]. В средневековом городе было четыре армянских монастыря [17, с. 38]. Не исключено, что путешественнику показали развалины вокруг храма Богородицы, который в то время был в неплохой сохранности [см.: 17, с. 38 сл.; 8, с. 44–46, 162 сл.].

По словам Миранды, в Старом Крыму выстроили дом, который предназначался для Екатерины II [25, с. 68]. В это время на всем юге России завершалась подготовка к этому грандиозному предпринятию. В частности, был

² Вопреки словам А.В. Гаврилова и В.В. Майко [8, с. 102], Ромм ничего не говорит о рве вокруг средневекового городища.

³ В настоящее время публикация оригинального источника готовится в рамках русско-французского проекта по изданию переписки и путевых дневников Ромма. Я признателен А.В. Чудинову (Москва) за возможность познакомиться с французским текстом.

издана «официальная программа» планируемого путешествия, рассказывающая о местах, которые планировалось посетить. Здесь Старому Крыму уделена одна страница с краткими известиями о его истории и географическом положении. Сообщается, в частности, что город уже существовал в VI в., а к XIII в. стал важнейшим центром в Крыму, «и имел знатную торговлю» [33, с. 81–82]. Историческая часть взята из упомянутого выше сочинения Тунманна о Крымском ханстве [46, с. 34], а природная – из «Физического описания» Тавриды Габлица [5, с. 29]. Екатерина II и ее спутники побывали в Старом Крыму 27–29 мая того же года. Лаконичный рассказ об этом сохранился в записках кабинет-секретаря императрицы Александра Храповицкого (1749–1801 гг.), а более подробные сведения приведены в официальном журнале путешествия Екатерины на юг и в другом журнале, который вели придворные камер-фурьеры [49, с. 37; 10, с. 82–84; 15, с. 491–497]. Интересно, что в этих документах ни слова не сказано о древностях города – внимание авторов было очевидным образом сконцентрировано на современности и придворных ритуалах. В письмах императрицы к невестке и внукам, написанных из Старого Крыма или упоминающих его, тема прошлого города также обходится молчанием [31, с. 118; 2, с. 411].

Во время своего путешествия императрица получила составленные по ее поручению истории Крыма. Карл Габлиц (1752–1821 гг.), автор упомянутого выше природно-географического описания Таврической области и ее вице-губернатор, представил Екатерине рукописи своих сочинений об истории Крыма и его исторической географии. Первое сочинение, к сожалению, так и осталось неопубликованным [7, с. 149–152], тогда как второе вышло из печати через полтора десятка лет. Здесь, на прилагавшихся картах «древних греческих» и «генуэзских» топонимов указано, что Старый Крым в соответствующие эпохи были известны под именем «Кареонполис» или «Карей». Очевидно, в данном случае Габлиц воспринял идеи Тунманна [6, карты 1 и 2; ср.: 46, с. 34]. Несколько раньше, в Каневе, свою версию крымской истории представил императрице католический епископ Адам Нарушевич (1733–1796 гг.), приближенный польского короля Станислава-Августа Понятовского [44, с. 40]. В отличие от Габлица, служившего вице-губернатором Таврической области, Нарушевич в Крыму ни разу не был, но зато хорошо знал древние языки, а кроме того, читал труды современных ему авторов. По его мнению, название средневекового (Старого) Крыма произошло от античных топонимов Киммерийон (Киммерик) и Крымни (Кремны), которые он помещает на севере Крымского полуострова, думая, что они обозначали один и тот же город [26, с. 15–18]. Эта попытка соединять разные по происхождению топонимы на основании простого созвучия сегодня кажется наивной – но Екатерина могла увидеть в ней то, что ей было нужно, а именно указание на греко-римское прошлое Крымского полуострова и его городов, как и то, что само название полуострова в итоге оказывается не «восточным», но «античным».

Краткие сведения о Старом Крыме сохранились в сочинениях некоторых спутников императрицы. Так, название города дважды мельком упомянуто в письмах выходца из Франции принца Шарля-Анри (Карла-Генриха) Нассау-Зигена (1743–1808 гг.) [57, р. 172–173]. Австрийский император Иосиф II (1738–1790 гг.), путешествовавший под именем графа Фалькенштейна, отправил из Старого Крыма письмо своему фельдмаршалу Францу-Морицу

фон Ласси (1725–1801 гг.), к слову, сыну того самого фельдмаршала Петра Ласси, который возглавлял поход русских войск на Крым в 1737 г. По словам императора (писал он на французском языке), *«город этот представляет собой одни развалины, а сохранившихся здесь домов и людей хватит разве что на деревню»* [57а, s. 368]. Французского посла в России графа Луи-Филиппа де Сегюра (1753–1830 гг.) привлек не материальный облик города, но неоднократная смена его названий – Карка (Karca) или Каркуполь (Karkoupol) древних греков превратилась в татарский Стар-Крым (Star-Krim), тогда как Екатерина дала ему название «Левкополь» [80, p. 197–198]. Впоследствии швейцарский исследователь Фредерик Дюбуа де Монпере заметил, что Сегюр позаимствовал исторические сведения о Старом Крыме у Тунманна [63, p. 308; ср.: 46, с. 34]. Разные названия города, данные разными его владельцами, могли наглядно продемонстрировать представление о бурной истории региона. Но помимо этого перед нами – пример обычного для эпохи Просвещения поиска следов античности в настоящем, когда известные из греко-римских источников названия произвольно связывались с современными городами. Дальнейшее развитие этого метода обнаруживаем в сочинениях путешественников-энциклопедистов.

Пожалуй, и самая известная, и самая популярная книга, которую можно назвать научным или энциклопедическим описанием Крымского полуострова, написана немецким естествоиспытателем на российской службе Петером-Симоном Палласом (1741–1811 гг.). Этот знаменитый путешественник ездил по Крыму в 1793–1794 гг., а в 1795 г. поселился на полуострове. Здесь Паллас занимался самыми разными научными и экономическими проектами, продолжая собирать и анализировать информацию о Крыме. В 1799–1801 гг. в Германии выходит описание его путешествия по югу России в двух томах, вторая часть которого целиком посвящена Крыму [22; 24; 42].

Побывав в Старом Крыме в мае 1794 г., Паллас описал четыре мечети, фонтан, греческую и армянскую церкви, татарскую баню и ханский дворец [75, S. 257; 30, с. 115]. Подробнее всего говорится об армянской церкви, представляющей собой прямоугольное здание, увенчанное восьмигранным куполом, имевшее также алтарную апсиду и притвор из двух отделений. Это, несомненно, не сохранившаяся до наших дней церковь, посвященная Богородице [17, с. 38–40; 8, с. 159–167]. По мнению В.Д. Смирнова, развалины, известные жителям Старого Крыма (а от них, надо думать, и Палласу) под именем Хан-Сарая («ханского дворца»), в реальности были остатками караван-сарая (также называвшегося «ханом»), истинное назначение которого к тому времени позабыли [39, с. 283]. Остатки этой постройки, сохранившиеся до нашего времени, исследованы археологами [8, с. 150–159]. Что же касается большинства остальных памятников, упомянутых Палласом, локализовать их, пожалуй, не удастся. Предположение путешественника о том, что Старый Крым находится на месте древнего Киммерия, вероятно, навеяно словами Пейссоннеля [76, p. 104].

По дороге на Феодосию, то есть к востоку от Старого Крыма, Паллас видел развалины погребального памятника, сложенного из тесаного камня, «с готическим сводом и татарской надписью» (868 года хиджры или 1454 г. н.э.), указывающей, что он построен в память султана Гийас-ад-Дина (Hiassedin-Sultan), сына хана Килай-Темира (Kilai-Temir Chan). К сожалению,

русский перевод этого фрагмента слишком литературен. В немецком оригинале речь идет о «склепе» (Begräbnis), а не «памятнике» или «мавзолее», как переводят А.Л. Бертье-Делагард и С.Л. Белявская, с «готической подпружной аркой» – Gothischen Schwibbogen [75, s. 260; ср.: 30, с. 116; 29, с. 46]. Речь идет о погребальном склепе, по предположению В.Д. Смирнова, находившемся в кургане Кемаль-Ата [39, с. 278–279]. Этот курган раскопан археологами, обнаружившими остатки мусульманского мавзолея XIV–XV вв., который окружал грунтовый могильник [8, с. 50–53]. Существуют и другие возможные локализации [например: 11, с. 141, прим. 2]. Поскольку в окрестностях Старого Крыма и в самом городе было несколько могильников [8, с. 54–59], что именно видел Паллас, уже не установить точно.

Надпись, зафиксированная путешественником, вероятно, безвозвратно утрачена. Неизвестно даже, какой архитектурный элемент она украшала. Надо полагать, выполнена она была все же на арабском, а не татарском языке, и прочел ее кто-то из информаторов Палласа. Известно, что Гийас-ад-Дином звали отца основателя Крымского ханства – Хаджи-Гирея, но если принять его за погребенного в виденном Палласом склепе, возникнет ряд нестыковок. Так, указанный год хиджры не соответствует году христианского летосчисления, причем обе даты не совпадают с датой правления Гийас-ад-Дина в Крыму; нет и упоминания о его ханском статусе [11, с. 139–141].

Сочинения Палласа оказали огромное влияние на последующих путешественников. Дело не только в собранной им колоссальной информации о Крымском полуострове, его истории, живой и неживой природе, этнографии и экономике – но и в личных качествах почтенного ученого. Так, в записках британца Эдварда Кларка и француза Жана Рёйи есть немало теплых слов в адрес немецкого натуралиста, который не просто помогал своим «коллегам» в их изысканиях, но и решал разного рода бытовые вопросы. В результате записки многих путешественников демонстрируют интеллектуальную зависимость от сочинения Палласа.

Знаменитый британец Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822 гг.) проезжал через Старый Крым в июле 1800 г. Будучи гувернером, он сопровождал в путешествии по Европе и Ближнему Востоку знатного англичанина Джона-Мартена Криппса (1780–1853 гг.). Опубликованные впоследствии путевые заметки принесли Кларку, без преувеличения, мировую славу и до сих пор считаются классикой жанра [см.: 74; 50]. Интересовался он прежде всего античностью, что и наложило известный отпечаток на описания памятников Старого Крыма. Характерна цитата, с которой Кларк начинает свой рассказ: *«Проехав мост, массивная кладка которого напомнила тот стиль, в котором древние этруски соорудили стены Кротоны, мы оказались в окружении остатков мечетей, бань и других ветшающих зданий, некоторые из которых еще сохраняют следы былого величия»* [61, р. 154]. Как видим, даже кладка моста на феодосийской дороге напомнила путешественнику о классической древности. К слову сказать, южноитальянскую Кротону построили греки, а не этруски [70, col. 299–300, s. v. Croton].

Далее Кларк описывает баню, которая представляет собой *«одно большое пространство, увенчанное прекрасным куполом и обнесенное восемью меньшими комнатами; стены его покрыты древним стуком, окрашенным темперой»*. Стиль ее архитектуры также напомнил путешественнику об антично-

сти [61, р. 154–155]. Эта постройка до наших дней не сохранилась. Где именно на территории города она находилась, неизвестно. Быть может, это та самая «сводчатая баня», которую в начале 30-х гг. XIX в. видел швейцарский путешественник и исследователь Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850 гг.). По его словам, баня эта находилась позади мечети, которую Дюбуа связывает с именем египетского султана Бейбарса [64, р. 308–309; о мечети: 8, с. 134–140]. Однако так как Дюбуа называет эту мечеть единственной в городе, где еще продолжались богослужения, вероятно, что речь идет о так называемой «мечети хана Узбека» [8, с. 42]. В любом случае, эти две мечети находились рядом [8, с. 8–9, №№ 15–16 на плане], так что речь идет о центральной части Старого Крыма.

Наблюдения над строительными остатками привело Кларка к выводу, что развалины построек Старого Крыма не имеют ничего общего с османской или татарской архитектурой, а значит, город был построен не кем иным, как древними греками. Пытаясь определить, какой же город из числа известных грекам и римлянам некогда стоял на месте Старого Крыма, путешественник разобрал сочинения древних авторов (Клавдия Птолемея, Арриана, анонимного автора перипла VI в.) и польских дипломатов XVI в. (Михалона Литвина и Мартина Броневского). В результате Кларк, кажется, совсем запутался и так и не смог решить, был это Киммерик или Феодосия [61, р. 154, п. 1; р. 155–156, п. 3]. Увлеченность античностью заставила путешественника проигнорировать тот факт, что античные Феодосия и Киммерик, если исходить из указаний древних географов, вообще-то должны были находиться у моря [16, с. 137, 294–295]. Наконец, за городской чертой, по дороге в Феодосию, Кларк видел какие-то «древние курганы», количество которых увеличивалось по мере приближения к Старому Крыму [61, р. 154]. К сожалению, невозможно понять, была ли среди них гробница, описанная Палласом.

Поляк Станислав Сестренцевич-Богуш (1731–1826 гг.), католический архиепископ могилёвский, побывал в Крыму вскоре после его присоединения по приглашению всесильного наместника юга России Григория Потемкина. Сестренцевичу, по роду деятельности знавшему древние языки, было поручено составить историю Крыма. Проект затянулся, и первое издание книги вышло в свет уже после смерти его инициатора, лишь в 1800 г. В текст повествования Сестренцевич вплел свои воспоминания о поездке на полуостров. Говоря о Старом Крыме, ученый поляк упомянул, что там была мечеть, украшенная белым мрамором и порфиром, которую построил египетский султан Бейбарс [82, р. 189–190]. Однако эти сведения отражают не виденное непосредственно автором, но являются искаженным заимствованием у Дегины [ср.: 63, р. 343].

В 1802 г. в Лондоне была опубликована книга, якобы представляющая собой рассказ о путешествии в Крым, предпринятом в 1795–1796 гг. французенкой по происхождению Марией Гатри, изложенный в ее письмах к мужу, шотландцу Маттью Гатри, служившему врачом кадетских корпусов в Петербурге [68]. Безвременная смерть мадам Гатри побудила ее мужа издать письма в переводе на английский язык. Существуют веские основания считать, что истинным автором этого сочинения, написанного в жанре вымышленного путешествия, был именно Маттью Гатри, человек энциклопедических знаний и разносторонних увлечений, многие годы посвятивший

коллекционированию сведений об истории и древностях Крыма. Эти материалы и стали основой для книги, опубликованной под именем его супруги, память которой доктор Гатри почтил таким экстравагантным образом [53].

Сведения о Старом Крыме [68, р. 52, 178, 193–195] Гатри очевидно черпал у Пейссоннеля, Габлица и Палласа. В силу особенностей источника, в нем фактически ничего не говорится о материальных памятниках прошлого, но зато имеются рассуждения о топонимах и этнонимах. Гатри следовал представлениям эпохи Просвещения, согласно которым важнейшей чертой народа было его название, а этногенез виделся как чем-то вроде «метисации» разных народов [3, с. 59, 61; 4, с. 421 слл.]. Потому Гатри воспринимал историю как непрерывность, в которой народы и города не исчезают бесследно, а как бы «перетекают» один в другой: так, скифы и татары – «всего лишь разные имена одного народа» [68, р. 406]. Та же самая логика позволила Гатри связать между собой Старый Крым и античный город Киммерик, а древних жителей Крыма, киммерийцев, объявить другим названием западноевропейских кимвров и кельтов (галлов)⁴, которые оказываются предками французов, шотландцев и валлийцев. Основной аргумент здесь, конечно, созвучие названий. Этот вывод позволяет сделать Крым органичной частью истории «лучшей части Европы». Вот какими словами завершается рассказ: «...мое письмо из города, который некогда дал свое имя, Крымская Татария или Крым, всему Таврическому полуострову, после того, как под именем Киммерика (Пейссоннель показал, что «Крым» суть всего лишь его татарское искажение) он занимал первенствующее положение столицы знаменитого народа, в древности давшего законы лучшей части Европы и ставшего – ведь мне неизвестно ничего, что бы противоречило этому – не только вашими собственными предками, но равно и таковыми для вашей галльской супруги» [68, р. 195]. Итак, Старый Крым превратился в важнейший аргумент представлений Гатри о непрерывности истории, акторы которой склонны пребывать на одном месте, меняя лишь свои названия. Между прочим, отсюда следует и актуальный политический вывод о том, что современная война с Францией ведется не против галлов, но против франков, галлов завоевавших [68, р. 195]. Иначе говоря, революционная Франция оказывается в роли варваров, покоривших и угнетавших галлов (представителей Старого режима), и тем самым разрушителями великой цивилизации. Эта фраза была актуальной и для времени войны Первой коалиции против Франции в 1792–1797 гг., то есть во время предполагаемого путешествия Марии Гатри, и позже, во время войн Второй коалиции (1799–1802 гг.), когда готовилась к выходу книга. Нужно сказать, что революционные события во Франции прямо или косвенно привели к появлению описаний Крыма у Жана Рёйи и Габриэля де Кастельно.

Француз Жан Рёйи (1780–1810 гг.), по его словам, отправился на юг России в 1803 г. вместе со знаменитым Арманом-Эммануэлем де Ришелье (1766–1822 гг.) после назначения того градоначальником Одессы, а уже оттуда из любопытства поехал в Крым [78, р. xi–xii]. Однако современники подозревали, что миссия Рёйи была предпринята по заданию Наполеона. В частности, англичанка Мэри Хоулдернесс, которая провела в Крыму 1816–1820 гг., по-

⁴ Заметим, что представления о тождестве киммерийцев и кимвров были характерны для той эпохи [например: 81, р. 102–115].

лагала, что Рёйи собирался разузнать о настроениях крымских татар на случай возможной франко-русской войны [71, р. 196]. Книга Рёйи появилась в 1806 г. и была посвящена Наполеону. В отличие от большинства травелогов, записки Рёйи построены не по дневниковому, а по аналитическому принципу. В первой части книги описывается физическая география Крымского полуострова, во второй – его «политическое состояние», иначе говоря – история, этнография, текущее административное устройство, состояние экономики, городов, армейских и флотских контингентов. Основные сведения об истории Крыма он почерпнул из сочинений Сестренцевича и Палласа, а также из бесед с последним, дополнив их некоторыми другими источниками и результатами собственных наблюдений [78, р. i–iv]. Его описание Старого Крыма представляет привычную картину почти необитаемого города, некогда процветавшего и многонаселенного, почему и весь полуостров получил его имя [78, р. 137–138]. Показательно, что Старому Крыму не нашлось места в подробном списке «всех примечательных в Крыму мест», который по просьбе Рёйи составил Паллас [78, р. 233–240].

Весьма существенно отличается описание города в сочинении другого француза, также выехавшего на юг России в 1803 г. вместе с герцогом де Ришелье. Габриэлю де Кастельно д'Орос (1757–1826 гг.) было поручено написание труда об истории и современном состоянии Новороссийского края [32]. В 1808–1809 гг. в одном из французских журналов были опубликованы шесть анонимных «Писем путешественника по южным провинциям России». Существует аргументированное предположение, что автором был именно де Кастельно [43, с. 12–14]. В этом документе древностей Старого Крыма касается одна-единственная фраза: *«Мы видели несколько прекрасных остатков величия генуэзцев; среди прочего – прекрасно сохранившийся фонтан примечательной архитектуры»* [72, р. 90]. В городе было довольно много фонтанов [8, с. 177–180], так что какой из них имел в виду автор – неясно. Быть может, речь идет о фонтане у «мечети Узбека», изображенном на акварелях конца XVIII в. кисти знаменитого русского пейзажиста Михаила Иванова [8, с. 118; 18, с. 512, рис. 2; 20, с. 563–564, рис. 21–22]. «Генуэзская» атрибуция памятников Старого Крыма совершенно оригинальна, но никаких аргументов путешественник не приводит. Заметим, впрочем, что в это время исследователи были склонны приписывать генуэзцам многие крымские памятники, в реальности к ним отношения не имевшие, от стен Херсонеса до «пещерных городов».

Работа над главным сочинением де Кастельно завершилась в 1812 г., а сама книга в трех томах была опубликована лишь восемь лет спустя. Начинается она с подробного изложения истории Северного Причерноморья, за которым следуют наблюдения над современным состоянием Новороссии. Заканчивается она рассказом о путешествии автора в Крым (год поездки не указан, ясно только, что состоялась она между 1803 и 1809 г.). Описания полуострова демонстрируют, скорее, литературный дар автора, чем его таланты собирателя фактов. Из романтических очерков довольно сложно вычленить конкретику. Так, Старому Крыму посвящены четыре страницы [60, р. 281–285], из них памятникам – всего несколько слов. Путешественник видел здесь *«развалины греческой церкви, нескольких мечетей, древних бань и хана, то есть товарного склада»* [60, р. 283]. Локализовать эти постройки попросту невозможно. И, хотя для европейских путешественников слово «греческий»

применительно к вере обычно означало «православный», церковь вполне могла оказаться и армянской. Автор говорит об «очень красивом фонтане» [60, р. 283], но совершенно непонятно, насколько древним он был. Де Кастельно утверждает, что жил во дворце, некогда принадлежавшем крымским ханам, впрочем, довольно скромном, в два этажа, в его время постепенно разрушавшемся от времени [60, р. 282–285]. Вероятно, этот тот самый объект, о котором писал Паллас. В заключение путешественник едва ли не первым высказывает мнение о необходимости начать раскопки в Старом Крыму: *«Без проведения раскопок любопытство любящего древности путешественника не может быть удовлетворено»* [60, р. 285]. По-видимому, описание жалкого состояния остатков прошлого понадобилось автору как фон, на котором показано начало работ по переустройству города и его экономическому развитию в европейских традициях. Работы вели новые жители Старого Крыма – армяне и болгары [60, р. 283–284]. У читателя должно было сложиться впечатление, что под началом герцога де Ришелье страну, пока еще находившуюся в запустении, ожидала новая прекрасная жизнь.

Некоторые литературные приемы, встречающиеся в трудах де Кастельно, характерны не столько для научных сочинений или «ученых путешествий», сколько для сентиментальной литературы. Этот жанр снискал огромную популярность в Европе благодаря знаменитому «Сентиментальному путешествию» английского классика Лоренса Стерна (1768 г.). В русскую же литературу его перенес Николай Карамзин своими «Письмами русского путешественника» (1791–1792 гг.). Крым с его романтическим обликом не мог, конечно, остаться в стороне от внимания последователей Стерна и Карамзина.

Сочинение Владимира Измайлова (1773–1830 гг.), побывавшего в Крыму в 1799 г., является примером несколько наивного, чувственного восприятия былых времен, в котором авторское переосмысление едва ли не важнее исторических реалий [56, с. 109–118]. Его описание Старого Крыма построено на контрасте между (несомненно, воображенным автором) блистательным прошлым города и его нынешним запустением, между великолепием пейзажа и нищетой населявших город греков и армян. Измайлова мало интересуют реальные историко-археологические остатки – но ему важно увидеть в печальной судьбе города моральный урок. По-видимому, он задумывается о поголовке насчет проходящей мирской славы, когда видит в развалинах «нечто питательное для сердца» [13, с. 102–104].

Полной противоположностью Измайлову стали записки Павла Сумарокова (1767–1846 гг.), еще одного литератора, сочинения которого считаются классикой сентиментальной литературы. В 1799 г. он ездил по Крыму из любопытства, а в 1802 г. стал членом официальной комиссии для разрешения земельных споров на полуострове [47]. Впечатления от двух путешествий стали основой трех изданных томов. Старый Крым занимает в них, нужно признать, отнюдь не выдающееся место. Исторические сведения о городе Сумароков черпал у Дегиня. Несмотря на очевидный упадок, путешественник обнаружил здесь несколько «весьма искусно сделанных» фонтанов, вода в которые подавалась по трубам с окрестных гор [40, с. 79].

Во втором путешествии Сумароков попытался преодолеть заблуждения эпохи, согласно которым Старый Крым находился на месте Киммерия (Киммерика) античных географов. Он совершенно справедливо указывает, что

Киммерий располагался на берегу моря, в отличие от Старого Крыма. Так наблюдения на местности показали, что кабинетные теории эпохи Просвещения не всегда соотносятся с реальностью. Но Сумароков все же не смог окончательно отказаться от традиции, заключив, что, в отсутствии физической преемственности, Старый Крым унаследовал от древнего города свое название [41, с. 73–75]. Любопытно, не сказались ли тут воспоминания о манипуляциях с древними названиями в правление Екатерины II, которые довольно произвольно давались новым и старым городам, так что, например, Никополь, Херсон и Севастополь оказались далеко от мест, где располагались их предшественники [83]?

Наконец, следует обратиться к визуальным источникам конца XVIII в., происхождение которых связано с путешественниками. Значительная часть изображений Старого Крыма и его памятников этого времени – литографии, рисунки и планы – уже введена научный оборот [8, с. 14–16, 20, 22, 23, 45⁵, 46, 118, 119; 17, с. 39–40, рис. 1–3; 18, с. 512–513, рис. 2–3; 20, с. 563–564, рис. 20–22]. Здесь же остановимся на трех пока неизвестных историографии изображениях.

Баронет Ричард Уэрсли (1751–1805 гг.) покинул Англию после того, как его семейная жизнь потерпела крах, и много лет провел в путешествиях по Восточному Средиземноморью [58; 62, р. 356–358]. В 1786 г., направляясь из Константинополя в Россию, Уэрсли посетил Крым. Здесь он провел июнь и начало июля (первые две недели после приезда пришлось прожить в севастопольском карантине – процедура, для путешественников обязательная). Дневники Уэрсли, которые он вел в путешествии, пока не опубликованы. В поездках Уэрсли собрал выдающуюся коллекцию предметов древности и гравюр, сделанных по выполненным с натуры рисункам. В каталоге его собрания приведено четыре изображения крымских городов. В частности, на листе 61 помещен «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татарии, с Азовским морем» [73, р. 61]. Авторство рисунка, с которого гравировано это изображение, неясно. Считается, что художник Уилли Ривли, сопровождавший Уэрсли в его странствиях и делавший зарисовки вещей и достопримечательностей, в Россию за ним не последовал [62, р. 356].

На гравюре представлен вид на край города, с холмами на заднем плане. Самое приметное изображение находится в левой части – это армянская церковь, посвященная Богородице, с приметным восьмигранным куполом на октагональном барабане, который покоится на четырехугольном основании (рис. 1). Ныне эта церковь не существует [8, с. 44, 160–167; 17, с. 37–41]. Обращает на себя внимание удивительное сходство гравюры из альбома Уэрсли и известных акварелей Иванова [8, с. 46; 17, с. 39–40, рис. 2–3]. Оба вида даны практически с одного места, различаясь лишь деталями, такими как изображение людей на передней плане. На картине русского художника изображено высокое дерево, растущее у самой церкви, чего нет на английской гравюре. Название гравюры утверждает, что на ее заднем плане изображено Азовское море (на самом деле его не видно). В реальности, конечно, никакого моря ни с той точки, откуда выполнена зарисовка, ни вообще из города уви-

⁵ Вопреки мнению А.В. Гаврилова и В.В. Майко, показанная на этой акварели мечеть в Старом Крыму вряд ли может быть так называемой «мечетью Узбека», если судить по изображению минарета и окружающих построек (ср. рис. на с. 118–124).

деть нельзя. К гравюре прилагаются пояснения, где сообщается, что окруженная горами долина, в которой находится Старый Крым, плодородна и живописна, причем с этой точки видны Черное и Азовское моря, залив последнего – Сиваш, а также Керченский полуостров. По-видимому, и пояснение, и подпись под рисунком были сделаны в Англии, когда реальные особенности старокрымских пейзажей были уже полузабыты. Судя по тексту, пояснения отчасти основаны на «Физическом описании Таврической области» Габлица, вероятно, по французскому изданию [5, с. 29; 69, р. 42–43].

Рис. 1. «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татари, с Азовским морем». Альбом коллекции Р. Уэрсли [73, р. 61]

Fig. 1. “View of Eski-Krym, the ancient capital of the Crimean Tataria, with the Sea of Azov”. Album of R. Worsley’s collection [73, p. 61]

Как представляется, «виновником» ошибочного рассказа о виде на моря и Керченский полуостров из Старого Крыма является один из спутников Екатерины II – принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814 гг.), выходец из Бельгии, получивший звание фельдмаршала от австрийского императора, который несколько лет провел в России. В письмах к своей возлюбленной, маркизе Луизе-Марте де Куаньи (1759 или 1760–1832 гг.) он создал образ Крыма – волшебной страны, где сплелись мотивы арабских сказок и древнегреческих мифов. Письма эти, изданные знаменитой французской писательницей мадам де Сталь, были чрезвычайно популярны. Старый Крым де Линь упоминает один-единственный раз, причем, судя по дате и месту отправки письма, побывать там он к тому времени еще не успел. Вот что пишет де Линь: «*В Старом Крыму, где [для императрицы] соорудили дворец, чтобы провести там одну-единственную ночь, передо мной открылось все самое интересное, что только есть в обеих частях света, почти до самого Каспийского моря – думаю, что это пародия на искушение Сатаны, который никогда не показывал*

ничего столь прекрасного Господу нашему. Выйдя из своей комнаты, я вижу с одного и того же места Азовское море, Черное море, море Сиваш и Кавказ» [82а, р. 53]. Видение это посетило де Линя в Бахчисарае; больше Старый Крым он не упоминает. По-видимому, его слова основаны на чьем-то рассказе, а когда он впоследствии оказался в Старом Крыме (спутникам императрицы сложно было бы этого избежать), то реальность оказалась куда более прозаической. Вероятно, от де Линя это описание попало к Сестренцевичу, по словам которого подобные панорамы открывались со второго этажа расположенного в городе епископского дворца [81, р. 22]. Резиденцией православного епископа в Старом Крыму одно время служили остатки «ханского дворца» [75, s. 257; 30, с. 115] или караван-сарая, о которых речь шла выше. Помимо слов де Линя, Сестренцевич мог еще и неверно понять немецкий текст Палласа, в котором говорится о подобных видах с одной из вершин близ Карасу-Базара (современного Белогорска), причем в этом отрывке упомянут и Старый Крым, хотя гора находилась много западнее его [75, s. 250—251; 30, с. 112]. Ну а следующим этапом стала фраза из пояснения к гравюру из альбома Уэрсли. Перед нами довольно характерный пример того, как путешественники, сильно зависевшие от традиции, накапливали и передавали ошибочные суждения. Разбавившаяся выше история с «античными» названиями Старого Крыма может быть другим примером.

Гравюры из собрания Уэрсли демонстрируют характерное для европейской живописи той эпохи стремление к идеализации и символизации реального мира. Потому на переднем плане оказываются фигуры рыбаков и крестьян в идиллических позах и парусные суда, а утесы и обрывы на южном берегу Крыма становятся более отвесными, чем в действительности, приобретая тем самым куда более «выразительный» облик [73, р. 57–63]. Фигуры зрителей в экзотичных одеждах появляются и на некоторых изображениях памятников Греции, Египта и Константинополя [73, р. 17, 21, 23, 33, 35, 37, 55]. Заметим, что море присутствует и на прочих «крымских» гравюрах, представляющих виды Георгиевского монастыря, Балаклавы и Феодосии. Таким образом, появление его в описании изображения Старого Крыма вполне логично, раз уж оно – наряду с горами, людьми в «восточных» одеждах, тонкими башнями минаретов и разрушающимися древними постройками – стало неотъемлемой частью образа Крыма, создаваемого художником.

Итак, в альбоме Уэрсли Старый Крым становится одной из достопримечательностей полуострова, которой свойственны были романтическая природа, исламский облик и напоминающие о загадочном прошлом ветшающие памятники архитектуры. Любопытно, что Старый Крым не попал в знаменитые альбомы «крымских видов» конца XVIII – начала XIX в., литографированные с рисунков Христиана-Готтфрида-Хайнриха Гейслера [67] и Афанаasia де Палдо [28а]. В отличие от Уэрсли, авторы этих альбомов, представлявших собой иллюстрации к путешествиям Палласа и Сумарокова, по-видимому, не сочли Старый Крым достойным изображения на фоне других крымских достопримечательностей.

Шотландец по происхождению, архитектор Уильям Хейсти⁶ (1755–1832 гг.) большую часть жизни провел в России [19; 79; 62, р. 305–308]. Начиная как каменщик, он сделал карьеру архитектора, реализовав ряд проектов в Петербурге, пожалуй, самым известным из которых стал Полицейский мост через реку Мойку, по которому проходил Невский проспект⁷. Позже Хейсти разрабатывал проект Царского Села, а также готовил генеральные планы многих городов, в том числе Киева, Черкасс, Екатеринослава (Днепропетровска), Вильнюса, Смоленска и др. Он разработал шесть альбомов с типовыми эскизами построек (жилые дома, павильоны, мосты), которые были реализованы в разных провинциальных городах. Хейсти работал в неопалладиевом стиле, использовавшем принципы древнеримской храмовой архитектуры, применял правила классической регулярной планировки и английской усадебной архитектуры.

С Крымом связан один из начальных этапов карьеры Хейсти, который в 1795–1799 гг. служил губернским архитектором при екатеринославском и таврическом губернаторе Платоне Зубове. В это время он создает альбом планов и чертежей мусульманских памятников Крыма. Альбом выполнен в трех экземплярах [23, с. 138], один из которых ныне находится в частной коллекции⁸. Среди этих рисунков – два изображения мечети в Старом Крыму [48, л. 26, 27]. Хотя он не указал, какую из нескольких старокрымских мечетей он чертил, ясно, что это так называемая «Мечеть хана Узбека» [см.: 8, с. 116–133; 18]. Впоследствии с этих цветных рисунков были сделаны черно-белые иллюстрации, помещенные Н.Н. Мурзакевичем в публикацию перевода отрывков из сочинения Палласа, правда, без указания авторства [29, с. 44, прим. 6; табл. I, II на вклейке]. Как справедливо отметил впоследствии В.Д. Смирнов, изображенный фасад мечети «представляет мало сходства с действительным видом этого фасада» [39, с. 280]. Рассмотрим же оригинальные чертежи Хейсти.

На первом чертеже дается план постройки (рис. 2), представленный в необычной ориентации (север снизу). Он заметно отличается от планов, выполненных современными специалистами – Хейсти показал другое (большее) число внутренних колонн и окон в длинных стенах. Отдельно от основного здания показан минарет, который в реальности встроен в его северо-восточный угол [ср.: 8, с. 127; 18, с. 511, рис. 1; с. 527, рис. 14]. Причины этого не вполне ясны. Все, что мы знаем о Хейсти, характеризует его как чертежника аккуратного. В отношении окон и колонн, быть может, чертеж Хейсти отражает ситуацию до перестройки на рубеже XIX–XX вв. [см.: 18, с. 550 слл.]. Но в ситуации с минаретом этого, конечно, быть никак не может. Возможно, Хейсти подвела его любовь к симметрии, происходящая от увлечения классическими формами, и потому он решил придать portalу мечети «пра-

⁶ Так в соответствии с нынешними правилами передачи английских имен и фамилий в русском языке [35, с. 220, s. v. Nastie]. Современники же называли его Вильям или Василий Иванович Гесте, Гести, Гестий, Гест, Эсти; эти написания встречаются и в историографии.

⁷ Выдающийся инженер Франц де Воллан полагал, что Хейсти попросту скопировал проект знаменитого американца Роберта Фултона – к слову сказать, создателя одного из первых пароходов [28, с. 271]. Впоследствии мост неоднократно перестраивался.

⁸ Я признателен М.Е. Леваде (Киев) за снимки «старокрымских» чертежей.

вильную» форму, вынеся минарет за пределы основного контура здания. Заметим, что на его чертеже две половины северного фасада симметричны, тогда как в реальности это не так [ср. 8, с. 124; 18, с. 518, рис. 9].

Рис. 2. «Старый Крым. План мечети». Крымский альбом У. Хейсти [48, рис. 26]

Fig. 2. "Staryi Krym. Plan of the mosque". The Crimean album of W. Hastie [48, Fig. 26]

Этот фасад представлен на втором чертеже Хейсти (рис. 3). Здесь также имеется масса деталей, отличающихся от того, что мы можем видеть на памятнике сегодня. Фасад идеально симметричен, в нем показаны два круглых окна второго яруса, крыша четырехскатная, а не двускатная, у входа имеются ступеньки, минарет вынесен за пределы основного здания, превратившись в пристройку, причем в его стенах имеются узкие окна, а на балконе – дополнительные украшения. Не исключено, что чертежи Хейсти отражают не реальное состояние, а проект реставрации мечети. Об этом может говорить тот факт, что на изображении фасада мечети минарет накрыт куполом (рис. 3), тогда как на рисунках Иванова 1783 г. и сделанных с них акварели и литографиях верхушка минарета отсутствует [см.: 8, с. 118, 119; 18, с. 512, 513, рис. 2, 3; 20, с. 563–564, рис. 20–22].

Таким образом, на первом этапе изучения древностей Крыма его исследователям и путешественникам, очевидно, не хватало знаний об истории и археологии мусульманской эпохи, и прежде всего – сведений восточных источников. Результатом стали самые фантастические представления об истории памятников, города Старого Крыма – в частности. Но именно благодаря путешественникам образованная публика в Европе и России узнавала о существовании этого древнего города. Описания Старого Крыма, вошедшие в

Рис. 3. «Старый Крым. Фасад мечети». Крымский альбом У. Хейсти [48, рис. 27]

Fig. 3. "Staryi Krym. Facade of the mosque". The Crimean album of W. Hastie [48, Fig. 27]

состав очень разных травелогов, являются примером того, как образованные представители «европейской» мысли воспринимали археологические памятники и, шире, прошлое, связанное с чужой для них исламской культурой. Путешественники почти всегда зависели от традиции. Изучая сочинения своих предшественников, они искали и находили на собственном опыте подтверждения их словам, тем самым воспроизводя и трансформируя представления о Старом Крыме. Повторяющиеся путешествия и публикации путевых заметок утверждали в сознании читателя определенный образ древнего памятника, который постепенно становился многомерным. Это уже не просто запустевший и разрушающийся мусульманский городок, живое свидетельство уходящей эпохи, где еще сохранялись некоторые замечательные памятники – мечети, бани, оборонительные сооружения и древние могилы. Теперь он приобрел виртуальные связи с античным прошлым Крыма, а ведь наступающая эпоха становится в Европе временем моды на античность [65, р. 63–88]. Старый Крым оказался «преемником» одного из известных античных географов поселений. Что еще более символично, в глазах путешественников он, через образы киммерийцев и кимвров, приобрел ключевую роль в исто-

рии Крымского полуострова, дав ему имя, которое связало «благородных варваров» античной эпохи с «современными кельтами» французами и шотландцами, то есть прошлое Европы с ее настоящим.

Старый Крым становится частью литературного дискурса, позволяя классикам сентиментализма поразмышлять о бренности земной жизни. Город попадает и в живопись. Его виды оказываются среди меланхолических крымских пейзажей кисти русского художника Иванова и анонимного рисовальщика из собрания Уэрсли, сделавших развалины Старого Крыма одним из элементов романтического облика Тавриды. Наконец, чертежи Хейсти, возможно, свидетельствуют о планированной российским правительством реконструкции «мечети хана Узбека», наряду с важнейшим памятником османской эпохи – ханским дворцом в Бахчисарае [см.: 9, с. 20, 24]. Современные археологи смогут использовать эти текстуальные и визуальные свидетельства как источник информации о состоянии мусульманских памятников, впоследствии пострадавших от действия антропогенных и природных факторов, а историки науки – для анализа особенностей изучения и интерпретации мусульманской истории и «восточной» архитектуры в эпоху Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альперович М.С.* Франсиско де Миранда в России. М.: Наука, 1986. 352 с.
2. Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Т. 4 // СИРИО. 1880. Т. 27. С. 1–600.
3. *Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
4. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
5. [Габлиц К.И.] Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб.: Императорская типография у Ивана Вейтбрехта, 1785. 198 с.
6. *Габлиц К.[И.]* Географические известия служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической Губернии собранные из разных древних и средних времен писателей с тремя картами. СПб.: [без места], 1803. 52 с.
7. [Габлиц К.И.]. Краткое описание жизни и службы тайного советника Карла Ивановича Габлица (окончание) // Сын Отечества. 1821. Ч. 73. № XLIV. С. 145–165.
8. *Гаврилов А.В., Майко В.В.* Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 210 с.
9. *Гернгросс В.* Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. Апрель. С. 1–32.
10. Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II самодержицы Всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. 137 с.
11. *Зайцев И.* Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времён. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 130–146.
12. *Иванов П.А.* Из дел Московского отделения архива Главного Штаба // ИТУАК. 1893. № 19. С. 23–78.
13. *Измайлов В.* Путешествие в полуденную Россию. Изд. 2-е. Ч. 3. М.: Типография Христоф. Клаудия, 1805. 142 с.

14. Кадо М., Режемортер Ж.Л. ван. Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю Оллана // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 161–188.
15. Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1787 года. СПб.: [без места], 1886. 1012 с.
16. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 655 с.
17. Кирилло В.П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: Феникс, 2008. С. 37–43.
18. Кирилло В.П. Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 509–558.
19. Коришнуова М.[Ф.]. Архитектор В. Гесте (1755–1832) // Труды Государственного Эрмитажа. 1977. Т. XVIII. С. 132–143.
20. Ломакин Д.А. Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г. Старый Крым (последняя четверть XVIII – начало XXI вв.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 509–566.
21. Майко В.В., Куликов А.В., Бейлин Д.В. Земляные фортификационные сооружения средневекового Солхата // Таврійські студії. Історичні науки. 2013. № 4. С. 110–116.
22. Маракуев В. Пётр Симон Паллас, его жизнь, учёные труды и путешествия. М.: Типография А.А. Торлецкого и К°, 1877. 214 с.
23. Маркевич А.И. К истории ханского бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 130–176.
24. Маркевич А. Академик П.С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. № 47. С. 167–242.
25. Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи / пер. с исп. М.С. Альперович. М.: Наука / Интерпериодика, 2001. 362 с.
26. Нарушевич А. Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Киев: Типография Академии киевской, 1788. 172 с.
27. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.
28. От голландского капитана до российского министра. Франц Павлович де Воллан. СПб.: Европейский дом, 2003. 368 с.
- 28а. [Палдо А. де] Сумароков. Досути крымского судьи. Рисунки [без места; без года]. 48 л.
29. [Паллас П.С.]. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (окончание) / пер. М. С[лавич] // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 35–107.
30. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. А.Л. Бертье-Делагард, С.Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 244 с.
31. Переписка Императрицы Екатерины II с Великим Князем Павлом Петровичем и Великою Княгиней Мариею Федоровною во время путешествия в Крым, 1787 года // СИРИО. 1875. Т. 15. С. 37–125.
32. Полевицкова Е. Неизвестное и известное о маркизе де Кастельно // Дерибасовская – Ришельевская: одесский альманах. 2005. № 23. С. 15–26.
33. Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприимлемое в 1787 году. [Без места], 1786. 149 с.
34. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К.И. Раткевич. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1941. 79 с.
35. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. М.: Русский язык, 1986. 575 с.

36. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский Миръ, 2006. 640 с.
37. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823. Ч. 1: с 1730 по 1796. Одесса: Городская типография, 1836. 288 с.
38. Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетей, 1998. 294 с.
39. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. 1. Вып. 4. С. 273–302.
40. Сумароков П.[И.]. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М.: Университетская типография, 1800. 238 с.
41. Сумароков П.[И.]. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.: Императорская типография, 1805. 244 с.
42. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 456 с.
43. Третьяк А. «Lettres sur Odessa» Шарля Сикара // Дерибасовская – Ришельевская: одесский альманах. 2010. № 43. С. 6–19.
44. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
45. Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
46. Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнст, С.Л. Белявская. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.
47. Фадеева ТМ. Павел Иванович Сумароков и его путешествия по Крыму // Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. С. 3–40.
48. [Хейсти У.]. Крымский атлас 1798 г. (альбом чертежей). 34 рис.
49. [Храповицкий А.В.]. Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. СПб.: [без места, без года]. 610 с.
50. Храпунов Н.И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 141–153.
51. Храпунов Н.И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник. 2014. Т. 2: Франция и Восток. С. 63–101.
52. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
53. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170.
54. Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2001. С. 202–243.
55. Шаманаев А.В. Охрана памятников Старого Крыма в конце XVIII – начале XX в. // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 279–292.
56. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
57. Aragon [A. d']. Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. 394 p.
- 57a. Arneth A. von (hrsg.). Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien: Wilhelm Braumüller, 1869. 393 s.

58. Aston N. Worsley, Sir Richard, seventh baronet (1751–1805) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/index/101029986/Richard-Worsley> (last visited: 05.12.2015)

59. [Baert Ch. A. de]. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris: Deterville, 1798. P. 1–98 (part 3).

60. [Castelnau G. de]. Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie. T. III 2nd ed. Paris: Rey et Gravier, 1827. 347 p.

61. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.

62. Cross A. By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 474 p.

63. Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux... T. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.

64. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée... Vol. V. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.

65. Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. 304 p.

66. Euben R.L. Journeys to the Other Shore: Muslim and Western Travelers in Search of Knowledge. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006. 313 pp.

67. [Geißler Chr.G.H., Scheffner J.G.]. Pallas Reise: Atlas. [Leipzig, 1799–1801]. 55 s.

68. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea... London: T. Cadell, Jun. and W. Dawies, 1802. 446 p.

69. [Hablitz C.L.] Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois regnes de la nature. Haye: J. van Cleef, 1788. 298 p.

70. Hammond N.G.L., Scullard H.H. (eds.). The Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1970. 1173 col.

71. Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.

72. Lettres d'un voyager dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque Britannique... T. 40. Genève: Impr. de la Bibliothèque Britannique, 1809. P. 81–111, 348–360, 477–501.

73. Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems... Vol. II. London: Septimus Prowett, 1824. 65 p.

74. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.

75. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.

76. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. Paris: N.M. Tilliard, 1765. 364 p.

77. Raymond X. (Ed.). [Caraman V.L.Ch. duc de. Journal d'un voyage en Crimée] // Journal des débats politiques et littéraires. Samedi 23 septembre. 1854. P. 2–3.

78. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.

79. *Schmidt A.J.* Hastie and His Albums: Publicizing and Imposing Architectural Style in Catherinian and Alexandrian Russia // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1999. Vol. 143. No. 2. P. 208–232.

80. *Ségur [L.-Ph.] de.* Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes. T. 3. Paris: Alexis Eymery, 1826. 601 p.

81. *Sestrenczewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 395 p.

82. *Sestrenczewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. T. 2. Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 368 p.

82a. *Staël Holstein de [A.-L.] (Ed.)*. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris; Genève: J.J. Paschoud, 1809. 333 p.

83. *Unbegaun B.* Les noms des villes russes: la mode grecque // *Revue des études slaves*. 1936. T. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235.

Сведения об авторе: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (295004, проспект Вернадского, 4, Симферополь, Крым, Российская Федерация). E-mail: khrapunovn@gmail.com

Поступила 10.09.2016 г.

Принята к публикации 28.11.2016 г.

STARYI KRYM AND ITS MONUMENTS THROUGH THE EYES OF THE TRAVELERS OF THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

N.I. Khrapunov

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Crim 295004, Russian Federation
E-mail: khrapunovn@gmail.com*

Research objective: This article addresses the accounts on Staryi Krym, a town in the Crimean Peninsula, supplied by travelogues written after the joining of the region to Russia.

Research materials: Modern archaeologists can use these textual and visual accounts as a source of information on the condition of Moslem monuments, which were later damaged by anthropogenic and natural factors, and science historians can draw conclusions on the features of discovering and interpretation of Moslem history and “Oriental” architecture in the period of the Enlightenment. The travelogues developed a multi-dimensional image of Staryi Krym. Abandoned and collapsing Moslem town, a living illustration from the outgoing age, with still standing ancient mosques, baths, fortifications, and graves, got virtual connections with classic past of the Crimea, finding itself to be a “heir” of one or another settlement documented by Greco-Roman geographers.

Research results and novelty: Through the travellers’ eyes, Staryi Krym, by images of the Cimmerians and the Cimbrians, got a key role in the history of Crimean Peninsula, and even supplied it with the name of Crimea, which connected the “noble barbarians” of antiquity with the “modern Celts” – the Frenchs and the Scots, and the Past of Europe with its Present.

Staryi Krym became a component of literatural discourse, allowing the classics of the Sentimentalism to think of the frailty of earthly life. This town also became a subject of painting, which made it a part of romantic appearance of Taurica.

Keywords: Travelogues, archaeological monuments, Staryi Krym, Golden Horde, Crimean Khanate, imagined geographies, historical imagology.

For citation: Khrapunov N.I. Staryi Krym and Its Monuments through the Eyes of the Travelers of the late 18th – early 19th centuries. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, pp. 832–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.832-860

REFERENCES

1. Al'perovich M.S. *Fransisko de Miranda v Rossii* [Francisco de Miranda in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 352 p. (In Russian)
2. Bumagi Imperatritsy Ekateriny II, khranyashchiesya v Gosudarstvennom arkhive Ministerstva inostrannykh del. Vol. 4 [Empress Catherine II's papers collected in the State Archive at the Ministry of Foreign Affairs, vol. 4]. *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva – Proceedings of the Imperial Russian Historical Society*, 1880, vol. 27, pp. 1–600. (In Russian)
3. Vishlenkova E. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Empire's visual ethnography, or “not every one could see the Russian”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2011. 384 c. (In Russian)
4. Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 425 p. [Russ. ed.: Vul'f L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 548 p.] (In Russian)
5. [Hablitz C.L.] *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois regnes de la nature*. Haye: J. van Cleef, 1788. 298 p. [Russ. ed.: [Gablits K. I.] *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoy oblasti, po ee mestopolozheniyu, i po vsem trem tsarstvam prirody*. Saint Petersburg, Imperatorskaya tipografiya u Ivana Veytbrekhta, 1785. 198 p.] (In Russian)
6. Hablitz C.[L.] *Geograficheskie izvestiya sluzhashchie k ob'yasneniyu prezhnego sostoyaniya nyneshney Tavricheskoy Gubernii sobrannye iz raznykh drevnikh i srednikh vremen pisateley s tremya kartami* [Geographical accounts to explain the former situation of the current Taurida governorate, collected from various ancient and mediaeval writers, with three maps]. St. Petersburg, 1803. 52 p. (In Russian)
7. [Hablitz C.L.] *Kratkoe opisanie zhizni i sluzhby taynogo sovetnika Karla Ivanovicha Gablitsa (okonchanie)* [A brief account of the life and service of secret councilor Karl Ivanovich Hablitz]. *Syn Otechestva – Son of Homeland*, 1821, pt. 73, no. XLIV, pp. 145–165. (In Russian)
8. Gavrilov A.V., Mayko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoy karte goroda Staryy Krym)* [Mediaeval Town Site of Solkhat – Krym (materials for the archaeological map of the town of Staryi Krym)]. Simferopol, Biznes-Inform, 2014. 210 p. (In Russian)
9. Gerngross V. *Khanskiy dvorets v Bakhchisarae* [Khan's Palace in Bakhchisarai]. *Starye gody – Old years*, 1912, April, pp. 1–32. (In Russian)
10. *Zhurnal vysochayshego puteshestviya ee velichestva gosudaryni imperatritsy Ekateriny II samoderzhitsy Vserossiyskoy, v poludennye strany Rossii v 1787 godu* [A journal of the most high travel of Her Majesty the Tsarina and Empress Catherine II, the Autocratess of All Russias, to the southern countries of Russia in the year 1787]. Moscow, Universitetskaya tipografiya u N. Novikova, 1787. 137 p. (In Russian)

11. Zaytsev I. Obrazovanie Krymskogo khanstva [The formation of the Crimean Khanate]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [The history of Tatars from the most ancient times, vol. 4: Tatar polities from the fifteenth to eighteenth centuries]. Kazan, 2014, pp. 130–146. (In Russian)
12. Ivanov P.A. Iz del Moskovskogo otdeleniya arkhiva Glavnogo Shtaba [From the files in the Moscow Department of the Head Staff]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii – Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*, 1893, no. 19, pp. 23–78. (In Russian)
13. Izmaylov V. *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu* [A travel to South Russia], 2nd ed., vol. 3. Moscow, Tipografiya Khristof. Klaudiya, 1805. 142 p. (In Russian)
14. Cadot M. Regemorter J.-L. van. Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Hollant. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1969, vol. 10, no. 3–4, pp. 371–391 [Russ. ed.: Kado M., Rezhemorter Zh. L. van. Vneshnyaya trgovlya Rossii v 1784 g. po putevomu dnevniku Baera dyu Ollana. *Franko-russkie ekonomicheskie svyazi* [French-Russian economical connections]. Moscow and Paris, Nauka Publ., 1970, pp. 161–188]. (In Russian)
15. *Kamer-fur'erskiy tseremonial'nyy zhurnal. 1787 goda* [Chamber fourrier's ceremonial journal: year 1787]. St. Petersburg, 1886. 1012 p. (In Russian)
16. Kacharava D.D., Kvirkveliya G.T. *Goroda i poseleniya Prichernomor'ya antichnoy epokhi: malyy entsiklopedicheskiy spravochnik* [Black Sea cities and settlements in the Greco-Roman period: a short encyclopedic guide]. Tbilisi, Metsniereba, 1991. 655 p.
17. Kirilko V.P. Pamyatniki armyanskoy arkhitektury Solkhata [Monuments of Armenian architecture in Solkhat]. *Issledovaniya po armenistike v Ukraine* [Armenian studies in the Ukraine], vol. 1. Simferopol, Feniks, 2008, pp. 37–43. (In Russian)
18. Kirilko V.P. Stroitel'naya periodizatsiya t.n. mecheti Uzbeka v Starom Krymu [A building periodisation of the so-called Uzbek Mosque in Staryi Krym]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Chişinău, Stratum Plus, 2015, pp. 509–558. (In Russian)
19. Korshunova M.[F.]. Arkhitekt V. Geste (1755–1832) [Architect W. Hastie (1755–1832)]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha – Proceedings of the State Hermitage Museum*, 1977, vol. XVIII, pp. 132–143. (In Russian)
20. Lomakin D.A. Istochniki po istorii izucheniya kompleksa zolotoordynskikh pamyatnikov g. Staryi Krym (poslednyaya chetvert' XVIII – nachalo XXI vv.) [Sources in the history of a complex of Golden Horde monuments in the town of Staryi Krym (last quarter of the eighteenth to the early twenty-first centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials in archaeology, history, and ethnography of Tauria*, 2015, vol. 20, pp. 509–566. (In Russian)
21. Mayko V.V., Kulikov A.V., Beylin D.V. Zemlyanye fortifikatsionnye sooruzheniya srednevekovogo Solkhata [Earth fortifications in mediaeval Solkhat]. *Tavriys'ki studii. Istorichni nauki – Tauric studies: historical disciplines*, 2013, no. 4, pp. 110–116. (In Russian)
22. Marakuev V. *Petr Simon Pallas, ego zhizn', uchenye trudy i puteshestviya* [Peter Simon Pallas, his life, scientific works, and travels]. Moscow, Tipografiya A.A. Torletskogo i K^o, 1877. 214 p. (In Russian)
23. Markevich A.I. K istorii khanskogo bakhchisarayskogo dvortsa [For the history of Khan's palace in Bakhchisaray]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii – Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*, 1895, no. 23, pp. 130–176. (In Russian)
24. Markevich A. Akademik P.S. Pallas. Ego zhizn', prebyvanie v Krymu i uchenye trudy (k stoletiyu so dnya ego smerti) [Academician P.S. Pallas: his life, stay in the Crimea, and scientific works (to the centenary of his death)]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii – Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*, 1912, no. 47, pp. 167–242. (In Russian)

25. Miranda F. de. *Puteshestvie po Rossiyskoy Imperii* [A travel though the Russian Empire]. Moscow, Nauka / Interperiodika Publ., 2001. 362 p. (In Russian)
26. Narushevich A. *Tavrikiya ili izvestiya drevneyshie i noveyshe o sostoyanii Kryma i ego zhitelyakh do nashikh vremen* [Taurica, or accounts, ancient and modern, on the situation of the Crimea and its residents till our days]. Kyiv, Tipografiya Akademii kievskoy, 1788. 172 p. (In Russian)
27. Neumann Iver B. *Uses Of The Other: "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1998. 304 p. [Russ. ed.: Noymann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey*. Moscow, Novoe Publ., 2004. 335 p.]. (In Russian)
28. *Ot gollandskogo kapitana do rossiyskogo ministra. Frants Pavlovich de Vollan* [From a Dutch captain to a Russian minister: Franz de Vollant]. St. Petersburg, Evropeyskiy dom, 2003. 368 p. (In Russian)
29. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801. 525 p. [Russ. ed.: Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman' (okonchanie). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei – Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities*, 1883, vol. 13, pp. 35–107]. (In Russian)
30. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801. 525 p. [Russ. ed.: Pallas P.S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 244 p.]. (In Russian)
31. *Perepiska Imperatritsy Ekateriny II s Velikim Knyazem Pavlom Petrovichem i Velikoyu Knyagineyu Marieyu Fedorovnoyu vo vremya puteshestviya v Krym, 1787 goda* [Empress Catherine II's correspondence to Grand Prince Pavel Petrovich and Grand Princess Maria Fedorovna during the journey to the Crimea, 1787]. *Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva – Proceedings of the Russian Imperial Historical Society*, 1875, vol. 15, pp. 37–125. (In Russian)
32. Polevshchikova E. *Neizvestnoe i izvestnoe o markize de Kastel'no* [Unknown and known on Marquise de Castelnau]. *Deribasovskaya–Rishel'evskaya: odesskiy al'manakh – Deribasovskaya–Rishel'evskaya: an almanac of Odessa*, 2005, no. 23, pp. 15–26. (In Russian)
33. *Puteshestvie Eya Imperatorskogo Velichestva v poludenny kray Rossii, predpriemlemoe v 1787 godu* [Her Imperial Majesty's travel to the southern region of Russia, which will happen in 1787]. [No place indicated], 1786. 149 p. (In Russian)
34. Romme J. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* [Voyage to the Crimea in 1786]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1941. 79 p. (In Russian)
35. Rybakin A. I. *Slovar' angliyskikh familiy* [A dictionary of English family names]. Moscow, Russkiy yazyk, 1986. 575 p. (In Russian)
36. Said E.W. *Orientalism: Western Concepts of the Orient*. New York, Pantheon, 1978. 368 p. [Russ. ed.: Said E. V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka*. Moscow, Rucckiy Mir, 2006. 640 p.]. (In Russian)
37. Skalkovskiy A. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiyskogo kraya, 1730-1823. Ch. 1: s 1730 po 1796* [A chronological review of the history of New Russia: part 1, 1730 to 1796]. Odessa, Gorodskaya tipografiya, 1836. 288 p. (In Russian)
38. Skrzhinskaya M.V. *Skifiya glazami ellinov* [Scythia through the Greek eyes]. St. Petersburg, Aleteyya, 1998. 294 p. (In Russian)
39. Smirnov V.D. *Arkheologicheskaya ekskursiya v Krym letom 1886 goda* [An archaeological excursion to the Crimea in summer 1786]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva – Proceedings of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society*, 1886, vol. 1, fasc. 4, p. 273–302. (In Russian)

40. Sumarokov P.[I.] *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu* [A travel through all the Crimea and Bessarabia in 1799]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1800. 238 p. (In Russian)
41. Sumarokov P.[I.] *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Crimean judge's leisure, or the second travel to Taurida], part. 2. St. Petersburg, Imperatorskaya tipografiya Publ., 1805. 244 p. (In Russian)
42. Sytin A. K. *Botanik Petr Simon Pallas* [Peter Simon Pallas as botanist]. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2014. 456 p. (In Russian)
43. Tret'yak A. «Lettres sur Odessa» Sharlya Sikara [Charles Sicar's "Lettres sur Odessa"]. *Deribasovskaya–Rishel'evskaya: odesskiy al'manakh – Deribasovskaya–Rishel'evskaya: an almanac of Odessa*, 2010, no. 43, pp. 6–19. (In Russian)
44. Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian study of classical antiquities in South Russia (eighteenth to mid-nineteenth centuries)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 676 c. (In Russian)
45. Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiyskogo muzeya drevnostey. 1771–1871* [The discovery of Feodosia. Pages of archaeological research of the south-eastern Crimea and the early stages of the history of Feodosia Museum of Antiquities. 1771–1871]. Kyiv, Bolero, 2011. 240 p. (In Russian)
46. Thunmann [I.-E.]. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, Tavriya, 1991. 94 p.
47. Fadeeva T.M. Pavel Ivanovich Sumarokov i ego puteshestviya po Krymu [Pavel Ivanovich Sumarokov and his travels in the Crimea]. *Sumarokov P.I. Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu* [A travel through all the Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol, Biznes-Inform, 2012, pp. 3–40. (In Russian)
48. [Hastie W.] *Krymskii atlas 1798 g. (al'bom chertezhey)* [A Crimean atlas of 1798 (an album of drawings)]. 34 figs. (In Russian)
49. [Khrapovitskiy A.V.] *Dnevnik A.V. Khrapovitskogo. 1782–1793* [A.V. Khrapovitskiy's diary. 1782–1793]. Saint Petersburg, [no place, no year indicated]. 610 p.
50. Khrapunov N.I. Bakhchisaray Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossiya i Krym [Edward Daniel Clarke's Bakhchisaray: the Orient, Russia, and the Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of history, philology, culture*, 2014, no. 4, p. 141–153. (In Russian)
51. Khrapunov N.I. Zapiski Zhil'bera Romma o Kryme: arkheologicheskii kommentariy [Gilbert Romme's account of the Crimea: an archaeological commentary]. *Frantsuzskiy ezhegodnik – Annuaire d'études françaises*, 2014, vol. 2, pp. 63–101. (In Russian)
52. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Bara [The Crimea in 1784 according to an account by French traveler Baron de Baert]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials in archaeology, history, and ethnography of Tauria*, 2015, vol. 20, pp. 395–430. (In Russian)
53. Khrapunov N. I., Gin'kut N. V. Matt'yu Gatri i ego «puteshestvie» v istoriyu Kryma [Matthew Guthrie and his "travel" into the history of the Crimea]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 2015, no. 4, pp. 157–170. (In Russian)
54. Tchoudinov A. V. Frantsuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-turetskoy voyny 1787–1791 godov [French agents on the situation in the Crimea on the eve of the Russian-Turkish war of 1787–1791]. *Russko-frantsuzskie kul'turnye svyazi v epokhu Prosveshcheniya* [Russian-French cultural relations in the age of the Enlightenment]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2001, pp. 202–243. (In Russian)
55. Shamanaev A.V. Okhrana pamyatnikov Starogo Kryma v kontse XVIII – nachale XX v. [The protection of monuments in Staryi Krym from the late eighteenth to early twen-

tieth century]. *Antichnaya drevnost i srednie veka – Classical antiquity and Middle Ages*, 2014, no. 42, pp. 279–292. (In Russian)

56. Schönle A. Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840. Cambridge and London, Harvard University Press, 2000. 304 p. [Russ. ed.: Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury putesthestviy. 1790–1840*. Saint Petersburg, Akademicheskiiy proekt, 2004. 272 p.] (In Russian)

57. Aragon [A. d']. *Un paladin au XVIIIe siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789*. Paris, E. Plon, Nourrit et Cie, 1893. 394 p. (In French)

58. Aston N. Worsley, Sir Richard, seventh baronet (1751–1805). *Oxford Dictionary of National Biography*. Available at: <http://www.oxforddnb.com/index/101029986/Richard-Worsley> (last visited: 05.12.2015)

59. [Baert Ch. A. de]. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie. *Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne...* Paris, Deterville, 1798, pp. 1–98 (part 3). (In French)

60. [Castelnau G. de]. *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie*, vol. 3, 2nd ed. Paris, Rey et Gravier, 1827. 347 p. (In French)

61. Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed, vol. 2. London, T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p. (In French)

62. Cross A. *By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia*. Cambridge, Cambridge University Publ., 1997. 474 p.

63. Deguignes [J.] *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux...*, vol. 3. Paris, Desaint & Saillant, 1757. 542 p. (In French)

64. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...*, vol. 5. Paris, Librairie de Gide, 1843. 464 p. (In French)

65. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor, The University of Michigan Publ., 1993. 304 p.

66. Euben R.L. *Journeys to the Other Shore: Muslim and Western Travelers in Search of Knowledge*. Princeton and Oxford, Princeton University Publ., 2006. 313 pp.

67. [Geißler Chr. G. H., Scheffner J. G.]. *Pallas Reise: Atlas*. [Leipzig, 1799–1801]. 55 p. (In German)

68. Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea...* London, T. Cadell, Jun. and W. Dawies, 1802. 446 p.

69. [Hablitz C.L.] *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois regnes de la nature*. Haye, J. van Cleef, 1788. 298 p. (In French)

70. Hammond N.G.L., Scullard H.H. (eds.). *The Oxford Classical Dictionary*, 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1970. 1173 col.

71. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia*, 2nd ed. London, Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.

72. Lettres d'un voyageur dans les provinces méridionales de Russie, *Bibliothèque Britannique...*, vol. 40. Genève, Impr. de la Bibliothèque Britannique, 1809, pp. 81–111, 348–360, 477–501. (In French)

73. *Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems...*, vol. 2. London, Septimus Prowett, 1824. 65 p.

74. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke*. New York, J. & J. Harper, 1827. 528 p.

75. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801. 525 p. (In German)

76. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine*. Paris, N.M. Tilliard, 1765. 364 p. (In French)

77. Raymond X. (ed.). [Caraman V. L. Ch. duc de. *Journal d'un voyage en Crimée*], *Journal des débats politiques et littéraires*, 1854, samedi 23 septembre, pp. 2–3. (In French)

78. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l'année 1803...* Paris, Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p. (In French)

79. Schmidt A.J. Hastie and His Albums: Publicizing and Imposing Architectural Style in Catherinian and Alexandrian Russia. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1999, vol. 143, no. 2, pp. 208–232.

80. Ségur [L.-Ph.] de. *Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes*, vol. 3. Paris, Alexis Eymery, 1826. 601 p. (In French)

81. Sestrenczewicz de Bohusz S. *Histoire de la Tauride*, vol. 1. Brunswick, Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 395 p. (In French)

82. Sestrenczewicz de Bohusz S. *Histoire de la Tauride*, vol. 2. Brunswick, Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 368 p. (In French)

83. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque. *Revue des études slaves*, 1936, vol. 16, fasc. 3–4, pp. 214–235. (In French)

About the author: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea, V.I.Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295004, Crim, Russian Federation). E-mail: khrapunovn@gmail.com

Received August 10, 2016

Accepted for publication November 28, 2016

НАСЛЕДИЕ

УДК 091

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.861-867

КАЛАНДАР-НАМЕ.

ГЛАВА 9. «О ВОЗНЕСЕНИИ (МИ'РАДЖ)
ПОСЛАННИКА [АЛЛАХА] (МИР ЕМУ!)»**Абу Бакр Каландар*

Глава 9. О вознесении (ми'радж) Посланника (мир ему!)

در بیان معراج رسول علیه السلام

چون محمد را بکردند سینه پاک	بردند او را بر سما از روی خاک
درگذشت از این جهان و آن جهان	چونکه بویی برد از آن شاه جهان
هر چه با وی بود اندر راه ماند	با براق همت اندر پیش راند
ماند جبرائیل وی شد بیشتر	صد هزاران ساله ره رفت بیشتر
از بسی بسیار بی حدّ پرده ها	بردرید و ز آن گذشت و شد جدا
چون محمد واقف اسرار شد	غرق آن دریای گوهر بار شد
یافت آن گنجی که آنرا کنه نیست	هم تو آنجا فهم کن یکدم ببیست
آن رسول که لعمرک تاج اوست	همچنین معراج هم معراج اوست
قدر بود آن شب که اینها را بدید	بر مزیدش بود دیگر شد مزید
بوی برد از خود ز حق شد باخبر	از بن هر مو گشادش صد نظر
حق تعالی در کلام آمد بدو	با کلامش تا بسازد جست و جو
جمله را دانست از جمله گذشت	وصل را دریافت از هجران برست
هیچ چیزی در میان دیگر نماند	غیر عاشق کو بمعشوقی بماند
جمله گفتی چون بگفتی مصطفی	مصطفی از حق کجا باشد جدا

1. Когда очистили Мухаммаду его сердце (букв. грудь),
Перенесли его с земли на небеса.

* Продолжение. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 243–252; №3. С. 207–214; №4. С. 198–207; 2015. №1. С. 171–177; №2. С. 187–196; 2016. №1. С. 193–207; Т. 4, № 2. С. 443–449. Перевод с персидского языка выполнен И.Р. Гибадуллиным, М.Р. Шамсимухаметовой; научная редакция и комментарии И.Р. Гибадуллина.

2. Вознесся он над этим миром и над тем,
Ибо почувствовал запах того Царя царей (то есть Аллаха – *прим. пер.*).
3. Все, что было у него, осталось в пути,
Отправился вперед [он] на Бураке¹ духовного рвения (химмат).
4. Джибраил отстал, а он прошел больше,
Прошел он дальше путь еще в сто тысяч лет.
5. Безграничное множество завес
[Он] разорвал, прошел сквозь них и отрешился.
6. Когда Мухаммад постиг тайны,
Он погрузился в то море жемчугоносное.
7. Нашел то сокровище, которому несть конца,
И ты распознай то место, остановись на мгновенье.
8. Тот посланник, чьим венцом является: «Клянусь жизнью твоей» (ла'амрук)²,
Такое вознесение – это также его вознесение.
9. Той ночью была [Ночь] могущества (или предопределения – *прим. пер.*), когда он это увидел,
Было сполна у него [могущества], а стало еще больше.
10. Познал себя (букв. почуял запах свой) [и] постиг Хака,
Через корень каждого волоса обратил на него [Аллах] сто взоров.
11. Стал Всевышний Хак вести с ним речь,
Своими собственными словами, дабы стал он искать.
12. Все познал [он], через все прошел,
Обрел соединение и спасся от разлуки.
13. Ничего больше не осталось,
Кроме влюбленного, который вверил себя возлюбленному.
14. Все рассказал, как рассказал Мустафа (Мухаммад – *прим. пер.*),
Где [было видано], чтобы Мустафа (Мухаммад – *прим. пер.*) был разлучен с Хаком (др. вар.: отстранялся от истины, то есть говорил неправду)?

Комментарии

Данная глава посвящена одному из наиболее знаменательных событий в жизни Пророка Мухаммада (САВ), описанных в Священном Коране – вознесению на седьмое небо (ми'радж). В контексте религиозно-мистического произведения «Каландар-наме» эта тема приобретает особую смысловую нагрузку, обозначая некий переход от выражения традиционных почестей в адрес первостепенных деятелей раннеисламской истории (праведных халифов, близких Пророка, имамов четырех суннитских мазхабов) к изложению мистических откровений и переживаний автора. Тема вознесения Пророка (САВ) стала источником вдохновения для бесчисленного множества суфийских произведений. Красочное описание вознесения Пророка (САВ) в эпоху расцвета суфийской поэзии на персидском языке стало неотъемлемой

¹ Бурак (араб. сияющий, молниеносный) – сверхъестественное живое существо, на котором Пророк Мухаммад совершил ночное перенесение из Мекки в Иерусалим.

² Цитата из аята: «Клянусь твоей жизнью! Они слепо блуждали, опьяненные» (15:72).

частью всех поэтических сочинений [8, с. 224]. Дж. Руми пишет в «Диван-и Шамс»: «Любовь – это вознесение к крыше Царя Красоты. Прочти историю вознесения на щеке любимой» (Диван-и Шамс, 133) [6, с. 50].

Вознесение Пророка (САВ) становилось поэтико-метафорическим образом, раскрывавшим суть мистических состояний суфийских авторов. Это во многом объясняется тем, что еще самим Пророком (САВ) вознесение увязывалось с ежедневной пятикратной молитвой мусульманина, которая представляла собой подобие этого вознесения (см. приписываемое Пророку (САВ) высказывание: «Молитва (намаз) – это вознесение (ми'радж) верующего» (Фахр ад-дин ар-Рази. Тафсир аль-Кабир. Т.1) [7, с. 226].

Первый бейт. Очищение сердца Пророка (САВ) или раскрытие груди (араб. шарх ас-садр). Речь об этом идет в коранической суре «Ал-Инширах» («Раскрытие»): «Разве Мы не раскрыли для тебя грудь твою?» (сура 94 «Ал-Инширах», аят 1). Это понятие имеет различные толкования в исламской традиции. В некоторых источниках говорится о раскрытии груди для восприятия религии и шариата (Сахих ал-Бухари. Китаб ат-тафсир. Т. 65) [3, с. 982]. Считается, что эта процедура была проделана с Пророком (САВ) дважды: первый раз в раннем детстве Пророка (САВ) и второй раз во время вознесения (ми'радж). В данном бейте речь идет именно о втором очищении сердца, которое предшествовало вознесению, о чем говорится в следующем хадисе: «Когда я был в Мекке, потолок моего дома раскрылся и [оттуда] спустился Джибриль. Он рассек мою грудь и омыл сердце водою из источника Зам-Зам, затем принес золотой таз, наполненный мудростью и верой, излил его содержимое в мою грудь и [снова] закрыл её» (ал-Бухари, № 349, Муслим, № 163) [3; 4].

Второй бейт. Автор «Каландар-наме» говорит о том, что Пророк (САВ) «вознесся над этим миром и над тем, ибо почувствовал запах того Царя царей», подразумевая, что в ходе этого вознесения он прошел все уровни и степени вселенной, приблизившись к ее крайнему пределу (Лотосу Предела, араб. Сидрат ал-Мунтаха), который находится выше земли и семи небес, и за которым следуют Престол и Трон Аллаха, то есть начинается область трансцендентного ('алам ал-гайб, «скрытый мир») (Ал-Бухари. Т. 8) [3, с. 204]. В этом вознесении Пророк (САВ) был движим любовью к Всевышнему, которого Абу Бакр называет Царь царей.

Третий бейт. Абу Бакр Каландар проводит параллель между вознесением Пророка (САВ) и путешествием (в том числе понятием суфийского пути), в ходе которого путник лишается своей поклажи и избавляется от всего лишнего, обретая подлинную свободу от материальных или мирских привязанностей. Далее он проводит еще более очевидную аналогию между Бураком – чудесным существом, перенесшим Пророка (САВ) по небу в Иерусалим (Кудс), и таким ключевым для суфизма понятием, как духовное рвение (химмат). Также, опираясь на этот бейт, можно допустить, что автор придерживался метафорической интерпретации коранического сюжета о вознесении Пророка (САВ) в терминах духовных состояний.

Четвертый бейт. Говорится о том, что в определенный момент, достигнув Лотуса Предела, ангел Джибриль (мир ему!) не мог двигаться дальше вместе с Пророком (САВ) [3, с. 249; 2, с. 209]. Вместе с тем, путешествие Пророка (САВ) продолжалось дальше – уже в скрытом мире ('алам ал-гайб), о котором поэт метафорически сказал: «путь еще в сто тысяч лет». Таким

образом, только Посланник Аллаха (САВ), будучи лучшим из творений, мог быть удостоен чести путешествия к Самости Аллаха.

Пятый бейт. Пророк (САВ) преодолел все преграды и завесы, отделяющие Аллаха от Его творений, стал непосредственно воспринимать проявления (таджалли) Самости Аллаха, Его имен (асма) и качеств (сиффат). Ал-Газали приводит в своем трактате «Мишкат ал-анвар» («Ниша светов») хадис о том, что Аллах имеет семьдесят тысяч завес из света и тьмы, отделяющих Его от человека, будь то погрязший в мирском грешник или благочестивый ученый [8, с. 105–106].

Шестой бейт. Преодолев все мыслимые завесы на пути к Самости Аллаха, Пророк Мухаммад постиг тайны скрытого мира и погрузился в «море жемчугоносное», то есть непосредственно созерцал манифестации Аллаха.

Седьмой бейт. В этом бейте говорится об обретении Пророком (САВ) «сокровища, которому несть конца», то есть Аллаха, который в исламской традиции назван «скрытым сокровищем» (канз ал-махфи). В частности, имеется хадис-кудси: «Я был скрытым сокровищем, но мне было любо быть узнанным, поэтому Я сотворил мир» [5, с. 269]. Далее читателю предлагается «остановиться на мгновение» и «распознать то место», в котором находится это сокровище, то есть пережитая Пророком (САВ) встреча с Богом соотносится с суфийской практикой, предполагающей остановку непрерывного потока мыслей и внутреннего диалога человека.

Восьмой бейт. Автор «Каландар-наме» использует аллюзию на коранический аят, в котором Аллах клянется жизнью Пророка («Клянусь жизнью твоей!», 15:72), как указание на величие его степени перед Аллахом. Эта честь, оказанная Аллахом своему Посланнику, в логике автора, также представляет собой подобие вознесения, которое трактуется в более широком смысле, выходящим за рамки его прямого значения. В мистическом смысле, таинство вознесения пронизывало всю жизнь Пророка (САВ) и не было ограничено каким-то определенным временем.

Девятый бейт. По всей видимости, Абу Бакр Каландар проводит параллель между Ночью вознесения и почитаемой в исламе Ночью могущества или Ночью предопределения (Лайлат ал-Кадр), которая приходилась на 27 Рамадана, когда Мухаммаду (САВ) были ниспосланы первые аяты Корана. Такое прочтение бейта вполне согласуется с расширенным толкованием вознесения, о котором говорится в предыдущем бейте.

Десятый бейт. Автор говорит о том, что Пророк (САВ) «почувал запах свой и постиг Хака», что представляет собой аллюзию на приписываемое Пророку (САВ) высказывание: «Кто познал себя, тот познал своего Господа». Далее он прибегает к образу «ста взоров Аллаха», которые были обращены к нему «через корень каждого волоса», то есть Пророк (САВ) стал средоточием проявлений (таджалли) Аллаха, буквально пронизывающих все его бытие.

Одиннадцатый бейт. Говорится о непосредственной беседе между Аллахом и Пророком (САВ), отличавшейся от обычной практики получения им коранического откровения через посредничество ангела Джibriля. В ходе этой беседы Пророком были получены последние аяты суры «Ал-Бакара», содержащие повеления об обязательной молитве. При этом, автор «Каландар-наме» пишет, что Аллах беседовал с ним «своими собственными словами»,

что подчеркивает трансцендентный характер этой беседы, происходившей без посредничества других творений Аллаха и человеческого языка.

Двенадцатый и тринадцатый бейты. Говорится о том, что Пророк (САВ) прошел все ступени на пути к Аллаху и приобрел все необходимые знания. Далее встреча Пророка с Аллахом трактуется в сугубо мистическом ключе как соединение с возлюбленным и спасение от разлуки, на фоне чего меркнет все остальное. Наступает кульминационный момент полного смирения влюбленного перед возлюбленным. В «Каландар-наме» любовь выступает в роли важнейшей метафизической категории, которая обеспечивает единство и связанность мироздания. Абу Бакр Каландар говорит о парадоксальном тождестве и единстве трех вещей – любви, влюбленного и возлюбленного. Некоторые другие бейты «Каландар-наме» позволяют говорить о том, что в понимании автора этого произведения любовь отчасти отождествлялась с самим Богом или выступала в роли Его манифестации, что особенно очевидно, когда он описывает любовь, используя аллюзии на хадисы, описывающие Аллаха: «Любовь изначально была скрытым сокровищем /И проявила себя она из сокрытия» (пер. И.Р. Гибадуллина) [1, с. 21].

Четырнадцатый бейт: Автор заверяет читателя, что все рассказанное им о вознесении Пророка (САВ) опирается на его предания, в которых правдиво изложены его приключения, настолько удивительные, что они показались невероятными многим современникам Мухаммада (САВ). Более того, Абу Бакр Каландар претендует на доподлинное знание скрытой эзотерической подоплеку этого путешествия, не нашедшей отражения в религиозных текстах и познаваемой исключительно благодаря опыту суфийских экстаических состояний.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, суфизм, Абу Бакр Каландар, Каландар-наме.

Для цитирования: Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 9. «О вознесении (ми'радж) Посланника (мир ему!)» / Пер. И.Р. Гибадуллин, М.Р. Шамсимухаметова; научн. ред. и комм. И.Р. Гибадуллин // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 861–867. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.861-867

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Бакр Каландар Руми*. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
2. *Ал-Имам Ахмад б. Мухаммад б. Ханбал. Ал-Муснад*. Бейрут: Дар ал-фикр, 1985.
3. *Ал-Имам Мухаммад б. Исма'ил ал-Бухари*. Сахих ал-Бухари. Стамбул: Мактаба ал-исламиййа, 1972.
4. *Ан-Найсабури, Абу-л-Хусайн Муслим б. ал-Хаджадж*. Сахих Муслим. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'ильмиййа, 1992.
5. *Ан-Найсабури, Низам ад-дин ал-Хасан*. Тафсир ал-гараиб ал-Кур'ан ва рагаиб ал-фуркан. Т. 1. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'ильмиййа, 1996.
6. *Моулана Джалоддин Мохаммад Балхи*. Газалият-е Шамс-е Табризи. Введение, общ. редакция и комментарии Мохаммад-Резы Шафии-Кадкани. Тегеран: энтешарат-е Сохан, 1387 (2008/2009).

7. *Фахр ад-дин ар-Рази, Абу Мухаммад б. 'Умар*. Ат-Тафсир ал-Кабир. Т. 1. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'ильмийа, 1990.

8. *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Рапопорт. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Садра», 2012. 536 с.

Сведения об авторах (переводчиках): Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Миляуша Рашитовна Шамсимухаметова – аспирант Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: milya-ismagilova@yandex.ru

Поступила 28.09.2016 г.

Принята к публикации 25.11.2016 г.

QALANDAR-NAME. CHAPTER 9. "THE ASCENSION (MI'RAJ) OF THE MESSENGER [OF ALLAH] (PEACE BE UPON HIM!)"*

Abu Bakr Qalandar

This article contains an excerpt from the poem "Qalandar-name" of Sufi sheikh and Islamic scholar of Anatolian origin, Abu Bakr Qalandar Rumi, who lived in Crimea. The ninth chapter is devoted to the ascension of the Prophet of Islam, Muhammad (peace be upon him!), which is known as the Mi'raj in the Islamic tradition. This chapter is full of highly emotional and mystical reflections on the significance of this event.

This topic becomes particularly meaningful in the context of religious and mystical work "Qalandar-name". It points to a shift from the traditional expressions of honor with respect to the primary figures of early Islamic history (righteous Caliphs, relatives of the Prophet, Imams of four Sunni madhabs) to the presentation of mystical revelations and experiences of the author.

Keywords: Golden Horde, Islam, Sufism, Abu Bakr Qalandar, Qalandar-name.

For citation: Abu Bakr Qalandar. Qalandar-name. Chapter 9. "The Ascension (Mi'raj) of the Messenger [of Allah] (Peace Be upon Him!)". Trans. by I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimukhametova; acad. red. and comm. by I.R. Gibadullin. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 861–867. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.861-867

* Continuation. See the beginning in: *Golden Horde Review*. 2014, no. 2(4), pp. 243–252; no. 3, pp. 207–214; no. 4, pp. 198–207; 2015, no. 1, no. 171–177; no. 2, pp. 187–196; 2016, no. 1, pp. 193–207; Vol. 4, №2, pp. 443–449. Russian translation from Persian by I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimukhametova, academic edition of the translation and comments by I.R. Gibadullin.

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Qalandar-name. Facsimile*. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 800 p. (In Persian)
2. Al-Imam Ahmad b. Muhammad b. Khanbal. *Al-Musnad*. Beyrut, Dar al-fikr, 1985. (In Arabian)
3. Al-Imam Muhammad b. Isma'il al-Bukhari. *Sakhikh al-Bukhari*. Stambul, Maktaba al-islamiyya, 1972. (In Arabic)
4. An-Naisaburi, Abu-l-Husain Muslim b. al-Hajaj. *Sakhikh Muslim*. Beyrut, Dar al-kutub al-'il'miyya, 1992. (In Arabic)
5. An-Naisaburi, Nizam al-din al-Hasan. *Tafsir al-garaib al-Kur'an va ragaib al-furkan*. Vol. 1. Beyrut, Dar al-kutub al-'il'miyya, 1996. (In Arabic)
6. Moulana Jaloddin Mohammad Balkhi. *Gazaliyat-e Shams-e Tabrizi*. Vvedenie, obshch. redaktsiya i kommentarii Mokhammad-Rezy Shafii-Kadkani. Tegeran, entesharat-e Sokhan, 1387 (2008/2009). (In Persian)
7. Fakhr ad-din ar-Razi, Abu Muhammad b. 'Umar. *At-Tafsir al-Kabir*. Vol. 1. Beyrut, Dar al-kutub al-'il'miyya, 1990. (In Arabic)
8. Schimmel A. *Mir islamskogo mistitsizma* [World of Islamic Mysticism]. Per. s angl. N.I. Prigarinoy, A.S. Rapoport. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, OOO «Sadra» Publ., 2012. 536 p. (In Russian)

About the authors (translators): Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Milyausha R. Shamsimukhametova – Post-graduate student, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: milya-ismagilova@yandex.ru

Received September 28, 2016

Accepted for publication November 25, 2016

РАШИД АД-ДИН. ШУАБ-И ПАНДЖГАНА.**2. МОНГОЛЫ И ТЮРКИ (2)***

Приводится перевод второй части генеалогии монголов и тюрок в рукописи Рашид ад-дина «Шуаб-и панджгана» – генеалогия Джучи-хана (всего 20 листов). В скобках даны написания имен арабицей в рукописи. Курсивом выделен текст, отсутствующий в рукописи, но необходимый для более адекватного отображения информации в оригинале.

С частью данных, полученных при изучении рукописи, можно познакомиться в статьях Миргалеева И.М. и Хамидовой Ч.И. [1; 2; 5]. С оригинальным текстом рукописи можно ознакомиться в Музее Топкапы (Стамбул) [6], либо посредством недавно изданного факсимиле [4].

Генеалогия начинается с имени Джучи с титулом «хан», взятым в красный квадрат, от которого идут линии. Далее, если упоминается имя Джучи, оно идет без титула. В сравнении, имя Чингиз-хана всегда пишется с титулом.

Описание родословия Джучи-хана начинается с «пояснения о его женах», то есть с перечисления его жен. Справа приводятся имена четырех эмиров Джучи-хана и краткая информация о них. Далее следует сама генеалогия, вместе с некоторыми именами идут краткие комментарии. Часть имен (как и имя самого Джучи) написана красным: Берке, Сартак, Улакджи (сын Бату), Мунгка-Тимур, Туда-Мунгка, Кунджек, Туле-Бука, Тугрелдже, Тукта, Улгуй, Таджу. Судя по всему, красным выделены не только правители Улуса Джучи, но и те, кто играл заметную роль в его политической жизни. Некоторые имена не вписаны в квадрат, а подписаны рядом с ним: Нукай, Кунгкиран.

Интересны имена потомков Джучи. Около 5% этих имен имеют отношение к исламу: они являются значимыми для мусульман (Мухаммад, Хасан, Али) либо имеют приставку «ходже». Больше всего таких имен в улусе Орды, Бату, Шейбана и Чимбая.

Генеалогия потомков Джучи содержит родословную 15 его сыновей. По факту, это 10 родословных линий, поскольку пятеро из них не имели потомства, либо об этом ничего неизвестно (Берке, Кукаджи, Джилараун, Мухаммед, Шинкум).

В «Шуаб-и панджгана» количество сыновей Джучи-хана – 15 вместе с Кукаджи (كوكاجي), который не упоминается в «Джами ат-таварих», историческом сочинении Рашид ад-дина [3, с. 78]. Об этом Кукаджи написано, что он три года правил после Берке, затем на его место пришел Алгу, сын Мунга-Тимура. По комментариям в генеалогии можно воспроизвести порядок правителей улуса Джучи: Джучи – Бату – Сартак – Улакджи – Берке. Однако после Берке в «Шуаб-и панджгана» приводятся сразу два варианта – Кукаджи, сын Джучи, потом Алгу, сын Мунга-Тимура, или сам Мунга-Тимур, потом его сын Туда-Мунга. Так как в «Сборнике летописей» нет данных о Кукаджи, объяснений этому противоречию найти не удалось.

В рукописи сын по имени Улакджи есть и у Сартака, и у Бату. Но только сын Бату выделен красным, то есть именно он был у власти по версии «Шуаб-и панджгана». Представляется вполне возможным, что путаница с вопросом о происхождении Улакджи-престолонаследника возникла из-за наличия двух человек с таким именем в приблизительно один временной промежуток. По мнению Рашид ад-Дина, власть после Сартака взял в свои руки Улакджи, сын Бату, об этом имеется соответствующая запись под его именем, выделенным красным: «Этот Улакджи после Сартака по ярлыку Мунггаана занял место отца и вскоре умер».

* Продолжение статьи. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 668–680. Перевод с персидского языка, предисловие и комментарии Ч.И. Хамидовой.

Хронологически данная генеалогия охватывает период времени до 10–13 года XIV века: записи об Узбеке, сыне Тогрулдже, и его современниках присутствуют, но ханом Золотой Орды назван Токта.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Сборник летописей, Чингиз хан, Джучи хан, генеалогия Джучи хана, наследие Рашид ад-Дина, персидская рукопись.

Для цитирования: Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (2) / Пер. и комм. Ч.И. Хамидова // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880

Джуджи (جوحي خان) и ветви его потомков

Упоминание о его женах

Сартак хатун (سرتاق خاتون) – из рода кунгират (قنغرات), была старшей женой Джучи хана

Бикту Тумал (بيكتو تمل فوجين) – дочь Хала. Брат этой женщины – Мекеш-хан (مکش خان)

Уки-кухин (فوجين اوکي) – дочь Алджи нойона из племени кунгират

У Джучи хана было много жен, но упомянуты были только те, которые заслуживают внимания.

Упоминание об эмирах его времени и позже

Мунке (منکه) – из рода сиджут, был эмиром Мекбера, был отдан Чингиз-ханом Джучи хану во время деления войск вместе с дивизией

Кулсай (کلساي) – из рода кенлит, был эмиром Мекбера, был отдан Чингиз-ханом Джучи хану во время деления войск вместе с дивизией

Хусдай (هوسدای) – из рода хушин, был эмиром после Мекбера. Во время раздела армии, Чингиз-хан отдал его вместе с дивизией Джучи

Сайку (سايکو) – из рода арлат, из подразделения Бугурджи нойона, был отдан Чингиз-ханом вместе со своей дивизией.

Этих четырех эмиров вместе с 4 тысячами армии ему отдал Чингиз-хан. И в это время большинство эмиров и армии Тукта из рода этих эмиров и солдат. Некоторые другие из войск русских, маджарских и других присоединившихся, однако детали об их именах неизвестны, так как не были записаны.

Упоминание о наложницах

У него было много наложниц, поэтому неизвестно о каких-либо записях о них.

[Сыновья Джучи]

Урдэ (اورده)

Бату (باتو) – этот Бату занял место отца и его называли Саин-хан. *Имя выделено красным.*

Берке (برکه) – Этот Берке после смерти Улакджи занял место Бату. *Имя выделено красным.*

Беркеджар (برکجر)

Кукаджи (کوکاجي) – после Берке 3 года правил, после пришел Алгу, сын Менгу Тимура

Шейбан (شیبان)
 Танкгут (تنگگوت)
 Бувал (بوال)
 Джилараун (جیلاراون)
 Шингкур (شینگکور)
 Джимбай (جیمبای)
 Мухаммед (محمد)
 Удур (اودور)
 Тука-тимур (توقاتمور)
 Шинкум (شنکوم)

[Сыновья Урду]

Сератактай (سرانتکای)
 Кули (قولی)

Курумши (قورومشی)

Кунгкиран (قونگگیران) – имя не вписано в квадрат, есть приписка снизу:

Это Кунгкиран в улусе Урду занял место отца.

Джурмакай (جورماقای)

Кутугуй (قوتوقوی)

Хулаву (هولاولو)

[Сыновья Сертактая, сына Урду, сына Джучи]

Кубджи (قوبجی قوبجی) – этого Кубджи называли Турук-кааном.

[Сыновья Кунджи, сына Сартактая, сына Урду, сына Джучи]

Байан (بیان)

Башкирттай (باشقیرت تاي)

Джаган-Бука (جعان بوقا)

Макудай (ماقوداي)

[Сыновья Байана, сына Кунджи, сына Сартактая, сына Урду]

Шади (شادي)

Сасы Бука (ساسی بوقا)

Текне (تکنه)

Салджиртай (سالجیرتاي)

[Сыновья Башкирттая, сына Кунджи, сына Сартактая, сына Урду]

Джиратай (جیراتي)

[Сыновья Чаган-Бука, сына Кунджи, сына Сартактая, сына Урду]

Теке (تکه)

[Сыновья Кули, сына Урду, сына Джучи]

Тумкан (تومکان)

Туман (تومان)

Мингкан (مینگقان)

Айаджи (ایاجی)

Мусельман (مسلمان)

[Сыновья Тумкана, сына Кули, сына Урду, сына Джучи]

Джарук (جاروق)

Мубарек (مبارك)

Кучук (كوچوك)

[Сыновья Джарука, сына Тумкана, сына Кули, сына Урду]

Нукай (نوكاي)

Саталмыш (ستالميش)

[Сыновья Мубарека, сына Тумкана, сына Кули, сына Урду]

Иль-Бука (ايلبوکا)

Тура-Тимур (تور اتمور)

[Ветви Тумана, сына Кули, сына Урду, сына Джучи]

Йайлак (يايلاق)

Иль-Тимур (ايلتمور)

Кутлуг-Тимур (قوتلوق اتمور)

Кутлуг-Бука (قوتلوق بوكا)

Курикджи (قوريچي)

Данешманд (دانشمند)

Ак-Купак (اق كوپاك)

[Сыновья Ак-Купака, сына Тумана, сына Кули, сына Урду]

Буралги (بورالقي)

[Ветви Мингкана, сына Кули, сына Урду]

Хулкуту (هولقوتو)

Башмак (باشماق)

Халил (خليل)

[Сыновья Башмака, сына Мингкана, сына Кули, сына Урду]

Ишан (ايشان)

[Ветви Айаджи, сына Кули, сына Урду]

Газан (قازان)

[Ветви Мусальмана, сына Куни, сына Урду]

Ильяс (الياس)

Худже (خوجه)

Йайлак (يايلاق)

Джавуту (جاووتو)

[Ветви Кутугуя, сына Урду, сына Джучи]

Хулкуту (هولقوتو)

Тимур-Бука (تمور بوكا)

[Сыновья Хулкуту, сына Кутугуя, сына Урду, сына Джучи]

Дазак (دازاك)

Бука-Тимур (بوكا اتمور)

Биш-Куртка (بيش قورتقا)

Удж-Куртка (اوج قورتقا)

[Сыновья Тимур-Бука, сына Кутугуя, сына Урду, сына Джучи]

Купалак (كوپالاک) – говорили, что этот Купалак имел трех сыновей, их имена не сохранились, по этой причине их имена не установлены, и это изложение содержит в себе путаницу, однако стало известно, что у него были потомки

Бука – Тимур (بوکا تیمور)

Джанкгут (جانکگوت)

Бука-Тимур (بوکا تیمور)

Сасы (ساسی)

Ушанан (وشانان)

[Дети Купалака, сына Тимур-Бука, сына Кутугуя, сына Урду]

3 пустых квадрата для сыновей и 2 дочери:

Алтиндж (التینج)

Атаджиг (اتاجیق)

[Ветви Бату, сына Джучи, сына Чингизхана]

Сартак (سرتاق) – этот Сартак по предписанию ярлыка Мунккагана занял место отца и умер в дороге

Туку-Кан (توقو کان)

Абукан (ابو کان)

Улакджи (اولاقجي) – этот Улакджи после Сартака по ярлыку Мунккагана занял место отца и вскоре умер. *Имя выделено красным.*

[Сыновья Сартака, сына Бату, сына Джучи]

Улакджи (اولاقجي)

[Сыновья Абукана, сына Бату, сына Джучи]

Барак (باراق)

Булар (بولار)

Тутудж (توطوج)

Тукта (توقتا)

Ахмад (احمد)

Сабир (سابير)

Дункуз (دونکوز)

[Сыновья Тукукана, сына Бату, сына Джучи]

Дарбу (داربو)

Мунга-Тимур (مونگاتیمور) – этот Мунга-Тимур после смерти Берке стал правителем улуса.

Туда-Мунгка (تودا مونگکا) – этот Туда-Мунгка после смерти Мунга-Тимура стал правителем улуса.

Тукту-Анка (توقتو انکا)

Хукеджи (هوکجي)

Пустой квадрат

[Сыновья Дарбу, сына Тукукана, сына Бату, сына Джучи]

Тулэ-Бука (توله بوکا)

Кунхек (کونحک)

[Сыновья Кунхека, сына Дарбу, сына Тукукана, сына Бату]

Йуз-Бука (يوز بوقا)

[Сыновья Туда-Мунга, сына Тукукана, сына Бату, сына Джучи]

Уз-Мангку (اوز مانگکو)

Бики-Наджи (بيکي نجی)

Чечекту (چچکنتو)

Тупдай (توپدای)

[Сыновья Уз-Мангку, сына Туда-Мунга, сына Тукукана, сына Бату]

Четай-Чук (چتای چوق)

[Сыновья Тукту-Анка, сына Тукукана, сына Бату, сына Джучи]

Бабудж (بابوج)

Тукал-Бука (وکال بوقا)

[Ветви Мунгка-Тимура, сына Тугана (имя дается в двух вариантах:

طوغان – Туган и وقوقان – Тукукан), сына Бату, сына Джучи]

Улгуй (اولغوی) – этот Улгуй, его брат – Тугрелдже и Тула-Бука и Кунчак вместе отобрали правление из рук Туда-Мунгка и 5 лет благословенно правили. После Тукта, потом Тукай забрал власть и стал правителем.

Айаджи (ایاجی)

Тутйакин (توتیاکین)

Пурлук (پورلوک)

Тукта (توقتا)

Сарай-Бука (سرائي بوقا) – сначала его звали Тудал, потом же стали звать Сарай-Бука

Хулакан (هولاقان)

Кадакан (قاداقان)

Кутукан (قوتوقان)

Тугрелдже (طوغرلجه)

[Сыновья Хулакана, сына Мунгка-Тимура, сына Тугана]

Улус-Бука (اولوس بوقا)

[Сыновья Кадакана, сына Мунгка-Тимура, сына Тугана]

Угуру (اوغورو)

[Сыновья Кутукана, сына Мунгка-Тимура, сына Тугана, сына Бату]

Намитай (نامیتای)

Апшеге (آپشغه)

Курмас (کورماس)

Кункиз (کونکیز) – Кункиза также называют

[Сыновья Тугрелдже, сына Мунгка-Тимура, сына Тугана]

Узбак (اوزبالک)

[Сыновья Тукта, сына Мунгка-Тимура, сына Тугана]

Тукал-Бука (وکال بوقا)

Иль-Басар (ایل باسار)

Тукил-Бука (توكيل بوقا)

[*Сыновья Иль-Басара, сына Тукта, сына Мунгка-Тимура, сына Тугана*]

Исан Бука (ايسان بوقا)

[Ветви Беркечара, сына Джучи, сына Чингизхана]

Кукджу (كوكجو)

Ису-Бука (ييسو بوقا)

[*Сыновья Кукджу, сына Беркечара, сына Джучи, сына Чингизхана*]

Иджил-Тимур (ايجيل تيمور)

Билыкджи (بيلقجي)

Туктака (وقتقا)

Тук-Тимур (وقتيمور)

[*Сыновья Ису-Бука, сына Беркечара, сына Джучи, сына Чингизхана*]

Сарай-Бука (سرائي بوقا)

[Ветви Шейбана, сына Джучи, сына Чингизхана]

Байнал (باينال)

Бахадур (بهادر)

Кадак (قاداق)

Балакэ (بالاقه)

Джарик (جاريك)

Маркан (ماركان)

Куртка (قورتقا)

Айаджи (ايادي)

Сайилкан (ساييلقان)

Баянджар (بايانجار)

Маджар (ملار)

Кунджи (قونجي)

[*Сыновья Байнала, сына Шейбана, сына Джучи, сына Чингизхана*]

Илак-Тимур (ايلاق تيمور)

Бек-Тимур (بيكتيمور)

Йису-Бука (ييسو بوقا)

[*Сыновья Бахадура, сына Шейбана, сына Джучи*]

Кутлуг-Бука (قوتلوق بوقا)

Джуджи-Бука (جوي بوقا)

[*Сыновья Джуджи-Бука, сына Бахадура, сына Шейбана*]

Йису-Бука (ييسو بوقا)

Янкичар (يانكچار)

Бек-Тимур (بيكتيمور)

Ядакул (ياداقول)

[*Сыновья Кадака, сына Шейбана, сына Джучи, сына Чингизхана*]

Тула-Бука (تولابوقا)

[Сыновья Тула-Бука, сына Кадака, сына Шейбана, сына Джучи]

Мангкутай (مانگقوتاي)

Туман-Тимур (تومان تيمور)

[Сыновья Туман-Тимура, сына Тула-Бука, сына Кадака]

Учукан (اوچوكان)

[Сыновья Балаке, сына Шейбана, сына Джучи, сына Чингизхана]

Турай (توراي)

Тукан (توكان)

Туктака (توقتاكا) – этого Туктака называли Муртад Туктака

[Сыновья Туктака, сына Балаке, сына Шейбана, сына Джучи]

Бакирдже (باقيرجه)

Кунджак (كونجك)

Джакукан (جاکوكان)

Таш-Бука (تاش بوقا)

Таш-Тимур (تاش تيمور)

Хамуджук (حاموجوق)

[Сыновья Кунджака, сына Туктака, сына Балаке, сына Шейбана]

Айну-Ходжа (عينو خواجه)

[Сыновья Джарика, сына Шейбана, сына Джучи]

Туктимур (توقتيمور)

[Сыновья Маркана, сына Шейбана, сына Джучи]

Тука-Тимур (توقا تيمور)

Иль-Бука (ايلبوکا)

[Сыновья Куртка, сына Шейбана, сына Джучи, сына Чингизхана]

Кинас (کيناس)

[Сыновья Айаджи, сына Шейбана, сына Джучи, сына Чингизхана]

Удж-куртка (اوج قورتقا)

[Сыновья Сайилкана, сына Шейбана, сына Джучи]

Кутлуг-Тимур (قوتلوق تيمور)

[Сыновья Кутлуг-Тимура, сына Сайилкана, сына Шейбана]

Тимур-Бай (تيمور باي)

Йисун-Бука (ييسون بوقا)

Сабтак (سابتاق)

Осман (عثمان)

Буралги (بورالقي)

Бик-Тимур (بيكتيمور)

Буралдай (بورالداي)

[Сыновья Байанджара, сына Шейбана, сына Джучи]

Абукан (ابوكان)

[Сыновья Абукана, сына Байанджара, сына Шейбана]

Туканджар (توقانجار)

[Сыновья Маджара, сына Шейбана, сына Джучи]

Дурджи (دورجي)

[Ветви Тангкута, сына Джучи]

Субадай (سوباداي)

Тукуз (توقوز)

[Сыновья Субада, сына Тангкута, сына Джучи]

Киджик-Кунджи (كيجيك قونجي)

Меджаз (مجاز)

[Сыновья Меджаза, сына Субада, сына Тангкута, сына Джучи]

Курук (كوروك)

[Сыновья Киджик-Кунджи, сына Субада, сына Тангкута]

Дурту (دورتو)

Ишан (ايشان)

Куйджа-Тимур (كويجا تيمور)

Бурачар (بوراچار)

[Сыновья Тукуза, сына Тангкута, сына Джучи]

Буралги (بورالقي)

Ариплан (Арыслан) (ارپلان)

Калимутаи (قاليموتاي)

[Ветви Бувала, сына Джучи, сына Чингизхана]

Татар (تاتار)

Мингкадар Микан (مينگقادر ميك قان)

[Сыновья Татара, сына Бувала, сына Джучи, сына Чингизхана]

Пустая клетка – это Нукай (نوقاي), некоторые из этого улуса знали его, когда Туктая поставили правителем, и после этого между ними возникла борьба.

[Сыновья Нукая, сына Татара, сына Бувала, сына Джучи]

Джеке (جكه)

Теке (تكه)

Турай (توراي)

[Сыновья Джеке, сына Нукая, сына Татара, сына Бувала]

Каракъяк (قاراكياك)

[Сыновья Мингкадар Минкана, сына Бувала, сына Джучи]

Иль-Басмыш (ايل باسميش)

Туклуджэ (توقلوجه)

Узбек Куртка (اوزبك قورتقا)

Урус (اوروس)

Сасык (ساسيق)

Узбак (اوزياك)

Абукан (ابوكان)

Бакдуз (باكدوز)

Тукар (توقار)

[Сыновья Тукара, сына Мингкадар Минкана, сына Бувала]

Курди-Бука (كوردي بوقا)

[Сыновья Бакдуза, сына Мингкадар Минкана, сына Бувала]

Тудакан (توداكان)

Кутлупай (قوتلۇپاي)

[Сыновья Абукана, сына Мингкадар Минкана, сына Бувала]

Тукуд-ж (توقوج)

Ахмад (احمد)

[Сыновья Абукана, сына Мингкадар Минкана, сына Бувала]

Ит-Басар (ايت باسار)

[Ветви Шингкура, сына Джучи, сына Чингизхана]

Йису-Бука (ييسو بوقا)

Ширамун (شيرامون)

Маджар (ماجار)

[Сыновья Маджара, сына Шингкура, сына Джучи]

Байджу (بايجو)

Байан (بايان)

Урусак (اوروساق)

[Сыновья Ширамуна, сына Шингкура, сына Джучи]

Байрам (بايرام)

Джавуту (جاووتو)

Хуразми (خورازمي)

[Сыновья Ширамуна, сына Шингкура, сына Джучи]

Ичинджи (ايجنجي)

Тудаджу (توداجو)

Тудаан (تودان)

Кубалак (كوبالاك)

Буралги (بورالقي)

[Ветви Чимбая, сына Джучи, сына Чингизхана]

Хинду (هيندو)

Тудувур – Туйдакур (تودوور تويداكور)

[Сыновья Хинду, сына Чимбая, сына Джучи, сына Чингизхана]

Йеку (يکو)

[Сыновья Йеку, сына Хинду, сына Чимбая, сына Джучи]

Джалаир-Тай (جلاليرتاي)

Кундалан (كوندالان)

Таджу (تاجو) – Таджу занял место своего отца в улусе, узнав, что Тукта обезглавил его. *Имя выделено красным.*

[Сыновья Тудувур – Туйдакура, сына Чимбая, сына Джучи]

Тарйаджи (تاریاجی)

Маджар (ماجار)

[Сыновья Маджара, сына Тудувур – Туйдакура, сына Чимбая]

Куртка-Джук (قورقاجوق)

Ходжа-Тимур (خواجه تیمور)

Мелик (ملك)

[Ветви Удура, сына Джучи, сына Чингизхана]

Карачар (قاراچار)

[Сыновья Карачара, сына Удура, сына Джучи, сына Чингизхана]

Тукал (توكال)

Амакан (اماكان)

Абишке (ابيشقه)

Дурджи (دورجی)

Курткэ (قورقکه)

[Сыновья Дурджи, сына Карачара, сына Удура, сына Джучи]

Анандэ (آنندہ انان دا)

[Сыновья Курткэ, сына Карачара, сына Удура, сына Джучи]

Сасы (ساسی)

[Ветви Тука-Тимура, сына Джучи, сына Чингизхана]

Баймур (بايمور)

Байан (بايان)

Урунг-Тимур, Урунг-Таш (ۋرۋنگ تيمور ۋرۋنگ تاش)

Кинтимур (کينتيمور)

[Сыновья Баймура, сына Тука-Тимура, сына Джучи]

Куйкуджу (کويکوجو)

Билкиджи (بيلقيجي)

Туканджар (توقانجار)

[Сыновья Байана, сына Тука-Тимура, сына Джучи]

Дашманд (داشمند)

Газан (غازان)

[Сыновья Урунг-Тимура, сына Тука-Тимура, сына Джучи]

Сабидже (سابيجه)

Азиклы (ازيقلی)

Аджги (اجقي)

Киракиз (قىراقىز)

[Сыновья Киракиза, сына Урунг-Тимура, сына Тука-Тимура]

Никпай (نيکپای)

[Сыновья Аджги, сына Урунг-Тимура, сына Тука-Тимура]

Бахтияр (بختیار)

Шибавджи (شيباوجي)

Керайдже (كرايجه)

[Сыновья Азиклы, сына Урунг-Тимура, сына Тука-Тимура]

Адел (ادل)

Сикирджи (سيقيرجي)

Айтарджи (ايتارجي)

[Сыновья Сабидже, сына Урунг-Тимура, сына Тука-Тимура]

Кунджак (كونجك)

[Сыновья Кинтимура, сына Тука-Тимура, сына Джучи]

Абай (اباي)

Караходже (قاراحوجه)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.
2. Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И. Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 22–25.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Москва, Ленинград: издательство АН СССР, 1960. 316 с.
4. Рашид ад-дин. «Шуаб-и панджгана». Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.
5. Хамидова Ч.И. Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Аbru // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 79–83.
6. Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Asem, Talik, 227 sayfa. Topkapı Sarayı Müzesi Kitaphanesi, shifr A.III 2937.

Сведения об авторе (переводчике): Чулпан Ильдаровна Хамидова – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

Поступила 07.09.2016 г.

Принята к публикации 12.11.2016 г.

RASHID AL-DIN. SHU'AB-I PANJGANAH. 2. THE MONGOLS AND THE TURKS (2)*

Research objectives and materials: The article presents part of the translation of the 2nd chapter of the manuscript. This part contains a genealogical tree of Jochi Khan (his descendants known to Rashid al-din). The footnotes present the Arabic writing of the names in the manuscript. The results of translation and analyses of the text of the manuscript could serve to various purposes: study of Rashid al-Din's heritage, Golden Horde

* The end of the article. See the beginning in: Golden Horde Review. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 668–680. Foreword and comments by Ch.I. Khamidova.

history, genealogical history of Jochi Khan and his descendants. The translation of the manuscript has never been published neither partly nor fully.

Research results and novelty: The genealogy of Jochi Khan's ancestors in "Shu'ab-i panjganah" mainly repeats the information from *Jami 'al-Tawarikh*, although additional data is also available. The genealogy of the descendants of Jochi in "Shu'ab-i panjganah" contains fifteen of his sons. In fact, there are 10 genealogical lines, since five of them did not have any offspring, or they are not known (these are the lines of Berke, Kukadzhi, Dzhilaraun, Mohammed, Shinkum). Jochi's genealogy contains some notes regarding the succession to the throne in the Golden Horde: the name of the ruler of the Golden Horde is written in red ink, also sometimes the author notes that one or the other descendant of Jochi took the throne, indicating the order of succession to the throne. These notes offer two variants of succession of rulers; a comparison of the text of "Shu'ab-i panjganah" with the text of Rashid al-din's main historical writing "Jami 'al-Tawarikh" does not clarify the situation as, for example, Kukadzhi who is presented in one variant of order of succession, is absent in "Jami 'al-Tawarikh".

Keywords: Rashid al-din, Shu'ab-i Panjganah, Jami 'al-Tawarikh, Compendium of chronicles, Chinggis Khan, Jochi Khan, Jochi Khan's genealogy, Rashid al-Din's heritage, Persian manuscript.

For citation: Rashid al-din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and the Turks (2). Trans. and comm. by Ch.I. Khamidova. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880

REFERENCES

1. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i pahjganah": Research Perspectives]. *Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian)
2. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [The Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to the Rashid al-Din's "Shuab-i pandzhgana"]. *Golden Horde Civilization*. 2013, no. 6, pp. 22–25. (In Russian)
3. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles. Vol. II]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1960. 316 p. (In Russian)
4. Rashid al-din. «Shuab-i pahjganah». *Facsimile*. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 460 p. (In Russian)
5. Khamidova Ch.I. Genealogii Dzhuchidov v sochineniyakh Rashid ad-dina i Khafiza Abru [Juchids' Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru]. *Golden Horde Civilization*. 2016, no. 9, pp. 79–83. (In Russian)
6. *Shu'ab-i pençgâne*. Topkapı. Ahmet III I. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapı Sarayı Müzesi Kitaphanesi, shifra A. III 2937. (In Persian)

About the author (translator): Chulpan I. Khamidova – Post-graduate student, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

Received September 7, 2016

Accepted for publication November 12, 2016

УДК 930.23:94(369.2+495).01

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.881-893

**ПОСОЛЬСТВА АВАРОВ К ВИЗАНТИИ У МЕНАНДРА ПРОТЕКТОРА
(КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТОВ ИСТОЧНИКА)****О. Жданович***Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко**01033, Киев, Украина**E-mail: olbio@bk.ru*

Цель: представить комментарии и перевод отдельных фрагментов труда византийского историка Менандра Протектора, посвященных описанию первых посольств, присланных в Византию от аваров. Проанализировать представления ромеев об аварах и установить некоторые факторы формирования этих представлений.

Материалы исследования: менандр одним из первых в раннесредневековой литературе описывает появление аваров на европейских территориях, их отношения с другими народами, населявшими Приднепровье, Причерноморье и Подунавье, а также дипломатические связи с ромеями. Из свидетельств Менандра мы можем составить представление об аварах, а также об отношении византийцев к варварам, которые представляли серьезную угрозу для империи.

Результаты и научная новизна: данная публикация позволяет посмотреть на кочевников глазами ромея, раскрыть субъективные стороны этой репрезентации, обусловленные непониманием чужой культуры и дипломатическим блефом. Представленные фрагменты имеют важное значение для дальнейшего научного изучения истории Византии, аваров и межкультурных отношений в раннем средневековье.

Ключевые слова: Менандр Протектор, Юстиниан, Византия, авары.

Для цитирования: Жданович О. Посольства аваров к Византии у Менандра Протектора (комментированный перевод фрагментов источника) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 881–893. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.881-893

Труд византийского историка VI века Менандра Протектора сохранился до наших дней фрагментарно. Но и уцелевшие отрывки представляют собой огромную ценность как источник для исследования взаимоотношений Византийской империи и варварских народов. Описанный автором период охватывает последние годы правления императора Юстиниана I и времена Юстина II и Тиберия I (558–582).

Для нашего перевода взято издание на греческом языке, опубликованное в сборнике «Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae» в 1829 г. [9]. В 1860 г. в Санкт-Петербурге был опубликован российский перевод этого текста [1]. Переводчик, исследователь-эллинист Спиридон Юрьевич Дестунис (1782–1848), начал работу над переводом сборника «Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae» еще в 1838 г. Ему удалось перевести четыре части книги, но при жизни вышел в свет только один небольшой фрагмент. Остальные части работы, в том числе и труд Менандра Протектора, издал сын С. Дестуниса уже после смерти переводчика. Отдельные фрагменты, касающиеся истории славян, были переведены и опубликованы современными российскими исследователями С. Тохтасьевым и И. Левинской [4, с. 311–356].

Представленный нами перевод фрагментов Менандра Протектора является важной попыткой исследовать процессы междоцивилизационных взаимодействий с точки зрения участника одной из сторон этих отношений. Посмотреть на кочевников глазами ромея, раскрыть его субъективный взгляд на некоторые элементы чуждой и непонятной культуры, распознать, где искренность, а где попытки просто выгодно себя показать перед послами могущественной державы – вот те задания, которые мы хотели реализовать посредством перевода и анализа отдельных текстов Менандра Протектора.

В нашей статье представлены фрагменты труда Менандра, касающиеся аваров и их взаимоотношений с византийцами. Автор описывает посольские миссии от аваров к ромеям, а также ответные визиты. Сведения базируются на документах, которые были доступны Менандру и на основе которых он создавал свою книгу.

Посольство аваров к византийцам 558 р.

Exc. De leg. gent. P. 99

[Περὶ Ἀβάρων.] ὥς πολλά περινοστήσαντες ἤκον ἐς Ἀλανούς, καὶ ἰκέται ἐγένοντο Σαρωσίου τοῦ Ἀλανῶν ἡγουμένου, ὥς ἂν δι' αὐτοῦ γνώριμοι ἔσοιντο Ῥωμαίοις.	[Об аварах]. Авары после долгих скитаний пришли к аланам ¹ и просили, чтобы их принял правитель алан Сарозий и познакомил с ромеями.
Ὁ δὲ Ἰουστίνῳ τῷ Γερμανοῦ, κατ' ἐκεῖνο καιροῦ τῶν ἐν Λαζικῇ καταλόγων ἐξηγουμένῳ, τῶν Ἀβάρων περὶ ἐδήσεν, ὁ δὲ Ἰουστίνος Ἰουστινιανῷ βασιλεῖ.	Юстин ² , Германа [сын], который в то время имел власть над войском в Лазике ³ , про аваров донес василевсу Юстиниану ⁴ .
Καὶ δὴ ἐνεκελεύσατο ὁ βασιλεὺς τῷ στρατηγῷ στέλλειν ἐς Βυζάντιον τὴν πρεσβείαν τοῦ ἔθνους.	Василевс приказал стратигу ⁵ распорядиться, чтобы прислали посольство в Византию от народа [аваров].
Καὶ οὖν Κανδίχ ὄνομά τις ἤρέθη πρεσβευσόμενος ὑπὲρ Ἀβάρων πρῶτος, ὃς ἐσφοιτήσας ἔλεξε τῷ αὐτοκράτορι, ὥς πάρεστι τὸ μέγιστον τε καὶ ὀλκιμώτατον τῶν ἐθνῶν, καὶ ὥς τὸ φύλον οἱ Ἀβαιοι	Первого посланника, призванного от аваров, звали Кандихом. Он пришел и сказал императору, что явился наибольший и нахрабрейший из народов и что племя аваров непобедимое. Они всяких

¹ Аланы – союз сарматских ираноязычных кочевых племен, известных в источниках с I в. н.э.

² Юстин – государственный деятель и военачальник, сын двоюродного брата императора Юстиниана I, Германа, влиятельного чиновника при дворе императора. Юстин был одним из двух претендентов на императорскую власть. Его соперником стал еще один племянник Юстиниана I, будущий император Юстин II. Оба Юстина договорились между собой, что тот из них, кто окажется на престоле, сделает другого вторым человеком в империи. Когда умер Юстиниан, Юстин, Германов сын, находился с войском на севере империи, охраняя границу от аваров. Другой Юстин воспользовался этим и сам занял престол. Юстина, сына Германа, отозвали с должности командующего дунайской армией в Константинополь и лишили личной дружины. Потом его назначили на пост префекта августула Египта. Таким образом, его отделили от столицы, а позже убили.

³ Лазика (местное название – Эгриси) – область в Западной Грузии. С VI в. территория Лазики была ареной борьбы между Византией и Сасанидской Персией. Согласно договору 562 г., Лазика пребывала в зависимости от Византии. В VIII в. область вошла в состав Абхазского царства.

⁴ Юстиниан I – византийский император (527–565).

⁵ Стратиг – наместник и главнокомандующий военно-административным округом в Византийской империи.

ἀκαταμάχητοί τέ εἰσι καί τό ἀντιστατοῦν οἰοί τε ῥαδίως ἀπώσασθαι τε καί διαφθεῖρειν, καί ὡς προσήκόν ἐστι τῷ βασιλεῖ ἐς ὁμαιχμίαν σφᾶς ἐταιρίσασθαι, ἀλεξητήράς τε ἔχειν ἀγαθοῦς, καί ὡς οὐκ ἄλλως εὐνοῦστατιον ἔσονται τῇ Ῥωμαϊκῇ πολιτείᾳ ἢ δώροις ἐς τά μάλιστα τιμιωτάτους καί χρήμασιν ἐτησίους καί γῆς εὐφορωτάτης οἰκήσει.	врагов легко могут изгонять и уничтожать. Поэтому василевсу следует быть с ними друзьями в военном союзе, [и таким образом] иметь хороших защитников. Но они только тогда будут милостивы к ромейскому государству, если будут ежегодно получать большие ценные подарки и деньги, а также будут поселены тобой на плодородные земли.
Ταῦτα τῷ αὐτοκράτορι ἐπειδὴ ἡγγεῖλεν ὁ Κανδίχ, αὐτίκα - οὐ γάρ ἐσφρίγα οἱ τό σῶμα, οὐδέ ἡκμαζεν ἡ ἀλκί, ὥσπερ ἀμέλει, ἡνίκα Γελίμερά τε τόν Βάνδηλον καί Οὐίτιγιν τόν Γότθον ἄμφω ἐτι νεάζων ἔθετο δορυάλωτον• ἀλλ' ἤδη χηραλέος τε ἦν, καί τό ἀνδρεῖον ἐκεῖνο φρόνημα καί φιλοπόλεμον μετεβέβλητο ἐς τό ῥαθυμότερον.	Так сказал Кандих императору, но сейчас тело [императора] не было таким цветущим, исполненным силы, как тогда, когда он был молод и пленил вандала Гелимера ⁶ и гота Витигина ⁷ . Он был уже стар и его мужественный дух и любовь к войне сменились беззаботностью.
Ταῦτα ἐγνώ ἐτέρῳ τρόπῳ καί οὐχί πολέμῳ τήν βαρβαρικὴν ἀποκρούσασθαι δύναμιν.	Итак, он решил другим способом, а не войной, отбить варварскую силу
Καὶ κατηγωνίσατο ἄν καὶ ἄρδην ἡφάνισεν, εἰ καὶ μὴ πολέμῳ, ἀλλ' οὖν εὐβουλίᾳ, εἰ γε μὴ τῷ ἀφειλομένῳ τέλει πρότερον ἡφανίσθη αὐτός• οὐ γάρ πολλῷ ὕστερον ὄχρετο ἐκεῖσε.	Он овладел бы аварами полностью, уничтожил бы не войной, но здравым смыслом, если бы первым сам не погиб немногим позже.

⁶ Гелимер – король вандалов на протяжении 530–534 гг. Он пришел к власти путем государственного переворота, устранив от власти своего дядю короля Хильдерика, толерантной политикой которого были недовольны некоторые придворные. Именно поддержкой знати и заручился Гелимер, когда решил захватить власть. Дядю он заточил в тюрьму, а в 533 г. приказал казнить. За время своего правления Хильдерик придерживался дружественных отношений с Византией. За краткий период пребывания Гелимера при власти королевство вандалов поменяло свою позицию по отношению к Византийской империи на враждебную. На протяжении осени и зимы 533–534 гг. войско Гелимера было разбито византийцами под Дециумом и Трикамаром, а в марте 534 г. сам узурпатор сдался Юстиниановому полководцу Велисарию. Потери обеих сторон были очень большими.

⁷ Уитигин (Витигес) – король остготов (500–542), правил в 536–540 гг., принимал участие в готских войнах, армией Юстиниана I был захвачен в плен вместе с дружиной. После того как византийцы разгромили вандалов, они развязали войну с остготами, которые имели свое отдельное независимое королевство в Италии. Поводом для войны стали события, которые развернулись в среде политической верхушки остготов после смерти в 534 г. Аталариха – малолетнего внука Теодориха Великого. В то время страной фактически правила его мать Амаласунта, однако после смерти наследника, племянник Теодориха Теодат сместил регентшу с престола и отправил ее в тюрьму, в которой она вскоре умерла. Тут свою роль сыграла скандально известная византийская дипломатия. Все дело в том, что Амаласунту формально поддерживала ромейская власть, но они все время провоцировали Теодата уничтожить законную претендентку на престол. После ее смерти, воспользовавшись формальным поводом, ромеи объявили остготам войну. Начиная с 535 г. и до 552 г. между ними шла изнурительная война. Византийцы победили остготов, а в 554 г. разгромили еще и франков с алеманами. В этот же период юго-восток Испании был отвоеван у вандалов. Мечта Юстиниана о воссоединении Римской империи была осуществлена, однако вся западная часть была опустошена и разорена, экономика подорвана, моральный дух ромеев также был не на высоте из-за сильных человеческих и материальных потерь.

Ἐπεὶ οὖν ἥκιστα ἦν οἷος τε περιεῖναι, τήν ἐτέραν ἐτράπετο.	После того как был меньше всего способен победить неприятеля, он перетянул его на свою сторону.
--	---

Exc. De leg. gent. (p. 100)

Ὅτι δημηγορήσας ὁ βασιλεύς, τοῦ τε ἱεροῦ ξυλλάγου τὸ ἀγγίνουν τε καὶ βουλευτικόν τοῦ βασιλέως ἐπαινέσαντος, παραχρῆμα τὰ τε δῶρα ἔστελλε, σειρώς τε χρυσῷ διαπεποικιλμένας καὶ κλίνας, ἐσθῆτάς τε σιρκίās καὶ ἕτερα πλεῖστα ἐκμαλθακῶσαι οἷά τε ὄντα ἀλαζονείας ἀνὰ πλεονεξίαν, πρὸς τοῖς καὶ πρεσβευσόμενον Βαλεντίνον• (εἰς δὲ οὗτος τῶν βασιλικῶν μαχαροφόρων) καὶ προυτρέπετο τὸ φύλον ὁμαιχμίαν ἐσάγειν Ῥωμαίοις καὶ κατὰ τῶν ἀντιπάλων ὀπλίζεσθαι, ἐμφονέστατα οἷμαι προμηθευσάμενος ὁ βασιλεύς, ὥς ἡ νικῶντες οἱ Ἄβαροι ἢ καὶ ἡσσωμένοι ἐξ ἀμφοῖν περιθῶσι Ῥωμαίοις τὸ συνοῖσιν.	Василевс ораторствовал, священное собрание одобряло его находчивость. Сразу же были присланы подарки: инкрустированные золотом цепочки и ложа, шелковые одежды ⁸ и много других вещей, которые смягчили бы высокомерные души. К ним отправили посланника Валентина (он был одним из оруженосцев василевса), чтобы склонить племя к военному союзу с ромеями и готовности вооружаться против неприятелей ⁹ . Думаю, что такая предусмотрительность василевса была разумной, ибо победят ли авары, или будут побеждены – в обоих случаях положение ромеев будет одним и тем же.
Τοῦ δὲ Βαλεντίνου ἐκεῖσε ἀφικομένου καὶ τὰ δῶρα παρασχομένου, καὶ ὅσα	Когда Валентин прибыл туда, он отдал дары и все то, что хотел передать васи-

⁸ Шелк был известен римлянам еще в начале новой эры. Это была очень дорогая ткань, из которой шили праздничные одежды не для всех, а только для богатых и знатных лиц. Шелк носили при императорском дворе, надевали в наиболее знатных и богатых домах, использовали при пошиве одежды для священников. Он был роскошью, его приносили в дар богам, им покрывали алтари. В раннем средневековье эти ткани приравнивались к золоту, хотя в то время они уже стали более распространены и доступны благодаря торговле. Существуют сведения о том, что уже в раннем средневековье в Константинополь был завезен шелкопряд и ромеи владели производством шелка.

⁹ На северной границе Византии по нижнему течению Дуная во времена Юстиниана кочевали орды гуннов и болгар, жили анты и славяне. Недалеко от границы, за Дунаем, проживали германские племена гепидов, которые владели стратегически важным городом Сирмием. Когда Юстиниан попытался расширить западные границы империи, это вызвало сопротивление гепидов. Территории на запад от Сирмий преобладали под властью германцев. Во всех укрепленных пограничных городах проживало полувоенное население, среди которых большой процент составляли варвары-федераты – готы, гунны, герулы и др. Они периодически осуществляли набеги на провинции империи, опустошали их и грабили местное население. Особенной жестокостью и масштабами разрушений отличились славяне на протяжении 550–551 гг., когда перешли границу с Византией на Дунае и вторглись на территорию империи. Опустошив Фракию, они стремились пойти дальше, однако, под натиском императорской армии под командованием полководца Германа, вынуждены были отступить. Но это было лишь началом. Опустошающие и поражающие своей жестокостью набеги болгар и славян были еще впереди. С юга границам Византии угрожала опасность от кочевых арабских племен. В степях Причерноморья, что раскинулись вплоть до Дуная и предгорья Кавказа, до Каспийского моря и течения реки Волги, в начале VI в. кочевали воинственные племена гуннов под именами савилов, утигуров и кутигуров. Савиры жили на прикаспийской территории, около моря, утигуры – в Приазовье и на Дону, кутигуры – от Дона до Дуная и дальше. Гунны относительно легко переправлялись через Дунай и нападали на провинции Византийской империи. Граница охранялась очень плохо, а пограничные территории были малозаселенными, что искушало кочевников часто нападать на них.

ἀσήμενεν ὁ βασιλεὺς ἐξειπόντος, πρῶτον μὲν ἐξεπολεμήθησαν Οὐτιγούροις, εἶτα Ζάλοις, Οὐννικῶ φύλῳ• καὶ Σαβείρους δὲ καθεῖλον.	левс. Сначала начали воевать с утигурами ¹⁰ , потом с гуннским племенем залов, а также разгромили савиров ¹¹ .
--	--

Exc. De leg. gent. (P. 100, 101)

Ὅτι ἐπεὶ οἱ ἄρχοντες Ἀντῶν ἀθλίως διετέθησαν καὶ παρὰ τὴν σφῶν αὐτῶν ἐλπίδα ἐπεπτώκεσαν, αὐτίκα οἱ Ἄβαροι ἔκειον τε τὴν γῆν καὶ ἐληίζοντο τὴν χώραν.	Вожди антов ¹² пребывали в сложном положении, вследствие чего потеряли всяческую надежду; авары же сразу стали грабить и опустошать их земли.
Πιεζόμενοι δ' οὖν ταῖς τῶν πολεμίων ἐπιδρομαῖς ὡς οἶον τε, ἐπρεσβεύσαντο ὡς αὐτοὺς Μεξάμηρον τὸν Ἰδαρίζου, Κελαγαστοῦ ἀδελφόν, ἐπὶ τὴν πρεσβείαν χειρονήσαντες• ἐδέοντό τε πρίασθαι τῶν τινας τοῦ οἰκείου φύλου δορυαλῶτων.	Угнетенные военными набегами [анты] отправили послом к ним [аварам] Ме-замира, Идаризового [сына], брата Келлагаста. Послы просили для себя возможности выкупить нескольких плен-ных соплеменников.
Καὶ τοῖνυν Μεξάμηρος ὁ πρεσβευτής, στρωμύλος τε ὢν καὶ ὑπαγώρας, ὡς	Посол Мезамир, разговорчивый и хва-стливый, когда прибыл к аварам, заки-

¹⁰ Утигуры – гуннское племя, кочевало на землях вблизи впадения Дона в Азовское море и вплоть до Боспора Киммерийского с V по VII вв. Они перебрались в Крым и там столкнулись с готами-тетракситами. В середине VI в. вместе с родственными им кутригурами они стали инструментом так называемой византийской дипломатии: ромейские императоры путем подкупа вождей сталкивали эти два племена между собой, преследуя свои собственные интересы. Кутригуры жили на территориях между Тиссой и Дунаем, то есть, ближе к границам с Византией. Ромеи были, естественно, не в восторге от такого соседства, постоянно пребывали в напряжении, ожидая нападения варваров в любой момент. Именно поэтому кутригуров, немного больше, чем утигуров, чествовали различными дарами и подачками. Но, несмотря на подарки, кочевники периодически совершали грабительские походы на границы империи. В 551 г. кутригуры создали союз с германским племенем гепидов, которые просили им помочь в борьбе против лангобардов. Однако германцы сами побаивались таких воинственных и грозных союзников, поэтому всячески поощряли их совершать походы на империю для того, чтобы отдалить от себя на безопасное расстояние. У Юстиниана не было достаточно сил отражать нападения кутригуров, поэтому он решил действовать хитростью и поссорить их с утигурами. Византийский император успешно использовал оба эти народа в своих целях. В 545 г. он написал послание вождю утигуров Сандилху, в котором между прочим сказал о том, что кутригуры получают от империи намного больше подарков, чем они. Таким образом, он сделал ставку на жадность и зависть людей, особенно по отношению к своим родственникам. Ведь утигуры и кутригуры происходили от одного корня, имели приблизительно одинаковые возможности и, соответственно, должны были быть равными перед Византией. Итак, хитростью и своей характерной дипломатией Юстиниан смог подбить Сандилха начать войну со своими родственниками, а с недавнего времени уже и соперниками. Утигуры перешли Дон и напали на кутригуров. Стычки между племенами продолжались до 548 г. и завершились победой утигуров. Очень быстро, благодаря вмешательству Византии, кутригуры и утигуры стали непримиримыми врагами. Борьба между утигурами и кутригурами, спровоцированная и поддерживаемая Византией, в конце концов значительно ослабила их. Авары воспользовались этим и завоевали оба племена, сделав их подданными каганата.

¹¹ Савиры – племя гуннского происхождения.

¹² Анты – по Прокопию Кесарийскому – восточная ветвь племени славян (Procop. De Bell. Goth. III, 14.). Анты и другое славянское племя склавинов представляли большую проблему для Византийской империи. С конца V в. они жили на востоке от гепидов по нижнему течению Днепра и Днестра. Эти племена периодически совершали грабительские набеги на территорию империи небольшими мобильными отрядами, а иногда и достаточно большими группами.

Ἄβάρους ἀφικόμενος ἀπέρριψε ῥήματα ὑπερήφανά τε καὶ θρασύτερά πως.	дал их горделивыми и дерзкими речами.
Ταῦτά τοι ὁ Κοτράγηγος ἔκεινος, ὁ τοῖς Ἀβάροις ἐπιτήδειος, ὁ κατ' Ἀντῶν τὰ ἐχθίστα βουλευσήμενος, ἐπεὶ ὁ Μεζάμυρος ὑψηλότερον ἢ κατὰ πρεσβευτὴν διελέγετο, εἶπεν ὡς τὸν Χάγανον• «οὗτος ὁ ἀνὴρ μεγίστην ἐσύτι περιβέβληται δύναμιν ἐν Ἄνταις, οἷός τε πέφυκε κατὰ τῶν ὅπως οὖν αὐτῷ πολεμίων ἀντιτάττεσθαι.	Тогда Котрагир, родственник аваров, который об антах говорил нелестно, услышав, что Мезамир сказал надменнее, нежели это уместно послу, обратился к Хагану ¹³ : «этот человек имеет большое влияние среди антов, и может действовать против всяческих своих врагов.
Δεῖ τοιγαροῦν ἀπακτανθῆναι τοῦτον, καὶ τό λοιπόν ἀδεῶς ἐπιδραμεῖσθαι τὴν ἀλλοτρίαν».	Поэтому необходимо заставить его умолкнуть навсегда, а потом без страха нападать на иноземцев».
Τούτῳ πεισθέντες οἱ Ἄβαροι παρῳσάμενοι τὴν τῶν πρέσβων αἰδῶ, ἐν οὐδενί τε λόγῳ θέμενοι τὴν δίκην, ἀναιροῦσι τὸν Μεζάμυρον.	Авары покорились, оттолкнули достойного уважения посла, пренебрегли правами и убили Мезамира.
Ἐξ ἐκείνου πλέον, ἢ πρότερον, ἔτεμον τὴν γῆν τῶν Ἀντῶν, καὶ οὐκ ἀνέεσαν ἀνδραποδιζόμενοι καὶ ἄγοντές τε καὶ φέροντες.	С тех пор больше, чем раньше, стали уничтожать земли антов и не переставали грабить и покорять жителей.

562, De leg. Gent. 100

Ὅτι ἐδέξατο Ἰουστινιανός παρὰ Ἀβάρων πρέσβεις, ὅφ' ᾧ σφᾶς περιαθρήσασιν γῆν, ὅποι τό φύλον θήσονται τάς οἰκήσεις.	Юстиниан принял посольство от аваров, чтобы они осмотрели земли, куда племя должно было переселиться для жизни.
Καὶ ὁ μὲν βασιλεὺς, Ἰουστίνου τοῦ στρατηγοῦ σημηναντός οἱ, ἐν βουλῇ ἐποιήσατο ἐς τὴν Ἐρούλων χώραν κατοικίσει τό ἔθνος, ἐνθα πρό τοῦ ᾧκου οἱ Ἐρουλοι•	Василевс [послушал] доводы стратига Юстина, размышлял о том, как бы поселить этот этнос на землях Эрулов ¹⁴ , там, где [жили] Эрулы.
Δευτέρα δέ προσαγορεύεται Πανονία•	Теперь это называется второй Паннонией ¹⁵ .
Καὶ εἰ γε θυμῆρες αὐτοῖς ἐγένετο, καὶ κατένευσεν ἂν ὁ βασιλεὺς.	Если они там поселятся, то василевс был бы рад.
Ἀλλ' ἐκεῖνοι Σκυθίας οὐ τι ᾤοντο δεῖν ἐσεσθαι ἐκτός• αὐτῆς γάρ δήπουθεν ἐσὶν ἐφίεντο.	Но те не хотели селиться за пределами Скифии ¹⁶ , поэтому все так и осталось.

¹³ Хаган (каган) – хан ханов, то есть вождь вождей – титул кочевого правителя. Авары заимствовали титул кагана у тюрков. Конкретно тут речь идет об аварском кагане Баяне.

¹⁴ Эрулы (герулы) были воинственным германским народом, который в начале VI в. жил во Фракии. При Юстиниане I их вождь принял христианство, чтобы иметь возможность сблизиться с Византией. Однако большинство из них исповедовали арианство, которое они переняли у готов.

¹⁵ Под второй Паннонией следует понимать Фракию. На территории Фракии жили герулы, а со слов Менандра, именно на землях герулов Юстиниан предложил поселить аваров.

¹⁶ Римляне, а за ними и византийцы называли область Юго-Западного и Южного Причерноморья Большой Скифией. Малая Скифия охватывала земли между черноморским побережьем и нижним течением Дуная. Из дальнейшего текста Менандра мы узнаем, что авары обвинялись в намерении перейти Истр (Дунай), поэтому вполне очевидно, что речь идет о Большой Скифии, то есть о Причерноморье. И данное посольство в Константинополь было отправлено оттуда, и селиться за пределами Причерноморья, во всяком случае, теперь, авары не желали.

Τοῦτο μὲν οὖν οὐ προὔβη, ἐστείλει δὲ ὁμῶς Ἰουστίνος ὁ στρατηγὸς τοὺς πρέσβεις ἐς τὸ Βυζάντιον, ἐδήλωσέ τε τῷ βασιλεῖ, ὡς ἂν αὐτοῦ ἐν κατοχῇ ἔσοντο ἐπὶ πολλύ.	Невзирая на все это, стратиг Юстин снарядил посольство в Византию, сообщил василевсу, чтобы он задержал их в городе.
Ἐφίλοποιήσατο γάρ τῶν πρέσβεων ἓνα ὄνομα Οἰκουνίμων• ἐν ἀπορρήτῳ τέ οἱ ἔλεγεν ὁ Οἰκουνίμων, ὡς ἕτερα διαλεγόμενοι ἕτερα γνωματεύουσι, καὶ ὡς λόγοις μὲν ἐς τὰ μάλιστα μετρίοις χρῶνται καὶ [ὡς] τὴν ἐπιείκειαν παραπέτασμα προβάλλονται τοῦ δόλου, τῷ ἐμπεδῶσαι δὴθεν τὸ εὖνουν ὡς τοὺς Ῥωμαίους, ὡς ἂν ταύτῃ διαπεραιωθεῖεν τὸν Ἰστρον, τὸ δὲ γε βουλούμενον αὐτοῖς τῆς γνώμης ἔχει ἐτέρως, καὶ ὡς, εἴγε διέλθοιεν τὸν ποταμόν, βούλονται πανστρατεῖ ἐπιθέσθαι.	Он подружился с послом по имени Икунимон; Икунимон тайно рассказал, что [авары] одно говорят, а другое думают, а также, что используют предпочтительно простые слова и под личиной снисходительности скрывают коварство. Утверждают, что ради расположения ромеев, они переплывут Истр ¹⁷ , сами же желают другого и имеют намерения, если только им удастся перейти через реку, напасть всем войском.
Τούτων οὖν Ἰουστίνος ἐγνωσμένων, αὐτῷ τῷ βασιλεῖ ἐσήμηνεν, ὡς ἂν οἱ πρέσβεις τῶν Ἀβάρων ἐγκαθειργμένοι ὦσιν ἐν Βυζαντίῳ• ταύτῃ γάρ οὐκ ἀνέξοιντο διελθεῖν τὸ ρεῖθρον, πρὶν ἢ ἀφεθῶσιν οἱ πρέσβεις.	Когда об этом узнал Юстин, он дал знать василевсу, что аварские послы задержаны в Византии: потому что авары не решаться переправиться через течение реки до того, как послы будут отпущены на волю.
Ἐν ᾧ δὲ ταῦτα ἔπρασεν ὁ Ἰουστίνος, οὐχ ἥττον παρασκευάζετο ἅμα φυλάζων τὰς διαβάσεις τοῦ ποταμοῦ• Βῶνον γάρ τὸν πρωτοστάτην τοῦ θητικοῦ καὶ οἰκετοκοῦ τῇ τοῦ ποταμοῦ ἀπένειμε φυλακῇ.	Поступая так, Юстин готовил вместе с тем охрану переправы реки; Вону же, главному над наемниками и челядью, приказал быть охранником реки.
Οἱ δὲ πρέσβεις τῶν Ἀβάρων ἐπεὶ οὐδὲν τι ὦνησαν ὥνπερ αἰτοῦντες πρὸς βασιλέα ἐφίκοντο, δῶρα, ὥσπερ σύνηθες ἦν αὐτοῖς, παρ αὐτοῦ εἰληφότες, καὶ μὲν οὖν ὦνησάμενοι τὰ ὅσα χρεών, τοῦτο δὲ καὶ ὄπλων, ἀφέθγσαν μὲν• ὁμῶς δὲ οὖν Ἰουστίνῳ λάθρα ἐνεκελεύσατο ὁ βασιλεὺς τρόπῳ τῷ τὰ ὄπλα ἀφελέσθαι παρὰ σφῶν.	Послы аваров, после того как не достигли того, чего требовали от василевса, только совсем обычные дары взяли, а также купили все необходимое, даже оружие, и были отпущены. Однако василевс тайно приказал Юстину любым способом отобрать у них оружие.
Καὶ οὖν ὁ στρατηγὸς ἐπεὶ ἐδεξάτο γε αὐθις ἐπανιόντας τοὺς πρέσβεις, κατὰ ταῦτα ἐποίη.	Стратиг осуществил все это после того как принял послов, которые возвращались.
Ἐντεῦθεν ἤρξατο ἡ δυσμένεια Ῥωμαίων τε καὶ Ἀβάρων, ἥδη ἐκ πολλοῦ ὑποτυφομέν, καὶ μάλιστα τῷ μὴ ὡς θάττον ἀφεθῆναι τοὺς πρέσβεις.	С тех пор началась вражда ромеев с аварами, которая тлела с давних пор и [вспыхнула] естественно через не отпущенных вовремя на волю послов.
Συνεχέστατα γάρ ἐσήμηνεν ὁ Βαϊάνος, ὡς ἂν ἐπανεέλθοιεν• τὸ μελετώμενον δὲ σάφα ἐπιστάμενος ὁ βασιλεὺς ἄλλοτε ἄλλως διετίθει τὸ παρόν, ὅπως ἐς τὴν βασιλίδά πόλιν ἐγκαθειργμένοι εἶεν.	Баян часто подчеркивал, что они должны вернуться. Василевс же, точно зная его мысли, разными способами устраивал так, чтобы посланцы были задержаны в столице.

¹⁷ Дунай.

565, Exc. De leg. Gent. (P. 101-103)

‘Ὅτι ἐπὶ Ἰουστίνου τοῦ νέου οἱ τῶν Ἀβάρων πρέσβεις παρεγένοντο ἐν Βυζαντίῳ τά συνήθη δῶρα ληψόμενοι, ἄπερτῷ κατ’ αὐτοὺς ἔθνεϊ Ἰουστινιανός ὁπρὸ τοῦ βασιλεὺς ἐδίδου• ἦσαν δέκα λῶδιά τε χρυσῷ διαπεποικιλμένα, ἐς τό εἶργειν τι τῶν ἀπο διδρασκόντων ἐπὶ νενοημένα.	При новом Юстине ¹⁸ аварские послы прибыли в Византию для того, чтобы получить привычные дары, которые их народу давал его предшественник василевс Юстиниан. Это были небольшие веревки, покрытые золотом, предназначенные для задержания пойманных беглецов.
Καὶ κλῖναι ὁμοίως καὶ ἄλλα τινὰ ἐς τό ἄβρότερον ἀνειμένα.	Также для применения в постели и для других безудержных утех.
Τότε δὴ οὖν οἱ πρέσβεις τῶν Ἀβάρων ἐς πεῖρανιέναι τοῦ βασιλέως ἐβούλοντο, εἶγε οὐκ ἄλλως δῶρα λαμβάνειν αὐτοῖς, καίτῃ Ῥωμαίων ῥαθυμία ἐπεντρυφᾶν, καίτῳ ἅμα λés αὐτῶν οἰκεῖον τί θεσθαικέρδος.	Послы аваров стремились испытать василевса и узнать, как бы и другие дары взять им, изнеженным легкомыслием ромеев, и использовать их беспечность себе на пользу.
Καὶ δὴ παρὰ βασιλέα φοιτᾶν ἤξιοι.	Так они пришли, чтобы быть представленными василевсу.
Καὶ οὖν τοῦ το ἐφειμένον αὐτοῖς, ἔτι γε μὴν καὶ διὰ τῶν ἐρμηνέων ὅτι βούλονται λέγειν, τοι οἷσδε ἐχρήσαντο λόγοις «χρεῶν, ὦ βασιλεῦ, κληρο νομοῦν τάσετῃς πατρώας ἀρχῆς καὶ τοὺς πατρώους φίλους οὐκ ἄλλως, ἢ περ ὁ πατήρ ὁ σός, εὖ ποιεῖν, καὶ ταύτη φαίνεσθαι μᾶλλον διάδοχονεῖναι τε τελευτηκός τῷ μηδὲν ἐν ἀλλάττειν ὧν ἐκεῖνος ἐπραττεπεριών.	Им позволили прийти и через переводчиков рассказать о своих желаниях. Они сказали следующее: «твоя обязанность, о василевс, наследуя власть своего отца ¹⁹ , всем отцовским друзьям, как и отец твой, делать добро и быть хорошим наследником покойного, чтобы ты ничего не изменил из того, что было осуществлено им до того, как он умер.
Οὕτω γάρ καὶ ἡμεῖς τῆς αὐτῆς ἀνθεξόμεθα γνώμης, καὶ οὐχ ἥττον τό τῆς εὐεργεσίας ὄνομα μεταθήσομεν, εἰσὲ καὶ μετ’ ἐκεῖνον εὐεργέτην ἀποκαλέσοιμεν πρὸς γε καὶ αἰσχυνηθσόμεθα τῷ πεπονθέναι καλῶς μὴ τοῖς ὁμοίοις ἀμεῖ βεσθαιτόν δεδρακότα.	Такого же мнения и мы сами будем придерживаться. Будем прославлять имя благодетеля не меньше, чем когда его [отца] благодетелем называли. К тому же позор тем, кто на добро не отвечает тем же благодетелю своему.
Καὶ γάρ πατέρα τόν δώροις ἡμᾶς φιλοφρονούμενον ἀντεδωρούμεθα τῷ καὶ δυνάμενοι μὴ κατατρέχειν τήν Ῥωμαϊκὴν, ἀλλὰ πλέον ἐνδείκνυσθαι τι.	К тому же и отца твоего, который оказывал нам свою милость дарами, мы отблагодарили тем, что, даже имея возможность, все равно не нападали на ромеев.

¹⁸ Юстин II – византийский император, преемник Юстиниана I, его племянник, сын сестры. За время его правления никаких народных выступлений или бунтов в империи не наблюдалось. Во внешней политике Юстину II довелось иметь дело с аvarами. Однако его политика кардинально отличалась от политики Юстиниана. Юстин отказался выплачивать аvarам дань. Именно с правления Юстина II и начался период напряженных отношений, которые перерастали в открытые военные конфликты между Византийской империей и Аварским каганатом.

¹⁹ Тут слово «отец» следует воспринимать не буквально, а в значении предыдущего правителя. Юстиниан не был отцом императору Юстину, а только дядей. Хотя традиции престолонаследия предполагали передачу власти по наследству от отца к сыну. Юстиниан же, как известно, собственных детей не имел.

Τοὺς γάρ ἐκγειτόνων ὑμῖν βαρβάρους, τὴν Θράκην ἀεὶ περοκόποντας, ἠφανίσσαμεν ἄθροον, καὶ οὐδεὶς ὅστις αὐτῶν περιλείπεται τὰ Θρακῶν ὀρίσματα καταδραμούμενος δεδίασι γάρτων Ἀβάρων τὴν δύναμιν φιλίως ἔχουσιν πρὸς τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν.	Соседних нам варваров, которые Фракию ²⁰ постоянно грабили, всех их вместе уничтожить, и не останется ни одного из них совершать набеги на границы Фракии. Потому что их пугает сила аваров, которые имеют дружественные отношения с ромейской властью.
Πεπεῖσμεθα δὴ οὖν, ὥς ἐν τούτῳ μόνῳ κοινοτομήσεις ἡμᾶς τῷ πλέον παρέχειν ἡμῖν, ἢ ὁ σὸς ἐδίδου πατὴρ ἀνθ' ὧν καὶ ἡμεῖς ἤπερ ἐκεῖνῳ γεννησόμεθα σοὶ κατὰ τὸ πλέον ὑπεύθυνοι, καὶ μείζονας ἐποφλήσομέν σοι τὰς χάριτας.	Мы убеждены, что ты осуществишь нововведения для нас и больше дашь нам, нежели давал твой отец; в свою очередь, и мы будем тебе больше обязаны и более благодарны, чем ему.
Παρέσμεν οὖν ληψόμενοι τὰ κατὰ τὸ εἰωθός.	Мы пришли, чтобы забрать то, что по праву принадлежит нам.
Γνωθὶ γάρ, ὥς ἄλλως οὐκ ἔστι δυνατόν τόν καθ' ἡμᾶς ἡγεμόνα σοὶ τε καὶ τῇ Ῥωμαίων εὐνοούσῳ ἔσεσθαι πολιτείᾳ, εἴ γε μὴ ἐγχειρισθεῖν πρότερον αὐτῷ τὰ ἐφ' οἷς οὐ κινεῖν ὀπλάκατὰ Ῥωμαίων ἔγνω.»	Знай же, что по-другому невозможно нашему владыке быть благосклонным к тебе и к ромейскому государству, пока сперва не будет передано то, за что он решил не поднимать оружие против ромеев».
Οἱ μὲν τῶν Ἀβάρων πρέσβεις τοιαῦτα διεξήλθον, ἐπαμφοτερίζοντες τῇ γνώμῃ• τοῦτο μὲν γάρ ἐδόκουν ἰκετεῦειν, τοῦτο δὲ ἀπειλεῖν.	Такими были слова аварских послов, они были неуверенны в своих мыслях: то казалось, что они просят, то – что угрожают.
Ῥοντο γάρ, ὥς ταῦτῃ δεδίζονταί τε καὶ ἐκφοβήσουσι τὸν βασιλέα, καὶ ὥς ἐκ τούτου ἀναγκασθήσονται Ῥωμαῖοι ὥσπερ ὑπόφοροι εἶναι Ἀβάρων.	Считалось, что этим они испугают василевса и вынудят ромеев целиком подчиниться аварам.
Ὡ δὲ βασιλεὺς οὐδὲν ἕτερον ἢ ψόφον ἡγησάμενος τῶν Ἀβάρων ῥήματα, ἀντέλεξε οὕτω• «προβαλλομένων ὑμῶν σὺν ἰκετεῖα τὴν μεγαληγορίαν, οἰομένων τε τῇ συγκράσει ταύτῃ τῶν λόγων τὸ σπουδαζόμενον ὑμῖν ἀνύσειν, ἀμφοτέρως, ὥς εἰπεῖν, ἐκπεπτώκατε τῆς ἐλπίδος• οὐδὲ γάρ ὑποθωπεύοντες ἡμᾶς ἀπατήσετε, οὐδέ μὴν ἀπειλοῦντες ἐκφοβήσετε.	Василевс же считал подобные речи аваров пустыми разговорами и отвечал им следующее: «Вы выдвигаете нам дерзкие условия, думаете, что сочетанием таких тщательно подготовленных слов достигнете своего, но и то и другое, что вы говорите, закончится неудачными надеждами: вы не обманите нас лестью, угрозами не запугаете.
Πλείονα δὲ ὑμῖν ἐγὼ παρέξω τοῦ ἡμετέρου πατρὸς τὸ πέρα τοῦ δέοντος ἐπιρμένους ὑμᾶς τῷ πρέποντι σωφρονίζειν• ὁ γάρ μεταρρυθμίζων τοὺς ἀτάκτους τῶν λογισμῶν, καὶ ὥσπερ παιδεύων τε καὶ ἀνακόπτων τῆς ἐπ' ὀλέθρῳ τῶν αὐθαδιζομένων ὁρμῆς, ὀφθήσεται κατὰ τὸ μᾶλλον εὐεργέτης ἤπερ ὁ χορηγός τῆς τρυφῆς, ὃς φιλεῖν μὲν δοκεῖ, προφάσεως δὲ μικρᾶς ἐπιλαβόμενος τὸν δῆθεν εὐεργετούμενον	Я дам вам больше, чем мой отец, который считал необходимым серьезно сдерживать ваше тщеславие: попридержу тех, кто чрезмерно нарушает правила. Тот, кто сдерживает и отменяет отраву губительных и своенравных желаний, больший благодетель, нежели даритель роскоши, тот, кто показывая свою любовь, использует наименьший повод, чтобы захватить тех, кому оказывал свое расположение.

²⁰ Фракия – провинция Византийской империи, расположена на юго-востоке Балкан.

ἡφάνισεν εὐθέως.	
Ἄπιτε τοιγαροῦν πλεῖστον πριάμενοι παρ' ἡμῶν κἄν γοῦν ἐν ζῶσι τελεῖν, καὶ ἀντὶ τῶν Ῥωμαϊκῶν χρημάτων τὸν καθ' ἡμᾶς φόβον εἰς σωτηρίαν εἰληφότες.	Поэтому большой выгодой будет для вас, если вы, в лучшем случае, останетесь живы. Вместо римских денег забирайте страх по отношению к нам, который является спасительным для вас.
Οὐτε γάρ δεηθεῖν ποτέ τῆς καθ' ὑμᾶς συμμαχίας, οὔτε τι λήψεσθε παρ' ἡμῶν ἢ καθ' ὅσον ἡμῖν δοκεῖ, ὥσπερ δουλείας ἔρανον, καὶ οὐχ ὡς οἴεσθε, φορολογίαν τινά».	Нам нет необходимости в союзе с вами, вы не получите от нас ничего, кроме того, что мы решим вам дать в услугу за службу, но не как дань».
Τοιοῦτον ἐπισεύσαντος φόβον τοῦ βασιλέως τοῖς πρέσβεσι τῶν Ἀβάρων, κατεγνακότες ἐκ τῶν εἰρημένων οἱ βάρβαροι, ὡς οὐκ ἀνέξεται σφῶν τῆς πλεονεξίας, καὶ ὡς οὐδὲν αὐτοῖς ἐτιδοθήσεται ὧν ἐκομίζοντο πρό τοῦ, καὶ ὡς τό λοιπόν ἀδεῶς οὐκ ἐπιδραμοῦνται τὴν Ῥωμαϊκὴν, ἐν δυσθυμίᾳ τε ἐτύγχανον πολλῇ, καὶ ἀναλογιζόμενοι ἦσαν ὅποι τά παρόντα ἐκβήσεται καὶ ὅποι τύχης αὐτοῖς χωρήσοι τά πράγματα. οὐδὲ γάρ μένειν ἐν Βυζαντίῳ ἀνόνητα ἠθέλον, οὔτε μὴν ἄπρακτοι ἀπιέναι ἐβούλοντο.	Василевс напугал аварских послов страхом и дал им знать, сказав варварам, что больше не будет терпеть их любви к наживе. Они не будут получать от него то, что имели ранее, а также в дальнейшем не будут бесстрашно совершать набеги на ромейские владения. Пребывая в глубокой печали от того, что случилось и обдумывая, чем это закончиться и какая судьба ждет их дела, они не хотели ни даром оставаться в Византии, ни уходить, не достигнув успеха.
Ὅμως δ' οὖν τῶν κακῶν αὐτοῖς αἰρετώτερον ὑπῆρχεν ἀπονοστήσαι ὥς τούς ὁμοφύλους.	Не худшим выбором для них было вернуться к своим землякам.
Καὶ τούτοις ἐνωθέντες ἐς τὴν τῶν Φράγγων χώραν ἀφίκοντο, τοῦ βασιλέως τὴν ἀπολογίαν θαυμάσαντες.	Итак, они, удивленные ответом василевса, толпой прибыли на земли франков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб., 1860.
2. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. II. (518–602). СПб.: Алетейя, 1996.
3. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М., 2010.
4. Менандр Протектор. (И.А. Левинская, С.Р. Тохтасьев) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1994. С. 311–356.
5. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М., 1946.
6. Чичуров И.С. К проблеме авторского самосознания византийских историков VI–IX вв. // Античность и Византия. М., 1975.
7. Baldwin B. Menander Protector. DOP, 1978. Vol. 32.
8. Blockley R.C. The History of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.
9. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Ed. B.G. Niebuhrii. Pars I.: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Reliquiae, Procopii et Prisciani Panegyrici. Bonnae, 1829.
10. Cresci L.R. Teoria e prassi nello stile e nella storiografia di Menandro Protettore. Κοινωνία. Organo dell'Associazione di studi tardoantichi. Napoli, 1981. Т. 5.

11. Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. C. de Boor. Berlin, 1903. T. 1: Excerpta de legationibus.
12. Fragmenta Historicorum Graecorum. Volumen Quartum / Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit Carolus Mullerus / Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisii, 1851.
13. Golden P. An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
14. Historici Graeci Minores / Edidit Ludovicus Dindorfius. Vol. II Menander Protector et Agathias. Lipsiae, in aedibus B.G. Teubneri, 1871.
15. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1–2. München, 1978.
16. Jorga N. Medaillons d'histoire litteraire byzantine. Byz. 1925. Vol. 2.
17. Karayannopoulos J. Weiss G. Quellenkunde zur Geschichte von Byzans (324–1453). Wiesbaden, 1982.
18. Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897.
19. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Turkvolker. Bd. 1–2. Berlin, 1958.
20. Niebuhr B.G. Praefatio // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Ed. B.G. Niebuhr. Pars I.: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Beliquiae, Procopii et Prisciani Panegyrici. Bonnae, 1829.

Сведения об авторе: Олеся Жданович – кандидат исторических наук, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (01033, ул. Владимирская, 60, Киев, Украина). E-mail:olbio@bk.ru

Поступила 27.09.2016 г.

Принята к публикации 25.11.2016 г.

**AVAR EMBASSIES TO BYZANTIUM ACCORDING TO
MENANDER PROTECTOR (ANNOTATED TRANSLATION
OF THE SOURCE'S FRAGMENTS)**

Olesya Zhdanovich

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Kyiv 01033, Ukraine

E-mail:olbio@bk.ru

Research objective: to provide the comments and translation of some fragments of Byzantine's historian Menander Protector, which described the embassies from the Avars' to Byzantine Empire. To analyze the Romans representation of the Avars as well as to define some factors that shaped these concepts.

Research materials: Menander was one of the first early-medieval historian who described the appearance of the Avars in the European territories, their relations with the other peoples of the Dnieper, Black Sea and the Danube regions as well as diplomatic relations with Byzantine Empire. From Menander's evidence we can get information about the Avars who posed a serious threat to the Empire.

Research results and novelty: This publication allows to looking at the nomads from the Romans' point of view, discovering subjective sides of this representation, which were caused by incomprehension of foreign culture and specific diplomacy. The fragments of Menander's work are important to further research of the Byzantine Empire's history, of the Avars and inter-civilization relation in the early Middle Ages.

Keywords: Menander, Avars, barbarians, embassy, Byzantine Empire.

For citation: Zhdanovich O. Avar Embassies to Byzantium according to Menander Protector (annotated translation of the source's fragments). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 881–893. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.881-893

REFERENCES

1. *Vizantiyskie istoriki Deksipp, Evnapiy, Olimpiodor, Malkh, Petr Patritsiy, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiets, perevedennye s grecheskogo Spiridonom Destunisom* [Byzantine historians Dexippus, Eunapius, Olympiodorus, Malchus, Peter the Patrician, Menander, Candid, Nonnus and Pheophan the Byzantine translated from the Greek by Spyridon Destunis]. St. Petersburg, 1860. (In Russian)
2. Kulakovskiy Yu.A. *Istoriya Vizantii*. Vol. II. (518–602) [History of Byzantium. Vol. II: (518–602)]. St. Petersburg, Aletyya Publ., 1996. (In Russian)
3. Lyutvak E.N. *Strategiya Vizantiyskoy imperii* [Strategy of the Byzantine Empire]. Moscow, 2010. (In Russian)
4. Menander Protector. (I.A. Levinskaya, S.R. Tokhtas'ev). *Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh* [Collection of the oldest written information about the Slavs]. Vol. I (I–VI vv.). Moscow, 1994, pp. 311–356. (In Russian)
5. Pigulevskaya N.V. *Vizantiya i Iran na rubezhe VI i VII vekov* [Byzantium and Iran at the turn of the 6th and the 7th centuries]. Moscow, 1946. (In Russian)
6. Chichurov I.S. K probleme avtorskogo samosoznaniya vizantiyskikh istorikov VI–IX vv. [To the author's identity problem of the Byzantine historians of the 6th–9th centuries]. *Antichnost' i Vizantiya* [Classical Antiquity and Byzantium]. Moscow, 1975. (In Russian)
7. Baldwin B. Menander Protector. *DOP*, 1978. Vol. 32. (In German)
8. Blockley R.C. *The History of Menander the Guardsman*. Liverpool, 1985.
9. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Ed. B.G. Niebuhrii. Pars I.: *Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Beliquiae, Procopii et Prisciani Panegyrici*. Bonnae, 1829. (In Greek)
10. Cresci L.R. Teoria e prassi nello stile e nella storiografia di Menandro Protettore. *Korvovia. Organo dell'Associazione de studi tardoantichi*. Napoli, 1981. Vol. 5. (In Italian)
11. *Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta*. Ed. C. de Boor. Berlin, 1903. Vol. 1: *Excerpta de legationibus*. (In Greek)
12. *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Volumen Quartum. Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit Carolus Mullerus. Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisii, 1851. (In Greek)
13. Golden P. *An introduction to the history of the Turkic peoples: ethnogenesis and state formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden, 1992.
14. *Historici Graeci Minores*. Edidit Ludovicus Dindorfius. Vol. II. *Menander Protector et Agathias*. Lipsiae, in aedibus B.G. Teubneri, 1871. (In Greek)
15. Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1–2. München, 1978. (In German)

16. Jorga N. *Medaillons d'histoire litteraire byzantine*. Byz. 1925. Vol. 2.
17. Karayannopulos J. Weiss G. *Quellenkunde zur Geschichte von Byzans (324-1453)*. Wiesbaden, 1982. (In German)
18. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. München, 1897. (In German)
19. Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Turkvolker*. Bd. 1–2. Berlin, 1958. (In German)
20. Niebuhr B.G. Praefatio. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Ed. B.G. Niebuhrii. Pars I.: *Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis Historiarum Beliquiae, Procopii et Prisciani Panegyrici*. Bonnae, 1829. (In Greek)

About the author: Olesya Zhdanovich – Cand. Sci. (History), postdoctoral researcher, Taras Shevchenko National University of Kyiv (60, Vladimirska Str., Kyiv 01033, Ukraine). E-mail: olbio@bk.ru

Received September 27, 2016

Accepted for publication November 25, 2016

УДК 930.272

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.894-898

ПИСЬМО ХАНУ АХМАДУ***И.М. Миргалеев¹, И.Р. Гибадуллин²**^{1,2} *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация*¹ *E-mail: dilnur1976@mail.ru*² *E-mail: ismagil4@yahoo.com*

Предлагаем вниманию специалистов не датированное письмо османского правителя Мехмеда II Фатиха хану Большой Орды Ахмаду из коллекции знаменитого собирателя османских грамот Феридун-бея [1, S. 289].

Адресатом является известный правитель Большой Орды хан Ахмад. Упомянутый в письме Даулат-хан является Нур-Давлетом, который был связан с ханом Ахмадом и, как указывает данное письмо, еще и успел установить тесный контакт с османами, правитель которых в письме открыто заявляет, что «к нему устремлен наш взор благосклонности и покровительства»; тем самым давая понять «престольному» татарскому хану Ахмаду, что Нур-Давлет находится под покровительством Османской империи. Учитывая время действия в Крыму Нур-Давлета, предположительно время написания письма датируется 1477 годом.

Это письмо и, в том числе, вопрос, почему в оглавлении письма хан Ахмад назван ханом Крыма, разобрал и известный исследователь Крымского ханства В.Д. Смирнов [2, с. 221–222].

Ключевые слова: письмо, хан Ахмад, Османская империя, Большая Орда, Крым.

Для цитирования: Миргалеев И.М., Гибадуллин И.Р. Письмо хану Ахмаду // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 894–898. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.894-898

Перевод

«Невыразимое [словами] приветствие связанному [с нами] братскими узами, Величию отцов и Вершине сводов (ухувват-мааб [ва] хишмат-и абаб [ва] риф'ат-и кибаб), величайшему хану и наибогороднейшему [в своих] правах на царствие принцу (хан-и а'зам [ва] нуйан-и акрам аль-хукук), всемилостивому царю, Великолепию царства и религии (джалаль аль-мульк ва-д-дин) Ахмад-хану, да продлит Всевышний Аллах его дни временем справедливости и благодеяния, исходящее от крайней любви и внимания, обусловленное полной благосклонностью и единодушием, нанизанными на нить [этого] извещения, сообщаем искреннее намерение следовать тому, что в минувшие времена основания любви и симпатии, а также узы приязни и доверия между [нашими] сторонами были крепки, а в силу того, что «любовь переходит по наследству» (араб. аль-хубб йутаварасу, от араб. пословицы «аль-хубб йутаварасу ва-ль-бугд йутаварасу» – «любовь и ненависть переходят по наследству [из поколения в поколение]» – прим. пер.), непрестанно

* Перевод письма с османского и персидского осуществлен И.Р. Гибадуллиным.

подтверждаем сей вышеизложенный смысл [нашего] светлого намерения, которое пользовалось Божьей помощью вплоть до той возможности, когда благодаря помощи Творца и подтверждению Создателя (велико Его достоинство!, араб. 'азза шануху) произошло завоевание Кафского царства (мамлакат-и Кафа); и в силу близости и соседства с Вашим величеством добрая слава о справедливости и молва о благородных свойствах Вашей светлости была [нами] услышана, [благодаря чему] сложились причины для выражения дружбы и покровительства в то время, когда по причине мерзких деяний и гнусных поступков [воеводы] Черной Богдании (*Молдавия, тур. Kara Boğdan* – прим. пер.), который проявил неблагодарность за [представленную ему в качестве] благодетельности неприкосновенность (аман), в недрах души его вспыхнул огонь произвола и беззакония. По указанию государства, мы прошли в тот вилает, разгромили сыновей неверия и вражды, очистили то царство от скверны многобожия (ширк), не оставили в тех краях никого из неверных, прошли по ним огнем и мечом мести вдоль и поперек. По милости Всевышнего Аллаха и благодаря Его поддержке победа знамени стала «явной победой» (*фатх-и мубин; аллюзия на Коран: «Воистину Мы даровали тебе явную победу», 48:1* – прим. пер.), а победа флагов стала «великой победой (или помощью)» (*наср-и 'азиз; аллюзия на Коран: «И чтобы Аллах оказал тебе великую помощь», 48:3* – прим. пер.), что произошло благодаря Господнему содействию и помощи. Эта великая победа заставила нас возобновить свои прежние заверения в любви, начать отправлять посланцев и послания, которые служат средством укрепления основ взаимной дружбы, дабы проявления любви и преданности возрастали и множились день ото дня. Поскольку именитый величайший эмир (амир-и а'зам) и счастливый благороднейший принц (нуйин-и акрам), борец за веру (мубариз ад-дин) Даулат-хан, принадлежащий к той величественной династии (*Чингизидам* – прим. пер.), искренне ухватился за «крепкую вервь» (хабл аль-матин) нашей вечной державы и вековечного халифата, к нему устремлен наш взор благосклонности и покровительства, он получил возможность благочестивого служения и похвальных усилий. Достойным государства был признан тот, кто проявил искренность, преданность, приверженность и покорность Его Величеству, в силу того, что «друг друга есть действительный друг» (*араб. садик ас-садик садикун ма'муль бихи* – прим. пер.). Поскольку цель состояла в том, чтобы привести в движение цепь любви, а наше письмо затянулось (*букв. «веревки многословия вытянулись», перс. атнаб-и итнаб имтидад йафт* – прим. пер.), на этом все! Да пребудут [с вами] всегда счастье и успех!» (*на персидском с арабскими цитатами* – прим. пер.)

Ebûlfatih ve-l-gâzi Cennet-mekân Sultan Muhammed-han Gâzi hazretleri dergâhından vilayet-i Kafa'nın fethi tebşiriyle Kırım hanı olan Ahmed-han tarafına ısdar buyurulan name-i hümayunun suretidir

«Копия высочайшего письма, отправленного крымскому хану Ахмад-хану от Его Высочества Победоносного Завоевателя, удостоенного места в раю султана Мухаммад-хана Гази с доброй вестью о взятии вилаета Кафы»

“Copy of the highest letter sent to the Crimean khan Ahmad Khan by His Highness, Victorious Conqueror awarded with place in paradise, Sultan Muhammad Khan Ghazi with good tidings about the capture of wilayat of Kaffa”

Благодарности

Выражаем благодарность Владиславу Гулевичу за то, что обратил наше внимание на этот документ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Местуа-уи мүнҗәт-и Феридун Бей, v.1. Feridun Bey, d. 1583.
2. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 2. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. 314 с.

Сведения об авторах (переводчиках): Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Поступила 19.09.2016 г.

Принята к публикации 30.11.2016 г.

LETTER TO AHMAD KHAN*

I.M. Mirgaleev¹, I.R. Gibadullin²

^{1,2} *Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation*

¹ *E-mail: dilnur1976@mail.ru*

² *E-mail: ismagil4@yahoo.com*

We bring to attention of specialists an undated letter of Ottoman ruler Mehmed II Fatih to the Great Horde khan Ahmad from the collection of famous collector of Ottoman charters Feridun-bey [1, S. 289].

The addressee is the famous ruler of the Great Horde, khan Ahmad. Daulat Khan mentioned in the letter is Nur-Davlet. He was connected with khan Ahmad, and, as indicated by the letter, he had also set in close contact with the Ottomans whose ruler openly declares in a letter that “our sight of benevolence and patronage is directed toward him”. Thereby the Sultan made it clear to the “principal” Tatar khan Akhmad that Nur-Davlet was under the patronage of the Ottoman Empire. Considering the period of activity of Nur-Davlet in Crimea, presumably the letter was written in 1477.

Famous researcher of the Crimean Khanate V.D. Smirnov had already examined the letter and the question of why Ahmad Khan was named the Crimean khan in the title of the letter [2, p. 221–222].

* Translation of letter from Ottoman and Persian by I.R. Gibadullin.

Keywords: letter, Ahmad Khan, Ottoman Empire, Great Horde, Crimea.

For citation: Mirgaleev I.M., Gibadullin I.R. Letter to Ahmad Khan. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 894–898. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.894-898

Thanks

Special thanks to Vladislav Gulevich for drawing our attention to this document.

REFERENCES

1. Mecmua-yı münşeat-ı Feridun Bey, v.1. Feridun Bey, d. 1583. (In Ottoman)
2. Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoy Porty* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte]. Vol. 2. Moscow, Izdatel'skij dom «Rubezhi XXI», 2005. 314 p. (In Russian)

About the authors (translators): Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

Received September 19, 2016

Accepted for publication November 30, 2016

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.899-906

КАК ВОИНЫ ПРЕСВИТЕРА ИОАННА ПРЕВРАТИЛИСЬ В ДЕМОНОВ ИЗ ТАРТАРА.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ХАУТАЛА Р. ОТ «ДАВИДА, ЦАРЯ ИНДИЙ»
ДО «НЕНАВИСТНОГО ПЛЕБСА САТАНЫ». АНТОЛОГИЯ РАННИХ ЛАТИНСКИХ
СВЕДЕНИЙ О ТАТАРО-МОНГОЛАХ (КАЗАНЬ: ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИМ. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ, 2015. 496 с.)**

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
198099, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ropot@mail.ru*

Данная статья содержит рецензию на недавно опубликованную книгу финского исследователя Романа Хаутала, посвященную изданию и анализу латинских источников по монголам XIII века. Эта книга важна тем, что она содержит компиляцию весьма ценных источников, отображающих эволюцию отношения европейских властителей к монголам – от потенциальных союзников до чрезвычайно опасного врага. Анализ этих источников помогает понять последующую политику западноевропейских монархов в Восточной Европе, средневековой Руси, Монгольской империи и ее наследниках – в Золотой Орде, Ильханате и т.д. Кроме того, Р. Хаутала уделяет отдельное внимание другим евразийским кочевникам, связанным с монгольской экспансией – в частности, куманам в Венгрии. Монография содержит авторское предисловие, латинские тексты и русские переводы источников, как и весьма ценные комментарии автора. Каждая из этих частей может рассматриваться как независимая часть комплексного исследования. Главным достижением книги является введение в научный оборот огромного числа источников, полезных для российских исследователей с отсутствием знания латинского языка. Структура монографии полностью отвечает ее целям и объектам исследования. Тем не менее автор рецензии указывает на то, что книга содержит несколько незначительных недостатков, которые могут быть учтены и исправлены в будущих работах Р. Хаутала.

Ключевые слова: новая монография, новые письменные источники по истории Монгольской империи, ранние латинские сведения о монголах, зарубежная и российская историография.

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Как воины пресвитера Иоанна превратились в демонов из тартара. Рецензия на книгу: Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах (Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 899–906. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.899-906

В 2014 г. Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории АН РТ запустил новую издательскую серию под названием «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Первым ее выпуском стало издание факсимиле и транскрипции сочинения «Умдет ал-ахбар» крымского историка XVIII в. Абдулгаффара Кырыми [1]. Теперь, год спустя, Центр опубликовал второй выпуск серии, причем, на первый взгляд, довольно неожиданный и, казалось бы, даже не очень соответствующий научному профилю центра и задачам серии.

Это – книга Романа Хауталы с весьма ярким и выразительным названием «От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны» и подзаголовком «Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах» [2]. Столь резкий переход издателей от публикации восточных источников по истории джучидских государств к изданию латинских текстов о периоде Монгольской империи, повторимся, выглядит довольно неожиданным, однако по мере ознакомления с содержанием книги недоумение рассеивается и формируется устойчивое впечатление, что книга издана вполне в соответствии с целями и задачами серии и полностью вписывается в научную специализацию Центра.

Автор книги Роман Хаутала – финский исследователь российского происхождения, который уже в течение довольно длительного времени занимается проблемами взаимоотношений (в политической, религиозной, культурной сфере) европейских стран с Монгольской империей и государствами, выделившимися из ее состава. Его интерес к истории взаимоотношений европейских государств и католической церкви с Золотой Ордой послужил основанием для тесного и эффективного сотрудничества Р. Хауталы с Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств, старшим научным сотрудником которого на сегодняшний момент он является.

Подготовке настоящего издания предшествовала многолетняя работа ее автора с источниками, на основе которых им уже был опубликован ряд статей и текстов научных докладов. Уже ознакомление с ними позволило убедиться в высокой научной квалификации Р. Хауталы – его блестящем знании языка, умению вдумчиво и с разных точек зрения анализировать источники. Ну и, конечно же, большим преимуществом (в глазах отечественных исследователей!) является то, что для автора книги русский язык является родным, и это позволяет ему, не прибегая к услугам переводчиков, делиться результатами своих изысканий с российскими специалистами и их русскоговорящими коллегами из стран ближнего зарубежья.

Итак, результатом многолетней кропотливой работы исследователя стала книга, представляющая собой антологию – подборку сведений европейских авторов XIII в. о монголах. Книга состоит из краткого введения научного редактора издания – руководителя Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств к.и.н. И.М. Миргалеева (с. 3–4), авторского предисловия к публикуемым источникам (с. 5–53), собственно публикации источников в латинском оригинале и русском переводе, снабженных комментариями автора (с. 54–439), списка литературы, включающего более 400 наименований на русском и европейских языках (с. 440–469), указателя имен и географических

наименований (латинских – с. 470–480, русскоязычных – с. 481–488) и подробного оглавления (с. 489–495).

Сразу хотелось бы отметить, что составные части основного содержания книги, а именно предисловие автора, публикация источников и комментарии к ним, как представляется, могут иметь самостоятельное научное значение. Авторское предисловие – это, по сути, весьма глубокое исследование, в котором выражена авторская позиция по поводу источников и их толкования. Р. Хаутала не ограничивается перечислением и характеристикой основных групп источников, но и органично вписывает их содержание в общеполитическую обстановку, в которой они появлялись, прослеживает эволюцию отношения европейских государей, церковных иерархов, политических, военных и религиозных деятелей к этим таинственным выходцам из глубин Центральной Азии. Название книги, в связи с этим, представляется весьма удачным и полностью отражающим эту эволюцию. В самом деле, работа Р. Хауталы развенчивает устойчивый миф о том, что в глазах европейцев монголы изначально и однозначно являлись «выходцами из ада», и с ними можно было только воевать. Напротив, поначалу их появления, как выясняется, ожидали с надеждой и рассматривали как потенциальных союзников. Соответственно, известные по другим источникам попытки тех или иных европейских монархов или политических деятелей вступить в союз с монголами выглядят в свете рецензируемой антологии уже не как некие нестандартные политические шаги, а последовательная политика, реализовавшаяся в той или иной степени с начала 1220-х гг. В дальнейшем же одни европейские политики старались придерживаться ее, тогда как другие поменяли приоритеты.

Сами тексты – а это 91 документ (материалы переписки католических иерархов, королевские акты, отрывки из европейских средневековых хроник и агиографических сочинений), составляющий основное содержание, равно как и основную цель книги, представлены, как уже отмечено, в латинском оригинале и русском переводе. Подобный подход представляется вполне академичным и делает книгу полезной не только для историков Монгольской империи и чингизидских государств, востоковедов и пр., но и для большого круга ученых других направлений – филологов-латинистов, специалистов по средневековой европейской словесности, источниковедов и т.д.

Как бы то ни было, антология, составленная Р. Хауталой знаменует собой настоящий прорыв, в первую очередь, именно в исследовании истории Монгольской империи и ее взаимоотношений со странами Запада. До сих пор по данной тематике наиболее используемыми источниками оставались сведения восточных (арабских, персидских, армянских, сирийских, китайских) современников и хронистов. Из европейских привлекались сочинения Юлиана, И. де Плано Карпини и Бенедикта Поляка, Г. де Рубрук, Марко Поло, в меньшей степени – Ж. де Жуанвиля, армянского принца Хайтона (Гетума), анонимного автора «Книги о Великом хане», О. де Порденоне, Д. де Монтекорвино, Ж. де Северака и Ж. де Мандевиля. Менее известны отдельные папские послания, отрывки английских, итальянских и немецких хроник, содержащие сведения о монголах. В любом случае количество этих источников

исчислялось не более, чем парой десятков. Теперь, благодаря Р. Хаутале, эта база данных увеличилась в несколько раз.

Несомненно, исследователь не является первооткрывателем многих из документов, вошедших в антологию, однако до сих пор они были известны лишь узкому кругу ученых, которые, во-первых, занимались не Монгольской империей, а современными ей европейскими государствами, историей католической церкви и т.п.; во-вторых, оставался барьер в виде латинского языка, знание которого сегодня отнюдь не является обязательным требованием для ученых. Соответственно, для большинства русскоязычных исследователей – историков и востоковедов – наибольшую ценность представляют именно переводы латинских источников, осуществленные Р. Хауталой и комментарии к ним.

Самостоятельную часть работы исследователя составляют именно комментарии к публикуемым источникам. Благодаря им читатели гораздо лучше поймут смысл документов, политическую обстановку, в которой они появлялись. Р. Хаутала предваряет каждую публикацию источника небольшой справкой историографического и археографического характера с информацией об обстоятельствах появления документа, имеющихся оригиналах и/или копиях документа. А завершается публикация примечаниями к отдельным элементам текста документа, в которых исследователь представляет данные о конкретных деятелях – адресантах, адресатах и упоминаемых лицах, дает толкование специфических терминов, соотносит сведения публикуемых документов с известными (в т.ч. и восточными) источниками и т.д. Несомненно, такой подход выводит комментарии Р. Хауталы за рамки чисто технического вспомогательного материала и очень существенно дополняет ценность самих текстов и их переводов.

Еще одним достоинством книги является то, что источники и опубликованы, и исследованы не в простом хронологическом порядке, а по аспектам, которым в значительной степени соответствует и структура авторского предисловия. Так, первый раздел документов посвящен упоминаниям монгольских завоевания в сообщениях европейцев с Ближнего Востока (при этом он также разделен на сообщения о «царе Давиде», военных действиях монголов в Грузии, битве на Калке, повторном завоевании Закавказья). Второй раздел посвящен сюжету, косвенно связанному с историей Монгольской империи – отношениям Венгерского королевства с куманами (кипчаками), который, в свою очередь, делится на два подраздела (о тевтонских рыцарях в Венгрии и деятельности Куманской епархии). Наконец, третий раздел документов содержит сведения о Западном походе монголов. Причем, несмотря на значимость этого исторического эпизода в рамках рассматриваемой тематики, в этот раздел входит сравнительно немного источников – вероятно, из-за того, что и другие исследователи достаточно подробно исследовали другие европейские исторические документы, содержащие информацию по этому вопросу.

Несомненно, книга является важным вкладом в изучение истории Монгольской империи и монгольско-европейских отношений в XIII в. и, полагаем, может стать настольной книгой для многих исследователей, занимающихся данной проблематикой. Тем не менее, считаем целесообразным ука-

зять, наряду с многочисленными достоинствами книги и на некоторые ее недостатки.

Так, например, второй раздел документов, касающихся взаимоотношений королевства Венгрии с куманами состоит из двух подразделов, на наш взгляд, не вполне корректно соотносящихся с названием самого раздела: как отмечалось выше, в них речь идет о тевтонских рыцарях и о Куманской епархии. На наш взгляд можно было бы представить эти документы в контексте, более направленном на раскрытие именно темы венгерско-куманских отношений, а не характеристику институтов тевтонских владений в королевстве и Куманской епархии, в контексте которой сами куманы присутствуют как бы «на заднем плане». При этом считаем нужным оговорить, что речь идет именно о выборе более уместных названий подразделов, и мы не подвергаем сомнению важность и уместность самих документов, вошедших в данный раздел, равно как ценность соответствующего раздела авторского предисловия и комментариев к документам.

Далее, присутствуют некоторые некорректные утверждения, относящиеся к монгольским политическим реалиям. Например, Бату, предводитель Западного похода упоминается как хан (с. 51), хотя ханского титула он, как известно, при жизни не носил.

Затем, представляется не слишком удачным соединение в одном указателе и географических названий, и личных имен. Возможно, их следовало бы разделить, тем более, что технически это сделать было бы совсем нетрудно.

Самым же существенным недостатком, на взгляд рецензента, является «избирательный» подход автора к использованию библиографии. Если «иностранная часть» Списка литературы, содержащая 336 пунктов, свидетельствует о прекрасном знании европейской (и американской) историографии по тематике исследования, то в гораздо меньшей степени автор демонстрирует знание соответствующей русскоязычной историографии, которая представлена в списке не более чем 70 позициями. Несомненно, с одной стороны это объяснимо: с латинскими источниками гораздо больше работали иностранные исследователи, да и ценность исследования Р. Хауталы именно в том, что он знакомит русскоязычного читателя не только с источниками и собственными наработками, но и результатами изысканий западных авторов, которые до него были известны далеко не многим историкам и востоковедам из России и Ближнего Зарубежья. В самом деле, круг российских авторов, занимающихся данной тематикой, весьма узок – и именно в связи с этим вызывает недоумение, что автор книги не использовал их работы и даже не привлек при составлении комментариев. Речь идет, в частности, о работах таких авторов как А.Б. Малышев, А.В. Майоров, которые вообще не использованы Р. Хауталой. Гораздо больше работ по тематике исследования, чем отразил в своей библиографии автор книги, имеется у А.Г. Юрченко и М.К. Юрасова. В Списке литературы присутствует упоминание одной работы В.В. Трепавлова, однако у этого исследователя имеется большое число работ, куда более относящихся к тематике исследования. То же можно сказать и о работах Д.М. Тимохина. Создается впечатление, что при работе с русскоязычной историографией автор использовал не то, что напрямую относилось к тематике

книги, а то, что «было под рукой». В самом деле, многие русскоязычные публикации, использованные Р. Хауталой, изданы Институтом истории им. Ш. Марджани, сотрудником которого он является и, следовательно, имеет доступ к его изданиям. Этим же можно объяснить и ссылки на целых четыре работы украинского автора Я.В. Пилипчука, большинство публикаций которого является пересказом прочитанных работ и не содержит авторской новизны. Как уже отмечалось, ценность рецензируемой книги – в доведении до русскоязычных исследователей западных источников и результатов изысканий западных исследователей, однако такое явное неучтение российского вклада в разработку тематики несколько снижает впечатление от ознакомления с трудом Р. Хауталы. Возможно, ему следовало бы вообще отказаться от использования русскоязычных исследовательских работ, чем привлекать публикации, имеющие косвенное отношение к тематике книги и игнорировать основные труды российских исследователей по ней¹.

Безусловно, высказанные замечания носят субъективный характер и несколько не влияют на высокий исследовательский уровень и научное значение книги Р. Хауталы для историков, востоковедов, источниковедов. Книга является собой яркий пример эффективного использования междисциплинарного подхода, поскольку ее подготовка оказалась возможной при сочетании авторов методов и результатов общей истории, источниковедения, филологии, в какой-то мере – истории религии и церкви.

В заключение хотелось бы поздравить Романа Хауталу с опубликованием результата своих многолетних исследований (полагаем – промежуточным) и выразить надежду на продолжение его работ в этом направлении и появление в ближайшем обозримом будущем новой публикации источников с авторским исследованием и комментариями – на этот раз уже по истории контактов европейских государств с Золотой Ордой. Основания для такого ожидания у нас есть, поскольку эта тематика также довольно давно и плодотворно разрабатывается Р. Хауталой, в результате чего уже появился значительный задел в виде статей, опубликованных источников и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2 / Науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

¹ Ну и, напоследок, пензенский исследователь Г.Н. Белорыбкин превратился в «Белорыкина» (несмотря на то, что в публикации этого автора в третьем томе «Истории татар», привлеченной Р. Хауталой, его фамилия указана совершенно корректно).

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: ropot@mail.ru

Поступила 05.08.2016 г.

Принята к публикации 01.11.2016 г

HOW THE WARRIORS OF PRESTER JOHN TRANSFORMED INTO DEMONS FROM TARTARUS.

REVIEW OF THE BOOK: HAUTALA R. FROM “DAVID, KING OF THE INDIES”
TO “DETESTABLE PLEBS OF SATAN”: AN ANTHOLOGY OF EARLY LATIN INFORMATION
ABOUT THE TATAR-MONGOLS. (KAZAN: SH.MARJANI INSTITUTE OF HISTORY
OF AS RT, 2015. 496 p.)

R.Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: ropot@mail.ru*

This paper is a review of recently published book of Finnish researcher Roman Hautala devoted to publication and study of Latin sources on the Mongols of the 13th century. The book is of great importance as it is a compilation of the very valuable sources which demonstrate evolution of the attitude of European authorities and contemporaries towards the Mongols – from potential allies to the most dangerous enemy. Analysis of these sources helps to understand the further policy of Western European monarchs in the Eastern Europe, Ancient Rus', Mongol Empire and its successors – Golden Horde, Ilkhanate, etc. At the same time, R. Hautala pays substantial attention to a fate of another nomads of Eurasia connected with the Mongol invasion – especially Kumans (Kipchaks) in Hungary.

The book contains author's preface, Latin texts and Russian translations of sources as well as very valuable comments of author. Each part could be considered as independent part of this complex research. The main importance of book is put into use of Russian-speaking scientific society of a huge number of sources, most part of which was not accessible for home historians because of lack of knowledge of Latin. The structure of the book completely corresponds to its goals and objectives.

Nevertheless, the author of review points that the book has several insignificant weaknesses, which could be kept in mind and removed in the future works of R. Hautala.

Keywords: new monograph, new written sources on the history of the Mongol Empire, early Latin information about the Mongols, foreign and Russian historiographies.

For citation: Pochekaev R.Yu. How the Warriors of Prester John Transformed into Demons from Tartarus. Review of the book: Hautala R. From “David, King of the Indies” to “Detestable Plebs of Satan”: An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols. (Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2015. 496 p.). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 899–906. DOI: DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.899-906

REFERENCES

1. Abdulgaffar Qirimi. *Umdet al-akhbar. Kniga 1: Transkriptsiya, faksimile*. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Is. 1. Transkriptsiya Der'ya Derin Pashaoglu; otv. redaktor I.M. Mirgaleev [Umdet ul-ahbar. Transcription, facsimile. Series "Textual Heritage". Is. 1. Derya Derin Paşaoğlu (transcription), Mirgaleev I.M. (ed.)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences 2014. 420 p. (In Russian)

2. Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa satany». Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh*. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Is. 2. Nauch. red. I.M. Mirgaleev [From "David, King of the Indies" to "Detestable Plebs of Satan": An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols. Series "Textual Heritage". Mirgaleev I.M. (ed.)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 496 p. (In Russian)

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci. (Jurisprudence), Docent, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Received August 5, 2016

Accepted for publication November 1, 2016

УДК 94(47+54)

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.907-910

О КНИГЕ «ИСТОРИЯ ТАТАР ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ»**Э.Г. Сайфетдинова**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: adulya2@yandex.ru*

В Институте истории им. Ш. Марджани вышла в свет коллективная монография «История татар Западного Приуралья Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства» (Казань, 2016). Том посвящен средневековому периоду и заканчивается падением Казанского ханства. Монография была подготовлена под научным руководством доктора исторических наук Р.С. Хакимова. В редакционную коллегию вошли ведущие ученые из научных центров России и зарубежья. Композиционно книга разделена на 4 главы. Первая глава рассказывает об истории древних кочевников в Приуралье. Вторая глава рассматривает Волжско-Камскую Булгарию и политические объединения тюрок-кочевников. Третья глава посвящена образованию государства Золотая Орда и истории становления татарского народа. В заключительной, четвертой главе рассматриваются татарские ханства (Казанский и Сибирский юрты, Ногайская Орда). Важной составной частью коллективной монографии «История татар Западного Приуралья» является приложение, в которое вошло собрание из 55 нарративных источников. Авторам первого тома удалось не только существенно заполнить лагуну исторических знаний о приуральских татарах, но и во многом пересмотреть сложившиеся представления об этногенезе других тюрко-татарских и финно-угорских народов региона. Данный труд не дает ответы на все вопросы, но важно то, что в книге удалось представить новые проблемы и наметить перспективы дальнейших исследований. В дальнейшем необходимо продолжить изучение процесса этнических миграций, начавшихся в Приуралье в середине XVI века, проблемы вхождения этих общностей в состав России и других вопросов, связанных с историей приуральских татар.

Ключевые слова: Приуралье, Золотая Орда, кочевники, татарский народ, татарские ханства, письменные источники.

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. О книге «История татар Западного Приуралья» // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 907–910. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.907-910

Долгое время из-за различных, в том числе и политических обстоятельств, тема татар Западного Приуралья оставалась на «обочине» исторической науки. Но с 2015 г. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, привлекая лучших отечественных и зарубежных специалистов, начал работу над созданием трехтомника «История татар Западного Приуралья». Первый том посвящен средневековому периоду и заканчивается падением Казанского ханства, второй том посвящен русскому периоду, третий том – XX веку, вплоть до сегодняшних дней.

Недавно вышел в свет первый том коллективной монографии «История татар Западного Приуралья. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства» [1]. Книга была подготовлена под научным руководством доктора исторических наук Р.С. Хакимова. В редакционную

коллегию вошли ведущие ученые из научных центров России и зарубежья: А.Г. Ситдилов, В.А. Иванов, Иштван Вашари, В.В. Трепавлов, Д.М. Исхаков, Юлай Шамильоглу, И.В. Зайцев, Т.М. Калинина, И.М. Миргалеев и др.

Авторам первого тома удалось не только существенно заполнить лакуны исторических знаний о приуральских татарах, но и во многом пересмотреть сложившиеся представления об этногенезе других тюрко-татарских и финно-угорских народов региона. Материалы данного исследования свидетельствуют о многовековых политических, экономических и культурных связях, указывающих на общность исторической судьбы приуральских и поволжских татар. Долгие годы среди историков и в общественном сознании бытовало представление, что татары появляются в Приуралье только после завоевания Москвитиею Казанского ханства, то есть со второй половины XVI века. Однако применение комплексного и междисциплинарного подхода позволило авторам первого тома прийти к другим выводам. Письменные источники, данные археологии, эпиграфики, лингвистики, топонимики и этнографии единодушно говорят о том, что уже с XIII в. Приуральский регион заселяется татарами, потомки которых проживают там и поныне. Да и в более древний период Приуралье было своеобразной контактной зоной многих племен, в том числе тюрков и угров, и эта территория входила в состав Волжской Булгарии и Кимакского каганата. Важным результатом исследования стал и вывод о том, что Кушнаренковская, Караякуповская и Чияликская археологические культуры соответствуют письменным мадьярам (восточные мадьяры Великой Венгрии), известным также как «башгирды», «баскарты», «паскатиры» и т.п., которых ошибочно отождествляли с современными башкирами. По мнению автора раздела «Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XV веков» Р. Хаутала, восточные венгры в основной своей массе были насильственно переселены с территории Приуралья в результате западного похода под предводительством Бату. Впоследствии на территории проживания родственных велико-венгерскому населению северных кочевых угров (остяки-иштяки) золотоордынское правительство образовало в верховьях р. Камы Башкирский улус («Баскардия»), остальная часть приуральской Венгрии была заселена волжскими булгарами и тюрко-татарскими племенами из Центральной и Средней Азии. Так возникли Беловолжский (Акидель), Костяцкий (Иштяк) и Башкирский улусы, которые после распада Золотой Орды вошли в состав Казанского ханства.

Композиционно книга разделена на 4 главы. Первая глава рассказывает об истории древних кочевников в Приуралье. Вторая глава рассматривает Волжско-Камскую Булгарию и политические объединения тюрков-кочевников. Третья глава посвящена образованию государства Золотая Орда и истории становления татарского народа. В заключительной, четвертой главе рассматриваются татарские ханства (Казанский и Сибирский юрты, Ногайская Орда). Важной составной частью коллективной монографии «История татар Западного Приуралья» является приложение, в которое вошло собрание из 55 нарративных источников.

Безусловно, данный труд не дает исчерпывающих ответов на все вопросы, но очень важно, что здесь удалось представить новые проблемы и наметить перспективы дальнейших исследований. В частности, необходимо продолжить изучение процесса этнических миграций, начавшихся в При-

уралье в середине XVI века, проблемы вхождения этих общностей в состав России и других вопросов, связанных с историей приуральских татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с. + 4 с. цв. вкл.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 03.10.2016 г.

Принята к публикации 30.11.2016 г.

ABOUT THE BOOK “HISTORY OF THE TATARS OF THE WESTERN CISURALIC REGION”

E.G. Sayfedinova

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: adulya2@yandex.ru*

A collective monograph “History of the Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I. The Nomads of the Great Steppe in the Cisuralic Region. Medieval Tatar States” [1] has been published by Sh.Marjani Institute of History (Kazan, 2016). The volume is dedicated to the medieval period and ends with the fall of the Kazan Khanate. The monograph has been prepared under the supervision of Doctor of Historical Studies, R.S. Khakimov. Editorial board of the monograph consists of leading scholars from academic centers in Russia and abroad. The book is divided into 4 chapters. The first chapter talks about the history of ancient nomads in the Cisuralic region. The second chapter examines the Volga-Kama Bulgaria and political unification of the Turkic nomads. The third chapter is dedicated to the formation of the Golden Horde state and the history of the formation of the Tatar people. The final fourth chapter discusses the Tatar khanates (Kazan and Siberian yurts, the Nogai Horde). An appendix including 55 narrative source is an important part of the collective monograph “History of the Tatars of the Cisuralic Region”. The authors of the first volume have not only succeeded to considerably fill the lacuna of historical knowledge about the Cisuralic Tatars, but also largely revise existing ideas about ethnogenesis of other Turko-Tatar and Finno-Ugric peoples in the region. This work does not provide all the answers. However, the important thing is that the authors of the monograph have succeeded to present new problems and outline prospects for further research. In the future, it is necessary to continue to study the process of ethnic migrations, which began in the Cisuralic region in the middle of the 16th century as well as the problems linked to the inclusion of

these communities into the Russian state and other issues related to the history of the Cisuralic Tatars.

Keywords: Cisuralic region, Golden Horde, nomads, Tatar people, Tatar khanates, written sources.

For citation: Sayfetdinova E.G. About the Book “History of the Tatars of the Western Cisuralic Region”. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 907–910. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.907-910

REFERENCES

1. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva*. Kollektivnaya monografiya [History of the Tatars of the Western Cisuralic Region. The Nomads of the Great Steppe in the Cisuralic Region. Medieval Tatar States. Collective monograph]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 464 p. + 4 p. of colored inserts. (In Russian)

About the author: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

Received October 3, 2016

Accepted for publication November 30, 2016

УДК 94(470)

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.911-914

**НОВАЯ КНИГА ПО ПРАВУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ:
ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОЧЕРКИ) (М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2015. 312 с.)**

Д.В. Нефедов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
198099, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: 007dnf@gmail.com*

Летом 2015 г. в московском издательстве «Юрлитинформ» вышла книга петербургского историка права, профессора НИУ «Высшая школа экономики» Р.Ю. Почекаева «Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки)».

Р.Ю. Почекаев в течение ряда лет плодотворно исследует проблемы истории, государства и права Золотой Орды и других тюркских и монгольских народов, эффективно используя в своих работах междисциплинарный подход. Его новая книга также представляет собой исследование на стыке таких наук и дисциплин как общая история, история государства и права, источниковедение.

Тематика книги Р.Ю. Почекаева представляется актуальной уже потому, что интерес как научной, так и читательской общественности к Золотой Орде и ее роли в истории российского государства остается традиционно высоким уже на протяжении не одного столетия. Однако автор книги старается по-новому взглянуть на это государство и опровергнуть стереотип о Золотой Орде как некоем сборище кочевников, которое жило лишь тем, что грабило соседние оседлые народы. Это ему удастся за счет изучения такой важной составляющей золотоордынской истории как ее право и правовая культура.

В отличие от своей первой книги по данной тематике (Право Золотой Орды / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Фэн, 2009), на этот раз Р.Ю. Почекаев представил материал в виде очерков, посвященных отдельным вопросам правового развития Золотой Орды, объединенных, впрочем, в три тематических блока. В соответствии с названием и поставленной целью автор рассматривает не целые отрасли права, а отдельные сферы правоотношений, статус субъектов права, источники и конкретные случаи правоприменения в различных социально значимых ситуациях.

В книге рассматривается ряд вопросов истории государства и права Золотой Орды, которые прежде не являлись предметом специального исследования (например, владения Золотой Орды в других улусах, дуализм власти в разных государствах, взаимоотношения властей и торговцев и т.д.). По некоторым другим вопросам, которые уже изучались специалистами, он предлагает новые трактовки в рамках историко-правового подхода (например, причины междоусобицы в Золотой Орде в середине XIV в., ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви, взаимоотношения золотоордынских правителей и итальянских колоний в Причерноморье).

В значительной степени в книге присутствует тематика правового и государственного регулирования экономических отношений. Поскольку объектом исследования является правовая культура Золотой Орды, Р.Ю. Почекаев не рассматривает таких вопросов, как торговые связи этого государства с другими странами, производство продукции и т.п. Он сосредотачивается на институциональных моментах, отражающих основные направления участия государства в экономической жизни населения Золотой Орды, ее соседей, а также и государств-преемников.

Некоторые из очерков напрямую посвящены проблемам государственного и правового регулирования экономических отношений – о статусе торговцев в Золотой Орде и пост-ордынских государствах, о роли экономических санкций в разрешении политических конфликтов. В других очерках также подчеркивается роль экономической составляющей политических и правовых отношений. Так, например, Р.Ю. Почекаев убедительно показывает, что взаимосвязи Золотой Орды с другими государствами Монгольской империи строились на принципе взаимного выделения владений правителям других государств, главным следствием чего стало получение доходов: такие доходы, например, золотоордынские ханы получали из Китая и Средней Азии. Различное налогообложение существовало в кочевых и оседлых регионах самой Золотой Орды – тем самым ханы находили некий компромисс, позволявший осуществлять эффективное управление подданными с различным укладом экономики.

В связи с этим неудивительно, что в большинстве сохранившихся до нашего времени золотоордынских ярлыков (включая и анализируемые Р.Ю. Почекаевым в рецензируемой книге поддельные акты, а также такие специфические документы, как ханские ярлыки русской церкви) немалое место отведено вопросам взимания налогов и/или предоставления налогового иммунитета. Не будем забывать, что главным обязательством русских князей как подданных золотоордынского хана была именно уплата дани – «выхода».

Интересной, хотя и не бесспорной, представляется попытка Р.Ю. Почекаева охарактеризовать подношения представителям золотоордынских властей, традиционно воспринимавшиеся в историографии как подкуп сановников и чиновников, в виде официального сбора – подобного сборам, которые и сегодня взимаются при оформлении документов в государственных структурах.

Одним из наиболее важных выводов, который можно сделать при ознакомлении с книгой Р.Ю. Почекаева, является тот факт, что в Золотой Орде была очень высокая степень государственного вмешательства в экономические отношения. Правители и чиновники жестко регламентировали хозяйственную жизнь торговцев, ремесленников и пр., и это в итоге весьма пагубно сказалось на экономических отношениях в Золотой Орде. Как только государство вступало в полосу кризиса (смута середины XIV в., иностранные нашествия в конце того же века, распад государства в XV в.), и административные механизмы ослабевали, экономическая инфраструктура тут же начинала разрушаться, поскольку хозяйствующие субъекты уже просто-напросто не мыслили деятельности без указания со стороны государства и не могли самостоятельно адаптироваться к изменившимся политическим условиям. Несомненно, если бы экономика Золотой Орды была бы более авто-

номна и развивалась в соответствии с объективными рыночными законами, а не в соответствии с представлениями ханов и их сановников, не исключено, что вся история этого государства со второй половины XIV в. могла сложиться иначе.

Основные источники по истории Золотой Орды уже введены в научный оборот и неоднократно исследованы, так что, с источниковедческой точки зрения, книга Р.Ю. Почекаева вряд ли может содержать нечто принципиально новое. Однако автор компенсирует отсутствие введения в оборот новых источников широтой их охвата: он привлек практически все известные в науке материалы по истории Золотой Орды, включая исторические сочинения современников и более поздних авторов, актовые материалы, свидетельства иностранных современников. Кроме того, автор использует широкий спектр исследовательских работ – от самых первых, появившихся в начале XIX в., до новейших, уже начала XXI в., включая и отечественную, и зарубежную литературу.

Таким образом, книга Р.Ю. Почекаева может быть полезна не только историкам, востоковедам и специалистам по истории права, но также и тем, кто занимается вопросами истории экономики, проблематикой гражданско-правовых и финансово-правовых отношений в их историческом развитии.

Ключевые слова: Золотая Орда, ярлыки, экономические отношения, право, государства, экономика Золотой Орды.

Для цитирования: Нефедов Д.В. Новая книга по праву Золотой Орды: Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки) (М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 911–914. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.911-914

Сведения об авторе: Дмитрий Викторович Нефедов – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой финансового права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: 007dnef@gmail.com

Поступила 22.09.2016 г.

Принята к публикации 24.11.2016 г.

**NEW BOOK ON THE LAW SYSTEM OF THE GOLDEN HORDE:
POCHEKAEV R.YU. LEGAL CULTURE OF THE GOLDEN HORDE
(HISTORICAL AND LEGAL ESSAYS) (MOSCOW: YURLITINFORM, 2015. 312 P.)**

D.V. Nefedov

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg 198099, Russian Federation
E mail: 007dnef@gmail.com*

This book is a study at the intersection of such academic disciplines as general history, history of state and law and source study.

The subject of R.Yu. Pochevaev's book appears very relevant since the interest of the scientific community and readership toward the Golden Horde and its role in the history of the Russian state remains traditionally high for several centuries. However, the author is trying to take a fresh look at this state and refute the stereotype of the Golden Horde as a some kind of bunch of nomads who lived only by plundering neighboring sedentary peoples. He succeeds in this by studying such an important part of the Golden Horde history as its law and legal culture.

The book examines a number of questions on the history of state and law of the Golden Horde, which have not previously been the subject of a special study (for example, possessions of the Golden Horde in other uluses, dualism of power in different states, relations between authorities and traders, etc.). On some other issues that have already been studied by experts, he proposes new interpretations in the framework of historical and legal approach (for example, the causes of intestine strife in the Golden Horde in the mid-14th century, yarliks of the Golden Horde khans granted to the Russian Church, relations of the Golden Horde rulers and Italian colonies in the Northern Black Sea region).

The author examines to a great extent the themes of state and legal regulation of economic relations: status of merchants in the Golden Horde and post-Golden Horde states, role of economic sanctions in the resolution of political conflicts. In other essays contained in the book, the author also emphasizes the role of the economic component of the political and legal relations. For example, R.Yu. Pochevaev convincingly shows that relations of the Golden Horde with other states of the Mongol Empire was based on the principle of mutual provision of possessions to the rulers of other states. The consequence of this was the acquisition of revenues: the Golden Horde khans received such incomes, for example, from China and Central Asia. Various taxation existed in nomadic and sedentary regions of the Golden Horde itself: thereby khans found a kind of compromise that allowed for the effective management of subjects with a different way of economy.

Keywords: Golden Horde, yarliks, economic relations, law, state, economy of the Golden Horde.

For citation: Nefedov D.V. New Book on the Law System of the Golden Horde: Pochevaev R.Yu. Legal Culture of the Golden Horde (Historical and Legal Essays) (Moscow: Yurlitinform, 2015. 312 p.). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 911–914. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.911-914

About the author: Dmitriy V. Nefedov – Cand. Sci. (Jurisprudence), Docent, Professor, Head of the Department of Financial Law, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (17, Promyshlennaya Str., Saint Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: 007dnf@gmail.com

Received September 22, 2016

Accepted for publication November 24, 2016

УДК 811.512.145+930(47)

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.915-917

**НОВАЯ КНИГА: МИННЕГУЛОВ Х.Ю. КАЗАНСКО-ТАТАРСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА (КАЗАНЬ, 2016. 68 С.)**

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Хатип Юсупович Миннегулов в своей новой работе «Казанско-татарская тюркологическая школа» рассматривает историю и современное состояние Казанско-татарской тюркологической школы. В начале книги после краткого экскурса по страницам древних и средневековых сочинений о тюркских народах автор обращается к вопросам развития мировой и отечественной тюркологии, отмечая взаимосвязи между различными центрами и оговаривая условность их выделения. По наблюдениям автора, татары сыграли значительную роль в становлении российской ориенталистики, так как уже с XVIII в. активно сотрудничали с ведущими отечественными востоковедами.

Важнейшей же вехой в развитии Казанской школы тюркологии стало учреждение Казанского университета в 1804 г. Согласно Х.Ю. Миннегулову, «20–50-е годы XIX столетия – это время наивысшего развития, можно сказать, расцвета ориенталистики в КУ. Кроме подготовки кадров создавались учебники, словари, научные труды, собирались рукописи, манускрипты, устанавливались широкие международные связи» [с. 19]. Здесь выделяются имена К. Фукса, Х. Френа, И. Хальфина, А. Казембека, И.Н. Березена и других ученых, сделавших большой вклад в изучение истории и культуры тюрко-татарских народов. Другим важным центром была Казанская духовная академия, в которой работали такие ученые как Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.Е. Малов, С.Е. Малов, М.А. Машанов, Н.П. Остроумов и другие.

Однако особую роль в развитии казанской дореволюционной тюркологии автор отводит В.В. Радлову, который не был выпускником казанских вузов, но сделал очень много как универсальный ученый – филолог, историк и этнограф. Х.Ю. Миннегулов пишет, что «В.В. Радлов изучал древнетюркские, древнеуйгурские письменные памятники, ярлыки золотоордынских ханов, осуществил публикацию «Кутадгу билиг» (1891–1910) Юсуфа Баласагуни (XI в.). Одновременно с В. Томсеном (1842–1927) в 1893 году сумел найти ключ к чтению древнетюркских рунических надписей. Есть у него учебное пособие «Белек» (1872), адресованное для татарских учащихся» [с. 28].

Из татарских ученых автор выделил Ш. Марджани, К. Насыри, И. Гаспринского и Р. Фахретдина, представив краткую научно-образовательную биографию каждого из них. Х.Ю. Миннегулов подвел итог дооктябрьскому периоду развития Казанско-татарской тюркологической школы констатацией факта, что «в начале XX века создаются труды по филологии, истории [Г. Ибрагимов, Дж. Валиди (1887–1932), Г. Сагди (1889–1956), А. Максуди (1868–1941), Р. Нугайбек (1889–1943), Н. Катанов (1862–1922), Н. Ашмарин (1870–1933), М. Рамзи (1855–1938)...]» [с. 36].

Советский и современный этапы связываются в основном с развитием историко-филологического направления в стенах педагогических институтов и Казанского университета, татарские факультеты которых в 2011 г. были объединены в Институт филологии и искусств КФУ. Хотя упоминается и о Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, который с 1939 года «стал основным центром татароведческих и частично тюркологических исследований не только в Татарстане, но и во всем татарском мире» [с. 39], и об открытом на его базе в 1996 году Институте истории им. Ш. Марджани АН Татарстана. По заключению автора, «многие труды по языку, литературе, истории, этнографии, искусству татарского народа, вышедшие с середины XX века по настоящее время, связаны с деятельностью этих институтов, а также с Институтом Татарской энциклопедии» [с. 39].

Одним из важнейших достижений этого этапа Х.Ю. Миннегулов считает оформление и развитие истории татарской литературы как самостоятельной отрасли литературной науки. Другим важным результатом представляется проделанная за последнее столетие «большая работа по сбору, публикации и исследованию татарского фольклора» [с. 41]. Отмечаются и существенные достижения в изучении татарского языка. По словам автора, «созданы капитальные монографии, учебники по морфологии, синтаксису, фонетике, лексике татарского языка (Д. Тумашева, М. Закиев, Г. Саттаров, Ф. Сафиуллина, Ф. Хисамова...)» [с. 42]. Далее приведены фамилии некоторых современных ученых-тюркологов (филологов, историков, археологов, археографов и этнографов) и названы их основные труды.

Таким образом, в данной книге Х.Ю. Миннегулова дан краткий обзор истории и современного состояния Казанско-татарской тюркологической школы.

Ключевые слова: историография, тюркология, татароведение, казанская школа, история и культура татар.

Для цитирования: Аксанов А.В. Новая книга: Миннегулов Х.Ю. Казанско-татарская тюркологическая школа (Казань, 2016. 68 с.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 915–917. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.915-917

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация).

Поступила 27.09.2016 г.

Принята к публикации 5.11.2016 г.

**NEW BOOK: MINNEGULOV KH.YU. KAZAN-TATAR
TURKOLOGICAL SCHOOL (KAZAN, 2016. 68 P.)**

A.V. Aksanov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: aksanov571@gmail.com*

This book describes the history and current state of the Kazan-Tatar Turkological school. Its author analyzes the development of global and domestic Turkology, points out interrelations between various academic centers and specifies the convention of their separation. According to him, the Tatars played a significant role in the development of the Russian Oriental studies, since already from the 18th century, they collaborated with leading Russian Orientalists. The establishment of the University of Kazan in 1804 was a milestone in the development of Kazan School of Turkic Studies. The 1820–50s were a time of the highest development of Oriental studies in the University of Kazan. In addition to personnel training, the University created textbooks, dictionaries, scholarly works, collected manuscripts and established extensive international contacts. Soviet and modern periods were mainly related to the development of the historical and philological direction within the walls of educational institutions and the University of Kazan. In 2011, their Tatar faculties were united into the Institute of Philology and Arts of Kazan Federal University. Formation and development of the history of Tatar literature as an independent branch of literary science became one of the most important achievements of this stage. Great work on the collection, publication and study of Tatar folklore done in the last century was another important achievement.

Keywords: historiography, Turkology, Tatar studies, Kazan school, history and culture of Tatars.

For citation: Aksanov A.V. New Book: Minnegulov Kh.Yu. Kazan-Tatar Turkological School (Kazan, 2016. 68 p.). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 915–917. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.915-917

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

Received October 27, 2016

Accepted for publication November 5, 2016

НОВАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ:
Золотая Орда в мировой истории (КАЗАНЬ: ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ИМ. Ш.МАРДЖАНИ АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.)

Мари Фаверо-Думенжу^{1,2}

¹ *Оксфордский университет
OX1 2RL, Оксфорд, Великобритания*

² *Университет Сорбонна – Париж IV
75005, Париж, Франция
E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk*

В период господства Золотой Орды регионы и разнородное население Центральной Азии были впервые интегрированы в единую политическую целостность. Как и большинство империй, Золотая Орда охватывала разнородные культуры. Она стала пристанищем различных религиозных общин, которые не только сосуществовали, но и работали и торговали друг с другом, что привело к беспрецедентной интенсификации взаимных обменов, особенно в Поволжье – в ее центральном районе. Золотая Орда оказала большое влияние на торговую экспансию середины XIII – середины XIV веков, и ее экономическое и политическое правление в высшей степени способствовало глобализации Старого Света.

Историки показали, как после завершения чингизидских завоеваний феноменальный торговый бум преобразовал человеческий и культурный ландшафт Евразии. Так называемый «Пушной путь» соединялся с «Шелковым путем» в Нижнем Поволжье. Здесь открывались два основных пути: восточный вел через Среднюю Азию к Китаю и Индии, а западный проходил через Крымский полуостров по направлению к миру Средиземноморья и Среднему Востоку. Золотая Орда выступала сценой для этого драматического обмена. Джучидские ханы и беки играли ведущую роль в новом международном распорядке. Не случайно, что в этот период процветания города и поселки расцвели в Поволжье, Крыму, как и на протяжении степной магистрали между Сибирью и Венгрией. С обращением кочевнической элиты в ислам дворы ханов превратились в важнейший центр исламского мира. Странствующие ученые и ремесленники из Анатолии, Средней Азии, Египта и Сирии радушно принимались в Улусе Джучи.

Политический строй Золотой Орды оказал глубокое влияние на политическую, экономическую и культурную карту современной Евразии. Исследователи показали тот уникальный способ, которым ислам объединил и социально интегрировал народы, сформировав общественную жизнь и коллективную память и соединив шаманистские практики с местным суфизмом. Истории происхождения татар и других общин Центральной Азии простираются назад, к периоду, когда ханы Берке и Узбек обратились в ислам. Многие мусульманские народы, проживающие теперь в Российской Федерации, рассматривают это время как период становления их истории. И дей-

ствительно, исламизация является одним из важнейших элементов золото-ордынского наследия.

Золотая Орда является частью общего наследия человечества. Она создала условия для роста новой утонченной культуры XIII–XIV веков в результате взаимодействия кочевнического и оседлого миров. В то время как западные академические круги только недавно стали признавать значимость этого феномена, русскоязычное научное сообщество уже давно осознало уникальность наследия Золотой Орды. Она привлекла интерес не только историков, но и археологов, искусствоведов и нумизматов Российской Федерации, особенно в Татарстане. Благодаря их работам, поднятым ими вопросам и результатам их исследований, изучение Золотой Орды стало полноценным полем научной деятельности. Западные научные круги нуждаются в более подробном знакомстве с этими научными изысканиями. С одной стороны, исторический период Золотой Орды должен быть включен в содержание учебников по истории в США, Великобритании, Франции и в Европе в целом. Мировая история должна преподаваться сквозь неевропейскую призму для достижения более глубокого подхода к нашему общему прошлому, без чего мы окажемся неспособными понять исторические корни современного глобализованного мира. С другой стороны, не менее важно, чтобы современное изучение Золотой Орды приняло во внимание историографические дебаты и концепции, разработанные мировыми историками.

«Мир» является категорией глобальной истории, в последнее время отождествляемой историками с многозначительным понятием, выходящим за пределы более узкого понятия империи. И действительно, империи и королевства не существовали в изоляции, но зависели от более обширного мира. Задачей современной глобальной истории является определение этих миров и разъяснение их механизмов. Золотая Орда уцелела после распада Монгольской империи; она усилилась и оказала влияние на окружающий мир. Этот мир включал в себя государства-наследники Монгольской империи в Китае, Афганистане, Индии, Персии и Анатолии; как и Византию, Русь, Европу и Средний Восток. Интенсивность контактов от Средиземноморья к Каспию и далее, вплоть до Китая, иллюстрирует, насколько тесно был связан улус Джучи с более обширным миром. Поэтому история Золотой Орды не должна рассматриваться отдельно от этого глобального формообразующего феномена.

Националистские историографии склонны исказить историю в стремлении создать и распространить клише, служащие только собственным интересам. Первейшей задачей историков является дискредитировать такие неточные термины как «татарское иго», стремясь стимулировать изучение более важных вопросов: что делать с понятием общей истории, когда она выходит за границы современных наций? И каковы после этого роль и наследие Золотой Орды в мировой истории?

«Золотая Орда в мировой истории» [1] дает несколько ответов на эти важные вопросы. Она служит достижению двух целей: представить широкой академической аудитории результаты новаторских исследований, остающихся малоизвестными за пределами узкого круга специалистов, и интегрировать эти результаты в более широкую панораму мировой истории. Она комбинирует в себе различные подходы и проблемы не только для того, чтобы представить исчерпывающее отображение состояния настоящих исследований, но

и чтобы определить наиболее перспективные направления изысканий и сделать известными наиболее результативные достижения. Это новое и всестороннее обобщение является результатом сотрудничества между ведущими исследователями из важнейших научных учреждений: Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Института российской истории РАН и Оксфордского университета.

Я хочу выразить мою глубочайшую благодарность тем, кто смог воплотить этот смелый издательский проект во впечатляющую и основательную коллективную монографию: Рафаэлю Хакимову, Ильнуру Миргалееву, Роману Хаутала и Вадиму Трепавлову. Благодаря невообразимой энергии наших коллег из Института истории им. Ш. Марджани Академии Наук Республики Татарстан и его Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств, Казань показала себя (и продолжит это делать) превосходным местом для работы историков, археологов и нумизматов Золотой Орды, готовым к сопоставлению их точек зрения. Понимание мира Золотой Орды на перекрестке между Азией, Европой и Средним Востоком требует подобного диалога между исследователями с различными специализациями. Коллективные международные публикации неотъемлемы для расширения и развития комплексных областей исследований, и написание истории является коллективным начинанием, которое может извлечь неизмеримую пользу из сотрудничества между научными учреждениями, в особенности когда это сотрудничество выходит за границы одного государства. Эта международная монография предлагает читателям результаты исследований лучших специалистов по истории Золотой Орды и знакомит с новейшими концепциями глобальной истории.

Ключевые слова: коллективная монография, средневековая история, Монгольская империя, Золотая Орда, новый вклад в изучение истории татар.

Для цитирования: Фаверо-Думенжу М. Новая коллективная монография: Золотая Орда в мировой истории (Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 918–923. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.918-923

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография / Хакимов Р.С., Фаверо М., Трепавлов В.В., Миргалеев И.М., Хаутала Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.

Сведения об авторе: Мари Фаверо-Думенжу – Ph.D. (история), научный сотрудник, исторический факультет, Оксфордский университет (OX1 2RL, ул. Георгия, Оксфорд, Великобритания); университет Сорбонна – Париж IV (75005, ул. Виктор Кузин, 1, Париж, Франция). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Поступила 13.09.2016 г.

Принята к публикации 24.11.2016 г

**NEW COLLECTIVE MONOGRAPH:
THE GOLDEN HORDE IN WORLD HISTORY (KAZAN: SH.MARJANI INSTITUTE
OF HISTORY OF AS RT, 2016. 968 P. + 28 P. OF COL. INS.)**

Marie Favereau-Doumenjou ^{1,2}

¹ *Oxford University
Oxford OX1 2RL, United Kingdom*

² *La Sorbonne – Paris IV
Paris 75005, France*

E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

During the Golden Horde's dominion, the regions and populations of central Eurasia were integrated for the first time and became politically unified. Like most empires, the Golden Horde was intrinsically cross-cultural. It accommodated diverse religious communities which not only co-habited but also worked and traded together, leading to an unprecedented intensification of the exchanges, especially in the Volga valley, its core area. The Golden Horde had a major impact on the expansion of trade in the 1250s–1350s and its economic and political regime highly contributed to the globalization of the Old World.

Historians have revealed that after the Chinggisid conquests, a phenomenal trade boom transformed the human and cultural landscape in Eurasia. The so-called "Fur Road" interconnected with the "Silk Road" at the Lower Volga Basin. Here two major routes were passable: the eastern one through Central Asia towards north India and China, and the western one through the Crimean peninsula towards the Mediterranean world and the Middle East. The Golden Horde served as the stage for this dramatic change. Jöchid khans and begs played a leading role in the new inter-regional order. It was not due to hazard that during this flourishing time, cities and villages burgeoned in the Volga Valley, in the Crimea, as well as in the steppe land corridor from Siberia to Hungary. As nomadic elites converted to Islam, the khan's court became a major hub of the Islamic world. Wandering scholars and craftsmen from Anatolia, Central Asia, Egypt and Syria were welcomed in the ulus of Jöchi.

The Golden Horde's regime had deep consequences on the political, economic and cultural map of modern Eurasia. Scholars have shown the unique way in which Islam unified and socially integrated peoples, by shaping community life and collective memory and by combining shamanist practices and local Sufism. The origin stories of the Tatars, and other Central Eurasian communities, extend back to the period when the khans Berke and Uzbek converted to Islam. Many Muslim peoples now living in the Russian Federation see it as a formative period in their history. Indeed, Islamization is one of the Golden Horde's most important legacies.

The Golden Horde is part of the common heritage of mankind. It allowed a new sophisticated culture to grow in the thirteenth and fourteenth centuries, at the hinge of the nomadic and sedentary worlds. The western academic sphere has started only recently to recognize the significance of this phenomenon while, in Russian-speaking academia, scholars have long ago understood the uniqueness of its legacy. It has raised the interest not only of historians but also of archaeologists, art historians and numismatists from the Russian Federation, and especially from Tatarstan. Thanks to their works, to the important questions they raise, and to the results of their researches, the Golden Horde studies is now a field on its own rights. Western academia needs to get better acquainted with this rich scholarship. On the one hand, the historical period of the Golden Horde should integrate history course books in US, in UK, in France and in Europe in general. World history needs to be taught through a non-European lens to get a deeper perspective on our collective past without which we cannot decipher today's globalized world. On another hand, it is also crucial that

the current scholarship on the Golden Horde takes into account new historiographical debates and concepts developed by global historians.

A 'world' is a category of global history, recently identified by historians as a meaningful notion that goes beyond the narrower notion of empire. Indeed, empires and kingdoms did not exist in isolation, but were dependent of bigger worlds. The challenge of the new global history is to identify these worlds and to understand their mechanisms. The Golden Horde survived the fragmentation of the Mongol Empire; it grew and deeply influenced its surrounding world. This world included the successors states of the Mongol empire in China, Afghanistan, India, Persia and Anatolia as well as Byzantium, Russia, Europe and the Middle East. The density of the connections from the Mediterranean Sea to the Caspian Sea and as far as China illustrates how deeply the ulus of Jöchi was enmeshed with the wider world. Therefore, the history of the Golden Horde should not be disconnected from this world-shaping phenomenon.

Nationalist historiographies are inclined to distort history, to create and disseminate self-serving clichés. The first task of historians is to avoid inaccurate terminology such as "the Tatar Yoke", in order to encourage inquiries into more important questions: how to deal with the notion of a collective history when it crosses the borders of modern nations? What then are the role and the legacy of the Golden Horde in world history?

The *Golden Horde in World History* gives some answers to these important questions. It achieves a twofold aim: to bring to a larger academic audience a cutting-edge research that remains barely known outside the circle of specialists and to integrate this research into the broader perspective of world history. It combines diverse approaches and questions not only to offer an exhaustive picture of the state of the field, but also to herald the most profitable directions of research and the most fruitful advances made. This comprehensive new synthesis is the result of the collaboration of leading scholars coming from major academic institutions: Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences and Oxford University.

I wish to address my deepest thanks to those who turned a bold editorial project into this impressively compelling collective book: Rafael Khakimov, Ilnur Mirgaleev, Roman Hautala, Vadim Trepavlov. Thanks to the fantastic energy of our colleagues from the Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences and its M.A.Usmanov Centre for the Golden Horde studies, Kazan proved to be and remains a wonderful venue for historians, archaeologists and numismatists working on the Golden Horde and ready to confront their views. The understanding of the Golden Horde world, at the crossroad of Asia, Europe and the Middle East, requires such a dialogue between researchers who have different expertise. International collective publications are crucial to expanding and furthering complex fields of research, and writing history is a collective undertaking that can benefit immensely from institutional collaboration – all the more so when it crosses borders. This international book will be the first to offer the readership the research outcome of the best experts in the field of the Golden Horde studies and to make the avant-garde concepts of the new global history accessible.

Keywords: collective monograph, Medieval history, Mongol Empire, Golden Horde, new contribution to the study of the history of Tatars.

For citation: Favereau-Doumenjou M. New Collective Monograph: The Golden Horde in World History. Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2016. 968 p. + 28 p. of col. ins.). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 918–923. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.918-923

REFERENCES

1. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii*. Kollektivnaya monografiya. Khakimov R.S., Favero M., Trepavlov V.V., Mirgaleev I.M., Khautala R. (red.). [The Golden Horde in World History. Collective Monograph. Khakimov R.S., Favereau M., Trepavlov V.V., Mirgaleev I.M., Hautala R. (eds.)]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 968 p. + 28 p. of col. ins. (In Russian)

About the author: Marie Favereau-Doumenjou – Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (George Str., Oxford OX1 2RL, United Kingdom); La Sorbonne – Paris IV (1, Victor Cousin Str., Paris 75005, France). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Received September 13, 2016

Accepted for publication November 24, 2016

ХРОНИКА

УДК 930.253(438)

DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.924-927

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТАТАРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ПОЛЬСКИХ АРХИВАХ» (ВАРШАВА, 31 МАРТА – 1 АПРЕЛЯ 2016 Г.)

М.М. Гибатдинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: marmingi@mail.ru*

31 марта – 1 апреля 2016 г. в Варшаве состоялся Международный круглый стол на тему: «Татарские материалы в польских архивах», организованный Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ совместно с Академией наук Польши, Варшавским университетом и Институтом Кавказских, Татарских, Туркестанских исследований (ИСАТАТ).

Мероприятие было организовано в рамках реализации Государственной программы РТ «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)», на круглом столе присутствовали студенты и аспиранты Института истории Варшавского университета, ученые из Польши, Литвы, Германии, Татарстана, а также представители татарской общины Польши. С докладами выступили: Дариуш Колодзейчик, директор Института истории Варшавского университета – «О результатах последних исследований татарских материалов в польских архивах»; Мисте Хоттоп-Рике, директор Института Кавказских, Татарских, Туркестанских исследований (ИСАТАТ), Магдебург, Германия; Стефан Тилиг, директор Бранденбург-Прусского исторического музея, Вюстрау, Германия с докладом на тему «Новые записи старого наследия – документы региональных и частных архивов о татарах в Польско-германском контексте»; Анджей Глива, профессор Исторического факультета Варшавского университета, выступил с докладом «Maniere de Faire la Guerre des Tartares» как гибридная война в военном искусстве Крымских и Буджакских татар в период раннего нового времени»; Артур Конопатский, профессор Белостокского университета, выступил с докладом «Татарские документы в архивах и музеях Белостока»; Марат Гибатдинов, руководитель Центра истории и теории национального образования ИИ АН РТ ознакомил присутствующих с результатами реализации проекта «Татарские материалы в зарубежных архивах» и издательским проектом «Язма Мирас–Письменное Наследие». Присутствовавшие на круглом столе ученые поделились результатами своих исследований татарских материалов и различных аспектов истории татар и обсудили перспективы международного научного сотрудничества в данном направлении между учеными Польши, Германии и Татарстана.

Специально к данному семинару была приурочена выставка уникальных документов по истории татар, хранящихся в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD). Благодаря стараниям профессора Колодзейчика и директора AGAD доктора Хьюберта Вайса участники смогли ознакомиться с документами по истории дипломатических отношений Казанского ханства и Королевства Польского: копия письма Сафа-Гирея, хана Казани, к королю Сигизмунду I Польскому, AGAD, AR, дг. 2, sygn. 3294; список имен послов Сафа-Гирея, хана Казанского, прибывших в Петркув (3 марта 1544 г.), AGAD, ASK, działa 2 (Rachunki poselstw), sygn. 1, к. 104–105; счета посольств правительства Сююмбике (от имени Утемиш Гирея, хана Казани) и посольства Сахиб Гирея, крымского хана, по размещению в Кракове в период с 14 марта по 20 мая 1551 (12 декабря 1551), AGAD, ASK, działa 2 (Rachunki poselstw), sygn. 4, к. 94–118); оригинал известного ярлыка Токтамыша, хана Золотой Орды, написанный 20 мая 1393 г. уйгурским письмом на хорезмийском тюрки, с квадратным тамгами – AGAD, №. 5612. На выставке было представлено большое количество документов по истории крымского ханства (Шертнаме посла хана Менгли-Гирея к королю Сигизмунду (29 ноября 1514) на итальянском языке, AGAD, AKW, Dz. тат., к. 65,1.1, №. 575; Шертнаме посла хана Мехмед-Гирея к королю Сигизмунду (21 октября 1521), AGAD, AKW, Dz. тат., к. 65, т. 2, №. 577; Ахиднаме хана Гази II Гирея к королю Сигизмунду III (14 февраля – 14 марта 1592), AGAD, AKW, Dz. тат., к. 65,1.126, №. 702; Ахиднаме хана Мехмед IV Гирея королю Яну Казимиру (11 ноября – 10 декабря 1654), AGAD, AKW, Dz. тат., к. 65, т. 152, №. 733, Крымский текст Подгайцкого мирного договора (16 октября 1667) с четырьмя миндалевидными и шестью овальными печатями султанов и беев Крымского ханства, AGAD, AKW, Dz. тат., к. 60,1.125, №. 131; Гарантии, выданные ханом Селимом Гиреем, в дополнение к Ахднаме Османского султана (23 октября 1672), AGAD, AKW, Dz. тат., к. 60 т. 60, №. 64) и другие, уже опубликованные и вновь обнаруженные документы.

Как отметили исследователи, только в фондах Главного архива древних актов в Варшаве хранится более 700 различных документов, связанных с историей и культурой татар, которые еще ждут своего изучения. Были достигнуты договоренности о сотрудничестве Института истории АН РТ, Варшавского Университета и AGAD в оцифровке и изучении данных документов.

Участники семинара также посетили татарское кладбище и мечеть, встретились с представителями татарской общины.

Ключевые слова: международный круглый стол, польские архивы, татарские материалы, история татар, международное научное сотрудничество.

Для цитирования: Гибатдинов М.М. Международный круглый стол «Татарские материалы в польских архивах» (Варшава, 31 марта – 1 апреля 2016 г.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 924–927. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.924-927

Сведения об авторе: Марат Мингалиевич Гибатдинов – кандидат педагогических наук, руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, 5 подъезд Казань, Российская Федерация). E-mail: marmingi@mail.ru

Поступила 05.10.2016 г.

Принята к публикации 30.11.2016 г.

**INTERNATIONAL ROUND TABLE
“TATAR MATERIALS IN POLISH ARCHIVES”
(WARSAW, 31ST MARCH – 1ST APRIL, 2016)**

M.M. Gibatdinov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: marmingi@mail.ru*

This article presents a short report on the International round table “Tatar materials in Polish archives” organized in Warsaw on March 31 – April 1, 2016. Round table was a result of international scientific cooperation between Marjani Institute of History, Polish Academy of Sciences, University of Warsaw, Institute for Caucasian-, Tatar- and Turkestan Studies (ICATAT). It was a part of the long-term research project “Tatar Materials in Foreign Archives” carried out by the Marjani Institute of History in the framework of State Program of the Republic of Tatarstan “Preserving of Tatar Ethnical Identity (for years 2014–2016).”

The following papers were presented on the round table: “On results of recent researches of Tatar materials in Polish archives” by Prof., Dr. Dariusz Kołodziejczyk, Director of the Institute of History, University of Warsaw; “The New Records of Old Heritage – Documents about Tatars from Regional and Private Archives in Polish-German Context”, by Dr. Mięte Hottop-Riecke, Director of ICATAT and Dr. Stephan Theilig, Director of Brandenburg-Preußen Museum Wustrau; “Manière de Faire la Guerre des Tartares’ as Hybrid War in the Military Art of Crimean and Dobruja Tatars in the Early modern Time”, by Dr. Andrzej Gliwa, University of Warsaw, Department of History, Faculty Member; “Tatar Documents in Archives and Museums in Białystok” by Dr. Artur Konopacki, Assistant Professor in Faculty of Pedagogy and Psychology, University of Białystok; “The first results of international research project “Yazma Miras – Written Heritage” by Marat Gibatdinov.

Participants of round table discussed a possible prospect for future cooperation in the field of researching and digitalizing of Tatar materials from Polish archives. During the conference the meetings with the representatives of Tatar community in Poland and Lithuania were organized, as well as the study visits to the Tatar Mosque and Tatar cemetery in Warsaw.

With the help of Dr. Kołodziejczyk and Dr. Hubert Wajs, Head of Central Archives of Historical Records (Archiwum Głównie Akt Dawnych – AGAD) special exhibition of Tatar materials was organized in AGAD exclusively for the round table participants. It contained a number of unique documents about history of Kazan and Crimean Khanates, history of Tatar-Polish diplomatic relationships. According to the calculation of Polish colleagues,

only AGAD have around 700 different documents about Tatar history, still waiting for researching and publishing.

Keywords: international round table, Polish archives, Tatar archive materials, history of Tatars, international scientific cooperation.

For citation: Gibatdinov M.M. International Round Table “Tatar Materials in Polish Archives” (Warsaw, 31st March – 1st April, 2016). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 924–927. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.924-927

About the author: Marat M. Gibatdinov – Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Centre for History and Theory of Education, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: marmingi@mail.ru

Received October 5, 2016

Accepted for publication November 30, 2016

Издание подготовлено и осуществлено в рамках
Распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан
№ 2561-р от 12.11.2015 г.

This publication has been prepared and carried out according to the decree
№ 2561 on November 12, 2015
of the Cabinet of Ministers of Republic of Tatarstan

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of
Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder of
exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this
publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without
permission of the rights holder is prohibited.

Правила для авторов смотрите на сайте журнала: <http://goldhorde.ru>

Instructions to authors look at the website of the journal: <http://goldhorde.ru>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2016. Т. 4, № 4

GOLDEN HORDE REVIEW. 2016. Vol. 4, no. 4

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5

Подписано в печать 09.12.2016 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 14,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

Издания ЦИЗОТХ ИИ АН РТ на сайте:
<http://www.tataroved.ru/institut/cizc/1/>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>